«Комбинация политики,
киберпанка и эпической космооперы».
The Verge
ПРЕМИЯ
ХЬЮГО
ПАМЯТЬ,
ЧТО ЗОВЕТСЯ
ИМПЕРИЕЙ
Аркади Мартин
fanzon

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Жители космических станций много поколений держат дистанцию с захватнической империей Тейкскалаан. Внезапный запрос выслать в столицу нового посла поднимает много вопросов. Махит Дзмаре прибывает на планету-город, где все буквально пронизано поэзией, что драпирует интриги и соперничество. Имаго – вживленная в мозг Махит память прежнего посла – должен помочь ей распутать клубок связей, договоренностей и афер предшественника, но сбой имаго-аппарата ставит все под угрозу. Теперь Махит придется во всем разбираться самостоятельно.

- Аркади Мартин
  -
  -
  - Прелюдия
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Интерлюдия
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Интерлюдия
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Интерлюдия
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21
  - Последствия
  - Глоссарий персоналий, мест и предметов

- О произношении и письменности тейкскалаанского языка
- О языке станции Лсел и других станций в секторе Бардзраванд
- Благодарности

Аркади Мартин
Память, что зовется империей

Arkady Martine
A Memory Called Empire
Copyright © 2019 by AnnaLinden Weller
© С. Карпов, перевод на русский язык, 2021
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Эта книга посвящается всем тем, кто когда-нибудь влюблялся в культуру, пожирающую своих детей.

(А также Григору Пахлавуни и Петросу Гетадарцу – через века)

Наша память – мир более совершенный, чем вселенная: она возвращает жизнь тем, кого уже нет на свете.

Ги де Мопассан
«Самоубийцы»

Я б не избрал даже жизни с Калипсо взамен дыма Константинополя. Я целиком одержим мыслью о множестве источников радости, окружающих со всех сторон: размах и красота наших храмов, длина здешних колоннад и протяженность дорог; дома и все прочее, обогащающее наш образ Константинополя; сборища друзей и беседы, а самое главное – мой златолив, они же твои уста и его цветы…

Никифор Уран, дука Антиохии, письмо 38

Прелюдия

Чему в Тейкскалаане нет конца – так это звездным картам и отбытиям.

Вот весь тейкскалаанский космос, раскинулся голограммой над стратегическим столом крейсера «Кровавая Жатва Возвышения», готового к развороту и возвращению домой, будучи в пяти вратах и двух неделях субсветового пути от столичного города-планеты Тейкскалаан. Голограмма – это покой в понимании картографов: «Все эти мерцающие огни есть планетные системы, и все они – наши». Сцена эта – какой-нибудь капитан разглядывает голографическое воссоздание империи где-то за размеченными пределами мира, – какую ни возьми границу, какую ни возьми спицу великого колеса, представляющего тейкскалаанское миропонимание – и отыщешь ее везде: сотню таких капитанов, сотню таких голограмм. И все до единого ведут войска в новую систему, несут все ядовитые дары, какие только могут: торговые соглашения и поэзию, налоги и обещание защиты, энергетическое оружие в черных кофрах и масштабную архитектуру нового губернаторского дворца, возведенного вокруг своего открытого небу лучезарного сердца – храма солнца. Все капитаны до единого повторят это вновь, превратят очередную систему в бриллиантовую точку на голографической звездной карте.

Вот великий размах лапы цивилизации, вытянувшейся на фоне межзвездной тьмы, вот утешение любому капитану, когда он заглядывает в бездну и надеется, что на него ничто не посмотрит в ответ. Вот звездные карты делят вселенную на «империю» и «прочее», на «мир» и «не мир».

«Кровавую Жатву Возвышения» и его капитана ждет последняя остановка перед тем, как начать обратный путь в центр их вселенной. Есть в секторе Парцравантлак станция Лсел: одна хрупкая вращающаяся жемчужина, тороид тридцати километров в диаметре, что крутится вокруг своей оси, зависнув в точке равновесия между удобно расположенным солнцем и ближайшей полезной планетой. Это крупнейшая из сети горнодобывающих станций, составляющих этот небольшой регион космоса – регион, уже ощутивший на себе касание длинной руки Тейкскалаана, но еще не ее вес.

Из спицы станции сплевывается шаттл, в несколько часов проходит путь до поджидающего золотисто-серого металлического корпуса военного корабля, передает свой груз – одна женщина-человек, багаж, указания – и возвращается

невредимым. Ко времени его стыковки «Кровавая Жатва Возвышения» уже приступил к помпезному движению по вектору к центру Тейкскалаана, все еще подчиняясь субсветовой физике. Со Лсела он будет видим еще полтора дня, медленно съеживаясь, пока не станет точкой света, а потом и вовсе погаснет.

Дарц Тарац, лселский советник по шахтерам, наблюдает за удаляющимся кораблем – за его огромной дремлющей угрозой, тяжело нависшей и поглощающей половину горизонта, открытого из иллюминатора в зале Лселского совета. Для Тараца это вездесущее затмение знакомых звезд лишь очередное доказательство тейкскалаанского голода по космосу станционников. Скоро может наступить день, когда такой корабль не уйдет, а обратит ослепительный огонь энергетического вооружения на хрупкую металлическую скорлупку, где находятся тридцать тысяч жизней, в том числе жизнь Тараца, и брызнут они в убийственный холод, словно семена из раздавленного плода. Пути необузданной империи, верит Тарац, неизбежны.

Над стратегическим столом, за которым заседает на собраниях Лселский совет, не светится голограмма: здесь лишь голая металлическая поверхность, затертая множеством локтей. Тарац снова задумывается над простой загадкой, почему удаляющийся корабль по-прежнему излучает столь ощутимую угрозу, – и отворачивается от иллюминатора, возвращается на свое место.

Быть может, пути необузданной империи и неизбежны, но Дарц Тарац хранит тихий, решительный и лукавый оптимизм: *необузданность* не вечна, и ему об этом известно уже довольно давно.

– Что ж, с *этим* разобрались, – говорит Акнель Амнардбат, советница по культурному наследию. – Улетела. Улетела наш новый посол в империи, *затребованный* этой империей, которую, искренне надеюсь, посол от нас отвадит.

Дарцу Тарацу лучше знать: это он отправлял *прошлого* посла от Лсела в Тейкскалаан двадцать лет назад, когда еще был моложе и увлекался рискованными прожектами. Отправить нового посла – это еще не конец, даже если она уже вылетела на шаттле. Он упирается в этот стол локтями, как все последние двадцать лет, и опускает узкий подбородок на еще более узкие ладони.

– Было бы лучше, – говорит он, – если бы мы могли отправить ее с имаго, не устаревшим за пятнадцать лет. Ради ее же блага и нашего.

Советница Амнардбат – чей собственный имаго-аппарат, этот тонко настроенный неврологический имплантат, хранит

записанные воспоминания шести предыдущих советников по культурному наследию, передававшиеся от одного к другому, – не может и представить того, чтобы говорить с Дарцем Тарацем без предыдущих пятнадцати лет опыта. Будь она сама новым членом Совета с отставанием в пятнадцать лет, то была бы *калекой*. Но сейчас Акнель пожимает плечами, не особенно переживая о том, что этих ресурсов лишена новая посланница в империю.

– Это ваш недосмотр, – говорит она. – Это вы отправляли посла Агавна, а Агавн за все двадцать лет службы не удосужился вернуться к нам больше одного-единственного раза, чтобы передать обновленную запись имаго. И вот мы высылаем ему на замену посла Дзмаре с тем, что он оставил пятнадцать лет назад, только потому, что Тейкскалаан потребовал…

– Агавн свое дело сделал, – говорит советник Тарац, и советники по гидропонике и по пилотам за столом согласно кивают: посол Агавн сделал свое дело – не дал станции Лсел и всем остальным мелким станциям в их секторе стать легкой добычей для экспансионистских настроений тейкскалааннцев, взамен на что советники согласились смотреть сквозь пальцы на его проступки. Теперь же, когда Тейсккалаан внезапно потребовал нового посла без объяснений, что стало с прежним, большая часть Совета не торопится с признанием изъянов Агавна, пока не станет известно, мертв ли он, скомпрометирован или попросту пал жертвой какого-то внутреннего передела власти в империи. Дарц Тарац всегда его поддерживал – Агавн считался *его* протеже. А Тарац, советник по шахтерам, все же первый среди шести равных в Лселском совете.

– И Дзмаре сделает свое, – говорит советница Амнардбат. Махит Дзмаре была ее выбором из всех возможных новых кандидатов: идеальный вариант, думала она, для устаревшего имаго. Те же способности. Тот же настрой. Та же ксенофилическая любовь к культурному наследию, что находится вне ведения Амнардбат: известный интерес к тейкскалаанским языку и литературе. Идеальный кандидат для того, чтобы выслать с единственной существующей копией посла Агавна. Идеальный кандидат, чтобы унести эту скверную и осквернённую имаго-линию подальше от Лсела – возможно, навсегда. Если Амнардбат не ошиблась в расчетах.

– Уверена, Дзмаре справится, – говорит советница по пилотам Декакель Ончу, – а теперь можно приступить к *насущному* вопросу перед Советом, а именно – что нам делать с положением у Врат Анхамемата?

Декакель Ончу чрезвычайно заботят Врата Анхамемата – дальние из двух прыжковых врат станции Лсел, которые ведут в

регион космоса, куда еще не дотянулись руки тейкскалаанцев. За последнее время она потеряла не один разведывательный корабль – один еще можно было бы списать на несчастный случай, – а два, и оба в одном и том же месте. Потеряла из-за того, с чем не могла вступить в переговоры. Исковерканные и трещащие от радиоактивных помех сообщения, отправленные перед тем, как разведчики замолчали, казались тарабарщиной; что хуже, потеряла она не только пилотов кораблей, но и долгие имаго-линии памяти, к которым эти пилоты принадлежали. Обобщенные разумы людей и их имаго-линий не спасешь и не поместишь в разум новым пилотам, если не найти тела с имаго-аппаратами – а это невозможно, ведь они уничтожены.

Остальной Совет это мало заботит – пока что, но еще озаботит в конце собрания, когда Ончу включит те обрывки записей; озаботит всех, кроме Дарца Тараца. Дарц Тарац ощущает прилив ужасной надежды.

Он думает: «Наконец-то есть империя еще больше той, что пожирала нас по кусочкам. Быть может, время пришло. Быть может, моим ожиданиям конец».

Но эти мысли он держит при себе.

Глава 1

И вышел из-за крупного газового гиганта по координатам B5682.76R1 корабль, и встала на носу его императрица Двенадцать Солнечная Вспышка, и осияла пламенем своим бездну из края в край. Лучи света ее, раскинувшиеся подобно копьям-спицам ее трона, коснулись металлических корпусов, где обитали люди сектора B5682, и озарили их. Десять небесных тел зафиксировали сенсоры корабля Двенадцать Солнечной Вспышки, один наподобие другого, и впредь это число не росло. Мужи и жены в тех корпусах не знали ни времен года, ни подъема, ни упадка, но жили бесконечно на орбите, дома планетного не имея. Крупнейший из тех корпусов именовался станцией Лсел – что на наречии ее народа означает «станция, которая слышит и которую слышат». Но местные с годами замкнулись в себе и с неохотой шли на контакт, хотя были способны к языку и тотчас к обучению приступили…

«История экспансии», книга V, строки 72–87, аноним, приписывается историку-поэту Псевдо-Тринадцать Река, работавшему во времена правления императора всего Тейкскалаана Три Перигея

* * *

Для путешествия в империю Тейкскалаан требует следующие удостоверения личности: а) генетическая запись, подтверждающая исключительное право собственности на свой генотип и отсутствие клонродов, ИЛИ нотариально заверенный документ о том, что ваш генотип уникален как минимум на 90 процентов и ни одно другое лицо не имеет на него ЗАКОННОГО права; б) перечень товаров, имущества, валюты и объектов интеллектуальной собственности для ввоза; в) разрешение на работу от зарегистрированного в Тейкскалаанской системе работодателя, подписанное и нотариально заверенное, с указанием зарплаты и обеспечения, ИЛИ справка об отличных результатах на экзаменах Тейкскалаанской империи, ИЛИ приглашение

от физического лица, государственной организации, бюро, министерства либо другого уполномоченного лица вместе с уточнением дат пребывания в космосе империи, ИЛИ справка, подтверждающая наличие средств для самообеспечения…

Анкета 721Q, заявление на получение визы в иностранных секторах

Махит опускалась к Городу – столичной планете в сердце Тейкскалаанской империи – на семени-челноке: скорее пузыре, чем судне, где едва ли вмещались ее тело и багаж. Она вылетела с борта имперского крейсера «Кровавая Жатва Возвышения» и прожигала атмосферу на траектории к поверхности планеты, из-за чего вид искажался. Таким она впервые увидела Город своими собственными глазами – не на инфокарте, голограмме или имаго-воспоминании: в нимбе белого пламени, светящимся, словно бесконечное мерцающее море: целая планета, обращенная в величественный и урбанистический экуменополис. Здесь даже темные пятна – еще не одетые в металл старые метрополии, пришедшие в упадок районы, укрощенные остатки озер, – казались *населенными*. Лишь океаны остались нетронутыми – но тоже переливались, словно сине-бирюзовый бриллиант.

Город был очень красивым и большим. Махит нередко бывала на планетах – ближайших к станции Лсел, не совсем враждебных для человеческой жизни, – и тем не менее увиденное повергло ее в благоговение. Быстрее забилось сердце; от пота прилипли ладони к ремням безопасности. Город выглядел именно так, как его всегда описывали в тейкскалаанских документах и песнях: жемчужина в сердце империи. С сияющей атмосферой в придачу.

<Такое впечатление и задумывалось>, – сказал ее имаго. Он был слабым привкусом помех на кончике языка, проблеском серых глаз и темной от загара кожи на периферии зрения. Голос на задворках разума, но не совсем ее: где-то ее лет, но мужской, и задорно-самодовольный, и *рад* оказаться здесь не меньше ее. Она почувствовала, как ее губы изгибаются в его улыбке – тяжелее и шире, чем комфортно мышцам ее лица. Они еще не привыкли друг к другу. Его выражения еще были слишком сильными.

«Проваливай из моей нервной системы, Искандр», – послала она ему мысль с шутливым укором. Имаго – то есть имплантированной, интегрированной памяти предшественника, наполовину обитающей в ее неврологии, а наполовину – в маленьком керамико-металлическом аппарате, прицепившемся к спинному мозгу, – не полагалось захватывать нервную систему без согласия носителя. Впрочем, в самом начале отношений

согласие – штука сложная. Версия Искандра в ее разуме все еще помнила, что имеет тело, так что иногда он пользовался телом Махит как своим собственным. Ее это беспокоило. Между ними все еще оставалось *расстояние* – а пора бы уже стать единым человеком.

Впрочем, в этот раз он удалился легко: искрящая щекотка, электрический смех.

<Как пожелаешь. Можешь показать, Махит? Хочется еще разок полюбоваться>.

Опять взглянув на Город – уже ближе, и космопорт поднимался навстречу челноку, словно цветок из страховочных сеток, – она пустила имаго посмотреть ее глазами и ощутила прилив его восторга, как свой собственный.

«Что ты там видишь?» – подумала она.

<Мир>, – ответил имаго, который при жизни был лселским послом в Городе, а не звеном длинной цепочки живой памяти. Он ответил на тейкскалаанском, омонимом: одно и то же слово обозначало и «мир», и «Город», а также «империя». Уточнить невозможно, особенно на высшем имперском диалекте. Приходилось следить за контекстом.

У Искандра контекст был двусмысленным – к чему Махит уже привыкла. И терпела. Несмотря на все ее годы изучения тейкскалаанских языка и литературы, его владение находилось на качественно ином уровне – который достигается только после практики в языковой среде.

<Мир, – повторил он, – но и края мира>. «Империя – но и места, где империя заканчивается».

Махит тоже ответила на тейкскалаанском – вслух, потому что больше в челноке не было никого, кроме нее.

– Ты сказал бессмыслицу.

<Да, – согласился Искандр. – В мою бытность послом я привык говорить бессмыслицу. Сама попробуй. Это довольно забавно>.

В ее теле, один на один, Искандр пользовался самыми фамильярными формами обращения, будто они с Махит клонроды или любовники. Самой Махит не доводилось произносить их вслух. На станции Лсел у нее остался биологический младший брат – ничего более похожего на клонрода у нее никогда не будет, – но он понимал только язык станционников, так что говорить ему «ты» на тейкскалаанском было и бесполезно, и невежливо. На «ты» она могла бы обращаться к тем немногим, кто учился вместе с ней на языковых и литературных курсах – например, ее старая подруга и одноклассница Шарджа Торел поняла бы комплимент правильно,

но Махит и Шарджа не разговаривали с тех пор, как Махит отобрали для того, чтобы стать новым послом в Тейкскалаане и принять имаго предыдущего. Причина их мелкой ссоры была очевидной и пустячной, и Махит об этом жалела – но исправить уже ничего не получится, разве что извиниться в письме из центра империи, который мечтали повидать и она, и Шарджа. То есть это вряд ли поможет.

Город приближался, заполнял горизонт – обширный изгиб, в который она падала. Обратилась к Искандру: «Я теперь посол. Могу говорить и со смыслом. Если захочу».

<Ты говоришь верно>, – ответил Искандр комплиментом, который тейкскалаанец может сказать малышу ясельного возраста.

Гравитация поймала семя-челнок и проникла в кости бедер и предплечий Махит, передавая ощущения вращения. Закружилась голова. Внизу распахнулись сети космопорта. Какой-то миг казалось, что она падает – что она упадет на поверхность планеты и останется только мокрое место.

<У меня было так же, – поспешил сказать Искандр на станционном языке – родном наречии Махит. – Не бойся. Ты не падаешь. Это все планета>.

Космопорт подхватил ее практически без толчка.

Теперь было время собраться с силами. Челнок ставили в длинную очередь таких же кораблей, везли по длинному конвейеру, пока каждый не опознавался и не прибывал к назначенному гейту. Махит поймала себя на том, что репетирует приветствие имперцев на другой стороне, будто студент-первогодка перед устным экзаменом. Имаго оставался бдительным, гудящим ощущением на задворках разума. Время от времени он пользовался ее левой рукой – пальцы барабанили по ремням в чьем-то чужом нервном жесте. Махит жалела, что они не успели свыкнуться друг с другом.

Но она не проходила обычную процедуру имплантации имаго и интегративной психотерапии в течение года, а то и больше, под внимательным наблюдением психолога с Лсела: ей с Искандром досталось каких-то жалких три месяца, а теперь они приближались к месту назначения, где придется *работать* вместе – работать как один человек, собранный из цепи воспоминаний и нового хозяина.

Когда прибыл корабль «Кровавая Жатва Возвышения», завис на параллельной орбите у солнца станции Лсел и потребовал нового посла в Тейкскалаан, никто не объяснял, что случилось с предыдущим. Махит не сомневалась, что в Лселском совете было немало политических прений по поводу того, что – и кого –

отправить, с какими требованиями об ответах. Но одно Махит знала точно: она – из немногих станционников, которые уже доросли для работы, но еще не вступили в линию имаго, и из еще более редких станционников с подходящими дипломатическими способностями или подготовкой. Из них Махит была лучшей. Ее результаты в имперских экзаменах по тейкскалаанским языку и литературе граничили с результатами гражданина империи, чем она гордилась: еще полгода со времен экзаменов воображала, как однажды – когда-нибудь в среднем возрасте, уже остепенившись, – прилетит в Город и начнет коллекционировать впечатления, посетит салоны, открытые в этом сезоне для неграждан, будет собирать сведения для тех, с кем поделится своей памятью после смерти.

И вот, пожалуйста, она в Городе: что важнее любых тейкскалаанских экзаменов, ее результаты по имаго-способностям были сплошь «зелеными, зелеными, зелеными». Ее имаго стал Искандр Агавн, предыдущий посол в Тейкскалаане. Ныне чем-то не устроивший империю – умер, или опозорен, или – если еще живой – в заложниках. В указания Махит входила задача узнать, что же с ним не так, – но зато ей достался его имаго. И он – или по крайней мере его имевшаяся в наличии последняя версия, устаревшая на пятнадцать лет, – это лучший знаток тейкскалаанского двора, кого только мог найти для нее Лсел. Уже в который раз Махит задумалась, не будет ли ее ждать сам Искандр во плоти, когда она сойдет с челнока. Даже не знала, что проще: встретить его – опозоренного посла? Своего соперника? Но зато можно будет вернуть его новый имаго? – или же не встретить, а следовательно, он умер, так и не передав молодому преемнику все, что узнал за жизнь.

Имаго-Искандр в голове оказался ненамного старше ее самой, что одновременно и облегчало поиски общего языка, и смущало их – по большей части имаго были стариками или рано умершими станционниками, – но с Искандра последнюю запись знаний и памяти сняли, когда он возвращался на Лсел в отпуск, всего спустя пять лет после своей отправки в Город. С тех пор миновало еще полтора десятилетия.

Итак, он молод, как и она, а все возможные преимущества от интеграции подкосило слишком короткое время вместе. Две недели от прибытия курьера до момента, когда Махит сообщили, что следующим послом станет она. Еще три недели они с Искандром учились под присмотром станционных психотерапевтов жить вместе в теле, ранее принадлежавшем ей одной. Долгий растянувшийся срок на «Кровавой Жатве Возвышения», преодолевавшем субсветовые расстояния между

прыжковыми вратами, рассыпанными по всему космосу, словно драгоценные камни.

Семя-челнок растрескалось, как созревший плод. Втянулись в ложе ремни. Взяв в обе руки багаж, Махит ступила в гейт – и в сам Тейкскалаан.

Космопорт встречал просторной утилитарностью в виде износостойкого ковра и четких указателей на стенах из стекла и стали. Посреди рукава – ровно на полпути между челноком и самим космопортом – стояла имперская чиновница Тейкскалаана в кремовом костюме идеального покроя. Она была маленькой: узкие плечи и бедра, куда ниже Махит, волосы – в черной косе «рыбий хвост», лежащей на левом лацкане. Рукава – широкие, как трубы, пламенно-рыжего цвета у плеч, – <расцветка министерства информации>, подсказал Искандр, – и темнеющие до темно-красных обшлагов – привилегия титулованных придворных. На левом глазу она носила «облачную привязку» – стеклянный окуляр с нескончаемым и непроглядным потоком данных, идущих из имперской информационной сети. Устройство казалось лощеным и стильным – как и вся она. Большие темные глаза и тонкие скулы и губы были слишком изящными для тейкскалаанской моды, но по станционным меркам чиновница считалась *интересной*, если не откровенно прелестной. Она вежливо свела перед грудью пальцы и склонила голову.

я с Искандр вскинули руки Махит в том же жесте – и она уронила обе сумки с постыдным грохотом. Она пришла в ужас. Таких промашек они не допускали с самой первой недели совместной жизни.

«Твою мать», – подумала она и в тот же момент услышала, как <твою мать> говорит Искандр. Такое эхо не слишком-то успокоило.

Аккуратно нейтральное выражение лица чиновницы не изменилось. Она произнесла:

– Госпожа посол, я Три Саргасс, асекрета и патрицианка второго класса. Для меня честь принимать вас в Жемчужине Мира. По указу его императорского величества Шесть Пути я буду вашей культурной посредницей, – возникла долгая пауза, затем чиновница тихо вздохнула и продолжила: – Вам нужна помощь с вещами?

«Три Саргасс» было старомодным тейкскалаанским именем: инициаль-числительное – низкого достоинства, а финаль-существительное – название растения, хоть раньше Махит и не встречала такого слова в имени. Все финали тейкскалаанских имен – это какие-либо растения, инструменты или неодушевленные предметы, но большинство растительных – все-

таки *цветы*. «Саргасс» – что-то запоминающееся. «Асекрета» означает, что она не просто из министерства информации, как предположил ее помощник, но и подготовленный агент высокого звания, причем с придворным титулом патриция второго класса: аристократка, но не особенно значительная или состоятельная.

Махит оставила руки так, как их сложил Искандр – и как полагалось по этикету, хоть она и злилась из-за способа, каким они туда попали, – и поклонилась.

– Посол Махит Дзмаре со станции Лсел. К вашим услугам и к услугам его величества, да будет его власть сияющим пламенем в бездне, – раз это ее первый официальный контакт с тейкскалаанским двором, она употребила почетное обращение, которое аккуратно подобрала после совещания с Искандром и Лселским советом: «сияющее пламя» – прозвище императрицы Двенадцать Солнечная Вспышка в «Истории экспансии, приписываемой Псевдо-Тринадцать Реке», где впервые упоминалось имперское присутствие в космосе станционников. Таким образом, сейчас Махит показывала как свою эрудицию, так и уважение к Шесть Пути и его титулу; а вот слово «бездна» аккуратно обходило тейкскалаанские претензии на те части космоса станционников, которые *не являлись* космосом.

Знала ли подтекст этой отсылки Три Саргасс, понять было трудно. Она терпеливо дождалась, пока Махит снова подхватит багаж, и тогда сказала:

– Держите покрепче. Вас срочно ожидают в Юстиции по вопросу касательно предыдущего посла, и по дороге вы еще встретите людей самого разного положения.

Ну хорошо. Махит не будет недооценивать способность Три Саргасс к ехидству – как и ее способности в остроумии. Она кивнула, и, когда чиновница развернулась на месте и двинулась по рукаву, последовала за ней.

<Здесь никого не стоит недооценивать, – заметил Искандр. – Культурная посредница провела при дворе половину твоей жизни. Она свою должность заслужила>.

«Нечего теперь поучать – сам выставил меня растерявшейся варваркой».

<Мне что, извиниться?>

«А ты раскаиваешься?»

Махит слишком легко представила его выражение лица: лукавое, спокойное, как у тейкскалаанца; полные губы, помнившиеся по его голограммам, раздвинули и перекосили ее собственные.

<Не хочу, чтобы ты чувствовала себя варваркой из-за меня. Этого ты еще вдоволь наслушаешься от них>.

Вовсе не раскаивается. Была хотя бы ничтожная вероятность, что он сконфужен, но если и так, то это он чувствовал в обход ее эндокринной системы.

* * *

В следующие полчаса ею руководил Искандр. Махит даже не могла обидеться. Он вел себя в точности так, как и полагается вести себя имаго – кладезю инстинктивных и автоматических навыков, которые еще не успела накопить сама Махит. Он знал, когда пригибаться в дверях, сделанных по росту тейкскалаанцев, а не станционников; когда прятать глаза от растущего блеска Города, отражавшегося в стекле лифта, который полз вниз по внешней стене космопорта; насколько поднять ногу, чтобы сесть в наземную машину Три Саргасс. Исполнял ритуалы вежливости, как местный. После промашки с багажом он остерегался двигать руками, зато Махит позволила ему командовать, как долго поддерживать зрительный контакт и с кем, под каким углом склонять голову в приветствии, – всеми мелочами, что обозначали: она не такая уж чужая, не такая уж варварка, в Городе по праву. Защитная окраска. Чтобы слиться с местными, не будучи местной. Она чувствовала, как любопытные взгляды соскальзывали с нее и приковывались к куда более интересному придворному платью Три Саргасс, и дивилась, насколько же Искандр любил Город, раз настолько в нем освоился.

В наземной машине Три Саргасс спросила:

– Вы уже много времени провели в мире?

Махит пора было перестать думать на любом языке, кроме тейкскалаанского. Три Саргасс заводила стандартный вежливый разговор – «вы уже были в моей стране?» – а для ушей Махит это прозвучало чуть ли не экзистенциальным вопросом.

– Нет, – сказала она, – но я с самого детства читала классику и часто думала о Городе.

Похоже, такой ответ Три Саргасс одобряла.

– Не хочу вам наскучить, госпожа посол, – сказала она, – но если желаете краткую устную экскурсию по достопримечательностям на нашем маршруте, то я с удовольствием зачитаю соответствующий стих. – Она щелкнула кнопкой со своей стороны машины, и окна стали прозрачными.

– Это не может наскучить, – честно ответила Махит. Город снаружи был сливающимся пятном из стали и бледного камня, по стеклянным стенам небоскребов скользили неоновые огни. Они находились на одном из центральных колец, что спиралью шло

через муниципальные здания к самому дворцу. Собственно, это был скорее не дворец, а город-внутри-города. По статистике, в нем насчитывалось несколько сотен тысяч обитателей, и любой даже в мелочах отвечал за работу империи – от садовников до самого Шесть Пути: каждый подключен к информационной сети, гарантированной гражданам, и каждого постоянно омывал поток данных, диктовавший, где быть, что делать, как пойдет сюжет их дня, недели и эпохи.

Голос у Три Саргасс был великолепный. Она читала «Здания» – поэму в семнадцать тысяч строк с описаниями архитектуры Города. Махит не знала, какую именно версию она выбрала для декламации, но винить в этом могла только себя. В тейкскалаанском каноне у нее имелись свои излюбленные повествовательные поэмы, и в подражание имперской интеллигенции (и чтобы сдать устные части на экзаменах) она заучила столько, сколько могла, но «Здания» ей всегда казались скучноватыми. Теперь же, когда их читала Три Саргасс по пути мимо описываемых зданий, все было иначе. Она была умелым оратором и достаточно владела метрической схемой, чтобы вносить забавные и релевантные авторские штришки, где есть место импровизации. Махит сложила руки на коленях и следила, как за стеклянными окнами скользит поэзия.

Так вот он каков, Город, Жемчужина Мира, сердце империи: смешение повествования и восприятия – Три Саргасс на лету правила канонический текст, если само здание изменилось со времен написания. Через некоторое время Махит осознала, что Искандр читает с ней хором – слабый шепот на задворках разума – и что этот шепот успокаивает. *Он* этот стих знает, а значит, если потребуется, его знает и она. Для того, в конце концов, и нужны имаго-линии: чтобы полезные воспоминания переходили из поколения в поколение.

Через сорок пять минут и два затора Три Саргасс закончила строфу и остановила машину у подножия здания почти в центре дворцовых территорий – да не здания, а настоящего иглоподобного столба.

<Комплекс юстиции>, – подсказал Искандр.

«Это не к добру»? – спросила Махит.

<Зависит от того, что я сделал>.

«Что-то незаконное. Брось, Искандр, набросай хотя бы общее представление о возможностях. Что тебе надо было сделать, чтобы угодить в тюрьму?»

Махит показалось, будто Искандр вздыхает, но все же почувствовала в адреналиновых железах тошнотворное ощущение чьей-то чужой нервозности.

<М-м. Главным образом, крамола>.

Теперь она жалела, что не разбирается, когда он шутит, а когда – нет.

Столб здания Юстиции был окружен кордоном из охранников в серой форме, теснее всего стоявших у дверей: контрольно-пропускной пункт. Охранники носили длинные и тонкие темно-серые палки, а не энергетическое оружие, любимое тейкскалаанскими легионами. На него Махит насмотрелась на «Кровавой Жатве Возвышения» – но это видела впервые.

<Электродубинки, – сказал Искандр. – Электрические средства для сдерживания толпы – вот их в ходу *не было*, когда я возвращался на станцию. Это оружие для разгона беспорядков – по крайней мере, в массовых развлекательных вещах>.

«Ты устарел на пятнадцать лет, – подумала Махит. – Многое могло измениться…»

<Это центр дворца. Если они волнуются насчет беспорядков рядом с Юстицией, что-то не просто *изменилось* – что-то *неладно*. Теперь пойди и узнай, что *я* там натворил>.

Махит гадала, что же могло быть настолько неладно, чтобы собирать перед дверями министерства охранный фарс, и не *приложил ли к этому руку* Искандр. Она почувствовала, как по спине и рукам пробежали мурашки, неприятное ощущение в локтевых нервах, но не успела погрузиться в еще более тревожные мысли, потому что Три Саргасс уже вела дальше. Как и Махит, она сдала отпечатки больших пальцев, а потом вежливо отвернулась, пока охранница-тейкскалаанка целомудренно прощупывала карманы дорожной куртки и штанов Махит. Здесь же со всеми церемониями приняли багаж и обещали, что его вернут на выходе.

Когда охраннице надоело нарушать все табу личного пространства, она посоветовала Махит не отклоняться от маршрута без сопровождения, поскольку ее личность не записана в облачной привязке и не имеет других полномочий находиться в министерстве. Махит вопросительно подняла бровь, глядя на Три Саргасс.

– Были некоторые затруднения из-за оперативности, – объяснила та, бодро следуя через множество раздвигающихся дверей-диафрагм в прохладный вестибюль с облицованным полом, в сторону ряда лифтов. – Разумеется, вашей регистрацией и разрешением на перемещение по дворцовому комплексу займутся как можно скорее.

– Я находилась в пути больше месяца, но все равно были затруднения из-за оперативности? – спросила Махит.

– *Мы* ждали *три* месяца, госпожа посол. С тех пор, как

послали за новым представителем станции.

<Должно быть, я натворил что-то масштабное, – сказал Искандр. – Здесь под землей есть тайные залы для суда и допросов – или так всегда говорили дворцовые сплетни>.

Лифт издавал сигнал в квартах.

– И после трех месяцев что-то значит какой-то лишний час?

Три Саргасс пригласила Махит в лифт перед собой – это был в каком-то смысле ответ, пусть и неинформативный.

Они спустились.

Внизу ожидал зал, который вполне мог бы быть судебным или анатомическим: сине-металлический пол, скамьи на амфитеатре вокруг высокого стола, где под тканью лежало что-то большое. Прожекторы. Три тейкскалаанца, все с широкими скулами и широкими плечами, один – в красной рясе, второй – с теми же кремово-рыжими цветами министерства информации, что и у Три Саргасс, и третий – в темно-сером костюме, причем цвет напомнил Махит не иначе как металлический отблеск электродубинок. Они приглушенно и возбужденно спорили вокруг стола, загораживая от Махит то, что на нем лежало.

– Перед его возвращением я бы все еще хотел провести собственный анализ для моего министерства, – сказал в раздражении придворный из министерства информации.

– Нет ни единой уважительной причины просто отдать его, – сказал непререкаемым тоном тейкскалаанец в красном. – Это нам не *на пользу* и может разжечь инцидент…

Темно-серый Костюм не согласился.

– Вопреки мнению вашего министерства, иксплanатль, я совершенно уверен, что любой связанный с ними инцидент принесет хлопот не больше, чем укус насекомого, и уладить его будет ненамного сложнее.

– Ох, вашу мать, *потом* договорим, – сказал чиновник из Информации, – они уже здесь.

Как только они вошли, человек в красном обернулся навстречу, словно предугадывая их появление. Потолок здесь был в виде низкого купола. Махит представился пойманный под землей пузырь газа. Затем она поняла, что предмет на столе – это труп.

Он лежал под тонкой простыней, натянутой до голого торса, – руки сложены на груди, кончики пальцев соприкасаются, словно приветствуя какую-то загробную жизнь. Щеки запали, а открытые глаза подернуло синеватым туманом. Тот же оттенок проник в его губы и ногтевые ложа. Казалось, он мертв уже давно. Возможно… три месяца.

Так же четко, как если бы он стоял рядом, Махит с ужасом и

изумлением услышала слова Искандра:

<Я постарел>.

Ее трясло. Сердце забилось чаще, заглушая представления Три Саргасс. Ни с того ни с сего захлестнуло головокружение – хуже, чем при падении на планету, – паника. Не ее паника – Искандра: ее собственный имаго переполнял тело ее же гормонами стресса, адреналином в таком количестве, что во рту почувствовался металлический привкус. Губы у трупа были вялыми, но в уголках она видела морщины от улыбки, представила, как мышцы Искандра со временем проложили бы их у ее собственных губ.

– Как видите, посол Дзмаре, – сказал человек в красном, чье имя Махит пропустила, – в новом после есть острая необходимость. Прошу прощения за то, что сохранили его в таком виде, но мы не хотели с неуважением повредить каким-либо похоронным процедурам, которые предпочитает ваш народ.

Она подошла ближе. Труп оставался мертвым – оставался неподвижным, безжизненным и пустым. <Твою мать>, – сказал Искандр шорохом тошнотворных помех. Махит с ужасной, беспомощной уверенностью знала, что ее сейчас стошнит. – <Ох, твою мать, я так не могу>.

Махит вспомнила (или вспомнил Искандр – ей стало трудно различать, а интеграции не полагалось проходить так, она не должна теряться, пока его биохимическая паническая реакция перехватывает эндокринную систему), что отныне Искандр существует только в ее голове. Она принимала в расчет, что он мертв, когда Тейкскалаан затребовал нового посла, представляла это умозрительно, готовилась, и все же – вот он – *труп*, пустая гниющая оболочка, и она паниковала, потому что запаниковал ее имаго, а всплеск эмоций – это самый легкий способ угробить незаконченную интеграцию: всплеск эмоций выжжет все крошечные микросхемы аппарата в ее разуме, и «твою мать, он мертв», и «твою мать, я мертв», и *туман*, тошнотворный туман вокруг.

«Искандр», – подумала она, пытаясь его утешить, но проваливаясь с треском.

<Подойди ближе>, – сказал он ей. – <Я должен видеть. Я не уверен…>

Он придвинул их раньше, чем она решила, подчиниться ему или нет. Она словно отключилась на время, за которое подошла к трупу, – моргнула и вдруг уже *оказалась там*, – и все шло очень, очень плохо, а она не могла помешать…

– Мы сжигаем наших мертвецов, – сказала она и сама не знала, кого благодарить за то, что сказала на правильном языке.

– Какой интересный обычай, – ответил темно-серый придворный. Махит показалось, что он сам из Юстиции; скорее всего, морг в его ведении, даже если патологоанатом – это человек в красном.

Махит улыбнулась ему – слишком широкой улыбкой для своего лица и слишком безумной – для Искандра, улыбкой, что ужаснет любого безмятежного тейкскалааанца.

– А потом, – сказала она, нашаривая правильный лексикон, опору, чтобы удержаться под накатывающими волнами адреналина, – мы едим прах, который считается священным. Сперва – дети и преемники. Если есть.

Придворному хватило вежливости побледнеть и упрямства – повториться.

– Какой интересный обычай.

– А что делаете вы? – спросила Махит. Подошла ближе к трупу Искандра, буквально сама не своя. Пока что рот вроде бы находился под ее управлением, но вот ноги принадлежали Искандру. – Прошу прощения за вопрос. В конце концов, я не гражданка.

– Обычно хороним, – сказал человек в красном так, будто отвечал на этот вопрос каждый день. – Желаете осмотреть тело, госпожа посол?

– Для этого есть какие-то причины? – спросила Махит, но сама уже оттягивала простыню. Пальцы вспотели, скользили по ткани. Труп был голым – мужчина лет сорока, кожа в самых прозрачных местах обрела тот самый голубоватый оттенок. Инъекционный консервант, во всем теле. Уколы так и бросались в глаза – дырки, окруженные нимбом из бледной и опухшей кожи, на каротидной артерии и локтевых венах обеих рук. Дополнительная точка у основания правого большого пальца, перекосившая ладонь. После очередной отключки она уставилась на нее: только что смотрела на лицо, а теперь – на запястье, словно имаго нужно было увидеть все изменившиеся места на своем старом теле. Даже если Махит, как преемнице, захотелось бы потребовать прах – а она сомневалась, что ей хотелось, – казалось очень неразумным употреблять внутрь то, что вводил человек в красном. Три месяца без признаков гниения. В горле так и чувствовалась желчь, где-то за металлическим эндокринным водопадом. Тела должны *разлагаться* и перерабатываться.

Но империя сохраняла все, снова и снова пересказывала одни и те же истории; почему бы не сохранять и плоть вместо того, чтобы найти для нее полезное применение?

Она касалась запястья, имаго водил ее пальцем по месту

инъекции и дальше, по ладони, прослеживая след какого-то шрама. Плоть была резиновой, пластмассовой на ощупь, поддавалась одновременно слабо и чересчур – у *ее* Искандра еще не было этого шрама; ее Искандр еще не *умер*, – и вот очередная тошнотворная волна головокружения, зрение по краям заискрилось и замельтешило, и она снова подумала: «Мы так спалим всю проводку, прекрати…»

<Не могу>, – снова ответил Искандр – огромное отрицание в ее разуме, разрыв, словно ушедший в землю разряд, – и тут он *пропал*.

Мертвая тишина. Даже без ощущения, что он смотрит глазами Махит. Она почувствовала себя невесомой, переполненной эндорфинами, которые выплеснулись ненамеренно и в ужасном одиночестве. Язык отяжелел. Стал на вкус как алюминий.

С ней еще не происходило ничего подобного.

– Как он умер? – спросила она и поразилась, что говорит совершенно нормально, совершенно невозмутимо; спросила исключительно *разговора* ради. Ни один тейкскалаанец не знал об имаго, ни один даже не понял бы, что сейчас с ней произошло.

– Задохнулся, – сказал человек в красном, привычно дотронувшись до шеи трупа двумя пальцами. – Закрылось горло. Весьма прискорбно; но часто физиология неграждан так сильно отличается от нашей.

– Он съел то, на что у него *аллергия?* – спросила Махит. Какой-то абсурд. Она оцепенела от шока, и Искандр, похоже, умер от анафилаксии, и если она не будет держать себя в руках, то начнет истерически хохотать.

– На ужине с министром науки Десять Перл, не меньше, – сказал последний придворный – из Информации. Казалось, этот вылез из классической тейкскалаанской картины – его черты лица были невероятно симметричными: пухлые губы, низкий лоб, идеальный нос крючком; глаза – как глубокие бурые озера. – Вы бы видели новостные трансляции, госпожа посол; таблоиды как с ума сошли.

– Двенадцать Азалия не хотел вас задеть, – сказала Три Саргасс со своего места у дверей. – Новости не разошлись за пределы дворцового комплекса. Такое не стоит знать обычным гражданам.

Махит вернула простыню на подбородок трупа. Не помогло. Он все еще был *там*.

– И станциям не стоит знать? – спросила она. – Курьер, просивший о моем присутствии в Городе, выражался без нужды расплывчато.

Три Саргасс пожала одним плечом, едва заметным движением.

– Госпожа посол, хотя я асекрета, не каждый асекрета осведомлен о решениях министерства информации в целом.

– Что прикажете делать с телом? – справился человек в красном. Махит взглянула на него: высокий для тейкскалаанца. Его глаза, расслабляюще дружелюбные и зеленые, почти наравне с ее. Она даже не представляла, что делать с трупом. Сама она еще никого не сжигала; еще слишком *молодая*. Оба ее родителя живы. А кроме того, было принято звонить распорядителю похорон, и все устраивал *он* – желательно, пока тебя держит за руку кто-нибудь из твоих любимых и плачет с тобой из-за общей утраты.

Что делать конкретно с этим телом, она представляла еще меньше. По Искандру не заплачет никто, даже она, а во всем тейкскалаанском космосе не найдется ни одного сведущего распорядителя похорон.

– Пока ничего, – выдавила она и тяжело сглотнула, чтобы подавить остатки тошноты. Пальцы словно наэлектризовались – сплошь покалывание там, где они касались кожи мертвеца. – Я, конечно, все решу, когда лучше ознакомлюсь с доступными возможностями. До тех пор – ну, он ведь не сгниет, верно?

– Только очень медленно, – ответил человек в красном.

– Сэр… – Махит обратилась взглядом за помощью к Три Саргасс; она же тут культурный посредник, вот пусть и *посредничает*…

– Иксплanатль Четыре Рычаг, – услужливо подсказала Три Саргасс. – Из министерства науки.

– Четыре Рычаг, – продолжала Махит, опустив титул – это означало «ученый» в очень широком смысле, любой ученый со степенью. – Когда гниение станет заметно? Возможно, еще два месяца?

Четыре Рычаг улыбнулся достаточно, чтобы чуть продемонстрировать зубы.

– Два года, посол.

– Превосходно, – сказала Махит. – Времени в достатке.

Четыре Рычаг поклонился над треугольником из пальцев, словно она отдала приказ. Махит заподозрила снисхождение. Смирилась. Ей пришлось. Ей нужно было пространство, чтобы подумать, а здесь его не найти – в кишках Юстиции, в присутствии трех придворных и иксплanатля из морга, которые так и ждут, когда она совершит какую-нибудь непоправимую ошибку и закончит так же, как Искандр.

Предан собственной физиологией. После двадцати лет

проживания в Городе, где ел то же, что едят тейкскалааанцы. Можно ли в это поверить?

«Искандр, – подумала она в пустое пространство, где должен был быть имаго, – во что ты нас втравил перед смертью?»

Он не ответил. Потянувшись в пустое пространство, она почувствовала, будто падает, хотя и знала, что ноги прочно стоят на полу.

– Я бы хотела, – начала Махит медленно и даже на правильном языке, стараясь скрыть головокружение и страх, – зарегистрироваться законным послом станций в Тейкскалаане, а также получить свой багаж.

Хотела она на самом деле *убраться* отсюда. Как можно скорее.

– Разумеется, госпожа посол, – сказала Три Саргасс. – Иксплanатль. Двенадцать Азалия. Двадцать Девять Инфограф. Для меня, как всегда, удовольствие находиться в вашем обществе.

– Как и нам – в твоем, Три Саргасс, – сказал Двенадцать Азалия. – Наслаждайся общением с госпожой послом.

Три Саргасс снова пожала плечом, словно придворную асекрету по-настоящему ничего не могло задеть. Она вдруг понравилась Махит – и тут же стало понятно, что приязненность больше идет от отчаянного поиска союзника, не более. Без имаго ей так *одиноко*. Конечно, он скоро вернется. Как только пройдет шок. Как только уляжется эмоциональный всплеск. Все в порядке. Она в порядке. Даже больше не кружилась голова.

– Тогда в путь? – сказала Махит.

Глава 2

срочно направьте ваше внимание! / дальнейшее характеризуется важностью и необычностью / НЕМЕДЛЕННО на «Восьмом канале!»

Сегодня Семь Хризопраз и Четыре Платан сообщат новости с Одилии-1 в системе Одилия, где Двадцать Шестой легион под командованием младшего яотлека Три Сумах, завершив атаку на столицу Одилии-1, готовится покинуть орбиту; скоро Четыре Платан выступит с места событий на центральной площади столицы и проведет интервью с Девять Шаттлом, возвращенным в должность губернатора планеты; ожидается, что торговля через Врата Одилии вернется к обычному уровню в следующие две недели…

Ежевечерние новости «Восьмого канала!», трансляция по внутренней облачной сети Города, 245-й день 3-й год 11-го индикта императора всего Тейкскалаана Шесть Пути.

* * *

ПРОТОКОЛ ПОДЛЕТА К ПРЫЖКОВЫМ ВРАТАМ, СТР. 2 ИЗ 2

… замедлиться до 1/128 максимальной субсветовой скорости судна, чтобы приступить к маневрам уклонения в случае, если в то же время с другой стороны в прыжковые врата входят корабли нестанционников.

17. Известить о прыжке по местному радио.

18. Известить о прыжке команду и пассажиров.

19. На 1/128 скорости подойти к области самого высокого визуального искажения…

Руководство пилотов станции Лсел, стр. 235

Комнаты посла были полны Искандра, и Махит снова почувствовала в себе пустоту: словно ее вывернули наизнанку и окружили *вещами* имаго вместо того, чтобы напитать его памятью. Перед заселением помещения проветрили – по крайней мере, Махит на это надеялась и предположила из-за открытых окон и антисептического запаха чистящего средства, который

сопротивлялся ветру из этих окон, колыхающего шторы, – но комнаты казались очень *обжитыми*, причем уже давно.

Искандр-человек любил синий цвет и дорогую с виду мебель из какого-то темного блестящего металла. Благодаря промышленным очертаниям рабочего стола и низкого дивана любой, кто вырос на станции или корабле, без планеты, почувствовал бы себя здесь как дома, но на полу лежали шелковистые и ворсистые ковры с узорами. Махит захотелось – мимолетное восторженное желание – ходить дома босиком чисто ради физического удовольствия, и тут снова вспомнилось, что имаго-преемники подбирались даже по *эстетическим* предпочтениям. Искандру нравилось ходить босиком по плетеной ткани; как выясняется, ей тоже, хоть раньше и не представлялось возможности.

За внутренней дверью находилась спальня. Искандр повесил на потолок над кроватью металлическую мозаику с тейкскалаанской картой космоса станционников, словно какую-то рекламу. «Спите здесь – спите со всеми богатствами целого сектора!»

Это произведение было столь прекрасно, что почти не казалось безвкусным. Почти.

На прикроватном столике лежала небольшая стопка кодексов и пластиковых листов-инфопленок, очень аккуратная. Махит сомневалась, что Искандр из тех, кто выравнивает вечернее чтение по краешкам, потому что *сама* точно была не из таких. Было бы проще просто *спросить* его – а что делать, если он не вернется? Если этот жуткий всплеск эмоций выжег все соединения между ее спинным мозгом и имаго-аппаратом раньше, чем они с Искандром успели полностью стать одним человеком? Проведи они вместе больше времени, аппарат бы не имел *никакого значения* – она стала бы Искандром, или Искандр – ею, или они вместе стали бы новым, более полноценным существом по имени Махит Дзмаре, которое знает все, что знал Искандр Агавн, и знает тесно: смешение их мышечной памяти, накопленных навыков, инстинктов и голосов, – как и задумано, новое звено в имаго-линии. Но теперь? Что ей прикажете делать? Написать домой и просить инструкции по ремонту? *Вернуться* домой – и бросить всю работу незаконченной, включая разгадку того, почему он умер? Хотя бы без его помощи не возникнет языковых барьеров – большую часть времени ей даже сны снились на тейкскалаанском; нередко снился и *Город*, – но стоило только потянуться туда, где со времен их объединения чувствовался его вес, как снова возвращалось то головокружительное, ужасное ощущение *падения*. Она села на край кровати и смотрела на

ровные уголки кодексов, пока не убедилась, что не потеряет сознание. Их поправил тот, кто убирался в апартаментах, а это намекало, что все очевидно обличительное здесь уже убрали.

Она уже думает об «обличительном».

Ну, конечно, она думает об «обличительном». Предполагай обман, сказала она себе. Предполагай нечистую игру и подтексты. «Задохнулся». Аллергия – или надышался в какой-то накаленной атмосфере. Всегда политика. Таков уж *Город*. Здесь облачные привязки каждому нашептывают в глаза байки. Интриги и тройные агенты, а ведь она все детство читала и пересказывала эти сюжеты – о, лишь бледное подражание, речитатив с идеальным ритмом для бесстрастных и немых металлических стен станции, это очень помогло в детстве стать популярным и веселым товарищем по играм – да и какая уже разница.

«Думай, как тейкскалаанцы».

Обличающие сведения убрали или представили в невинном свете.

Или их спрятал Искандр, если знал или подозревал о том, что с ним случится. Если был не дурак. (Его имаго дураком не назвать; но имаго *устарел*. За пятнадцать лет люди меняются.)

Махит задалась вопросом, какой станет сама, если проживет здесь достаточно долго. Особенно *без* имаго – не так важно, что имаго *устарел*, важно то, что он *пропал*. И если не вернется (ну, конечно же, вернется, это просто мелкий сбой, *ошибка*, завтра она проснется – а он тут как тут), задуматься придется уже не только об «обличениях», но и о «саботаже». Что-то с ее имаго-аппаратом да случилось – либо саботаж, либо механическая неполадка. Или *личная неспособность интегрироваться*. Возможно, она сама виновата. Его отторгла ее собственная психология. Она передернулась. Руки вдруг закололо, они показались чужими.

– Ваш багаж осмотрен и теперь снова в вашем распоряжении, – сказала Три Саргасс, войдя в дверь-диафрагму спальни Искандра. Махит резко выпрямилась и постаралась сделать вид, будто ни в коем случае не находилась на краю нервного срыва. – Никакой контрабанды. Пока что вы весьма скучная варварка.

– Вы ожидали чего-то интересного? – спросила Махит.

– Вы моя первая варварка, – ответила Три Саргасс. – Я ожидаю всего.

– Вы же наверняка встречали неграждан. Это ведь Жемчужина Мира.

– Встречать – не то же самое, что и посредничать. Вы – *моя* негражданка, посол. Я открываю для вас двери.

Выбранный глагол был настолько архаичным, что мог

считаться и идиоматическим. Махит рискнула показаться не таким хорошим знатоком языка, каким сама себя оптимистично считала, и ответила:

– Кажется, открывать двери – не самое достойное занятие для патриция второго класса.

Улыбка Три Саргасс была ярче большинства эмоций тейкскалааанцев; даже дошла до глаз.

– У вас нет облачной привязки. Вы буквально *не можете* открыть некоторые двери, госпожа посол. Город не знает, что вы настоящая. А кроме того, как вы без меня расшифруете свою почту?

Махит подняла бровь.

– А моя почта зашифрована?

– И уже три месяца ждет ответа.

– То есть, – сказала Махит, встала и вышла из спальни – хоть *эта* дверь ее знает, – вы говорите о почте посла Искандра Агавна, а не моей.

Три Саргасс последовала за ней.

– Никакой разницы. Посол Дзмаре, посол Агавн. – Она покачала ладонью. – Это почта *посла*.

Три Саргасс даже не подозревала, насколько этой разницы нет. Точнее, не будет, если имаго вернется. Махит осознала, что не только переживает из-за механической неполадки, но и *злится* на Искандра. Пока что всей пользы от него – что он запаниковал, увидев себя мертвым, загнал ее в адреналиновый кризис и бросил с самой странной головной болью в ее жизни, а теперь она осталась наедине со всей неотвеченной почтой его старшей тейкскалааанской версии, почти наверняка убитой, и с культурной посредницей с особым чувством юмора.

– И она зашифрована.

– Конечно. Это не очень уважительно – не шифровать почту посла. – Три Саргасс принесла миску, полную до краев инфокарт-стиками – прямоугольничками из дерева, металла или пластмассы для хранения микросхем, каждый изощренно украшен личной иконографией отправителя. Выудила сразу пригоршню, зажав между пальцев, будто ее костяшки отрастили когти. – С чего желаете начать?

– Если почта адресована мне, то и читать должна я сама, – сказала Махит.

– С точки зрения закона я ваш полный эквивалент, – ответила Три Саргасс любезно.

Любезности было мало. Может, Махит и хотелось бы найти союзника – хотелось бы, чтобы Три Саргасс несла пользу, а не непосредственную угрозу, учитывая, что она будет жить по

соседству и *открывать двери* столько, сколько длится срок ее службы, учитывая, что Махит начинала осознавать, в какой западне оказалась, учитывая, что для всевидящего ока Города она вообще *ненастоящая*, – в общем, может, Махит и *хотелось* бы, но это еще не делает Три Саргасс настоящим продолжением ее воли, в чем бы там ни убеждала сама посредница.

– Возможно, с точки зрения тейкскалаанского закона, – сказала Махит. – С точки зрения станционников – ничего подобного.

– Госпожа посол, надеюсь, вы не считаете меня ненадежной для того, чтобы помогать вам при дворе.

Махит пожала обоими плечами, широко развела руками.

– А что стало с культурным посредником моего предшественника? – спросила она.

Если вопрос и потревожил Три Саргасс, то это не дошло до ее лица. Ответила она бесстрастно:

– Сразу по окончании своего двухлетнего срока службы он получил другое назначение. Насколько я знаю, сейчас его нет в дворцовом комплексе.

– Как его звали? – спросила Махит. Будь с ней Искандр, она бы и так знала: те два года службы – это два его первых года в Городе, как раз в пределах пяти лет в памяти имаго.

– Кажется, Пятнадцать Двигатель, – довольно легко ответила Три Саргасс – и Махит пришлось схватиться за края стола Искандра, повиснуть, когда ни с того ни с сего ее захлестнул целый комплекс эмоций: теплота и досада, отголосок лица с облачной привязкой в бронзовой оправе, прятавшей всю левую глазницу от скулы до лба. Пятнадцать Двигатель, каким его помнил Искандр-имаго. Проблеск воспоминаний – *рой* воспоминаний – и Махит снова потянулась к имаго, подумала: «Искандр?» И ничего не услышала.

Три Саргасс следила за ней. Махит представила, как выглядит со стороны. Наверняка бледная и рассеянная.

– Я бы хотела с ним переговорить. С Пятнадцать Двигателем.

– Я вас уверяю, – ответила Три Саргасс, – что у меня широкий опыт и необычайно высокие оценки по всем известным способностям, необходимым для работы с негражданами. Не сомневаюсь, что мы поладим.

– Асекрета…

– Прошу, зовите меня Три Саргасс, посол. Ведь я ваша посредница.

– Три Саргасс, – сказала Махит, с трудом не повышая голос, – я бы хотела спросить *вашего* предшественника о том, как вел дела *мой* предшественник, а возможно, и об обстоятельствах его весьма

скоропостижной – и судя по количеству почты, еще и несвоевременной – кончины.

– Ах вот как, – сказала Три Саргасс.

– Да, так.

– Его смерть в самом деле, как вы выразились, несвоевременна, но совершенно случайна.

– Не сомневаюсь, но он все-таки мой *предшественник*, – сказала Махит, зная, что если Три Саргасс настолько тейкскалааанка, насколько ею выглядит, то сама культура обязывает рассказать в мельчайших подробностях о человеке, который раньше занимал ее положение в обществе; это как спросить о потенциальном имаго на станции Лсел. – Так что мне бы хотелось поговорить с теми, кто его знал настолько, насколько мы узнаем друг друга. – Она попыталась вспомнить в точности, насколько Искандр расширял ее глаза в тейкскалаанской улыбке, и повторить выражение по ощущению.

– Госпожа посол, я всячески сочувствую вашему нынешнему… положению, – сказала Три Саргасс, – и отправлю сообщение Пятнадцать Двигателю, где бы он сейчас ни находился, *вместе с остальными ответами на почту*.

– … на которую сама я ответить не могу, потому что она зашифрована.

– Да! Но я могу дешифровать практически все стандартные коды и большинство нестандартных.

– Вы так и не объяснили, почему почту шифруют так, что я не могу справиться *сама*.

– Что ж, – сказала Три Саргасс, – не хочу показаться высокомерной. Уверена, на своей станции вы считаетесь весьма образованным человеком. Но в Городе шифр обычно основан на стихах, а мы ведь не можем требовать, чтобы неграждане учили их наизусть. Почта посла шифруется для того, чтобы продемонстрировать, что посол – человек интеллигентный, не понаслышке знакомый с двором и придворной поэзией; таков обычай. Это не настоящий шифр, а скорее игра.

– На Лселе, между прочим, тоже есть поэзия.

– Знаю, – сказала Три Саргасс с таким сочувствием, что Махит захотелось взять ее за плечи и встряхнуть, – но вот, взгляните сами. – Она подняла алый лакированный инфокарт-стик, две половинки которого скрепляла круглая золотая сургучная печать с вытисненным стилизованным изображением Города – символом Тейкскалаанской империи. – Это определенно для вас, дата сегодняшняя, – она взломала печать, и инфокарта пролилась в воздух между ними – поток голографических словоформ на тейкскалаанице, которую, казалось Махит, она

просто-таки *должна* понимать. Она же с детства читала имперскую литературу.

Три Саргасс коснулась своей облачной привязки:

– Вообще-то я уверена, что это расшифровать вы можете – вы же разбираетесь в политическом стихе?

– Пятнадцатислоговые ямбические строфы с цезурой между восьмым и девятым слогами, – ответила Махит, не сразу заметив, что говорит скорее как студент на устном экзамене, чем эрудированный подданный Тейкскалаана, но не зная, как перестать. – Это просто.

– Да! Итак, шифр для большинства придворных сообщений – простая перестановка с первыми четырьмя строфами лучшего энкомия прошлого сезона – это хвалебная поэзия, о чем, не сомневаюсь, вам известно, если вы умеете считать слоги и цезуры. Уже несколько *месяцев* это «Песнь рекламации» Два Календаря. Могу найти вам издание, если *действительно* желаете сами расшифровывать свою почту.

– Уж точно я бы желала знать, что сейчас в Городе считается лучшими энкомиями, – сказала Махит.

Три Саргасс фыркнула от смеха.

– *Прекрасно*. С таким настроем вы будто *урожденная* тейкскалааника.

Махит это не показалось комплиментом.

– И что тут сказано? – спросила она.

Три Саргасс прищурилась – зрачки рывками бегали налево-вверх, передавая микромышечные указания облачной привязке, – и пристально всмотрелась в голограмму.

– Формальное приглашение на поэтический конкурс в салоне императора в рамках дипломатического банкета, через три дня. Полагаю, желаете посетить?

– Зачем мне отказываться?

– Ну, если хочется ополчить против себя всех знакомых вашего предшественника и показать, что станция Лсел враждебно настроена к имперским интересам, то не прийти на ужин – отличное начало.

Махит придвинулась поближе – так близко, что почувствовала на лице теплый пульс дыхания Три Саргасс, – и улыбнулась во все зубы, как можно более варварски. Махит следила, как асекрета старается не отшатнуться; засекла момент, когда та переборола себя, когда здравый смысл возобладал над инстинктами.

– Три Саргасс, – сказала тогда Махит, – а давайте представим, что я не дура.

– Можно, – сказала Три Саргасс. – У вашего народа принято

вторгаться в личное пространство в знак упрека?

– Если приходится, – ответила Махит. – А я в ответ представлю, что вы не участвуете в очевидной попытке дипломатического саботажа.

– Кажется, справедливо.

– Итак, я принимаю любезное приглашение его императорского величества. Отправьте послание, я подпишу. А потом придется пройти по остальному запасу инфокарт.

* * *

Почта заняла весь день и добрую часть вечера. В основном это была обычная корреспонденция второстепенного, но все же политически значимого посольства: справочные запросы из канцелярии императора и университетов касательно традиций, экономики и туристических возможностей на Лселе, протокольные извещения. Запросы о репатриации от станционников, проживавших в тейкскалаанском космосе и желающих вернуться – их Махит подписала, – и небольшая партия запросов на въезд, которые она одобрила и переслала в имперское ведомство, занимавшееся «въездными визами для варваров». Неожиданно большое число не до конца одобренных виз на пролет через космос станционников для военного транспорта тейкскалаанцев – все уже с личной печатью Искандра, но мало какие собственно *подписаны*. Такое недоделанное разрешение ничего не значило. Как если бы Искандра прервали во время официального одобрения для захода на территорию Лсела целого легиона. Махит ненадолго отвлеклась и задумалась над *количеством* запросов и причиной, почему их не проштамповали и не подписали одновременно, а затем отложила до более спокойного момента. Что бы там ни думал сам Искандр перед смертью, *она* не готова пропускать военный флот через сектор своей станции без хоть *каких-то* данных, для чего им идти в таком количестве.

Ни один запрос не касался корабля «Кровавая Жатва Возвышения». Должно быть, отправку *этого* судна одобрил кто-то другой. С другой стороны, Искандр уже погиб, когда требовалось принять этот запрос. Махит стало нехорошо. *Кто-то* этот корабль послал – и ей бы стоило узнать кто…

Но Три Саргасс уже передала следующий инфокарт-стик, где оказался чрезвычайно отвлекающий сумбур по поводу пошлин на ввоз и грузовых манифестов, причем тогда, когда его присылали – Искандр был еще жив, – на ответ ушло бы всего полчаса. Теперь

же решение потребовало в три раза дольше, учитывая, что за прошедшее время одна из сторон – станционник – уже покинула планету, а другая получила гражданство через брак и сменила фамилию. Махит попросила Три Саргасс отыскать новоиспеченного тейкскалаанца под его новым именем и отправить официальный вызов в юридический отдел ведомства по лицензированию межзвездной торговой деятельности.

– Просто проследи, чтобы он – как бы его там ни звали – пришел и оплатил пошлину за груз, который приобрел у *гражданина моей станции*, – сказала Махит.

Как оказалось, он выбрал имя Тридцать Шесть Внедорожный Тундровый Транспорт – это открытие повергло и Махит, и Три Саргасс в ошарашенное молчание.

– Ребенка так никто не назовет, – наконец пожаловалась Три Саргасс. – Никакого вкуса. Даже если его родители или ясли были на планете с низкой температурой и тундрами, где нужен внедорожный транспорт.

Махит внезапно задумалась и нахмурила брови: вспомнилось – отчетливо, – как в начале языковой подготовки на Лселе весь их класс попросили придумать себе тейкскалаанские имена на время обучения. Она выбрала «Девять Орхидея» в честь героини ее на тот момент любимого романа – о приключениях яслирода будущей императрицы Двенадцать Солнечная Вспышка, которую звали *Пять* Орхидея. Это очень по-тейкскалаански – выбрать имя по любимой книге. Имена однокурсников в то время ей казались *гораздо* менее удачными, так что она раздувалась от гордости. Теперь же, в центре тейкскалаанского космоса, все это выглядело не просто какой-то апроприацией, но еще и абсурдом. И все же она спросила Три Саргасс:

– А как вы, тейкскалаанцы, выбираете имена?

– Числа – для удачи или качеств, которые желаешь своему ребенку, или из-за моды. «Три» – вечный любимчик, как и все однозначные числа; предположительно, Тройки основательны и изобретательны, как треугольник. Не падают, могут достичь вершин мысли и тому подобное. Когда человек выбирает «Тридцать Шесть», он просто корчит из себя разбогатевшего Горожанина – это глупо, но еще не так плохо. А плохо здесь «Внедорожный Тундровый Транспорт». Ну серьезно. О, кровь и *солнце*. Формально это допустимо – главное, взять неодушевленный предмет или архитектурный элемент, – но это так… *Хорошие* имена – это растения, цветы и природные явления. И слогов в них меньше.

До сих пор Махит еще не видела Три Саргасс такой эмоциональной, и становилось все труднее ее не полюбить. Она

смешная. А Тридцать Шесть Внедорожный Тундровый Транспорт – еще смешней.

– Когда я учила язык, – тут же решилась поделиться она, предложить что-то в обмен на этот культурный факт – раз уж они работают сообща, то надо работать сообща, – нам задали притвориться, что у нас имена в тейкскалаанском стиле, и один мой одноклассник – из тех, кто экзамены сдает идеально, но говорит с ужасным акцентом, – назвался «2е Астероид». Иррациональное число. Считал себя умнее всех.

Три Саргасс задумалась, а потом прыснула.

– И не поспоришь, – сказала она. – Это же *уморительно*.

– Правда?

– *Еще бы*. Ты будто всю свою личность превращаешь в самокритичную шутку. Я бы купила роман от 2е Астероида – наверняка это была бы сатира.

Махит рассмеялась.

– Тому, о ком мы говорим, для сатиры не хватает утонченности, – сказала она. – Просто ужасный одноклассник.

– Похоже на то, – согласилась Три Саргасс, – зато они иногда *случайно* утонченные, а это еще лучше, – и передала следующую инфокарту, приступив к расшифровке новой задачки для Махит.

Весь вечер – работа. Работа, которая Махит давалась, к которой ее готовили, пусть даже отдельные случаи были слишком запутанными, тейкскалаанскими и требовали шифровальных умений Три Саргасс. На закате асекрета заказала им обоим мисочки пельменей с перченым мясом, залитых полуферментированным крем-соусом с добавкой красного масла – заверив Махит в ничтожно малой вероятности, что у нее на что-нибудь будет аллергия.

– Это иксуи, – объяснила она. – Мы этим младенцев кормим!

– Если я умру, на почту будет некому отвечать *еще три месяца*, так что себе же сделаешь хуже, – сказала Махит, наколов пельмень на вилку с двумя зубцами, которая прилагалась к еде. Стоило укусить, как пельмень лопнул во рту, пикантный и теплый. Красное масло оказалось прекрасной специей – достаточно острой, чтобы послевкусие держалось долго и заставляло задуматься о нейротоксическом эффекте, после чего растворялось в удовольствие. Внезапно она проголодалась. Не брала в рот ни крошки с самого прилета.

Было даже приятно видеть, что Три Саргасс набросилась на свою плошку иксуи с равным энтузиазмом. Махит помахала ей вилкой.

– Для младенцев это слишком вкусно, – сказала она.

Три Саргасс распахнула глаза в тейкскалаанской версии

ухмылки.

– Еда для работы. Должна быть слишком вкусной, чтобы долго смаковать.

– И чтобы быстрее вернуться к работе?

– Вы правильно поняли.

Махит склонила голову набок.

– А ты из тех, кто работает все время, да?

– Так от нас требуют, госпожа посол.

– Пожалуйста, зови меня Махит. И уверена, есть культурные посредники, от которых куда меньше пользы.

Три Саргасс сидела практически с *довольным* видом.

– О, множество. Но «культурный посредник» – это только мое назначение. А моя работа – асекрета.

Разведка, протокол, тайны – и риторика. Если только не врала вся прочитанная литература о Городе.

– И что это за работа?

– Политика, – ответила Три Саргасс.

Достаточно тесно связано с литературой.

– Может, тогда расскажешь об этих визах для военного транспорта? – уже начала было Махит, как входная дверь издала мелодию, от которой Махит поморщилась, но Три Саргасс она вроде бы не показалась лишенной благозвучия.

Асекрета подошла к двери и ввела код на панели рядом. Махит следила за ее пальцами и старалась запомнить как можно больше. Должна же она знать код от двери в собственное жилье. (Если только она не пленница больше, чем кажется. *Насколько* у Города строгое определение для настоящих людей, которые могут по нему передвигаться? Жаль, Искандра не спросить.) Панель, приняв код, спроецировала лицо ожидающего снаружи, его имя и череду титулов, повисших над головой в виде угловатых золотых глифов. Молодой, широколицый, бронзовокожий, с густой черной челкой над низким лбом – все то, что, кажется, предпочитала живопись империи. Махит вспомнила, что видела его в просмотровой морга. Двенадцать Азалия, непримечательный третий чиновник – от одного взгляда на него у Махит сложилось впечатление, будто она встретила безупречно соблюденный стандарт мужской красоты из какой-то другой культуры. Ее немного удивило собственное отсутствие реакции. Он скорее казался произведением искусства. «Двенадцать Азалия, патриций первого класса», – представила тогда Три Саргасс, а значит, она знала его как минимум по имени, а возможно, и по репутации.

– Не представляю, что могло понадобиться *ему*, – сказала Три Саргасс, и это действительно намекало на некую репутацию.

– Впусти, – сказала Махит.

Три Саргасс твердо прижала большой палец к панели (а что, если дверь запирается *отпечатком?* Но не станут же тейкскалааанцы пользоваться такой примитивной технологией), и дверь пропустила Двенадцать Азалию в виде бури из рыжих рукавов и кремовых лацканов. Махит уж приготовилась к полноценному протоколу приветствия без подсказок Искандра (вообще-то ей не полагалось о таком *волноваться*), но не успела представиться, как Двенадцать Азалия перебил:

– Я сам пришел к вам в номер, уже можете не беспокоиться, – прошел мимо Три Саргасс, приязненно чмокнув в висок и оставив с видом немалого раздражения, а потом уселся на диван.

– Посол Дзмаре, – сказал он, – приветствую в Жемчужине Мира. Мое почтение.

Три Саргасс устроилась рядом с ним – с расширенными глазами и заметно поднятыми уголками рта.

– Мы же вроде отложили формальности, Лепесток, – сказала она.

– Отказ от формальностей не лишил меня вежливости, Травинка, – ответил Двенадцать Азалия, а потом обратил широкую и нетейкскалаанскую улыбку к Махит. С таким выражением он показался слегка спятившим. – Надеюсь, она вам не грубила, госпожа посол.

– Лепесток, право, – сказала Три Саргасс.

У них есть прозвища друг для друга. Это было… мило, и в то же время смешило и смущало.

– Вовсе не грубила, – сказала Махит, заслужив театральный благодарный взгляд от Три Саргасс. – Добро пожаловать на дипломатическую территорию станции Лсел. Чем я могу вам помочь, кроме как позволить освежить дружбу с моей посредницей?

Двенадцать Азалия изобразил озабоченность, тонко завуалировав, как заподозрила Махит, более неприличный – и более искренний – возбужденный интерес. Ее в высшей мере стесняло, что все тейкскалааанцы до единого верят, будто она не проницательней воздушного шлюза – распознает только поверхностные образы: униформу и озабоченные выражения. Сколько еще ждать, прежде чем ее начнут принимать всерьез?

– Я принес довольно тревожные известия, – сказал Двенадцать Азалия, – о теле вашего предшественника.

Ну. Вот и началось *всерьез*. (И, похоже, она была права, когда сразу же решила, что Искандр не мог умереть по случайности; не в его это *духе*. Как и не в духе Города такая откровенность).

– С телом какие-то затруднения?

– Возможно, – ответил Двенадцать Азалия с таким жестом,

словно намекал, что затруднения-то есть, осталось определить их суть.

– Стал бы ты вмешиваться в мою работу из-за одной только *возможности*, Лепесток, – сказала Три Саргасс.

– Я бы сказала, что тело предшественника – это только *мое* дело, – заметила Махит.

– Мы это уже обсуждали, Махит, – быстро ответила Три Саргасс. – С точки зрения закона, я – эквивалент…

– Но не с точки зрения морали или этики, – сказала Махит, – особенно когда речь о гражданине Лсела, кем мой предшественник, очевидно, и являлся. Так в чем же эти затруднения?

– Когда иксплanатль Четыре Рычаг ушел из анатомического театра, я ненадолго задержался рядом с телом и позволил себе воспользоваться оборудованием для визуализации, – сказал Двенадцать Азалия. – Из-за своего нынешнего назначения в министерстве информации – а я работаю с негражданами по вопросам медицины и обслуживания во время их посещения – я немало интересуюсь физиологией негражданин, ведь некоторые очень отличаются от людей! Не то чтобы я намекал, будто на станции Лсел живут нелюди, госпожа посол, ни в коем случае. Но интерес у меня ненасытный – можете спросить хоть Тростинку, она знает меня со времен кадетской школы асекрет.

– Ненасытный интерес, который частенько приводит к изобилию неприятностей, особенно если мы говорим о любопытных случаях криминологии или занимательных медицинских практиках, – сказала Три Саргасс. Махит заметила на ее подбородке морщины от напряжения, заострившийся угол губ. – Переходи к делу. Тебя прислала проверить меня Два Палисандр?

– Стал бы я бегать на посылках, Травинка, даже ради министра информации. А *дело* в том, что я задержался и осмотрел труп предшественника госпожи посла. И этот труп не совсем органический.

– Что? – спросила Три Саргасс одновременно с тем, как Махит с трудом сдержалась от станционного ругательства.

– В каком смысле? – спросила она. Вдруг Искандру заменили больной тазобедренный сустав. Это невинно и объяснимо – и куда заметнее, чем имплантат в основании черепа, который сперва передал ему *собственный* имаго, а затем снял оттиск знаний, личности и памяти – имаго-оттиск для следующего в очереди.

– В его мозге есть металл, – сказал Двенадцать Азалия, лишив ее даже этой краткой надежды.

– Шрапнель? – поинтересовалась Три Саргасс.

– Ранений нет. Уж поверь, такие *ранения* патологоанатом не пропустит. Полное сканирование дает куда больше информации. Не могу и вообразить, почему его не провели ранее – возможно, всем слишком очевидно, что посол умер от анафилаксии…

– Мне больше интересен незамедлительный вывод, будто речь может идти о шрапнели, – быстро перебила Махит, пытаясь увести разговор от самых опасных тем. Не помешало бы знать, что именно Искандр раскрывал о процедуре имаго – если вообще раскрывал, – но она не могла спросить даже нынешнюю версию, а откуда этой версии знать, что его… продолжение? Пусть «продолжение», сойдет, – что его продолжение сделало за прошедшее время?

– Порой Город проявляет враждебность, – сказала Три Саргасс.

– Бывает, – добавил Двенадцать Азалия. – В последнее время чаще. Человек делает что-то не то в облачной привязке, Город реагирует слишком бурно…

– Тебе не придется об этом беспокоиться, – успокоила Три Саргасс с беспечной уверенностью, которой Махит не поверила ни на йоту.

– У моего предшественника была облачная привязка? – спросила она.

– Понятия не имею, – сказала Три Саргасс. – Ему бы пришлось получить разрешение от его величества Шесть Пути лично. У неграждан их нет: связь с Городом – это *право*; оно дается тейкскалаанцам.

Оно дается тейкскалаанцам, чтобы *открывать двери* – а также, видимо, угодить в некую группу повышенного риска. Махит задумалась, насколько облачные привязки отслеживают передвижения граждан и кто имеет доступ к этой информации.

– Была у прошлого посла облачная привязка или нет, я не знаю, но знаю одно, – перебил Двенадцать Азалия, – что у него было, так это большое количество таинственного металла в спинном мозге, и мне показалось, что, быть может, вам, госпожа посол, об этом захочется знать раньше, чем кто-нибудь попытается внедрить то же самое вам.

– Как всегда оптимист, Лепесток.

– Кому об этом еще известно? – спросила Махит.

– Я никому не говорил. – Двенадцать Азалия мирно сложил руки в длинных рукавах. Махит расслышала в его фразе «пока что» и спросила себя, чего он от нее хочет.

– Почему же рассказываете *мне?* У посла могли быть самые разные имплантаты – например, эпилептический кардиостимулятор, это довольно распространено, если с

возрастом развивается эпилепсия, – сказала она, применяя стандартную ложь для не-лселцев об имаго-аппарате. – Полагаю, они есть у такой великой цивилизации, как Тейкскалаан. Можно без лишних хлопот посмотреть медицинскую карту посла и узнать.

– Вы бы поверили, если бы я ответил, что мне интересно, как вы поступите? Ваш предшественник – мм… был большим политиком для посла. Мне любопытно, все ли выходцы со Лсела такие.

– Я не Искандр, – сказала Махит и почувствовала укол стыда – ей следовало быть *больше* Искандром. Будь у них время на интеграцию… не исчезни он у нее в голове… – «Политики» бывают разные. Как, по-вашему, икспланатль об этом знает?

Двенадцать Азалия улыбнулся настолько, что продемонстрировал зубы.

– Вам он об этом не сказал. Или мне. Но он икспланатль из медицинского колледжа министерства науки – кто скажет, что он считает важным?

– Я хочу, – встала Махит, – увидеть сама.

Двенадцать Азалия взглянул на нее с радостью.

– Ах. Так, значит, и ты *политик*.

Глава 3

Внутри каждой клетки – бутон химического пламени,
[ИМЯ ПОКОЙНОГО] препоручается [земле/солнцу]
и зацветет тысячью цветов – по числу вздохов за жизнь,
и мы вспомним его/ее имя,
его имя и имя его предка (ов),
и в честь тех имен все собравшиеся
позволяют крови расцвести на своей ладони, и так же обратят
химическое пламя к [земле/солнцу] …

Стандартная тейкскалаанская траурная речь (отрывок), написанная по образцу панегирика эзуазуакату Два Амаранту, самое раннее появление – второй индикт императрицы всего Тейкскалаана Двенадцать Солнечной Вспышки.

* * *

[помехи]… повторяю, потерял контроль высоты… кувыркаюсь… неизвестное энергетическое оружие, пожар в кабине [неразборчиво] [неразборчиво] [ругательство] черные… черные корабли, быстрые, это дыры в [ругательство] бездне… звезд нет… там [неразборчиво] не могу… [ругательство] их еще больше [крик в течение 0,5 секунды, после чего следует рев – предположительно, взрывная декомпрессия, – в течение 1,9 секунды до потери сигнала]

Последняя трансляция лселского пилота Арага Чтела во время рекогносцировки на окраине сектора 242.3.11 (по тейкскалаанскому летоисчислению, правление Шесть Пути)

На сей раз Махит явилась к комплексу Юстиции пешком, пока Три Саргасс и Двенадцать Азалия шли рядом, то и дело меняя свое положение. Она чувствовала себя заложницей или возможной жертвой политического покушения – и то и другое

было слишком похоже на правду, чтобы сохранять оптимизм. Кроме того, она собиралась проникнуть в морг. Или помочь человеку с законным доступом в морг провести туда людей без доступа. Короче говоря. Теперь она *политик*.

Она жалела, что не получила более четких указаний от совета станции, *как именно* участвовать в политике. Большая часть указаний – после «узнать, что случилось с Искандром Агавном», – была в духе «делать работу на совесть, отстаивать права наших граждан, не позволить тейкскалаанцам нас аннексировать, если такой вопрос возникнет». Осталось такое впечатление, будто почти половина Совета – особенно Акнель Амнардбат, советница по культурному наследию, склонная считать дипломатию и сохранение культуры своей вотчиной, – надеялась, что тейкскалаанская культура ей нравится достаточно, чтобы получать удовольствие от назначения, и *не нравится* настолько, чтобы не допускать дальнейшее взаимосмешение этой культуры с искусством и литературой станционников. Другая же половина Совета – под предводительством советника по шахтерам Тарацем и советницей по пилотам Ончу (их Махит считала практичной половиной правительства из шести человек – а надежды Акнель Амнардбат высоко бы не ставила) давила на следующее: «Не дать империи нас аннексировать, но проследить, чтобы мы оставались главным источником молибдена, вольфрама и осмия – не говоря уже о доступе и информации о Вратах Анхамемат». Так считать ли вариант «моего предшественника убили, а меня, кажется, втягивают в закулисное расследование ради защиты станционных технологий» частным случаем пункта «не дать империи нас аннексировать»? Вот Искандр знал бы. Или хотя бы имел свое четкое мнение.

Район Города, где находилось правительство империи, огромный и старинный, был построен в виде шестиконечной звезды: секторы Восток, Запад, Север и Юг, а также Небо – вытянутый между Севером и Востоком, – и Земля – торчащий между Югом и Западом. Каждый сектор состоял из заостренных башен, набитых архивами и офисами, связанных многоэтажными мостами и арками. В воздухе между самыми населенными башнями висели дворы – с полами прозрачными или инкрустированными песчаником и золотом. В центре каждого располагался гидропонный сад, где в стоячей воде плавала фотосинтезирующая растительность. Невероятная роскошь, доступная только на планете. Цветы в гидропонных садах, похоже, подбирались по расцветке; чем ближе к министерству юстиции, тем краснее и краснее становились лепестки, пока середина каждого двора уже не смахивала на пруд из светящейся

крови, и тут Махит увидела здание, ставшее ее первым пунктом назначения – практически немыслимое число часов назад, этим утром.

Двенадцать Азалия провел указательным пальцем по полированной пластинке из зеленого металла рядом с дверью, нарисовав фигуру, которую Махит приняла за его каллиграфическую роспись – уловила где-то в середине спрятанный глиф, обозначающий «цветок», а в его имени при написании должны быть глиф «двенадцать», глиф «цветок» и уточнение *вида* цветка. Дверь в министерство с шипением открылась. Когда Три Саргасс тоже подняла руку к пластине, Двенадцать Азалия перехватил ее запястье.

– Просто заходи, – сказал он тихо, поторопив обеих внутрь и позволив дверям плотно закрыться у них за спиной. – Можно подумать, ты никуда не пролезала тайком…

– У нас же есть законный доступ, – прошипела Три Саргасс. – А кроме того, нас записывали камеры Города…

– И наш хозяин не желает, чтобы мы ассоциировались с *его* приходом, – отметила Махит не громче, чем нужно, чтобы ее услышали.

– Именно, – сказал Двенадцать Азалия, – и если дойдет до того, что кто-то начнет шарить по аудиовизуалке Города в поисках, кто заходил сегодня в министерство, значит, у нас и так уже *серьезные проблемы*, Травинка.

Махит вздохнула.

– Давайте быстрее; веди к моему предшественнику.

Губы Три Саргасс сжались в тонкую задумчивую линию, и она вернулась за левое плечо Махит, пока Двенадцать Азалия заводил их под землю.

Морг выглядел так же. Воздух прохладный, и пахнет неестественно чисто, словно его прогоняли через фильтры. Иксланатль – или Двенадцать Азалия после собственного *расследования* – накрыл тело Искандра тканью. Махит резко охватил ползучий страх: в последний раз, когда она здесь стояла, ее имаго выплеснул эмоции вместе с гормонами эндокринной системы и *исчез*. А она все равно сюда вернулась. Снова всплыла скверная мысль о *саботаже*: не может ли вредно воздействовать само помещение? (Или это ей так хочется, чтобы дело было в *помещении* и саботаж не оказался ее собственным провалом или работой кого-то на *Лселе*?)

Двенадцать Азалия снова стянул простыню, обнажая лицо мертвого Искандра Агавна. Махит подошла ближе. Пыталась видеть в трупе только материальную оболочку; физическую задачку из нынешнего времени, а не то, что когда-то хранило в

себе личность – точно так же, как хранила она. Одну и ту же личность.

Двенадцать Азалия надел стерильные хирургические перчатки и аккуратно приподнял голову трупа, повернув так, чтобы Махит видела затылок, и спрятав самое крупное место инъекции консерванта – в большой вене на горле. Труп, податливый и обмякший, двигался так, словно он свежее трехмесячной давности.

– Разглядеть трудно – шрам маленький, – сказал он, – но если надавить сверху на шейный отдел позвоночника, уверен, ты почувствуешь аберрацию.

Махит надавила большим пальцем в ложбинке черепа Искандра, прямо между связками. Кожа казалась резиновой. Слишком поддавалась, причем неправильно. Под подушечкой пальца предстал крошечной аномалией мелкий имаго-шрам; под ним скрывалась развернутая архитектура имаго-аппарата – твердость знакомая, как сами кости черепа. У нее то же самое. Во время учебы у нее была привычка поглаживать его большим пальцем. Не делала так с тех пор, как ей хирургическим путем установили имаго-аппарат с пятью годами опыта Искандра. Это не входило в его привычные жесты и вне станции могло выдать тайну, так что она позволила жесту раствориться в той новой совмещенной личности, какой они должны были стать.

– Да, – сказала она. – Чувствую.

– Ну вот, – улыбнулся Двенадцать Азалия. – Что это, по-твоему?

Она могла бы рассказать. Будь вместо него Три Саргасс, она бы и рассказала – хотя знала, что такой позыв даже чувствовать опасно; ничем не лучше признаваться одному тейкскалаанцу, а не другому, после всего лишь дня знакомства, – но она находилась в таком *отчаянном* одиночестве, без Искандра, и ей так *хотелось*.

– Точно не органической природы, – сказала она. – Но это у него уже давно, – уклончиво. Нужно покончить с этим безрассудным осмотром трупов, вернуться к себе, запереться и *покончить* с желанием… найти друзей. С гражданами Тейкскалаана не дружат. Особенно не дружат с асекретами, причем эти оба из министерства информации…

– Никогда не слышала, чтобы ему проводили операцию на позвоночнике, – сказала Три Саргасс. – За все время его пребывания на планете. Ни из-за эпилепсии, ни из-за чего-либо еще.

– Ты бы знала? – спросила Махит.

– При том, сколько времени он проводил при дворе? Твой предшественник все время был на виду. Если бы он исчез хоть на

неделю, кто-нибудь сказал бы, что его величество по нему наверняка скучает…

– *Неужели*, – сказала Махит.

– Я же упоминал, что он политик, – сказал Двенадцать Азалия. – Так, по-твоему, выходит, что металл внедрили до того, как он стал послом.

– И что это *делает?* – сказала Три Саргасс. – Меня куда больше интригует предназначение, чем *время* установки, Лепесток.

– Госпоже послу известны такие технические подробности? – спросил Двенадцать Азалия – непринужденно. Дразняще, подумала Махит. Может, даже *оскорбительно*. Он ее провоцировал.

– Госпожа посол, – сказала она, показывая на себя, – не знаток медицины и не иксплanатль и никак не может объяснить в подробностях неврологическое действие подобного устройства.

– Но оно неврологическое, – сказала Три Саргасс.

– Оно же в позвоночнике, – ответил Двенадцать Азалия так, словно это все объясняло. – И технология явно не тейкскалаанская; ни один иксплanатль не стал бы изменять работу человеческого мозга таким образом.

– Обойдемся без оскорблений, – сказала Три Саргасс. – Если негражданам хочется набивать череп металлом, это их дело, если только они не планируют стать гражданами…

– Посол явно участвовал *в делах тейкскалаанцев*, Травинка, – кому, как не тебе, это знать, практически поэтому тебя и назначали посредницей нового, – так что это не *пустяк*, если ему установили какое-то неврологическое оборудование…

– Эти сведения, конечно, очень интересны, – резко начала Махит и тут же осеклась, когда и Три Саргасс, и Двенадцать Азалия вдруг выпрямились и вызвали на лицах формальную неподвижность. Позади Махит с тихим шипением открылась дверь. Она обернулась.

К ним шла тейкскалаанка, одетая во все белоснежное: штаны, многослойная блузка, длинный асимметричный камзол. Лицо ее было темно-бронзовым, скулы – широкими, нос – словно нож над широким ртом с узкими губами. Сапоги из мягкой кожи ступали по полу беззвучно. Махит показалось, она еще не видела тейкскалаанки красивее – а значит, скорее всего, по местным меркам та считалась невзрачной или уродиной. Слишком стройная, слишком высокая, слишком выделяется нос, слишком трудно отвести взгляд.

«Она привлекает весь свет в помещении и изгибает вокруг себя».

Наблюдение как будто не принадлежало Махит. Всплыло в разуме, словно навык от имаго – словно знание тейкскалаанской жестикуляции или решение задачи с несколькими переменными, совершенно естественное и совершенно чужое для собственного опыта Махит. Она спросила себя, знал ли Искандр эту женщину, и снова *рассердилась*, что не может спросить. Что он удалился, когда нужен больше всего, оставив только эти обрывки мыслей, краткие впечатления.

Три Саргасс сделала шаг вперед, подняла руки в аккуратном формальном приветствии, едва соприкоснувшись кончиками пальцев, и низко поклонилась.

Новоприбывшая не потрудилась ответить.

– Как неожиданно, – сказала она. – А я-то думала, что единственная навещаю мертвецов в такой час, – смущенной она точно не казалась.

– Позвольте представить нового посла станции Лсел Махит Дзмаре, – сказала Три Саргасс с самой формальной конструкцией фразы, словно все они стояли в приемном зале императора, а не в подвале министерства юстиции.

– Мои соболезнования по поводу кончины твоего предшественника, Махит, – совершенно искренне сказала женщина в белом.

Еще никто в Городе не называл Махит по имени без немалых уговоров. Она вдруг почувствовала себя раскрытой. У всех на виду.

– Ее превосходительство эзуазуакат Девятнадцать Тесло, – продолжила Три Саргасс, а затем пробормотала: – Чей приход озаряет нас подобно блеску ножа, – единая партиципная фраза на тейкскалаанском из пятнадцати слогов, словно женщине в белом полагался собственный готовый поэтический эпитет. Возможно, так и было. Эзуазуакаты считались верными наперсниками императора, его ближайшими советниками и сотрапезниками. Тысячелетия назад, когда тейкскалаанцы еще не покинули планету, эзуазуакаты служили и его личной дружиной. Согласно доступным на Лселе историческим источникам, в последние века должность была куда менее жестокой.

Насчет «менее жестокой» Махит усомнилась, учитывая эпитет. Поклонилась.

– Благодарю за сочувствие, ваше превосходительство, – сказала она, согнувшись от талии и снова выпрямляясь, а потом встала навытяжку, вообразила себя человеком, который может *нависать* – возможно, нависать даже над безвкусно высокими тейкскалаанцами с опасными титулами, – и поинтересовалась: – Что же привело человека ваших полномочий, как вы выразились,

навестить мертвецов?

– Он мне нравился, – сказала Девятнадцать Тесло, – и я слышала, ты собираешься его сжечь.

Она приблизилась. Махит обнаружила, что стоит с ней плечом к плечу, глядя на труп. Девятнадцать Тесло поправила голову Искандра, как та лежала раньше, и мягким и фамильярным жестом убрала волосы со лба. На большом пальце блеснула печатка.

– Вы пришли попрощаться, – сказала Махит, подпустив в голос искреннее сомнение. Эзуазуакату нет нужды красться, как обычному послу и ее шаловливым компаньонам-асекретам, – уж точно не для того, чтобы взглянуть на труп. У нее имелись какие-то свои резоны. Для нее что-то изменилось с прибытием Махит – или с ее ответом икспланатлю, что тело Искандра следует сжечь. Махит понимала, что из-за появления нового посла начнутся какие-то политические маневры – она же не *идиотка*, – но не подумала, что волны поднимутся до самого внутреннего круга императора. «Искандр, – подумала она, – чем же ты тут занимался?»

– Никогда не прощаюсь, – сказала Девятнадцать Тесло. Взглянула искоса на Махит, с кратким проблеском белой улыбки между губ. – Как это невежливо – воображать вечную разлуку с таким выдающимся человеком, не говоря уже о друге.

Не ищут ли ее руки, такие бережные на коже трупа, тот же самый аппарат, который заметил Двенадцать Азалия? Возможно, она намекнула, что ей известно о процедуре имаго; возможно, она даже воображала, будто разговаривает с Искандром в теле Махит. Эзуазуакату не повезло – он ее не слышит; впрочем, не повезло и Махит.

– Вы явно выбрали для этого необычное время, – сказала Махит как можно более нейтрально.

– Не более необычное, чем ты. Да еще с такой любопытной компанией.

– Заверяю ваше превосходительство, – вклинился Двенадцать Азалия, – что…

– … что я привела свою культурную посредницу и ее коллегу-асекрету в качестве свидетелей для лселского траурного ритуала, – сказала Махит.

– В самом деле? – сказала Девятнадцать Тесло. В глазах Три Саргасс за ее спиной отчетливо – несмотря на фундаментальные культурные различия в привычных выражениях лиц – читалось обескураженное восхищение дерзостью.

– В самом деле, – ответила Махит.

– И в чем же он заключается? – поинтересовалась

Девятнадцать Тесло самым формальным и утонченно вежливым тоном, что Махит когда-либо слышала.

Возможно, когда Махит удостоится собственного поэтического эпитета в пятнадцать слогов, в него войдет «удачное развитие своих паршивых идей».

– Это бдение, – сочиняла она на ходу. – Преемник приходит к телу предшественника на один полуоборот станции – девять часов по вашему счислению, – чтобы предать своей памяти черты того, кем она станет, прежде чем эти черты обратятся в пепел. Для бдения требуются два свидетеля, вот почему я привела Три Саргасс и Двенадцать Азалию. После бдения преемник поедает те сожженные останки, которые желает сохранить, – в плане выдуманных ритуалов этот был не так уж плох. Махит была бы не против и провести такую церемонию в рамках интеграции со своим имаго. Если она еще когда-нибудь вернется на Лсел, то, может, даже его предложит. Впрочем, в *ее* случае разницы нет.

– А голограмма не сойдет? – справилась Девятнадцать Тесло. – Не хочу принижать габитус вашей культуры. Это лишь академический интерес.

Уж в этом Махит не сомневалась.

– Физический аспект наличия самого трупа добавляет опыту жизнеподобия, – сказала она.

Двенадцать Азалия издал тихий удушенный звук.

– Жизнеподобия, – повторил он.

Махит важно кивнула. Оказывается, она все-таки доверяет своим асекретам – или хотя бы верит, что они не выйдут из образа. Сердце бешено колотилось. Девятнадцать Тесло с нескрываемым удовольствием перевела взгляд с нее на Три Саргасс, которая казалась совершенно собранной, если не считать широко распахнутых глаз. Махит уже не сомневалась, что вся ее выдумка сейчас рухнет ей же на голову. Что ж, она хотя бы уже внутри Юстиции; если эзуазуакат решит ее арестовать, далеко идти не придется.

– Искандр никогда не упоминал о подобном, – сказала Девятнадцать Тесло, – но он вечно недоговаривал о смерти на Лселе.

– Обычно это куда более личная тема, – сказала Махит, солгав только отчасти. Смерть была личной темой, пока не становилась началом самого интимного контакта, что только может быть между двумя людьми.

Девятнадцать Тесло натянула простыню на грудь трупа, раз пригладила и отступила.

– Ты так на него не похожа, – сказала она. – Разве что чувством юмора, но не более. Удивлена.

– Правда?

– Весьма.

– Тейкскалааанцы тоже не все одинаковы.

Девятнадцать Тесло рассмеялась – один резкий смешок.

– Нет, но у нас есть *типы*. Например, твои асекреты. Она – точный образец оратора-дипломата Одиннадцать Станка, только женщина и слишком худощавая в груди. Сама спроси – у нее от зубов отскакивает все его творчество, даже из тех времен, когда он необдуманно спутался с варварами.

Три Саргасс сделала жест одной рукой – одновременно и горестный, и польщенный.

– Я и не думала, что ваше превосходительство обращает на меня внимание, – сказала она.

– И никогда так не думай, Три Саргасс, – сказала Девятнадцать Тесло. Махит не поняла, подразумевалась ли тут угроза. Возможно, она просто говорит так *всегда*.

– Было интересно с тобой встретиться, Махит, – продолжала она. – Уверена, не в последний раз.

– Уверена.

– Тебе пора вернуться к бдению, верно? Искренне желаю радостного воссоединения с предшественником.

Махит была близка к истерическому смеху.

– И я себе этого желаю, – ответила она. – Вы оказали большую честь Искандру своим присутствием.

На эти слова у Девятнадцать Тесло была какая-то сложная внутренняя реакция. Махит еще недостаточно ознакомилась с выражениями тейкскалаанских лиц, чтобы расшифровать ее.

– Спокойной ночи, Махит, – сказала она. – Асекреты, – развернулась на каблуке и вышла так же неторопливо, как пришла.

Стоило двери за ней закрыться, как Три Саргасс спросила:

– Что из всего этого правда, госпожа посол?

– Кое-что, – иронично ответила Махит. – Концовка, когда она пожелала мне радостного воссоединения, а я согласилась. Это – точно правда. – Она помолчала, мысленно поскрипела зубами и продолжила: – Я благодарна вам за поддержку. Обоим.

– Просто никак не ожидала видеть эзуазуаката в морге, – сказала Три Саргасс. – Особенно *ее*.

– А лично *мне* хотелось посмотреть, как ты справишься, – добавил Двенадцать Азалия. – Если бы я перебил, то все бы испортил.

– Я бы могла сказать правду, – ответила Махит. – Вот она я – новенькая в Городе, сбита с пути моей собственной культурной посредницей и придворным авантюристом.

Двенадцать Азалия сложил руки на груди.

– И *мы* могли бы сказать ей правду, – заметил он. – У ее друга, покойного посла, есть таинственные и наверняка незаконные неврологические имплантаты.

– Как для нас удачно, что все врут, – весело заметила Три Саргасс.

– Культурный обмен через взаимовыгодный обман, – сказала Махит. Пожала одним плечом.

– Ему недолго быть взаимовыгодным, – сказал Двенадцать Азалия, – если мы трое не договоримся продолжать в том же духе. Мне все еще интересно, для чего нужен имплантат, госпожа посол.

– А мне интересно, с чего это мой предшественник дружил с ее превосходительством эзуазуакатом, а заодно и *самим императором*.

Три Саргасс уперлась обеими руками в стол, по бокам от головы Искандра. Кольца звякнули по металлу.

– Мы можем обменяться не только ложью, но и правдой, – сказала она. – Давайте по одной с каждого, для уговора.

– Вот это *точно* из Одиннадцать Станка, – сказал Двенадцать Азалия. – Договор о правде между ним и его верным отрядом инопланетян из пятого тома «Депеш с нуминозного фронтира».

Три Саргасс не сконфузилась, хотя Махит и показалось, что повод у нее есть. Аллюзии и отсылки находились во главе угла высокой тейкскалаанской культуры – но можно ли ими оперировать настолько очевидно, чтобы старый друг *точно* определил источник цитаты? Сама-то она не читала «Депеши с нуминозного фронтира». Этот текст не доходил до станции Лсел. Похоже, он не из тех, что могли пропустить тейкскалаанские цензоры, – они редко пропускали религиозные тексты или те, которые можно истолковать как руководство по госуправлению либо неотредактированные рассказы о дипломатии или военном деле Тейкскалаана.

– Девятнадцать Тесло *не ошиблась* насчет меня, – ответила Три Саргасс довольно безмятежно. – Одиннадцать Станку это помогло. Поможет и нам.

– По одной правде с каждого, – сказала Махит. – И мы сохраним чужие секреты.

– Ладно, – сказал Двенадцать Азалия. Провел рукой против прилизанных волос, взъерошил. – Ты первая, Травинка.

– Почему это *я* первая, – возразила Три Саргасс, – если это ты нас сюда втравил.

– Тогда *она* первая.

Махит покачала головой.

– Я даже не знаю правил договора о правде, – сказала она, – я не гражданка и не имела удовольствия читать Одиннадцать Станка. Так что вам придется показать пример.

– А ты-то и рада, – сказала Три Саргасс, – когда можно *сыграть* на своей нецивилизованности.

Махит и правда была рада. Это единственный приятный момент во времена, когда ты одна и тебя то очаровывают, то пугают окружающие тейкскалааанцы, которые до сего дня были одновременно и куда менее тревожными, и куда более доступными по той простой причине, что существовали главным образом в *литературе*. Она пожала плечами в ответ.

– Может ли не повергать в трепет огромная пропасть, отделяющая меня от граждан Тейкскалаана?

– Вот-вот, – сказала Три Саргасс. – *Ладно, я* первая. Лепесток, спрашивай.

Двенадцать Азалия чуть склонил голову к плечу, как бы в раздумьях. Махит почти не сомневалась, что вопрос он уже придумал, а тянул только ради театральности. Наконец он спросил:

– Почему ты попросилась в культурные посредницы посла Дзмаре?

– Ой, нечестно! – сказала Три Саргасс. – Остроумно и нечестно! Ты стал в этой игре лучше, чем раньше.

– А я и старше, чем раньше, и на меня уже не действуют твои чары. Теперь давай. Выкладывай правду.

Три Саргасс вздохнула.

– Тщеславные личные амбиции, – начала она, отсчитывая причины на пальцах, начиная с большого, – искренний интерес к *необычайному* взлету бывшего посла в глазах его величества – у тебя, Махит, очень славная станция, но и довольно маленькая, нет никаких *вменяемых* причин, чтобы рука императора легла на плечи твоего предшественника, пусть и такие красивые, – и, хм-м… – Она помолчала. Пауза была драматической, но Махит подозревала, что при этом и неподдельной. Вся сконфуженность, которая ранее в Три Саргасс отсутствовала, теперь проявилась в положении подбородка, в том, как она прятала глаза ото всех, даже от трупа. – И – мне нравятся пришельцы.

– *Нравятся инопланетяне*, – в восторге воскликнул Двенадцать Азалия одновременно с тем, как Махит сказала:

– Я не инопланетянка.

– Почти, – сказала Три Саргасс, совершенно пропустив мимо ушей Двенадцать Азалию. – Причем достаточно человечная, чтобы с тобой можно было поговорить, а так даже лучше. Вот теперь – совершенно точно не моя очередь.

Очевидно, Три Саргасс не тянуло признаваться в подобном перед другим сотрудником министерства информации, и Махит почти понимала почему: ей *нравятся* – то есть она отдает предпочтение – нецивилизованные лица. Это как практически самой признаться в нецивилизованности. (Не говоря уже о *суггестивности*. Выбранный глагол был пугающе растяжимым. Об этом Махит задумается позже.) Она решила проявить милосердие, поддержать игру и оставить Три Саргасс в покое.

– Двенадцать Азалия, – сказала она. – Каким было политическое положение моего предшественника сразу перед смертью?

– Это не правда, а университетский реферат, – ответил Двенадцать Азалия. – Сведи вопрос к тому, что я *знаю*.

Махит пощелкала языком.

– Значит, к тому, что ты знаешь.

– *Только* он, – подсказала Три Саргасс. – Для паритета.

– Что ты по *правде,* – начала Махит, осторожно подбирая каждое слово, – выгадаешь от знания об имплантатах в спинном мозге или где-либо еще у посла станции Лсел?

– Его кто-то убил, и мне хочется знать за что, – ответил Двенадцать Азалия. – О, только не стройте такой изумленный вид, госпожа посол! Как будто ты не подумала о том же самом, что бы тебе утром ни наплели Травинка и иксплanатль. Уж я-то знаю. У тебя же на лбу написано – вы, варвары, не умеете скрывать. Кто-то убил посла – и никто не признается. Даже в Информации молчат, и у меня действительно есть медицинское образование – сам когда-то *чуть* не стал иксплanатлем, – вот я и решил, что я лучший кандидат для расследования, *почему* двор замял этот инцидент. Особенно если замяла Наука, а не Юстиция; Десять Перл в Науке уже *годами* враждует с Два Палисандр…

– Это министр науки и наш министр информации, – пробормотала Три Саргасс, сильно напоминая имаго в своем усердии заполнить пробелы в познаниях.

Двенадцать Азалия кивнул, отмахнулся, попросив тишины, продолжил:

– Я сам себя назначил на расследование, чтобы убедиться, что Десять Перл не подкапывается под Информацию, и спустился сюда для личного осмотра, потому что иксплanатль Четыре Рычаг вел себя *раздражающе* открыто, а я по-прежнему не знаю, почему посол умер. Имплантат я нашел случайно. Теперь-то, заманив сюда тебя, я думаю, что одно связано с другим, но начинал я далеко не с этого. – Он встряхнул рукава, оперся руками на стол. – А теперь моя очередь спрашивать.

Махит подобралась. Она была более чем готова открыть

правду – даже *склонялась* к тому, чтобы сознаться, прямо сейчас, после облегчения от признания Двенадцать Азалии, что Искандра убили, и тем более после прилюдного конфуза Три Саргасс из-за столь *нетейкскалаанского*, а очень даже человеческого поведения – ну вот, Махит начала перенимать тейкскалаанские привычки и делить всех на цивилизованных и нецивилизованных, только наоборот. Она такой же человек, как и они. Они такие же люди, как и она.

Значит, она раскроет им какую-то долю правды. Когда Двенадцать Азалия неизбежно задаст вопрос. А с последствиями разберется потом. Всё лучше, чем огульно не доверять никому только из-за того, что они – тейкскалаанцы. Что за абсурдная мысль для человека, который все свое детство мечтал *быть* гражданином империи – пусть даже только из-за одной поэзии…

– Для чего нужен имплантат, госпожа посол?

«Эй, Искандр, – подумала Махит, обратившись к тишине, где должен быть ее имаго, – наблюдай. Я умею крамольничать не хуже некоторых».

– Он делает запись, – начала она. – Копию. Память и паттерны мышления человека. Мы называем это *имаго*-аппаратом, потому что он создает *имаго* – версию личности, которая переживет тело. Сейчас его аппарат наверняка бесполезен. Посол мертв, и аппарат три месяца записывал разложение мозга.

– А если бы не был бесполезным, – аккуратно спросила Три Саргасс, – что бы ты с ним сделала?

– *Я* – ничего. Я не нейрохирург. Или какой-нибудь иксланатль. Но если бы я ими была, то поместила бы имаго в человека – и все, что Искандр узнал за последние пятнадцать лет, никогда не будет утрачено.

– Это непристойно, – сказал Двенадцать Азалия. – Мертвец захватывает живое тело. *Неудивительно*, что вы едите трупы…

– *Уж постарайся* не оскорблять, – огрызнулась Махит. – Это не замена. А совмещение. Нас на станции Лсел не так уж *много*. У нас свои методы сохранять знания.

Три Саргасс обошла стол и теперь положила два пальца на тыльную сторону запястья Махит. Прикосновение показалось шокирующе агрессивным.

– А у тебя он есть? – спросила она.

– Мы закончили с договором, Три Саргасс, – сказала Махит. – Угадай. Послали бы меня в Жемчужину Мира *без* него?

– Я могла бы придумать убедительные аргументы для каждого варианта.

– Для *этого-то* вы и нужны, да? Вы оба. – Махит знала, что ей пора бы замолчать – в тейкскалаанской культуре эмоциональные

выплески считались неприличными и говорили о незрелости, – но все не замолкала. Тем более что молчали все дружественные и успокаивающие голоса, которые должны быть на ее стороне. – Вы, асекреты. Убедительные аргументы, риторика, договоры о правде.

– Да, – сказала Три Саргасс. – Для этого мы и нужны. И извлечение информации, и спасение подопечных из неловких или инкриминирующих ситуаций. В какой мы сейчас и оказались. Мы закончили, Лепесток? Получил, что хотел?

– Отчасти, – сказал Двенадцать Азалия.

– С тебя хватит. Вернемся домой, Махит.

Она вела себя *мягко*, и это… В этом не было ничего хорошего. Махит отдернула запястье, отпрянула.

– Не хочешь извлечь еще информацию?

– Да, хочу, – ответила Три Саргасс так, будто они говорили о чем-то маловажном. – Но еще у меня есть профессиональная добросовестность.

– Что верно, то верно, – добавил Двенадцать Азалия. – Иногда это раздражает. «Нравятся» ей инопланетяне или нет, но в глубине души Травинка настоящий консерватор.

– *Спокойной ночи*, Лепесток, – резко сказала Три Саргасс, и Махит не гордилась тем, как обрадовалась, что не ее одну вывели из себя.

* * *

Когда Три Саргасс водворила Махит обратно в их комнаты, ящик для сообщений снова доверху заполнился инфокартами. Махит взглянула на них с глухим и смиренным отчаянием.

– Всё утром, – сказала она. – Я ложусь спать.

– Только эту, – сказала Три Саргасс. Взяла стик из кости, с золотой печатью. Кость наверняка была настоящая, от какого-нибудь убитого крупного животного. Чуть ранее Махит могла бы возмутиться, или заинтересоваться, или все сразу. Теперь же просто отмахнулась: «Если так хочешь». Три Саргасс разломила стик, и тот пролил ей на ладони голограмму бледно-золотого цвета, отражавшуюся от кремовых, красных и рыжих оттенков ее костюма.

– Ее превосходительство эзуазуакат желает встретиться с тобой при ближайшей возможности.

Ну, разумеется. (И, разумеется, ее инфокарт-стики сделаны из живого существа.) Она подозрительна, умна и знала Искандра, и ей помешали в морге с тем, ради чего она пришла, вот она и хочет зайти с другой стороны.

– У меня есть выбор? – спросила Махит. – Нет, не отвечай. Передай ей – «да».

* * *

Постель Искандра не пахла ничем – или тейкскалаанским мылом, пустым запахом лишь с намеком на минеральную воду. Кровать была широкая и завалена одеялами. Свернувшись в ней, Махит почувствовала себя точкой сжатия в центре вселенной, рекурсивно погружаясь сама в себя. Она сама не знала, на каком языке думает. Звездное поле над головой поблескивало в ночи – и *правда* безвкусица, – и ей *не хватало* Искандра, и хотелось разозлиться на того, кто поймет, насколько она разозлилась, а Жемчужина Мира за окном издавала тихий оседающий шум, как и любой другой город…

Сон подхватил, как гравитационный колодец, и она поддалась.

Глава 4

Кухня в Городе разнообразна, как и на любой планете: в Городе, несмотря на урбанизацию, почти 65 процентов суши, так же много климатических поясов, как и на других планетах, так что здесь найдется превосходная еда для холодной погоды (автор нижайше рекомендует обернутые вокруг зимних овощей тонкие ломтики оковалка малого лося в «Затерянном саду» на плазе Север-Четыре – если вас не пугает дальняя дорога!). Тем не менее классическая кухня Города – это яства дворцового комплекса: субтропические, сосредоточенные на широком разнообразии цветов и водных растений, характерных для прославленной архитектуры дворца. Начните день с жареных бутонов лилий, в чьих лепестках прячется свежий козий сыр, – они найдутся почти у каждого уличного торговца, и лучше брать погорячее, – а затем приступайте к кулинарному туру по множеству известных на весь космос ресторанов плазы Центр-Девять…

Из «Услады гурмана в Городе: путеводитель туриста в поисках изысканных переживаний», Двадцать Четыре Роза, распространение в основном в системах Западной Дуги.

* * *

[…] в следующий пятилетний период ожидаем способности выдать вплоть до пятисот разрешений на деторождение без последующего перемещения ввиду высокой эффективности урожая последней модификации риса при нулевой гравитации. В первую очередь иметь детей разрешается лицам, которые больше десяти лет находятся в списке зарегистрированных генетических родословных; затем – на усмотрение советника по шахтерам ради появления детей, которые с высокой вероятностью получат высокие оценки по способностям для имаго-линий по горной добыче и инженерии…

Доклад советника по гидропонике на тему «Стратегические резервы жизнеобеспечения и

Искандр утром не вернулся.

Махит проснулась с такой же пустой головой, с которой засыпала. Она чувствовала внутри себя гулкую пещеру, ощущала стеклянную хрупкость, словно при похмелье в начальной стадии. Подняла перед собой руки. Не тряслись. Касалась кончиками пальцев кончика большого в разном ритме: так же просто, как всегда. Если она и пострадала от неврологической травмы – если ее имаго-аппарат полетел необратимо и выжег нейронные связи, которые должны были навечно высечь в ее разуме Искандра, сделать одного человека из двоих, – в подобной элементарной зарядке это не проявлялось. Наверняка она сможет пройти и по прямой линии. Но какой смысл?

На Лселе уже было бы *поздно* волноваться и бежать к психотерапевту по интеграции. *Каскадный* сбой в морге, отключения, эмоциональные всплески и потом *молчание* – настолько неудачно интеграция имаго на ее памяти не проходила ни разу. На Лселе ей бы пришлось лечь в лазарет на медицинскую палубу. А она сейчас сидела на кровати Искандра посреди Тейкскалаана и *бесилась*, что его нет рядом. И если у нее и есть какой-то неврологический сбой, то не видно симптомов, которые бы заметил тейкскалаанский медицинский работник, даже если бы захотелось обращаться за помощью.

В спальне Искандра были узкие и высокие окна, три в ряд, и в них широкими лучами проливалось рассветное солнце. В лучах виднелись парящие точки, невесомо танцевали – возможно, у нее все-таки *есть* неврологические симптомы или какая-нибудь окулярная мигрень.

Она встала, прошла (по прямой линии, просто для проверки) и провела по ним рукой. «Пыль. Это пылинки». В Жемчужине Мира нет нужды в очистителях воздуха. А еще тут есть *небо* и растения. Прямо как на других планетах, где она бывала в кратких визитах. Что за глупые переживания. Просто все вокруг чужое, а ей настолько *одиноко*, что начались полеты параноической фантазии.

Три месяца – для *кого угодно* слишком короткий срок, чтобы интегрироваться как следует. Ей с Искандром положен год – чтобы врасти друг в друга, чтобы она впитала все, что он знает, а он растворился из голоса в разуме до инстинктивного второго мнения. Положены медитации, сеансы психотерапии и медосмотры, а здесь, куда она всегда стремилась попасть больше всего, ничего подобного нет.

«Искандр, – подумала она. – Твой предшественник втянул

тебя, меня и всю станцию в такие неприятности, которых никто из нас не заслуживает, и ведь тебе бы это *понравилось*, ты был бы в восторге от этого бардака, так твою же мать, куда ты запропастился?»

Ничего.

Махит ударила ладонью по простенку между окнами – до боли.

– Ты в порядке? – спросила Три Саргасс.

Махит развернулась. К косяку прислонилась Три Саргасс, уже безукоризненно одетая, словно и не снимала костюм всю прошедшую ночь.

– Насколько на тейкскалаанском широко понятие «ты»? – спросила Махит, потирая ладонь. Наверняка останется синяк.

– С грамматической точки зрения или экзистенциальной? – спросила в ответ Три Саргасс. – Одевайтесь, госпожа посол, сегодня нас ждет *столько* встреч. Нашла я тебе Пятнадцать Двигателя – бывшего посредника твоего предшественника – и уже договорилась о позднем завтраке в Центральном Городе. И ты *не поверишь*, что есть на него в досье у Информации. Если захочешь потрепать ему нервы, спроси о «щедрых взносах» в благотворительные организации, которые подозреваются в поддержке того неприятного восстания на Одилии.

– Ты вообще спишь? – сухо поинтересовалась Махит. – С грамматической или экзистенциальной точки зрения, как угодно.

– Иногда, в обоих случаях, – сказала Три Саргасс и пропала во внешней комнате так же плавно, как пришла, оставляя Махит вспоминать то немногое, что она знает об Одилии: там прошел *какой-то* мелкий мятеж, но в версии тейкскалаанских новостей, доходивших до Лсела, это замалчивалось, как обычно и случалось. Одилия находилась на Западной Дуге – одна из *последних* систем, аннексированных Тейкскалааном в начале правления Шесть Пути, когда он в первую очередь был императором-завоевателем, капитаном корабля. Из-за чего начался бунт, Махит не знала. Но раз на Пятнадцать Двигателя можно надавить с помощью *политики*, у нее будет преимущество – если понадобится.

А Три Саргасс, значит, всерьез настроилась приносить пользу.

Махит оделась в самые нейтрально-серые оттенки станционников – штаны, блузку и короткий пиджак, которые считались бы в Городе неуместными только потому, что они не тейкскалаанские, то есть не «очень заметные, но без эпатажа», – и все это время гадала, доживет ли до того, чтобы ей пошили одежду в имперском стиле. Во второй комнате обнаружила, что Три Саргасс уже заказала плошки с какой-то желтой кашей,

напоминающей крем.

– Не отравлено, обещаю, – сказала она, проглатывая целую ложку. – Пасту обрабатывают *шестнадцать* часов.

Махит приняла плошку без особого трепета.

– Я верю, что ты не собираешься убить меня намеренно – пусть и только из-за своих тщеславных личных амбиций, – ответила она. Три Саргасс возмущенно фыркнула через нос. – А что бы случилось, если бы пасту *не* обрабатывали?

– Цианид, – бодро сказала Три Саргасс. – Природный антипитательный фактор в клубнях. Но вкусно. Попробуй.

Махит попробовала. Какой смысл отказываться. Здесь нет *безопасности*; если только разная степень опасности. Она чувствовала себя на воле волн – и это еще *до* риска отравления цианидом. Каша была слегка горьковатой, насыщенной и вкусной. Доедая, она даже облизала ложку.

* * *

Из дворцового комплекса они выезжали на метро. Туда Три Саргасс повела на четыре этажа вниз и через площадь, бурлящую от чиновников нижнего эшелона, в палево-кремовой одежде без патрицианских красных оттенков.

– Тлакслаи, – пояснила Три Саргасс, – счетоводы. Они всегда перемещаются толпами. – Затем они спустились на станцию, с которой можно выехать из дворцового комплекса в сам Город. Все стены на входе в метро заклеили плакатами, как показалось Махит, политического содержания: военный флаг Тейкскалаана – веер из копий на фоне звездного неба, – только в ярко-красных оттенках, и копья составляли глиф в стиле граффити, причем Махит пришлось вглядеться, чтобы его расшифровать. Возможно, это слово «гниль», но она сомневалась. В «гнили» меньше шести линий.

– Их уже снимут ко времени, когда мы вернемся, – сказала Три Саргасс, потянув Махит за рукав, чтобы направить вниз по лестнице. – Кто-нибудь вызовет уборщиков. Опять.

– Не твоя любимая… политическая партия? – предположила Махит.

– Я, – ответила Три Саргасс, – бесстрастный наблюдатель из министерства информации и не имею никакого мнения о тех, кто рад развешивать антиимперские плакаты в общественных местах, но не участвует в местном самоуправлении или не сдает экзамены, чтобы поступить на госслужбу.

– Здесь это распространено?

– Это *всегда* распространено; меняются только плакаты, – сказала Три Саргасс. – Уже хорошо, что эти не голографические – не приходится проходить *сквозь*.

Внизу лестницы находилась гладкая платформа со стенами, украшенными мозаикой – где та проглядывала из-за плакатов – с розами сотен оттенков, от белого до золотого и ярко-розового.

– Это станция «Дворец-Восток», – объясняла Три Саргасс. – В дворцовом комплексе всего шесть станций – по всем сторонам света, если смотреть в плоской развертке. – Она показала на карту метро, где дворцовый комплекс был представлен в виде шестиконечной звезды. – Это больше из символических соображений, чем из практических: например, на «Дворце-Земля» сходят в имперские апартаменты, а согласно космологии, они должны находиться на «Дворце-Небе».

– А что на «Дворце-Небе»? – спросила Махит. Вагон прибывшего поезда был по-спартански простым, как и космопорт, со множеством тейкскалаанцев во всем белом. Большинство как будто сошли с картин и фотографий – смуглые и низкие, с широкими скулами и широкой грудью, – но встречались люди всех национальностей, со всех планетных систем. Махит даже показалось, что она заметила мутанта из невесомости – словно всего состоящего из длинных конечностей, с сопутствующей бледностью, рыжими волосами и экзоскелетом, чтобы иметь возможность стоять вертикально при планетарной гравитации. Но одевались все пассажиры одинаково, не считая цветов на кремовых рукавах, отмечавших их ветвь госслужбы. Все – работники дворца, Города. Все – тейкскалаанцы больше, чем она может надеяться стать, сколько бы стихов ни заучила. Она взялась за металлический поручень, когда поезд начал движение – сперва помчался через темный туннель, а потом выбрался на улицу, на надземные пути. За окнами проносился Город, здания сливались.

– Архивы, министерство войны, цензурное ведомство империи, – отвечала на прошлый вопрос Три Саргасс.

– С космологической точки зрения не сказать, что это неправильно.

– Какое у тебя странное мнение о том, что мы шлем во вселенную, – сказала Три Саргасс.

– Литература, завоевания и все запрещенное. Что не так?

Двери с шипением раздвинулись; вышла половина тейкскалаанцев. Вместо них зашли более красочно одетые люди; несколько детей. Самые младшие беззастенчиво глазели на Махит, а их сопровождающие – родители, клон-роды или воспитатели из яслей, трудно сказать – не старались их

одергивать. Все встали подальше от Махит и Три Саргасс, несмотря на многолюдность, и Махит задумалась насчет табу на прикосновения, насчет ксенофобии. Когда здесь был Искандр – когда здесь был *имаго*-Искандр, то есть пятнадцать лет назад, – очевидного нежелания физического контакта с иностранцами еще не существовало, как не существовало в любом тейкскалаанском культурном контексте, известном *ей*.

Перемены в отношении к чужакам указывали на неуверенность в себе; это она знала из самого базового обучения психологической реакции, которое проходят все граждане Лсела во время тестирования способностей. В Городе что-то *изменилось* – и она не знала что.

– Мы сели на линии «Дворец-Восток» и направляемся на плазу Центр-Девять, – сказала Три Саргасс, пожимая плечами, словно отвечая на какой-то вопрос Махит, и показала на пересекающиеся линии подземки на настенной карте. Метро покрывало Город кружевами, как кристаллы льда покрывают оконное стекло: фракталы множества линий, невозможная сложность. И все же тейкскалаанцы пользовались метро без хлопот и труда; на платформе стояли точно настроенные часы для отсчета времени прибытия – причем часы *не врали*.

* * *

Людей на плазе Центр-Девять было больше, чем Махит когда-либо видела в одном месте. Стоило подумать, что она поняла масштаб Жемчужины Мира, как тут она осознавала, что ошибалась. Сравнить со Лселом никак не получалось. Лсел – крупнейшая из десяти станций – мог принять самое большее тридцать тысяч обитателей. Сейчас по одной только этой площади ходило вчетверо больше тейкскалаанцев – и ходило произвольно, не подчиняясь коридорным разметкам или сменяющейся силе гравитационного поля, куда пожелают. Если в их движении и был какой-то организующий принцип, то скорее откуда-то из области гидродинамики, а та никогда не входила в область знаний Махит.

Из Три Саргасс получился образцовый экскурсовод. Она держалась слева от Махит – достаточно близко, чтобы ни одному любопытному тейкскалаанцу не пришло в голову донимать варвара-иностранца несвоевременными вопросами, но и достаточно далеко, чтобы не вторгаться в личное пространство Махит. Показывая архитектурные достопримечательности и места, представляющие исторический интерес, она иногда

забывалась и машинально ударялась в многослоговые строфы. Махит завидовала ее беглому владению отсылками.

От центра плазы распускались сияющая сталь, золото и стекло зданий, словно лепестки цветка, раскрывая наверху полыхание ярко-голубого неба. Махит попросила Три Саргасс задержаться прямо посередине, чтобы отклониться всем телом и просто *посмотреть*. Небесный свод – головокружительный, бездонный – он как будто кружился. Она стоит в центре мира, и…

… ее рука кровоточит ярко-красным в золотое солнце ритуальной чаши (его рука, не ее – рука Искандра), небо такой же формы, на своде мерцает множество звезд, когда он смотрит через взрыв лепестков, что служит крышей храма солнца, и в колкость и бешеное кружение неба произносит: «Теперь мы поклялись служить делу, ты и я – твоя кровь и моя…»

Махит моргнула, и проблеск пропал. Спина уже затекла, так что она выпрямилась. Три Саргасс улыбалась.

– Да у тебя *солнечный шок*, – сказала она.

(имаго-шок)

– Надо отвести тебя в храм, чтобы жрецы сбрызнули тебя кровью и золотом. Ты что, никогда не была на планете?

Махит сглотнула. В горле пересохло, и она все еще чувствовала медный запах крови из *прошлого* – мысленное послевкусие.

– Ни на одной планете, где я была, нет неба такого цвета, – выдавила она. – Нам разве не надо торопиться на встречу? Из-за отлучек к духовенству мы *точно* опоздаем.

Три Саргасс выразительно пожала плечами.

– Храмы солнца никуда не денутся. Службы идут каждый час. Чаще, если ты отправляешься из Города или вступаешь в армию и поэтому хочешь укрепить удачу и заручиться благоволением звезд. Но ресторан – прямо там, если тебя не затруднит сойти с середины Центра-Девять, – она показала вытянутой рукой.

Ресторан, о котором шла речь, был открытым и светлым, на каждом белокаменном столике в качестве украшения поблескивали мелкие тарелки с водой, где плавали голубые цветы со множеством лепестков. Махит это показалось ужасно расточительным, но она подозревала, что Три Саргасс даже не задумывается о таком количестве без толку простаивающей воды.

Пятнадцать Двигатель ожидал за угловым столиком. Средних лет, широкие плечи над солидным брюшком, седые волосы цвета стали зачесаны с аристократичного низкого лба и завязаны в хвост, скрепленный металлическим кольцом. Облачная привязка была такой же, какой она ее вспомнила – какой ее вспомнил Искандр: несоразмерное бронзовое сооружение, прятавшее левую

глазницу от скулы до лба. Когда Три Саргасс всего лишь назвала его имя, она уловила эхо после только что закончившейся мощной вспышки эмоций: отдаленная теплота, отдаленная досада. Но затененные, полузабытые. Возможно, и вовсе ничего не почувствовалось. Призрачная память, а не полезные ощущения от имаго.

Махит осознала, что представляла себе Пятнадцать Двигателя моложе – всего лет на пять-десять старше нее. Но он служил культурным посредником Искандра, когда тот только прибыл двадцать лет назад, причем совсем недолго: может, ее имаго и молодой, но имаго сам устарел на пятнадцать лет, и все, что знает о нем Пятнадцать Двигатель, соответственно, устарело.

Тем не менее Махит подняла ладони для приветствия. Соприкосновение пальцев как током ударило – будто она чувствовала все нервы в руках, эхо от случаев, когда это движение повторял Искандр. Почти словно он вернулся.

Опустив ладони, Пятнадцать Двигатель осмотрел ее и насмешливо произнес:

– О звезды, Искандр, она же в четыре раза младше тебя. Как тебе *ощущения?*

– Так и знала! – сказала Три Саргасс, пихнув Махит в плечо. – У тебя такой же аппарат и, *естественно*, у тебя в голове мозг предшественника…

– Цыц, – сказала Махит и села. Села точно так же, как садилась в восемнадцать лет: неловко, по-девчачьи, не находя место слишком длинным рукам, и увидела, как обнадеженное выражение Пятнадцать Двигателя сменилось опаской.

– Искандр мог несколько преувеличить масштаб переноса личности, – сказала она отрывисто.

– Но ты же там?…

– Сейчас нет, – ответила Махит и понадеялась, что Три Саргасс примет это за задуманное действие имаго-механизма, а не за критическую ошибку. – К тому же мне очень интересно услышать, что мой предшественник так несдержанно делился информацией о закрытой технологии.

– Как вижу, вашей посреднице понадобилось приблизительно тридцать шесть часов, чтобы вытянуть те же сведения из *вас*.

– Смягчающие обстоятельства, патриций, учитывая, что Искандр мертв.

– Неужели, – бросил Пятнадцать Двигатель сухо.

– Человек, которого вы знали, – да.

– Тогда мне незачем с вами беседовать, – ответил Пятнадцать Двигатель. – Добрую часть двадцати лет я нахожусь вне межзвездной политики. Больше десяти лет назад я ушел в

отставку из министерства информации. Живу тихо и занимаюсь собственной работой вдали от перипетий центрального правительства. – Он собрался встать, отодвинулся на кресле от стола. Тарелка с цветами затряслась; вода плеснула за край и побежала по камню, чтобы капнуть на пол ресторана.

Завороженная таким транжирством, Махит только успела сказать: «Похоже, он вам доверял», – пытаясь хоть как-то спасти встречу, но Пятнадцать Двигатель ловко отступил на шаг, чтобы не угодить в лужу, – и тут мир полыхнул белым и заревел.

* * *

Она лежала на полу, мокрой щекой в пролитой воде. В воздухе клубились густой едкий дым и крики на тейкскалаанском. Ей на бедро упала часть стола – или часть стены, тяжелый обездвиживающий мрамор, – и, стоило шевельнуться, Махит прибило к полу гвоздем сияющей боли. Поле зрения было частично закрыто – перед глазами торчали ножки кресел и обломки, – но все, что было видно, пылало.

Она знала тейкскалаанское слово «взрыв» – основа военной поэзии, обычно приукрашенное эпитетами типа «потрясающий» или «огнецветный», – но теперь, экстраполируя из криков, узнала и слово «бомба». Короткое. Можно кричать очень громко. Это она поняла, потому что именно его кричали люди, когда не кричали «помогите».

Три Саргасс нигде не было видно.

На лицо что-то капало – мокрое, как разлитая вода, но с другой стороны. Капало, собралось и пролилось из впадинки виска по щеке и глазу, и было *красным,* было *кровью*. Махит повернула голову, выгнула шею. Кровь свернула вниз, в рот, и она сжала губы.

Кровь текла от Пятнадцать Двигателя, упавшего обратно в кресло: его рубашку – его торс – разорвало, горло испещрило шрапнелью. Лицо – девственно-чистое, глаза – открытые, остекленевшие. Должно быть, бомба находилась близко. Справа от него, видела она по углу попадания осколков.

«Искандр, прости», – подумала она. Может, ей и не нравился Пятнадцать Двигатель – а всего мгновение назад он начал не нравиться очень остро и сильно, – это все же человек Искандра. И она была в достаточной степени Искандром, чтобы ощутить чужую скорбь. Упущенную возможность. Утрату того, что не смогла защитить.

Перед носом появились колени в прокопченных кремовых

штанах, а затем Три Саргасс уже стирала руками кровь с ее лица.

– Мне правда хотелось бы, чтобы ты осталась жива, – сказала Три Саргасс. Махит с трудом слышала из-за криков, и даже крики заглушались растущим электрическим гулом, словно ионизировался сам воздух.

– Тебе повезло, – сказала Махит. Голос подчинялся. Челюсти слушались. Теперь в рот попала кровь, несмотря на все старания Три Саргасс.

– Отлично, – сказала Три Саргасс. – Прекрасно! Сообщать о твоей смерти императору было бы очень стыдно и наверняка прикончило бы мою карьеру, а еще, кажется, я бы и сама расстроилась… ты же *не умрешь*, если я уберу этот кусок стены, я ведь не икспланатль, я ничего не понимаю в неритуальном кровопускании, только что нельзя выдергивать стрелы из вен, да и то видела в очень плохой театральной адаптации «Тайной истории императоров»…

– Три Саргасс, у тебя истерика.

– Да, – сказала Три Саргасс, – *знаю*, – и отпихнула то, что прижимало Махит к земле. Облегчение стало новой болью. Гул забирался все выше, воздух между Три Саргассю и ею самой начал заплывать бледным и ужасающим голубым цветом, словно на глазах смеркалось. Мраморный пол ресторана покрылся рисунком тревожных микросхем – все синие, все сияющие, окрашивали воздух светом. Махит вспомнились утечки из ядерного реактора – как они сверкали синим, прожаривая плоть; вспомнилось то, что она читала о молниях с небес. Если воздух правда ионизирован, им уже конец. Она с трудом поднялась на локти, дернулась к руке Три Саргасс, схватилась, смогла сесть.

– Что случилось с воздухом?

– Взорвалась *бомба*, – сказала Три Саргасс. – Ресторан горит – что, по-твоему, еще могло случиться с воздухом?

– Он *синий!*

– Это Город замечает…

Часть крыши ресторана содрогнулась и рухнула, оглушительно громко. Три Саргасс и Махит одновременно пригнулись, прижались друг к другу.

– Отсюда нужно выбираться, – сказала Махит. – Вдруг это не единственная бомба, – слово легко срывалось с губ. Интересно, произносил ли его Искандр.

Три Саргасс подтянула ее на ноги.

– С тобой это уже происходило?

– Нет! – ответила Махит. – Никогда.

На Лселе бомба в последний раз взрывалась еще до ее рождения. Взрывом террористы – они себя звали

революционерами, но были просто террористами – впустили на станцию вакуум. Впоследствии их изгнали в космос и отключили все их линии имаго: вместе с самым старшим было утеряно инженерное знание тринадцати поколений. Станция *не сохраняла* тех, кто готов раскрыть невинных космосу. Если этим затронута вся имаго-линия, ее уже не стоит оставлять.

На планете все иначе. Синим воздухом можно было дышать, хоть он и провонял дымом. Три Саргасс поддерживала ее за локоть, пока они выходили на плазу Центр-Девять, где небо было все того же невозможного цвета, словно ничего не случилось. По площади к безопасности других зданий или к темному убежищу метро струился поток тейкскалаанцев.

– Может быть, – спросила Три Саргасс, – бомбу принес Пятнадцать Двигатель? Ты не видела…

– Он погиб, – перебила Махит. – Ты хочешь сказать, он был каким-то… пожертвовал собой?

– Неудачно, если так. Ты ведь жива. Как и я. И ничто в досье Пятнадцать Двигателя – *даже* в связи с Одилией – не предполагает, что он сотрудничает с террористами, смертниками или теми активистами, которым явно *мало одних плакатов*…

– Какой смысл убивать нас? Он хотел со мной поговорить – ну, с Искандром, – и это ты его приглашала на завтрак.

– Я просто пытаюсь разобраться, насколько превратно я поняла ситуацию, – ответила Три Саргасс, – и оценить, насколько *для тебя* велика опасность, – или тебе просто ужасно не повезло, – или кто-то начинает очередную серию взрывов…

– Очередную? – переспросила Махит, но вместо ответа Три Саргасс остановилась. Застыла, ее рука на локте удержала Махит.

Перед ними раскладывался центр площади. То, что ранее Махит принимала за плитку и инкрустацию из металла, оказалось какой-то арматурой, которая поднималась из земли и загоняла толпу в стены из золота и стекла, потрескивающие все от того же синего света. Когда стены надвинулись, прижимая Махит и Три Саргасс к небольшой кучке черных от дыма и шокированных тейкскалаанцев, стало видно бегущие по прозрачной ограде слова. Написанные теми же графическими глифами, что и уличные знаки, и карты метро. Катрены – снова и снова повторяющиеся четыре строки. «Спокойствие и терпение дают безопасность, – прочитала Махит, – Жемчужина Мира сохраняет сама себя».

– Не трогай Город, – сказала Три Саргасс. – Он нас охраняет, пока не прибудут Солнечные. Это полиция императора, – уголки ее губ поползли вниз. – Город не должен удерживать меня – я патрицианка, – но, наверное, он еще не заметил.

Махит не сдвинулась с места. По стенам ползли золотые стихи и синий переливающий свет.

– Что будет с теми, кто не умеет читать? – спросила она.

– Все граждане умеют читать, Махит, – ответила Три Саргасс так, словно она сказала что-то невразумительное. Подняла руку к облачной привязке на левом глазу, постучала по оправе, настроила. Прозрачный пластик, закрывавший глазницу, осветился красным, серым и золотым, словно вторя патрицианским цветам на рукавах.

– Погоди, – сказала она. – Это должно помочь.

Она протолкалась из толпы. Махит следовала за ней. Идти было больно – ноющая боль расползалась от бедра по низу живота. Три Саргасс подошла прямо к выдвинувшейся части площади, встала в каких-то дюймах от стекла и произнесла:

– Три Саргасс, патрицианка второго класса, асекрета. Город: подтверди удостоверение министерства информации.

По небольшому участку стеклянной стены и облачной привязке побежали слова, отражая друг друга. Разговаривая, три Саргасс что-то неслышно пробормотала – Махит показалось, набор цифр, но толком не расслышала, – и тогда на стекле напечаталось слово, которое она могла разглядеть.

«Разрешено», – было сказано там. Три Саргасс протянула руку и сделала именно то, что просила не делать Махит: коснулась стены, словно ожидала, что та перед ней раскроется, как дверь. Жест был небрежный, инстинктивно бесстрашный, так что Махит даже не поняла, почему Три Саргасс издала такой звук, будто ее ударили, и завалилась назад с оцепеневшими руками. Ее вытянутые пальцы соединялись с Городом линией синего пламени.

Махит поймала ее. Она была такая маленькая. Все тейкскалааанцы маленькие, но Три Саргасс вообще ростом с подростка-станционника, едва доходила Махит до ключицы, и абсурдно легкая для человека в таком количестве одежды. Махит села на землю. Три Саргасс осталась у нее на коленях, ошарашенная, с закатившимися глазами, дышала страшными толчками. Толпа подалась назад от них обеих.

Город по-прежнему говорил «Разрешено» – там, где не появилась дверь. Махит посетила яркая и ужасающая фантазия, будто весь искусственный интеллект, поддерживающий жизнь Жемчужины Мира – все ее канализации, лифты и кодовые замки, – запрограммирован тем, кого Искандр оскорбил настолько, что тот поклялся убить ее и всех, кому не повезло быть ее знакомыми. Идея выглядела абсурдной: она всего *один человек*, хоть и унаследовала все планы Искандра, а в Городе еще столько

тейкскалааннцев, которые могут стать случайными жертвами. Столько *граждан*. Многовато настоящих людей, чтобы империя пожертвовала ими всеми из-за одной варварки. И все же вот она – заточена в стеклянной тюрьме, а ее культурную посредницу ударили током за самое обычное действие. Абсурд казался даже слишком логичным вариантом, когда так много и так быстро идет под откос.

– У вас нет воды? Для нее? – спросила она, поднимая взгляд. Лица окружающих тейкскалааннцев не изменились: залитые слезами, обожженные или невредимые – никто не казался *встревоженным*; не так, как выглядел бы на их месте станционник. Ее собственное лицо стало маской, скомканной переживаниями. Вдруг она испугалась, что заговорила не на том языке; она сама уже не знала, на каком языке думает. На том, другом, или на всех сразу.

– Воды, – снова попросила она беспомощно.

Кто-то пожалел ее – или Три Саргасс, все еще обмякшую и ни на что не реагирующую; подошел и присел человек. Его толстая коса расплелась, пряди прилипли из-за пота ко лбу, на левом лацкане костюма был приколот большой и нелепый значок в виде бутоньерки с фиолетовыми цветами.

– Вот, – проговорил он громко и медленно, протягивая пластиковую бутылку, – вода.

Махит взяла.

– Я Махит Дзмаре, – сказала она. – Я посол… Я не понимаю, что происходит.

«Я совершенно одна».

Она отвернула крышечку, налила в пригоршню воды и замешкалась, не зная, плеснуть в лицо Три Саргасс или влить в губы. – Благодарю вас, сэр. Вы не могли бы известить дворец, что асекрета ранена? Попросить выслать… транспорт врачей, – было какое-то слово получше, но она не могла его вспомнить.

– Это асекрета? – переспросил мужчина. – Тогда подождите. Скоро прибудут Солнечные – их вызовет Город. Лучше пусть они о вас позаботятся.

Махит спросила себя, не значит ли это «добьют». Решила, что это не важно. Бежать она не собиралась. Бежать было некуда.

– Спасибо за воду, – сказала она.

– *Откуда* вы?

Махит подавила звук, который хотел стать смешком.

– Из космоса, – сказала она. – Со станции.

– Вот как, – сказал человек с бутоньеркой. – Мне жаль. Не переживайте. Никто не думает, что бомба взорвалась из-за вас. Здесь не такой район. – Он хотел было погладить ее по руке, но

она отшатнулась.

– А из-за кого? – спросила она. Ответа она не ждала. Но он пожал плечами и все же сказал:

– Не все в Городе любят Город. – И снова поднялся, оставив ей бутылку воды.

«Не все в Городе любят Город. Не все в мире любят мир, для *кого-то* цивилизация не равнозначна известной вселенной – для кого-то с бомбой, кому плевать на случайные смерти…»

Вода закапала с пальцев в рот Три Саргасс; побежала по щеке, как кровь Пятнадцать Двигателя бежала по щеке Махит. Она не могла на это смотреть. Вернула бутылку так, словно возвращала нож, рукояткой вперед, стараясь не разлить. Три Саргасс тихо и гортанно простонала, и Махит решила, что это хорошо: она не умерла. Может, даже и не умрет.

В окружении тейкскалааннцев Махит чувствовала себя почти невидимой. Ни один из них не представлял, что ей следовало быть *более* Искандром или знать, как Искандр поступил бы или не поступил. Ни один, если только среди них нет подрывника, а тогда ей ничего не остается, только ждать.

* * *

Солнечные появились, как восход планеты в иллюминаторах станции: медленно, а потом все сразу, отдаленный намек на золото, мерцающее за загоном из умных стен Города и подползавшее все ближе и ближе, пока не стало взводом имперских солдат в сияющей нательной броне – образ из каждого тейкскалааннского эпоса, которые Махит так обожала в детстве, и каждого антиутопического романа станционников об ужасах надвигающейся империи. Перед ними стена, ударившая током Три Саргасс, опустилась, без следа погрузилась обратно в площадь, и Махит вспомнила, как человек с водой сказал, что «их вызовет Город».

Махит поднялась на ноги, взяв Три Саргасс под руку и поддерживая бедром. Голова ее откинулась назад, на плечо Махит. Ее руки чуть не поднялись, чтобы соприкоснуться кончиками пальцев, – машинальный жест, который показался Махит скорее инстинктивным или, если б это было возможно, вызванным имаго, а не родившимся в разуме самой Три Саргасс. Неврологическая марионетка.

Главный Солнечный ответил на этот недожест с идеальной и невозмутимой формальностью. Его лицо, как и лица всего отряда, пряталось за облачной привязкой от линии волос до подбородка –

матовый и отражающий золотой щиток. Махит не могла разглядеть никаких черт – как, видимо, и было задумано.

– Вы Махит Дзмаре? – спросил Солнечный. Позади Махит пропали и тот, кто подал воду, и все остальные. Мельком ей пришло в голову, что это они *злоумышленники*, а теперь скрываются от представителей закона. «Не все в Городе…»

– Да, – ответила она. – Я посол Лсела. Моя посредница ранена, и я бы хотела вернуться в свои покои во дворце.

Если офицер и отреагировал – положительно или отрицательно, – Махит не поняла.

– От имени Тейкскалаанской империи, – сказал он, – мы сожалеем об угрозе здоровью, которой вы подверглись на нашей территории. Мы уверены, вы будете рады слышать, что по причинам и целям установки взрывного устройства начато расследование.

– Я очень рада, – сказала Махит, – но еще больше буду рада медицинской помощи и безопасному возвращению на свою дипломатическую территорию.

Солнечный продолжал так, будто Махит и слова не сказала.

– Ради вашей же безопасности, госпожа посол, мы просим вас пройти с нами под защиту Шести Раскинутых Ладоней, чтобы Один Молния – яотлек светозарного звездоподобного императора Шесть Пути – и министр войны Девять Тяга обеспечили вам надежную защиту.

Шесть Раскинутых Ладоней – это военное ведомство Тейкскалаана: пальцы, протянутые во всех направлениях, чтобы охватить известную вселенную и достать до самых далеких уголков. Само название уже стало архаичным; даже тейкскалаанцы в обиходе употребляли слово «флот» или именовали конкретный полк либо дивизию в честь их отличившегося яотлека – главнокомандующего объединением легионов. Из-за того, как выразился Солнечный, Махит показалось, будто ее *формально* арестовали; с соблюдением всех соответствующих процедур. Причем арестовал не просто Город и император, а *министр войны*.

Не арестовал – обеспечивает надежную защиту.

Сильно ли отличаются эти два оборота? Не очень, кто бы ее там ни арестовывал.

Она извлекла из жалкой каши, в которую расплылся разум после культурного шока, самое формальное обращение и понадеялась, что излучает напор и самообладание, которых сама в себе не чувствовала.

– Защита почтенного яотлека Один Молнии не есть дипломатическое пространство Лсела. Если я в опасности, то, не

сомневаюсь, ко входу в мои покои можно просто поставить охрану.

– Мы уже не уверены, что подобных мер достаточно, – ответил Солнечный, – учитывая несчастный случай, постигший вашего предшественника. Вы пройдете с нами.

Махит почти не сомневалась, что это угроза.

– Или? – спросила она.

– Вы *пройдете* с нами, посол. Вашу посредницу, конечно, доставят в больницу, чтобы наладить облачную привязку после этого неудачного взаимодействия с Городом. Не извольте волноваться. – Солнечный сделал шаг вперед, и весь отряд повторил за ним, словно эхо. Их было десятеро – одного не отличить от другого. Махит не тронулась с места. Как же она жалела, что Три Саргасс не в сознании и не в себе, чтобы вывести их из этой ситуации: объяснить, кто такой этот Один Молния – мелкий военный бюрократ или политический игрок, – всегда ли Солнечные подчиняются министру войны или делают исключение в случае терактов в высококлассных ресторанах.

Сколько времени она растрачивала на сожаления из-за отсутствующих источников информации. А сожаления не помогут. *Не знает* она, и все тут. Знает только то, что под арест ей не хочется. Знает только то, что от тейкскалаанской армии не сбежать. Знает только, что если даже попытается, то придется бросить Три Саргасс, а пойти на это она была не готова.

Как еще им можно помешать?

– Боюсь, я не смогу пойти с вами. – Она пыталась отыграть время. Лишние секунды, чтобы вспомнить технический дипломатический лексикон, самые официальные обороты, а потом – чувствуя себя так, будто выходит из шлюза, сознательно не проверив уровень кислорода в скафандре, – попросить об убежище. – В силу существующей договоренности я вынуждена присутствовать сегодня днем на встрече с эзуазуакатом Девятнадцать Тесло, чей приход озаряет нас подобно блеску ножа. Уверена, она будет чрезвычайно недовольна, если я отправлюсь на встречу с многоуважаемым почтенным Один Молнией, не исполнив сперва свое обязательство перед ней. Трагическое происшествие в ресторане не должно встать на пути отлаженной работы вашего правительства и его переговоров с моим.

Она надеялась, что ничего не перепутала в этом проклятом эпитете.

– Один момент, госпожа посол, – ответил офицер и обернулся к остальным. Их щитки под золотистой отражающей поверхностью, прятавшей лица от обозрения, осветились синим,

белым и красным, пока они общались по какому-то защищенному каналу.

К ней вернулся один из них. Не тот, который говорил раньше, Махит почти не сомневалась.

– Мы свяжемся с офисом эзуазуаката. Если проявите терпение.

– Я подожду, – ответила она. – Но была бы благодарна, если бы вы вызвали и карету «Неотложной помощи» для моей посредницы, – вот теперь нужное слово вспомнилось. Приятно знать, что годы дипломатической подготовки и зубрежки лексикона все-таки *окупаются*, когда надо, даже в случае, если она вся в саже и запекшейся крови. Теперь только оставалось надеяться, что она *нужна* Девятнадцать Тесло – вернее, что ей нужен Искандр, нужно то, что Искандр пообещал, – настолько, чтобы перечить приказу командира армии, которому подчиняется даже полиция Города.

Пожалуй, лучше не задумываться, не сама ли Девятнадцать Тесло организовала взрыв. Пока рано. По проблеме за раз.

Второй Солнечный скользнул обратно в их отряд. Махит тут же запуталась, кто из них кто, – она концентрировалась на том, чтобы стоять неподвижно, поддерживать Три Саргасс, хранить на лице одновременно бесстрастность и недовольство, вспоминая, как Искандр мог преобразить ее губы в испепеляющую ухмылку, полную имперского презрения, лишь чуть расширив ее глаза. Махит ждала и воображала себя неуязвимой, как Первый Император, вырвавшийся с родной планеты, или обожаемый Три Саргассю Одиннадцать Станок, философствующий среди инопланетян – а чем же *еще* она занимается? Прямо здесь. Прямо сейчас. Тянулись минуты. Солнечные переговаривались по лицевым щиткам. Три Саргасс издала почти нечленораздельное «что?» и ткнулась лицом в плечо Махит – это было почти что *мило*.

Первый Солнечный – или неотличимый от первого – подал сигнал остальным. Они рассеялись среди остатков толпы, тихо говорили, брали показания у очевидцев. Махит приняла это за добрый знак: грубой силой ее принуждать никто не собирается.

– «Неотложная помощь» вызвана, – сообщил Солнечный.

– Я дождусь ее перед тем, как исполнить обещание эзуазуакату.

Пауза; Махит представила немало раздраженное выражение Солнечного под щитком и была довольна собой.

– Можете ждать, – сказал офицер, – а потом мы лично сопроводим вас в офис эзуазуаката. В такое время неуместно пользоваться общественным транспортом. Более того, многие

ветки метро закрыты, транспорт в этом секстанте остановлен на время расследования.

– Благодарю за то, что уделяете ваше личное время, – сказала Махит.

– У нас не бывает личного времени. Вы не доставляете неудобств.

То, что Солнечный ответил во множественном числе от первого лица, было необычно и слегка сбивало с толку. По грамматическим правилам вместо «нас» должно идти «меня» с притяжательным глаголом в единственном числе. Тут можно написать целую статью по лингвистике – чтобы девушки на станциях зачитывались в смену отбоя…

Не важно. Не до этого. Прибыла «Неотложная помощь» – гладкий серый пузырь со сверкающими белыми маячками и сиреной – повторяющейся пронзительной высокой нотой. Карета изрыгнула иксплanатлей-медиков в алых плащах. Патологоанатома из подвала Юстиции среди них не было, чему Махит только радовалась. У нее аккуратно забрали Три Саргасс и успокоили насчет шансов на выздоровление. Городские электроразряды случаются то и дело, сказали они. Сейчас чаще, чем несколько лет назад. Это просто нейрошок, ошибка в прошивке, флуктуация в числах огромного алгоритмического ИИ, управлявшего автономными функциями Города.

– Вы готовы отправляться, госпожа посол? – спросил Солнечный.

Махит хотелось бы заранее передать Девятнадцать Тесло сообщение – что-нибудь в духе «еду с полицейским сопровождением, ужасно извиняюсь, надеюсь, вам нравятся политические неурядицы, а если не появлюсь, значит, меня похитили», – но не придумывалось, как бы это сделать.

– Не хотелось бы опоздать, – сказала она.

Глава 5

До того как тейкскалаанцы массово вышли с орбиты – когда мы еще были прикованы к единственной бедной ресурсами планете, усеянной теми городами, что нам удалось возвести в степях, пустынях и на соленой воде, пока мы все же не переросли сию скорлупу, – до того как Первый Император повел нас в черноту и обрел рай, что станет Городом, у наших вождей было в обычае набирать среди ближайших товарищей *дружину*, связанную кровавой жертвой: лучших и самых доверенных друзей, самых важных соплеменников, готовых по зову долга опустошить все свои вены в пригоршню императора. И называли тех дружинников эзуазуакатами, как зовут и по сей день, и сила их несет волю императора меж звезд. Первую эзуазуаката Первого Императора звали Один Гранит, и начинала она так: родилась она от копья и коня и не знала ни града, ни космопорта…

«Тайная история императоров», 18-е издание, сокращенное для яслей

* * *

… Совет должен состоять не менее чем из шести (6) советников, каждому дается один голос по всем важным вопросам, а в спорных ситуациях последнее слово остается за советником по пилотам в знак того, что этот советник символически представляет первого капитана-пилота, который вывел станции в сектор Бардзраванд. Советники назначаются следующим образом: советник по пилотам – одним голосованием действующих и отставных пилотов; советник по гидропонике – решением предыдущего советником по гидропонике, в случае его смерти – по его завещанию, в случае отсутствия завещания – общим голосованием среди жителей станции Лсел; советник по культурному наследию – решением наследника имаго от предыдущего советника…

Из устава руководящего Лселского совета

Никто ее не похитил.

После утреннего нагнетания поездка обратно во дворец на пассажирском сиденье транспорта Солнечных была достаточно разочаровывающей, так что на Махит успела навалиться слабость и дрожь от всего выплеснутого адреналина. Очень хотелось закрыть глаза, приложить голову к мягкому подголовнику и перестать думать, реагировать или вообще *очень стараться*. Если бы она так и сделала, этот Солнечный – а то и все остальные; надо будет спросить о них Двенадцать Азалию или кого-нибудь еще, кто коллекционирует интересные факты из медицины, если шанс вообще представится – *узнает*, что она делает. Так что она сидела навытяжку и вперилась в дорогу перед собой, пока они вертикально поднимались по уровням Города. Здания утончались, становились все более замысловатыми, крепче стягивались мостиками из стекла и стали с золотыми прожилками, пока транспорт не вернулся в дворцовый комплекс и Махит почти узнала, где находится. Еще не настолько, чтобы объяснять дорогу другим, но, возможно, достаточно, чтобы не заблудиться самой.

Солнечный не отставал от нее всю дорогу через две площади и мешанину коридоров в крупнейшем здании Дворца-Север – розово-сером полупрозрачном кубе, который поджался, словно сияющая крепость, и кишел тейкскалаанцами в костюмах серого цвета, переходящего в розовый или белый – по символическим причинам, каких Махит не знала без помощи имаго. Они провожали ее взглядами с озадаченным интересом, и по праву, полагала Махит: она все еще была в крови Пятнадцать Двигателя. Что подумает Девятнадцать Тесло в своем идеально белом платье, Махит не знала и особенно не переживала.

Офис эзуазуаката – он же, подозревала Махит, ее апартаменты, если взять за общегородской образец свое собственное жилье – начинался с просторного и светлого помещения за дверью все того же розово-серого цвета, которая раздвинулась, несмотря на кодовый замок, как только Солнечный объявил, что Махит Дзмаре прибыла на *встречу*. От Махит не ускользнул саркастический выверт интонации. Впрочем, ее план был довольно прозрачный. Тонкость – для тех случаев, когда есть время подумать. Пол за дверью был синевато-серым, огромные окна – розового оттенка, чтобы небо не заливало светом множества голоэкранов в рабочем пространстве, паривших вокруг Девятнадцать Тесло широкой дугой, словно схематичная солнечная корона. Она все еще была во всем белом, но где-то сбросила камзол и рукава закатала до середины предплечий. Присутствовали и другие тейкскалаанцы – слуги, помощники или

чиновники, – но она сияла среди них, привлекая глаз. Махит задалась вопросом, с какого возраста она начала так одеваться, хотела было спросить Три Саргасс, но вспомнила, что Три Саргасс где-то в больнице, в Городе. Попыталась выпрямиться, несмотря на ноющую боль там, где бедро придавила стена ресторана.

Девятнадцать Тесло смахнула три голограммы мановением запястья: две – текстовые, а одна – что-то вроде масштабной модели плазы Центр-Девять, вид сверху. Их остаточные изображения все еще светились.

– Спасибо, – сказала она Солнечному, – за то, что в целости доставили посла Дзмаре на встречу со мной. Вашему взводу объявят благодарность; я об этом позабочусь. Вольно.

Солнечный безропотно растаял обратно в дверях – и Махит осталась одна на территории эзуазуаката. С угрюмым профессионализмом подняла руки для формального приветствия.

– Вы только посмотрите, – сказала Девятнадцать Тесло. – Какая корректность после такого утра.

Махит обнаружила, что терпения у нее уже не осталось.

– Вы бы предпочли грубость?

– Конечно, нет. – Она оставила заботам помощников дисплеи и прозрачные информационные окна с бегущим текстом, подошла к Махит. – Ты молодец, что добралась сюда. Твой первый *умный* ход с самого прибытия.

Махит ощетинилась:

– Я приехала не для того, чтобы меня оскорбляли…

– Я не имела в виду ничего подобного, посол. И не изволь волноваться – это только первый *умный* ход; но ты успела проявить и смекалку.

Различие слов было обидным; слово «смекалка» относилось к звериной хитрости аферистов и лоточников на рынке.

– Полагаю, как любой варвар, – ответила Махит.

– Не *любой*, – сказала Девятнадцать Тесло. – И получше многой молодежи, которая оказывалась при дворе в особенно беспокойное время. Ты можешь расслабиться? Я вовсе не горю желанием тебя допрашивать, пока на тебе чьи-то чужие телесные жидкости, а кроме того, ты же сама практически попросила об убежище.

– Не просила, – сказала Махит.

– Но нашла, если тебе так больше нравится. – Она стрельнула глазом за туманным стеклом облачной привязки, вслед за чем рядом выросла одна из ее помощниц. – Пять Агат, будь добра, проводи посла Дзмаре в душ и предоставь одежду по росту.

– Конечно, ваше превосходительство.

Что оставалось, кроме как подчиниться? Хотя бы, думала

Махит, буду *чистой* заложницей.

* * *

Душ не выглядел роскошным или броским. Облицованный успокаивающей черно-белой плиткой, с горячей водой, с настенной полкой для множества средств для волос, которые Махит не трогала, – личная полка Девятнадцать Тесло? Или какой-то общий душ для всех ее работников? Казалось, она из тех, кто требует от всех своих *жить* в непосредственной близости, но нет, это литературный штамп, а тейкскалаанцы все же люди, как бы ни старались от них отличаться. Махит встала под водой и следила, как по рукам в сток сбегает все, что осталось от Пятнадцать Двигателя.

Потянулась за мылом – бруском, а не жидким, как в станционных душах, – и стоило руке появиться в ее поле зрения, с вытянутыми пальцами, в совершенно обычном движении, как рука оказалась не ее, а грубее, крупнее, с плоскими, квадратными и наманикюренными ногтями, – за этим мылом, в этом душе тянулась рука *Искандра*. Вода теперь била по плечам ниже – из-за разницы в десять сантиметров роста. Ее самоощущение заглушили форма торса и центр тяжести – в груди, а не в бедрах. Так же она себя чувствовала, когда их впервые интегрировали, совсем недолго – форму скорее его *тела*, чем ее, физическое наложение, – но как он попал в душ эзуазуаката Девятнадцать Тесло?

«Искандр?» – попыталась позвать она опять. Молчание. Чужие ноющие мускулы – некая приятная усталость.

И вот она стала собой, в своем собственном теле, удвоение и проблеск памяти ушли: одна в душе, наедине с болью от синяка на бедре, безо всяких признаков чужого тела, вспоминала, как именно Девятнадцать Тесло назвала его другом, как именно касалась лица мертвого Искандра со странной нежностью.

Ведь совершенно в *характере* Искандра переспать с женщиной, зовущей себя Блеском Ножа. Этот искрометный амбициозный человек, который влился в новую комбинацию себя и Махит Дзмаре, человек, который ответил «наверняка крамола» на вопрос о том, что он мог натворить, – чего же еще от него ожидать.

И это объяснило бы готовность Девятнадцать Тесло предложить убежище. Или же Махит просто накладывает на собственный нынешний опыт секундный неврологический сбой, какой-то электрический сигнал в имаго-аппарате, сказавший,

будто ее тело – это тело Искандра. Вполне возможно, не стоит доверять *ничему*, что прямо сейчас может выдать имаго, – если она и он действительно *повреждены* (или саботированы – ее передернуло под струями воды).

Махит отскоблила руки с мылом и сполоснула. В душе благоухало каким-то темным деревом и розами, и померещилось, что и этот запах ей знаком – или, по крайней мере, она его помнит.

После она оделась в то, что оставила Пять Агат, – во все, кроме нижнего белья: она не собиралась носить чужие трусы, и ее вполне сойдут, да и лифчик принесли скорее для тех женщин, кому лифчики нужны куда больше, чем, строго говоря, Махит. Все остальное было мягким, белым и качественным – как брюки, так и блузка. Махит пожалела, что не может надеть поверх свою куртку, но та была испорчена безвозвратно. Придется выходить из душа босиком и, как она подозревала, в *собственной* одежде Девятнадцать Тесло.

Заложница, но чистая.

Когда она вернулась в центральный офис, кто-то уже сервировал чай.

Девятнадцать Тесло с головой ушла в работу, переставляла вокруг себя голограммы и проекции с текучим ритмом, так что Махит пока присела за низким столиком с чаем и принялась ждать. Поднимался легкий запах, цветочный и чуть горький. Пиал было всего две, мелкие и керамические, чтобы держать в пригоршне. На станции Лсел чаепитие не было и близко настолько формальным: пакетики, кружки да микроволновки для разогрева воды. Если Махит и пила стимуляторы, то выбирала кофе – с той же самой процедурой, только вместо чайных пакетиков – сублимированные молотые зерна.

– А вот и ты, – сказала Девятнадцать Тесло. Она села напротив Махит и разлила чай по пиалам. – Тебе уже лучше?

– Благодарю за радушие, – сказала Махит. – Я это ценю.

– С моей стороны было бы неразумно ожидать, что ты будешь готова к разговору раньше, чем придешь в себя. Судя по новостям с плазы Центр-Девять, могу представить, что утро у тебя выдалось тяжелым. – Она взяла пиалу и отпила. – Угощайся, Махит.

– Я не хочу умалять ваше гостеприимство, переживая из-за яда или наркотиков.

– Вот и хорошо! Сэкономишь мне время, не придется убеждать, что там нет ни того, ни другого, и если только со времени прилета Искандра на Лселе не изменилось понимание *человека*, то для твоей физиологии чай совершенно безопасен.

– Мы все еще такие же люди, как и вы, – сказала Махит и

отпила. Чай укреплял, в горле долго держался горько-сладкий зеленый вкус.

– Согласна, двадцать лет – едва ли срок для значительного генетического сдвига. А все остальные определения довольно произвольны, меняются от культуры к культуре.

– Уверена, теперь вам бы хотелось, чтобы я спросила, что сейчас в Тейкскалаане произвольно считается нечеловеческим.

Девятнадцать Тесло постучала указательным пальцем по стенке пиалы. Кольца звякнули – металл по фарфору.

– Посол, – сказала она, – я была другом твоего предшественника. Возможно, одним из немногих, хотя, надеюсь, не все так, как мне видится. В память о нем я предлагаю тебе беседу. Но можем сразу перейти к концу, если предпочитаешь не возводить здание взаимного доверия на общей почве. – У ее улыбки, когда та появилась, был тот самый блеск ножа, попавший в ее эпитет. – Я бы хотела побеседовать с Искандром. Либо перестань притворяться Махит Дзмаре, либо дай говорить ему.

«В точности как нож», – подумала Махит.

– Со всем уважением, эзуазуакат, не могу помочь ни с тем, ни с другим, – сказала она. – Первое невозможно, поскольку я не притворяюсь собой. Второе гораздо сложнее, чем вы предполагаете.

– Ясно, – сказала Девятнадцать Тесло. Сжала губы. – Почему ты не он?

– На Лселе вас бы назвали философом, – сказала Махит и тут же об этом пожалела. В Тейкскалаане это слишком фамильярное утверждение даже с формально-уважительным «вы» – но она не знала, как сформулировать иначе, не выбрав себе заранее ролевую модель ради отсылок и подражания, как Три Саргасс, очевидно, выбрала Одиннадцать Станка.

– Очень лестно, – сказала Девятнадцать Тесло. – А теперь объяснись, Махит Дзмаре – полагаю, однажды твое тело носило это имя, так что меня вполне устраивает называть тебя так, как тебе угодно, – объяснись, почему ты не мой друг.

Махит поставила пиалу и опустила ладони на белую ткань позаимствованных штанов. Девятнадцать Тесло поразительно превратно понимала теорию имаго: что за мысль, будто Искандр разгуливает по миру *в ее теле*, заместил, стер или убил ее собственную личность, оставив одно имя? Станция не растрачивала своих детей. Мутило уже от одной идеи – и слишком ярко вспомнилось мгновение в душе, когда она вовсе не чувствовала себя *собой*. Была не собой – но и не совмещенным человеком, которым им полагалось стать с Искандром.

– Объяснюсь, – сказала она, – но сперва ответьте вы: бомба на

плазе Центр-Девять предназначалась для *меня* или для *Искандра?*

– Сомневаюсь, что для кого угодно из вас, – сказала Девятнадцать Тесло. – В самом худшем случае – для Пятнадцать Двигателя, и то я сомневаюсь. Жертвами внутреннего терроризма чаще становятся просто от того, что попадают не в то время не в то место. Умеренный случай политической неудовлетворенности вроде связей Пятнадцать Двигателя с бунтом на Одилии – это едва ли повод его взрывать, особенно если учесть, что местные подрывники *поддерживают* бунты.

Махит подавила желание задать тот вопрос, который утром не задала Три Саргасс – «бунт на Одилии? Что там происходит на Одилии?», – поскольку почти не сомневалась, что эзуазуакат пытается сбить ее с мысли. Ее не собьют с мысли, не сейчас. В свое время можно поинтересоваться и об Одилии, и о подрывниках; но прежде крупных проблем Города нужно знать, чего от нее хочет Девятнадцать Тесло.

Девятнадцать Тесло наблюдала, осмыслила ее молчание. И продолжила:

– Знаю, я не ответила на твой вопрос: знает ли кто-нибудь, *кроме* меня, об имаго-аппаратах на вашей станции.

Слишком проницательна. Слишком *матера*. Сколько лет она уже при дворе? Десятилетия. Дольше Искандра. И как минимум половину этих лет провела в опасном внутреннем круге императора. Очевидно, тут тонкость и наводящие вопросы *не помогут*.

Словно нож, напомнила себе Махит и постаралась стать ее зеркалом.

– Что, по его словам, должно было случиться после его смерти?

– Что невозможно представить, чтобы Лсел отправил следующего посла без его имаго. Что это будет… как же он выразился. Невообразимой тратой знаний.

– Похоже на Искандра, – сухо отозвалась Махит.

– Правда же? Заносчивый человек. – Девятнадцать Тесло отпила чай. – Значит, ты его знаешь.

Махит пожала плечом.

– Меньше, чем хотелось бы, – сказала она, что было правдой, хоть и не всей. – А каким, по его словам, должен быть *следующий* посол? Когда тот прибудет в Город вместе с его имаго.

– Молодой. Не обо всем осведомленный. Бегло владеющий тейкскалаанским – на *необычном* уровне для варвара. Он с радостью вновь встретит друзей и вернется к работе.

– У нас есть термин, – сказала Махит. – «Устареть». Искандр, которого знаю я, не тот, которого знали *вы*.

– Так вот в чем наша проблема?

Махит медленно выдохнула.

– Нет. Это очень маленькое подмножество проблем, которые у нас *могут* быть.

– Вообще-то, Махит Дзмаре, это моя работа – решать проблемы, – ответила Девятнадцать Тесло, – но обычно все становится намного проще, когда я понимаю, в чем они заключаются.

– Проблема в том, – сказала Махит, – что я вам не доверяю.

– Нет уж, посол. Это *твоя* проблема. А *наша* проблема – что я все еще говорю не с Искандром Агавном и что, несмотря на его зримую смерть, те же самые волнения, которые давно длятся в моем Городе и окружали его – и даже его *дальних* знакомых вроде Пятнадцать Двигателя, – теперь окружают и *тебя*.

– Я ничего не знаю о других бомбах, даже того, что они были, – сказала Махит. – Или о связи Пятнадцать Двигателя с теми, кто их закладывает, или с теми, кто закладывает их против него.

«Те же волнения». Что же *натворил* Искандр? Впрочем, знай она это, знала бы и кто его убил – или хотя бы из-за чего он умер. А также способно ли это повлечь ответный удар в виде множества смертей среди гражданских. Сомнительно: когда перед его исчезновением она спросила, что он мог натворить, он ответил «крамола», но «крамола» – это одно, а «бессмысленные смерти» – другое, и она представить себе не могла, чтобы была совместима по способностям с имаго того, кто считает терроризм приемлемым побочным эффектом политических действий.

– Бомбы в дорогих ресторанах в центре Города, на мой взгляд, – это уже эскалация, – сказала Девятнадцать Тесло. – Другие схожие инциденты не выходили за пределы внешних провинций. Отсюда мое предположение, что Пятнадцать Двигатель связался не с теми людьми – к своему сожалению и итоговому расчленению.

Махит спросила себя, не пошутила ли сейчас Девятнадцать Тесло. Трудно сказать – юмор, если он вообще тут был, сверкнул так резко. Такая шутка освежует человека раньше, чем он почувствует боль.

– *Возможно*, вы с ним всего лишь случайные жертвы, Махит, – продолжала Девятнадцать Тесло. – Но я знала Искандра, и потому сложно не задуматься.

– О чем задумываюсь *я*, – осторожно сказала Махит, – так это почему началась эскалация внутреннего терроризма. Если уж говорить о внутренних волнениях. Сколько у вас было взрывов?

Девятнадцать Тесло не ответила прямо. Махит этого ожидала.

– Спрашиваешь потому, что ты «устарела», мм?

– Да. Имаго, который я получила, – и вот Махит снова «крамольничала», второй раз за сутки; может, они с Искандром все-таки подходят друг к другу, так *легко* это давалось, – сняли с Искандра, когда он прослужил послом всего пять лет.

– И *правда* проблема, – сказала Девятнадцать Тесло – с сочувствием, так что стало только хуже.

– Но не *наша*, – продолжила Махит. – Я сомневаюсь, что вы, ваше превосходительство, правильно понимаете, *что* такое имаго.

– Так просвети же.

– Это не воссоздание. И не двойник. Это… представьте это в виде языковой и протокольной программы клонирования разумов.

Словно остаточная мысль – Искандр на задворках разума: <Мечтай>.

В панике она подумала: «Ты там?»

Ничего. Молчание, и эзуазуакат уже снова говорила, и Махит не успевала слушать все сразу, да и все равно наверняка сама выдумала шепот, призванный, словно призрак или пророчество.

– … Искандр точно описывал процесс не так, – договорила Девятнадцать Тесло.

– Имаго – это живая память, – сказала Махит. – Память идет в комплекте с личностью. Или они одно и то же. Это мы открыли довольно давно. На тот момент, когда я покинула станцию, самые старые имаго-линии просуществовали четырнадцать поколений, а сейчас уже идет пятнадцатое.

– Какую же роль на горнодобывающей станции стоит хранить больше пятнадцати поколений? – спросила Девятнадцать Тесло. – Губернаторы? Нейробиологи, чтобы дальше производить имаго-аппараты?

– Пилоты, эзуазуакат, – сказала Махит и вдруг обнаружила в себе яркую и внезапную гордость за станцию – что-то вроде нарастающего патриотизма, который вроде бы раньше не входил в ее эмоциональный лексикон. – Мы и другие станции в нашем секторе с самых времен колонизации региона не привязаны к планете. В нашем секторе и *нет* небесных тел для *проживания*, – только планеты и астероиды для *добычи* минералов. Мы станционники. Мы *всегда* прежде всего сохраняем пилотов.

Девятнадцать Тесло покачала головой – смешливый, очеловечивающий жест: короткая черная челка упала на лоб, и она убрала ее свободной от пиалы рукой.

– Ну, конечно. Пилоты. Следовало догадаться. – Она помолчала; больше ради театральности, подумала Махит, передышка, чтобы подчеркнуть мгновение радостных взаимных

открытий, а потом отмести возникшую между ними двумя связь. – Значит, память идет в комплекте с личностью. Допустим. Тем более интересно, почему ты до сих пор не ответила, по какой такой причине я не разговариваю сейчас с Искандром.

– В идеале две личности интегрируются.

– *В идеале.*

– Да, – сказала Махит.

Девятнадцать Тесло наклонилась над низким столиком между ними и положила руку на колено Махит. Тяжело, твердо, приковывая к моменту. Махит вообразила, что ее прижимает масса целой планеты, гравитационное падение.

– Но мы говорим не об идеале, – сказала Девятнадцать Тесло, и Махит покачала головой. Нет, далеко нет. – Расскажи, что пошло не так, – продолжила эзуазуакат, и самым худшим было не то, что она не приказывала, а то, что в голосе звучало такое бесконечное, безмерное сочувствие. Махит страдальчески подумала, что начинает учиться техникам допроса. Допроса злых и усталых людей в культурной изоляции.

– Он был здесь, – сказала она, больше всего на свете желая с этим покончить. – *Мой* Искандр, не ваш. Мы были здесь. А потом – нет. Он замолчал; я не могу до него достучаться. Вот почему не могу пойти вам навстречу, ваше превосходительство. Я бы и рада. Все стало бы проще, учитывая, как тщательно мой предшественник развеял секретность наших государственных тайн. Скрывать уже нет смысла.

– Спасибо, Махит, – сказала Девятнадцать Тесло. – Благодарю за информацию, – и сняла руку с колена Махит; с тем же движением сняла груз своего внимания, все резкое давление скрылось где-то внутри нее. Махит почувствовала… она и сама не знала что. Облегчение, и теперь злость из-за этого облегчения. Теперь – когда ей дали пространство *для* облегчения. Она сделала два вдоха, как можно ровнее.

– Я была бы Махит Дзмаре, даже если бы имаго остался со мной, как мы обе того желаем, – сказала она. – Пара всегда берет имя новой итерации.

– Станционникам вполне идут привычки станционной культуры, – сказала Девятнадцать Тесло – пренебрежительно, если Махит в этом что-то понимала.

Она попыталась еще раз, по-другому. (Зеркало. *Чистая* заложница.)

– Я бы хотела знать, с чего вдруг кто-то решил, что убийство Пятнадцать Двигателя – это правильный шаг для эскалации насилия. По вашему премного уважаемому мнению, эзуазуакат.

– Всегда есть люди, которым не нравится быть

тейкскалаанцами, – сказала Девятнадцать Тесло сухо и резко. – Которые жалеют, что мы вышли из атмосферы, протянули руки через прыжковые врата от системы к системе и остаемся… ну, вечно цветущим государством под властью такого человека, как Шесть Путь, да направляют его сияющие звезды. Им бы хотелось, чтобы мы стали республикой или перестали аннексировать новые системы, хоть системы сами нас об этом просят, или… что угодно, что кажется здравым с виду и отнюдь нет – если приглядеться. Кое-кто из них становится министрами или мнит, что сам может стать императором и изменить все по своему усмотрению. Тейкскалаанцы испокон веков мирились с подобными неприятностями – о чем тебе, полагаю, хорошо известно. Если ты настолько похожа на Искандра, насколько, по твоим словам, должен быть похож его преемник, то ты знаешь нашу историю.

Махит знала. Знала тысячи повестей, поэм, романов – плохих экранизаций поэм, – и везде рассказывалось о тех, кто пытался узурпировать тейкскалаанский трон солнечных копий и в основном проигрывал – или же преуспевал, нарекался императором и по праву победителя объявлял предыдущего императора тираном, который впал в немилость солнца и звезд и недостоин удерживать престол и потому по заслугам свергнут своей новой версией. Империя всегда переживала передачу власти, даже если не переживал император.

– У меня есть представление, – сказала она. – А какой еще есть тип людей? Ведь внутренний терроризм обычно не служит установлению идеального правления – не может же население получать от этого особого удовольствия и полюбить нового императора.

Девятнадцать Тесло рассмеялась, и Махит почувствовала несоразмерное удовлетворение. Рассмешить эту женщину – такая победа дорогого стоит, она вожделенна, каждый раз – награда. Возможно, Искандр все же *был* любовником Девятнадцать Тесло – и даже если Махит не хватало его голоса или памяти, по-прежнему оставалась реакция его эндокринной системы.

– Другой тип, – сказала эзуазуакат, когда смех затих, – не ищет власти; они ищут уничтожения существующей системы – и больше ничего. Такие затруднения у нас возникают только *иногда*. Но данный случай тянется вот уже несколько лет. У нас в последнее время *очень* большая империя, и мирная, а значит, у людей достаточно времени задуматься о том, что их не устраивает. – Она встала. – Взглянем на инфографики, посол. Работа не ждет – даже интересных молодых варваров вроде тебя и нашего Искандра.

«Нашего?» – подумала Махит с удивлением – и не спросила. Только наблюдала.

Снова возникли слуги, словно так и ждали сигнала; один убрал чай, вторая – водившая Махит в душ, Пять Агат, – окружила себя собственным полукругом голограмм. Продолжает работу, когда начальница закончила извлекать из заложницы чувствительную информацию.

– Сделай сводку, Пять Агат, и скинь мне рапорт Солнечных о допросе выживших, – сказала Девятнадцать Тесло, и Пять Агат ответила элегантно сокращенной версией жеста повиновения.

– Махит, – продолжала Девятнадцать Тесло так, словно она тоже была ее слугой – может, *ученицей*, так лучше, точнее, – о чем ты намеревалась расспросить Пятнадцать Двигателя? Ваша встреча – самое публичное его появление со времен отставки. Он переехал из дворца и практически растворился во внешних районах. *Казалось*, что живет он тихо, хоть и недоволен тем, по какой дороге ведет нас его сиятельство император.

Вот что, должно быть, она имела в виду ранее, когда говорила об Одилии: *недовольство* Пятнадцать Двигателя тем, как империя ответила на одилийский бунт, что бы там ни произошло.

– Я намеревалась спросить, почему умер Искандр, – ответила Махит.

– Анафилактический шок, вызванный аллергией.

– *Неужто*.

– Подозрительность сослужит тебе добрую службу при дворе, – заметила Девятнадцать Тесло с каменным лицом. Пять Агат за своими активными экранами, кажется, хихикнула.

– Пока что мы говорили друг с другом прямо, – сказала Махит, слегка осмелев. – Разве я могла не попробовать?

Девятнадцать Тесло взмахнула рукой, удалив один набор голограмм и вызвав другой.

– Не знаю, какой конкретно физиологический процесс его убил. В отчете икспланатля говорилось об *аллергии*.

– Я ожидала большей подозрительности от человека с вашей впечатляющей карьерой при дворе, ваше превосходительство.

Девятнадцать Тесло рассмеялась.

– Ты мне нравишься, посол. Думаю, Искандру ты бы тоже понравилась.

Эта мысль ранила совершенно неожиданным образом. Каким-то чувством утраты, о котором она раньше и не задумывалась, – из-за того, что она скучала по тому Искандру, которого *знала*. Не каждое звено в имаго-последовательности знакомо с предшественником лично, но если *знакомо,* то это считалось

особенно почетным, – если человека подобрали, а не просто взяли отличника по тестам на способности и по практическим экзаменам. Раньше она думала, что ей все равно: она станет *послом*, человеком значительным и необходимым, да и, конечно, о личном знакомстве речи вообще не шло: почти никто *не возвращался* на Лсел из Тейкскалаана, а ее способности оттачивались для отправки в Город еще до того, как она узнала, чье имаго получит и заслужит ли его вообще.

И, тем не менее, теперь ей хотелось бы встретиться с Искандром, воплотившимся для нее только здесь, с чьим трупом ее познакомили. И еще она скучала по *дому*, скучала по встающей над станцией планете, по временам, когда была умной, амбициозной и еще не обремененной *ответственностью*, когда они с Шарджей Торел и остальными друзьями болтали в барах на девятом уровне станции и воображали, что *будут* делать, но еще ничего не делая.

Вслух же она ответила только:

– Нас аккуратно подбирают для совместимости с предшественниками, да.

– Значит, ты понравилась Пятнадцать Двигателю? – спросила Девятнадцать Тесло. – Раз уж вы настолько совместимы, – казалось, что ее забавляет ситуация – или и забавляет, и интригует вплоть до того, что эти чувства становились практически неотличимы.

– Нет, – сказала она. – Я задавала слишком много вопросов, при этом не оказавшись тем, с кем он работал двадцать лет назад, до отставки. А вам нравился Пятнадцать Двигатель?

– Он был скрытным, запальчивым и водил близкие знакомства с несколькими семьями патрициев, которым я не по душе. За срок своей службы в Информации он частенько становился занозой у меня в пальце. Я была рада, когда он ушел, хоть и считала это подозрительным и считаю до сих пор – но после отставки он *затих*. По крайней мере, на поверхности. Я посещу его мемориал из уважения к хорошему сопернику, давнему собутыльнику и бывшему другу *моего* друга – прошлого посла Лсела.

Она замолкла и взглянула без выражения прямо на Махит, как темная стеклянная стена. На глазу светилась облачная привязка.

– Для Лсела это сойдет за «нравился»?

– Вполне, – сказала Махит. Ну, конечно же, Искандру хватало обаяния находить друзей и по службе, и вне ее, и не терять их, даже если друг другу они не по вкусу. – Кому выгодна смерть Пятнадцать Двигателя, эзуазуакат?

– Любой, кто не хотел, чтобы ты узнала о старых друзьях Искандра. – Девятнадцать Тесло вызвала новый инфографик и надписала его быстрыми и мелкими движениями пальцев, составляя в воздухе список из слов-глифов. – Но, скорее всего: любой, кто хочет, чтобы все, кто втихомолку протестует против имперских методов подавления бунтов, перестали протестовать. Или тот, кто пытается разжечь общественный страх, в котором в последнее время недостатка нет из-за подобных инцидентов и антиимперских активистов, берущих ответственность на себя. Так что «кому выгодно» – очень интересная формулировка, Махит. Прибавим сюда половину эзуазуакатов, особенно Тридцать Шпорника, кому бы хотелось задушить любую торговлю, идущую в обход системы, где имеет экономический интерес его семья, и кто с радостью ухватится за повод в виде ксенофобии – а ксенофобию спровоцировать несложно, когда тейкскалаанцев взрывают за обедом… а, и ты. Если ты хочешь устранить союзников предшественника, дабы занять радикально новую позицию по дипломатическим отношениям Тейкскалаана и Лсела.

– Я ресторан не взрывала, – сказала Махит, пытаясь запомнить «Одилию» и «Тридцать Шпорника», пытаясь запомнить «общественный страх», предать памяти сейчас, чтобы потом собрать вместе все детали головоломки, покрутить, посмотреть, как они сходятся.

– А разве я сказала, что это ты, Махит? – спросила Девятнадцать Тесло, и снова возник вес ее внимания, намек на абсолютную и сочувственную близость. Махит представила ее с Искандром в постели – проблеск возможного воспоминания, а может, только желания. Голые тела. Нечто большее, чем политическая дружба. (А если и так, то что? *Махит*-то сама не собиралась… не то чтобы она *против*, Девятнадцать Тесло все-таки довольно…)

– Позвольте прервать, ваше превосходительство, – вклинилась Пять Агат, к немалому облегчению Махит. – Но вам стоит взглянуть на трансляции с плазы Центр-Семь.

Девятнадцать Тесло подняла обе брови.

– Тогда перекинь сюда, – сказала она. Пять Агат так и сделала широким взмахом ладони, поймав край одного из инфографиков и отправив с кометным хвостом к рабочему пространству Девятнадцать Тесло. Та поймала его серией движений руками и глазами, установила, раздвинула рамки, пока экран не повис, как окно в воздухе. Махит сделала шаг ближе, встала по левую руку эзуазуаката, пока Пять Агат встала по правую.

Во многом плаза Центр-Семь, показанная с какой-то камеры на высоте – установленной агентами Девятнадцать Тесло? Императора? Солнечных? Или Город сам приглядывал за собой? – напоминала плазу Центр-Девять, пусть и не была такой грандиозной по масштабу. Та же форма раскрытых лепестков – которая, как теперь знала Махит, может раскладываться в стены-барьеры; сплошные магазины, рестораны и, по всей видимости, либо правительственное здание, или общественный театр, если судить по размеру и статуям у фасада. Еще площадь была запружена тейкскалаанцами.

Некоторые держали плакаты.

Они кричали. Звук доносился с трансляции отдаленным ревом, неразборчивый.

– Вы не могли бы… – начала Махит.

– Сделать погромче, да, – сказала Пять Агат. – Ненамного. В зависимости от того, что они кричат, насколько отчетливо…

– Они кричат «Один Молния», – сказала Девятнадцать Тесло. – Если ошибаюсь, Пять Агат, куплю тебе на банкет императора на этой неделе новый костюм. Но все-таки включи погромче.

Толпа и правда кричала «Один Молния» – имя яотлека, названное Солнечными, когда они пытались ее арестовать. Командира флота, который в настоящий момент находился ближе всех к Городу. Они кричали его имя и четырехстрочные ямбические вирши, которые Махит различила только в виде ритма, построенного на возбужденном повторе «Тейкскалаан! Тейкскалаан! Тейкскалаан!» в конце.

– Они пытаются провести аккламацию без военных побед? – спросила Пять Агат.

– *Пока* еще нет, – сказала Девятнадцать Тесло. Растопырила пальцы, как солнечные протуберанцы, и камера наехала на лица демонстрантов. Некоторые нарисовали на лбу горизонтальную красную линию. Махит представились жертвенные короны, которые в эпических поэмах носили вернувшиеся из похода тейкскалаанские генералы: не краска, а кровь – своя собственная, смешанная с кровью побежденных. Теперь же, в век межпланетных завоеваний, совершенно символическая.

– У меня сложилось впечатление, что это незаконно, – сказала она.

– *Бесполезно*, но законно, – ответила Девятнадцать Тесло. – Пять Агат, цель военной аккламации. Для просвещения посла.

Пять Агат откашлялась и искоса поймала глаза Махит. Ей показалось, что помощница пытается извиниться.

– Для придания легитимности будущему императору

Тейкскалаана, который возвысился не по кровному родству или по назначению предыдущего императора, проводится военная аккламация – публичная демонстрация его добродетели или же публичная демонстрация милости вечно горящих звезд.

– А в чем проявляется эта милость? – поторопила Девятнадцать Тесло.

– Традиционно это крупная военная победа. Или большое их число. Последнее предпочтительней.

Девятнадцать Тесло кивнула.

– Совершенно верно. Большое число побед – это доказательство; все остальное – вопли, а от простых воплей действующий чиновничий аппарат или сколько-нибудь образованная публика – а наша империя может похвастаться и теми, и другими – не оставит камня на камне.

– Вы хотите, чтобы я спросила, почему они тогда все равно вышли ради Один Молнии, – сказала Махит. – Ведь у него нет военных достижений, подобающих претенденту в императоры. Или, по крайней мере, эти новости об этих достижениях не дошли до далеких и темных регионов, где находится станция Лсел.

Пять Агат казалась слегка изумленной; но больше – заинтригованной.

– Он амбициозен, – сказала она, а когда эзуазуакат кивнула, продолжала: – Он из тех амбициозных, кто ищет возможность. Он одерживал верх в стычках в некоторых диких секторах, не говоря уже о паре мелких кампаний, чтобы подавить местные возмущения или возглавить поход за пределы империи, – и у его войск высочайшая мораль. Его не было на Одилии, но он обучал командира, которая *была*, Три Сумах, и та благодарит его каждый раз, как мелькает в новостных трансляциях. Он *жаждет* значительных военных достижений, и у него достаточно поддержки, чтобы солдаты верили, будто под его командованием они еще будут.

– Аккламация на основе *веры в потенциал*, – сухо заметила Махит. «Аккламация на основе желания войны». – Желаю ему всяческого личного успеха. Раз ему, очевидно, не хватает значительных военных достижений, если только он не ставит себе в заслуги, что сегодня на плазе Центр-Девять взорвалась *всего одна бомба*.

– Продолжай в том же духе – и можно будет заподозрить, что ты дипломат, Махит, – сказала Девятнадцать Тесло.

– Вполне.

– Причем правильно заподозрить. Но дипломат ты или нет, ты упускаешь один значительный фактор – хотя упускаешь только потому, что свои первые двое суток на планете провела слишком

насыщенно.

Махит лавировала между оскорбленностью и смешливостью и пришла к сарказму.

– Просветите, эзуазуакат. Если вас не слишком затруднит *перейти к концу*, – после разговора за чаем у нее не должно было остаться сил на сарказм – но, возможно, отчасти к такому образу и стремилась Девятнадцать Тесло: эта искрометная политик, которая не лезет за словом в карман и с которой просто-таки *хочется* перебрасываться остротами, – то же самое создание, что нарубит разговор в клочья и заставит тебя в слезах жаждать ее *понимания*.

Махит снова пожалела, что с ней нет Три Саргасс – да любого, кто мог бы отвлечь огонь на себя или послужить щитом. *Друга*. Ее собственного, не какого-то призрачного друга из прошлого Искандра.

Девятнадцать Тесло отдалила камеру в трансляции. Между ними в воздухе повисла масса ликующих тейкскалаанцев, медленно вращаясь вокруг центральной оси, когда эзуазуакат описала оборот рукой.

– Император Шесть Путь, наш светозарный звездоподобный правитель, что ярче самоцветов и гораздо теплее, кому я присягнула на верность и во чье имя пролью всю свою кровь до последней капли: ему восемьдесят четыре года и у него нет биологического потомка. Вот что ты упускаешь, посол.

– Так у вас проблемы с престолонаследием, – сказала Махит, потому что не могла сказать «мне очень жаль, что скоро вы потеряете своего друга»; это казалось чем-то – нехорошим. Необязательным. Не по теме. Да и откуда ей знать, настоящая ли дружба у эзуазуаката с императором или только символическая? Вот трудности общества, которое одержимо воссоздает собственную классическую литературу, – и как бы теперь хотелось объяснить *это* самой себе двухнедельной давности. Или обсудить с Искандром. Она не сомневалась – ему нашлось бы, что сказать.

– Крикуны Один Молнии явно считают именно так, – сказала Девятнадцать Тесло. Взмахнула рукой, трансляция свернулась и погасла. – Сама я не тороплюсь с выводами. Но ты выбрала интересный момент, чтобы прибыть ко двору, посол.

– Я не выбирала, – сказала Махит. – Меня вызвали.

Эзуазуакат склонила голову набок.

– И срочно? – спросила она.

– Даже с неприличной срочностью, – ответила Махит, вспоминая, как их с Искандром слепили вместе на одной только надежде и трех месяцах медитации, дабы создать единого агента

станции.

– На твоем месте, – заметила Девятнадцать Тесло, – я бы узнала, кто одобрял твое разрешение на въезд. Подозреваю, это раскроет глаза на многое.

Это наводящий вопрос? Она подталкивала Махит к какому-то трудоемкому расследованию, только чтобы в итоге узнать, что ответ – «эзуазуакат *Девятнадцать Тесло»?* Нет, решила Махит, слишком она умна, чтобы получать удовольствие от того, как Махит носится кругами. Это трюки из арсенала водевильных злодеев и мелодрам, а даже тейкскалаанская одержимость сюжетами по большей части предпочитала *качественные* сюжеты. Нет, все еще хуже: это задание эзуазуаката, как те, что она раздает слугам. «Пойди, узнай и расскажи мне». Будто Махит принадлежит ей. (Будто ей принадлежал Искандр – но она начинала верить, что все-таки *нет*, не вполне, даже если они и спали вместе, и отчасти в этом была причина их трений.)

– Интересная мысль, – сказала Махит. – Когда вернусь к собственному рабочему месту в своих апартаментах, обязательно узнаю.

– Незачем тянуть, – сказала Девятнадцать Тесло. – Неужели ты воображаешь, что после стольких твоих стараний добраться до сравнительной безопасности я отпущу тебя во дворец одну? Да тогда, когда мы все еще не знаем, кто готов взрывать невинных граждан прямо рядом с тобой?

– Моя культурная посредница… – Махит думала возразить насчет того, что она одна.

– Скоро выпишется из больницы. У меня хватает инфографических дисплеев, я могу поделиться, Махит. Попрошу Семь Шкалу организовать для тебя временный кабинет.

«Прямо здесь, вне дипломатической территории Лсела», – подумала Махит, но заставила руки сложиться в жест формальной благодарности – а когда молодой человек, убиравший чай, повел ее вглубь территории Девятнадцать Тесло, она просто подчинилась.

Кабинет – а Махит изо всех сил старалась не видеть в нем тюремную камеру и в основном справлялась – заливало вечернее солнце, розовое из-за стекла эркера. Вдоль изгиба эркера стоял низкий и широкий диван. Семь Шкала показал, как открыть собственный дисплей, и предоставил пачку пустых инфокарт-стиков нейтрального и безличного серого цвета. Он был спокоен, расторопен и не задавал вопросов, и все в нем помогало вздохнуть свободно после разговора с Девятнадцать Тесло. Скорее всего, так и задумывалось. Эзуазуакат предлагала и отнимала

комфорт, как мастер допросов, и Махит уже мучительно устала от перепадов эмоций. Когда Семь Шкала ушел, закрыв за собой дверь, она легла на диван, отвернулась к стене под подоконником и подтянула колени к груди, пока не заныл синяк на бедре.

Если уставиться на пустую белую краску и вытянуть руку над головой, чтобы коснуться изгибающегося подоконника в изголовье, можно было вообразить, что она в своей комнате на станции. Надежный тубус размера 1´1´3 метра, нежная скорлупа стен: пространство крошечное, нерушимое и ее личное, висящее среди рядов остальных комнат. Звукоизолированное. Под замком. Можно свернуться с подругой спина к спине, или грудь к груди с возлюбленным, или… там было *заперто*. Там было безопасно.

Она заставила себя сесть. За окном – буйство синих лотосов, плавающих в прудах, и оживленные тропинки в форме звезды на внутреннем дворе Дворца-Север, где шагали тейкскалаанские ноги по тейкскалаанским делам. Сперва она ощутила позыв самой выйти во двор через окно, а потом – равно неподобающий позыв написать о своих чувствах пятнадцатисложовый стих.

«Эй, Искандр, – подумала она, словно бросая камень в темную воду одного из тех прудов. – А по чему больше скучаешь ты?»

Потом включила дисплей и зарегистрировалась, как ей объяснили. При этом осознала, что впервые регистрируются в собственном эквиваленте облачной привязки – вместо того чтобы за нее *открывала двери* Три Саргасс. Так странно: требовать свободу в собственных апартаментах – на своей дипломатической территории, – а найти ее только здесь, в какой-то очень сложной версии плена. Отлично зная, что Девятнадцать Тесло почти наверняка записывает все, что она делает, Махит приступила к работе.

Интерфейс, если не заниматься расшифровкой обычной почты, был понятнее, чем ожидала Махит. Делаешь жест – и инфограф реагирует: стоило развести руками и повернуть ладонь, как родилось множество прозрачных рабочих экранов, и она создала собственный нимб из информации. Нашла трансляции с камер Девятнадцать Тесло, вызвала ту, что еще показывала демонстрацию в честь Один Молнии – пусть эзуазуакат думает об интересе Махит все, что хочет, – и оставила работать по правую руку. Над левым плечом установила окно с бегущим столбцом из заголовков таблоидов и настроилась пополнить свой лексикон обыденного и оскорбительного просторечия – а заодно, возможно, и разузнать что-нибудь об антиимперских активистах, или Тридцать Шпорнике, или просто что тейкскалаанские таблоиды думают насчет взрывов в ресторанах. Посередине она включила

простой текстовый ввод и начала составлять сообщения, направляя их через собственный канал лселского посла.

Ей же наверняка придется шифровать их с помощью хвалебной поэзии, верно? Если хочется, чтобы ее принимали *всерьез*…

Нет. Оставит без прикрас. Нецивилизованным. Написанным с неприличной спешкой и срочностью женщиной вдали от домашнего кабинета (с абсурдной тоской вспомнилась корзинка неотвеченных инфокарт в апартаментах, наверняка уже полная с горкой), *чужой* в Городе. Зеркало может отражать многое – она уже побывала ножом, когда отражала Девятнадцать Тесло. Теперь будет грубым камнем: неизбежным, непрошибаемым, варварским. Ожидаемым – всеми, кроме тех, кто ждет увидеть в ней Искандра, и не узнает ли она теперь заодно, кто они?

Простой речью – той самой, о которой и думать забыла после первых экзаменов на способности к тейкскалаанскому языку – она написала последнему, кто видел Искандра живым. Министру науки Десять Перлу. Она просила о встрече. Выражала надежду на нормализацию отношений – стерла «нормализацию» и написала «надеюсь, в будущем мы будем в хороших отношениях», поскольку пожелания не требовали какой-то специализированной грамматики, не считая будущего времени, а «нормализовать» – это обобщающий глагол, требующий от говорящего более чем мимолетного знакомства с временами и сослагательными наклонениями.

Иногда тейкскалаанский язык мог быть ужасным, хоть и звучал красиво в пятнадцатислоговых стихах. Но ничто в сообщении не намекало, что она заинтересована в расследовании смерти предшественника – ничто не намекало, что она хотя бы чуть-чуть компетентный политик.

Такая беспомощная, эта новый лселский посол. Вы слышали? Ей пришлось упрашивать ее превосходительство Девятнадцать Тесло о защите от *ареста*.

Махит усмехнулась. Неожиданно громко, даже несмотря на приглушенный рев из трансляции с демонстрацией. Она нацепила на лицо имперскую бесстрастность, словно ее застали в неловком положении.

Остальные сообщения пошли проще. Одно – Двенадцать Азалии, с просьбой проведать Три Саргасс: ему же должно быть интересно, что его подругу Тростинку госпитализировали, а может, заодно он будет в настроении сообщить, скоро ли посредница оправится от неврологического шока. Одно – *самой себе:* скопировала предыдущие два, чтобы иметь запись о них в какой-никакой *физической* безопасности на лселской

дипломатической территории, а не просто в незначительной безопасности ее электронного ящика, и последнее – в министерство информации, без конкретного адресата, с запросом информации о том, кто одобрил ее разрешение на въезд.

И пускай Девятнадцать Тесло следит, что она делает.

Сохранив письма на предоставленных инфокарт-стиках и проверив, что каждый проливает сообщение, если открыть, она запечатала их все горячим воском. Воск находился в наборе на пристенном столике рядом с дверью, а оплавлять его надо было ручной этаноловой зажигалкой. При этом Махит обожгла большой палец. Как это по-имперски – составлять послания из света, шифровать с помощью поэзии и иметь физический объект для хранения.

Какая же трата ресурсов. Времени, энергии и материала.

Она чуть ли не жалела о том, насколько это радовало душу.

Глава 6

На шоссе Хризантем на данный момент все еще продолжается уборка последствий аварии; извещаем пассажиров о затрудненном движении… ожидается, что задержки на Центральной линии продолжатся; станция «Центр-Девять» остается закрытой до нового уведомления из-за расследования взрыва; чтобы попасть на остановки в Центральном Городе, следующие за «Центр-Девять», пользуйтесь объездом по Северной Зеленой линии; для посещения дворца или развлекательных учреждений планируйте маршрут заранее из-за введенных контрольных пунктов… Начиная с Д260 по Околополярной линии каждый третий день будет ходить дополнительный маглев, чтобы принять приток зимних туристов; билеты приобретайте на муниципальных вокзалах по всему Городу…

ЗАКРЫТИЕ МЕТРО И ИЗМЕНЕНИЯ В РАСПИСАНИИ, ДЕНЬ 248 (ГЗ-И11)

* * *

…пять тейкскалаанских военных кораблей прошли через наш сектор, не предъявляя разрешений; хотя я полагаю, что в этой небрежности виноваты не только они, но и посол Искандр Агавн, и что надлежащие разрешения скоро снова будут выданы, я доношу до сведения Совета от имени Культурного наследия: безопасность в нашем секторе поддерживают только наши собственные корабли, и мы ничего не можем поделать с тейкскалаанскими судами, кроме как выписать штраф, который они без затруднений и с радостью уплатят…

Часть рапорта, поданного на рассмотрение Лселского совета 248.3.11 (по тейкскалаанскому летоисчислению) советницей культурного наследия

Проблема отправки сообщений в том, что на них отвечают, а значит, приходится писать еще больше сообщений.

Солнце, выскальзывающее из-за горизонта, за окнами без штор казалось ярким и холодным, неизбежным; оно вырвало Махит из тех ошметков сна, на которые ее хватило. Она встала с первыми лучами, и все же в миске за дверью уже лежали три новых и запечатанных стика. Для Девятнадцать Тесло почту доставляют без промедления, каждый час, даже ночью? Махит завернулась в огромное перьевое одеяло – полученное вчера ночью на закате из гиперэффективных рук Семь Шкалы. Она проснулась. Проснулась – и снова одна в своем разуме. Похоже, это навсегда.

Садиться было больно. Бедро за ночь отекло еще больше, и когда она попыталась стянуть позаимствованные штаны, то увидела большой синяк – с ладонь, сине-лиловый, бледнеющий по краям до тошнотворно-зеленого. Задалась вопросом, не найдется ли в ее новой изысканной тюрьме болеутоляющих вдобавок к доставленному одеялу и вчерашнему подносу вполне приличных, но неказистых долек овощей и очередной порции той же волокнистой пасты, которую подавала на завтрак Три Саргасс. В остальном Девятнадцать Тесло ее не трогала. Словно ее превосходительство дожидалось, пока новый зверек обживется, чтобы он не лаял на протянутые руки.

Все еще закутанная в одеяло Махит поморщилась, когда встала и напрягла бедро, и отправилась выуживать и открывать инфокарт-стики.

Первый – такой же анонимный, как и отправленный: серый и запечатанный неокрашенным сургучом. Она разломила его, потрясла, чтобы тот изрыгнул сплетенные из света глифы.

Ваш друг с опаской пишет на тему заключений,
Границ, демаркаций, кромок ножей,
Но вспоминает о вас, жертве одиночества,
И шлет в знак преданности двенадцать цветов.

Поэзия. Не *самая* лучшая поэзия, но это в первую очередь казалось аллюзией, со смыслом в духе «твою же мать, эзуазуакат блеск-ножа засадила тебя в свою тюрьму, чем я могу помочь?»

Без подписи.

Не то чтобы подпись *нужна*. Махит отправила всего три послания, и ни министр науки, ни множество мелких бюрократов из министерства информации не ответят таким откровенным шифром. Это Двенадцать Азалия, и он наверняка был искренен в своем желании помочь со спасением, если понадобится, и в то же время *развлекался вовсю*. Зашифрованные сообщения! Анонимные весточки наперекор границам ведомств! А Махит-то думала, что это *она* сверх меры любит жанровые традиции политических

интриг в тейкскалаанской литературе.

Сверх меры ли, когда человек в этих традициях *живет* – когда это его собственная культура? Да, решила она. Точно сверх меры, когда *воспроизводишь* традиции только ради традиций. Но тейкскалаанцам такая мысль и в голову не придет.

Двенадцать Азалию никто не взрывал и даже не пытался. Может, его подруга и в больнице, а новый опасный политический знакомый пишет из аристократического плена, но он-то по-прежнему вправе вести себя так, будто сошел со страниц «Красных бутонов для Тридцать Ленты» или какой-нибудь дворцовой мелодрамы.

Она черкнула пару строк в ответ, решив, что хотя бы не будет хуже него в стихосложении – а то и лучше: «Заключенья свои я сама избираю / Ищу же лишь испрошенного: вестей». Запечатав инфокарту, тоже не потрудилась подписываться. Хоть *кто-то* здесь должен получать удовольствие; пусть это будет хотя бы Двенадцать Азалия, сколько получится.

Второй стик не был анонимным ни в одном отношении. Сделан из прозрачного стекла, не считая электронных внутренностей, и запечатан темно-зеленым сургучом с печатью в виде белого глифа – солнечное колесо министерства науки. Стоило открыть, как перед ней развернулось элегантное и снисходительное письмо: Десять Перл поздравляет с назначением послом и выражает дежурные сожаления из-за прискорбной кончины Искандра – настолько дежурные, что Махит мигом поняла: он их скопировал из руководства по прикладной риторике, может, даже того самого, по которому она сама училась писать. Махит испытала очень тейкскалаанский момент – уязвленные чувства из-за чужого недостатка усердия в аллюзиях, – а потом очень личный момент удовлетворения из-за того, что успешно разыграла темную варварку, которая старательно копирует грамотных граждан, но получается у нее разве что неуклюжее и жалости достойное подражание.

Под завершение Десять Перл говорил, что, конечно, с удовольствием встретится с лселским послом лично – возможно, на будущем императорском банкете.

Значит, *публичная* встреча. В чем-то так безопаснее; если Десять Перл считал, что его подозревают в убийстве Искандра, то встреча с преемником Искандра на людях сгладит все клеветнические обвинения в попытках сходным же образом избавиться от этого самого преемника. Какие могут быть тайные убийства иностранных сановников на глазах у всего двора! Решение надежное для репутации Десять Перла (и здоровья самой Махит, если в смерти Искандра *правда* виновен он), но еще

и политическое: это продемонстрирует *каждому*, что между Лселом и министерством науки нет каких-либо обид.

Что ж. Махит все равно уже сказала, что будет на банкете. При нынешних темпах – что такое лишняя политическая угроза? А если она уговорит Десять Перла на вторую, более откровенную встречу *после* всех публичных расшаркиваний и улыбок, которые ему явно нужны в этот раз, тем лучше. Его сообщение она отложила в сторону и обратилась к последнему письму. (Последнему, до какого пока могла добраться, – в апартаментах инфокарт-стики наверняка громоздятся ужасными сугробами несделанной работы.)

Последний стик тоже был анонимным серым пластиком – но помеченный красным символом на черном звездном поле. Межпланетное послание, каким-то образом перенаправленное через ее собственный офис во Дворце-Восток до офиса эзуазуаката во Дворце-Север. Не впервые Махит гадала, не *следит* ли за ней сам Город, и снова вспомнила переливающийся рост ограничивающих стен на плазе Центр-Девять. Затем надломила стик и сразу совершенно позабыла о Городе.

Сообщение не пролилось голографическим светом в виде тейкскалаанских идеографов. В стике свернулась машинописная лента из полупрозрачного пластика, и, когда Махит вытащила ее и растянула, чтобы прочесть, символы оказались алфавитными – из ее собственного алфавита. Сообщение со станции Лсел.

И адресовано не ей. Как и не «лселскому послу в Тейкскалаане». Адресовано конкретно Искандру Агавну и датировано 227.3.11 – двести двадцать седьмой день третьего года одиннадцатого индикта императора Шесть Пути. Около трех недель назад.

«Послу Агавну – от Декакель Ончу, советницы по пилотам», – начиналось оно.

> *Если вы получили это сообщение, значит, вы лично вошли в свою электронную базу данных после того, как на станцию Лсел пришел запрос о новом после. Это сообщение служит двойным предупреждением от тех, кто остается вашими союзниками на станции, некогда служившей вам колыбелью и домом: во-первых, вас пытаются заменить при дворе императора. Во-вторых, вашей замене могут помешать диверсанты; она несет вашу раннюю имаго-запись, чье состояние перед интеграцией не дали верифицировать ни советнику по пилотам, ни советнику по гидропонике. Ее поддерживает Культурное наследие – и Шахтеры. Берегитесь. Ончу от*

Пилотов подозревает, что за саботажем – если таковой имеет место и зародился на Лселе – стоит Амнардбат от Культурного наследия. Уничтожьте послание. По возможности последуют новые.

Должно быть, сообщение активировалось, когда она вошла вчера вечером в электронную базу данных лселского посла, чтобы разослать письма.

Махит перечитала дважды. Трижды, чтобы запомнить – машинальная привычка, рожденная годами изучения тейкскалаанских текстов – рожденная вместе со знанием, как упаковать в разум набор фраз и слов, словно сжатый при высокой температуре алмаз смысла. «Если саботаж имеет место и зародился на Лселе. Не дали верифицировать. Ваши колыбель и дом…»

Она поймала себя на том, что думает – просто думает, чтобы *не* думать, думает, чтобы дать себе *чувствовать* и существовать под натиском шока и стресса. Практичные темы словно покров на том, как сжало ее желудок, на том, как она машинально потянулась за утешением к имаго, – который должен быть в разуме, но не был, – и снова заработала головокружение. Она думала, что скоро надо сжечь тело Искандра. А думая, рвала пластиковую ленту на клочки и плавила зажигалкой, которой растапливала сургуч для инфокарт. Она надеялась, что сможет сжечь труп, уже точно зная, кто его убил. Странное, бледное подобие правосудия – но даже если Искандр никогда не вернется к ней в разум, уж это она ему должна. Большинство преемников знают, как умерли их имаго-предшественники: возраст, или несчастный случай, или болезнь – любой из тысячи мелких способов, какими станция может прикончить человека. Над раком или сбоем шлюза не свершишь правосудие. Да и *смысла* нет. Но в том, чтобы узнать, как умер последний хранитель всех врученных тебе знаний, смысл был – пусть хотя бы ради того, чтобы исправить ошибку и сохранить свою линию чуть подольше, чуть получше. Растянуть память чуть подальше – там, на окраине человеческого космоса, уходящего бахромой во тьму.

Махит ровно сложила одеяло в ногах дивана, где ночевала, оделась – неуклюже и мучаясь от боли, когда пришлось задрать ногу выше второй ляжки – в те же чужие брюки и блузку, что и вчера, и задумалась, с каких пор так сильно переживает из-за лселской этической философии. Наверное, с тех, как ее покинул имаго. Если выражаться поэтически. С тех пор, как она отвалилась от одной из длинных, длинных линий памяти.

Они с предшественником не должны быть *врагами*. И все же в

разуме по-прежнему отзывалось послание Ончу (и когда оно *отправлено?* Сколько поджидало, пока Искандр – мертвый Искандр – прочтет и примет меры?), как хорошая поэзия: «если саботаж имеет место и зародился на Лселе» – если она осталась без имаго из-за саботажа Акнель Амнардбат… но разве это не Амнардбат сделала ее новым послом? Разве не Амнардбат *стояла* за нее, хотела ее присутствия в Тейкскалаане, уговаривала доверить ей в помощь устаревший имаго Искандра? Зачем все это, если она желала, чтобы Махит потеряла имаго, осталась в империи одна-одинешенька, отрезанная от всего? Махит прислали *навредить* Искандру или же исправить его решения? Или ни то ни другое?

Как много всего она не знала – даже *больно*. Как ей одиноко. Голос с родины должен бы утешить, даже если это ехидный голос советника по пилотам, но взамен Махит обнаружила, что сидит на краю дивана, прижимает ладони к лицу, все еще отходит от головокружения. Отсутствие Искандра в разуме походило на дыру в мире. А теперь – теперь она не могла *доверять* самой себе, собственным мотивам…

«Будь зеркалом, – снова твердила она себе. – Будь зеркалом, когда встречаешь нож; будь зеркалом, когда встречаешь камень. Будь тейкскалааннкой по мере сил и будь лселкой по мере сил, и – ох, твою мать, просто дыши. Не забывай».

Она дышала. Мало-помалу головокружение прошло. Солнце едва поднялось над уровнем подоконника. В животе заурчало. Она все еще здесь. Знала немного меньше (о том, что ей полагается *делать* в должности посла в Тейкскалаане) и немного больше (о том, что делают с ней, и почему, и откуда) после сообщения Ончу. Она еще *наверстает*.

* * *

Махит оставила инфокарты со своими ответами в корзинке исходящих сообщений и босой пошлепала в лабиринт Девятнадцать Тесло. Для нее большинство дверей были закрыты – пустые панели не поддавались перед жестами безоблачной привязки. Жаль, за нее не может открывать двери Три Саргасс, подумала она и мрачно усмехнулась тому, как всего за один день переменила к этому факту отношение. После пятнадцати минут блужданий она выбрела во вчерашний офис – все еще пустой, не считая утреннего света, с дремлющими инфографами. Прошла через него, повернула налево в очередной коридор и углубилась на незнакомую территорию. Где-то в этом комплексе –

занимающем по меньшей мере целый этаж здания – спала Девятнадцать Тесло. Махит представляла ее в своем логове как большую хищную кошку – из тех, что слишком крупные для втягивающихся когтей. Поднимаются и опускаются бока в размеренном дыхании; глаза приоткрыты на щелочку даже во сне.

О, но Махит все-таки прибыла в Город не для того, чтобы стать поэтессой.

(А *зачем* прибыла – и под чьим контролем – *нет*. Не сейчас.)

Хотя она прибыла в Город и не для того, чтобы ее заточили дома у эзуазуаката, однако же вот, пожалуйста.

Коридор закончился широкой аркой, выходящей в помещение, которое находилось, должно быть, на другом конце здания от офиса, если судить по более рассеянному утреннему свету, тусклому и мягкому. Очевидно, здесь была библиотека: где на стенах не висели звездные карты, там их скрывали кодексы и инфокарты. На широком диване посередине сидела Пять Агат, подвернув под себя ноги в позе лотоса. Над ее коленом вращалась яркая цветная голограмма с солнечной системой Города – орбиты размечены светящимися золотыми окружностями, каждая планета надписана глифом, который Махит могла прочитать даже с другого конца комнаты, – а перед голограммой, оттягивая маленькими ручками планеты и наблюдая, как они встают обратно в свои гравитационные колодцы, стоял ребенок не старше шести.

– Доброе утро, – сказала Махит, чтобы дать о себе знать.

Пять Агат подняла взгляд, без эмоций и удивления.

– Госпожа посол, – сказала она и повернулась к мальчику. – Карта, поздоровайся с послом Лсела.

Дитя критически взглянуло на Махит и прижало ладошки к сердцу.

– Здравствуйте, – сказал мальчик. – Зачем вы пришли в библиотеку до завтрака?

Махит выступила из арки, чувствуя себя слишком высокой и нескладной.

– Не спалось, – сказала она. – Мне нравится твоя Солнечная система. Очень красивая.

Ребенок глазел на нее без выражения. Тейкскалаанская сдержанность у человечка такого возраста немало пугала.

– Ой, сядьте, – сказала Пять Агат. – Не стойте над душой.

Махит села. Мальчик сунул руку в середку звездной системы и поймал в ладонь солнце, утащив всю голограмму с коленей Пять Агат.

– Моя, – сказал он.

– Карта, займись орбитальной математикой, ладно? – сказала

Пять Агат. – Оставь нас пока. Модель можешь забрать.

Сперва Махит казалось, что он будет спорить – она и сама в детстве не любила, когда взрослые прогоняли от своих разговоров, – но тот кивнул и довольно охотно удалился на другой конец дивана.

– Это Два Картограф, – сказала Пять Агат. – Простите. Обычно в этот час в библиотеке и *правда* никого.

Два Картограф по прозвищу *Карта*. Махит улыбнулась.

– Ничего страшного, – сказала она. – На Лселе везде носятся дети – обычно большими ясельными возрастными группами, – в его возрасте я куда только не влезала. Я не против. Ваш?

– Мой сын, – сказала Пять Агат, а потом с немалой гордостью: – Мой сын из моего тела.

В Тейкскалаане это было необычно – на Лселе *неслыханно*. Женщина, что растит ребенка в собственной утробе, а не искусственной, – роскошь, которую станция попросту не могла себе позволить: ведь женщины могли *умереть* или подорвать свой метаболизм или тазовую диафрагму, а женщины – это люди, которые приносят пользу на работе. Самой Махит контрацептивный имплантат внедрили в девятилетнем возрасте. Когда она узнала, что иногда имперцы вынашивают детей в собственных телах, отнеслась к этому так же, как к воде, плещущей из цветочной вазы в ресторане на плазе Центр-Девять. Иметь так много, чтобы тратить так *легко*, – это и задевало, и цепляло.

– Было сложно? – спросила она с искренним любопытством. – Сам процесс.

Глаза Пять Агат гордо распахнулись в тейкскалаанской улыбке.

– Перед этим я два года приводила тело в наилучшую физическую форму, – сказала она. – И все равно было сложно, но я стала для него хорошим домом, и родился он таким же здоровым, как рождаются из искусственной утробы.

– Он прекрасен, – совершенно честно сказала Махит. – И умен, если уже в таком возрасте занимается орбитальной механикой, – как же *приятно* вести с тейкскалаанцем разговор, который не превращается мгновенно в политическое минное поле. Особенно здесь, в офисе Девятнадцать Тесло. – Вы здесь живете, оба?

– С недавних пор, – ответила Пять Агат. – Ее превосходительство *очень* хорошо к нам относится.

– Иначе я и представить не могу, – сказала Махит. В этом она не сомневалась. – Вы же ее люди, верно?

– Я – уже очень давно. Задолго до того, как у меня родился

Карта.

Махит хотелось завалить Пять Агат вопросами, один другого бесцеремонней: первый – «чем вы для нее занимаетесь» и «как она вас сделала своей», а возможно, и «она хотела, чтобы вы родили ребенка?» Но спросила только:

– Что изменилось? Раз вы к ней переехали.

Открытое лицо Пять Агат вдруг словно захлопнулось, как будто на иллюминатор шаттла опустилось антибликовое покрытие.

– Сейчас мы все работаем допоздна, – сказала она. – А ехать сюда приходилось очень долго. Я не хотела, чтобы мой сын так часто оставался один. И ее превосходительству показалось, что Карте будет… лучше. Здесь. Поближе.

«Лучше». Махит услышала в этом слове «безопаснее» и задумалась о долгих переездах на метро, о том, что бомба может уничтожить вагон так же легко, как и вчерашний ресторан.

Должно быть, ее выражение что-то выдало, потому что Пять Агат сменила тему.

– Вы просто искали библиотеку или?…

– Искала кого угодно, кто не спит.

– Два Картограф встает с солнцем, а я – вместе с ним. – Пять Агат пожала плечом. – Вам что-нибудь нужно, госпожа посол? Чай? Конкретная книга?

Махит раскрыла ладони на коленях. Ей не хотелось относиться к Пять Агат как к слуге; и нельзя было позволять себе забыть, что эта женщина, пусть и такая же босоногая и просто одетая, – главная ассистентка Девятнадцать Тесло. И, следовательно, как минимум вполовину такая же опасная, как ее хозяйка.

– Нет. Если только вам не захочется рассказать что-нибудь об императоре, – сказала она. – Я вчера весь вечер просматривала новостные трансляции, но для них надо быть в курсе местных политических переживаний, которых у человека вне Города быть *не может* – не говоря уже о не-тейкскалаанцах.

– Что вы хотите знать из того, что могу знать я? Я даже не патрицианка, госпожа посол. – У Пять Агат была привычка говорить – если только речь не шла о ее сыне – с такой сухой самокритикой, что юмор почти что не считывался. «Даже не патрицианка», но при этом слуга эзуазуаката – пост куда важнее, пусть номинально и ниже ступенькой.

– Судя по вчерашнему, я приняла вас за аналитика, а в этой профессии, наверное, даже к лучшему, что вы не патрицианка, – сказала Махит. Как фехтование; только более дружелюбное, чем с Девятнадцать Тесло. Пока что.

– Ладно, – сказала Пять Агат с намеком на тейкскалаанскую улыбку, слегка расширив глаза. – Я аналитик. Что вы хотите знать из того, что могу знать я?

«И из того, что ты готова рассказать», – подумала Махит.

– Почему у его сиятельства Шесть Пути нет определенного наследника? Даже если у него нет ребенка от своего тела, он вполне мог бы завести ребенка от своей генетики. Или назвать наследника из неродных.

– Мог бы, – сказала Пять Агат. – Более того, так он и поступил.

– Да?

– Он выбрал *троих*. Трое названных сонаследников, и ни у кого нет преимущества перед другими – они *все* соимператоры. До станционников не доходят централизованные новости? Когда он назначал последнего преемника – Тридцать Шпорника, – по всем новостным трансляциям месяцами не было ничего, кроме церемонии.

– Мы не тейкскалаанцы, – сказала Махит, размышляя при этом о Тридцать Шпорнике, о ком Девятнадцать Тесло говорила, что он эзуазуакат, как она сама, а также выигрывает от общественного страха. Общественный страх – и попытки взять в свои руки импорт-экспорт в пользу планетных активов его собственной семьи. – Как к нам попадут централизованные трансляции?

– И все-таки. Может, вы и живете в двух месяцах пути на корабле, это еще не значит…

– Мы как-то справляемся, – выразительно ответила Махит и следила, как Пять Агат сухо поджала губу, заметив свою ошибку, – то, что она подсознательно решила, будто все во вселенной хотят ровно того же, что и тейкскалаанцы. Махит смилостивилась над ней и продолжила: – Хоть нам и неизвестно, чем Тридцать Шпорник заслужил такой титул.

– Его превосходительство Тридцать Шпорник – из самых недавних эзуазуакатов императора. Он *очень* быстро возвысился при дворе – благодаря своей мудрости и… – Пять Агат многозначительно покачала ладонью, – возможно, благодаря крепким семейным связям с патрициями на планетах Западной Дуги.

– Понимаю, – сказала Махит. И решила, что и правда понимает. Когда Шесть Путь назначил Тридцать Шпорника соимператором, он усиливал поддержку со стороны богатых обитателей систем Западной Дуги. Семье Тридцать Шпорника вместе с другими семействами патрициев из того сектора – далекой череды систем, богатых собственными ресурсами и

производством и плотно связанных прыжковыми вратами, – гарантировано право голоса не только при нынешнем правительстве, но и при следующем. И – если Махит правильно понимала центробежный характер всех попыток узурпации, прославлявшихся в тейкскалаанской истории – заодно император не давал обеспеченным, но удаленным аристократам повода поддерживать кого угодно, кроме Тридцать Шпорника. Бунты под предводительством яотлеков (как происходящий прямо сейчас почти-бунт Один Молнии, о ком повсюду кричали в Городе) зарождались в уголках империи, где народ предан своим командирам, а не какой-то далекой фигуре во дворце. И спонсировали их часто именно такие люди, как семьи с Западной Дуги. Наделив Тридцать Шпорника властью, император сделал так, чтобы его семья сохраняла преданность тому, кто эту власть *даровал*, то есть его сиятельству Шесть Пути.

– Вы все сами поймете, когда познакомитесь с Тридцать Шпорником, госпожа посол.

– А остальные преемники? Вы сказали, их трое.

– Восемь Виток из Юстиции – ей почти столько же лет, сколько его сиятельству, они яслироды…

Махит прочла достаточно новеллизаций начала восхождения Шесть Пути, чтобы вспомнить Восемь Виток; сестра либо по крови, либо по чувствам, жестокий политик, стоящий за военными успехами и милостью солнца, которыми благословлен император. Махит кивнула.

– Конечно. Восемь Виток.

– И Восемь Антидот, ненамного старше моего Карты, – сказала Пять Агат. – Но у него только *гены* Шесть Пути. Девяностопроцентный клон.

– Весьма разномастная публика.

– А кто же еще сможет заменить его сиятельное величество? – раздался позади голос Девятнадцать Тесло.

Махит вскочила на ноги.

– Нужны сразу трое? – спросила она, стараясь не вести себя так, словно ее застали врасплох.

– Как минимум, – сказала Девятнадцать Тесло. – Допрашиваешь мою ассистентку?

– Чуточку, – ответила Махит. Казалось, лучше отвечать искренне.

– Узнала, что хотела?

– Кое-что.

– Что ты еще хотела бы знать?

Это была ловушка – с такой сладкой и простой приманкой, как бесконечный вес заботливого интереса Девятнадцать Тесло, –

и Махит все равно решила влезть в эту ловушку с головой.

– Как устроен механизм престолонаследия в идеальное время, в идеальном мире? Учебники истории, ваше превосходительство, имеют тенденцию фокусироваться на самых остросюжетных вариантах.

Девятнадцать Тесло улыбнулась, словно Махит ответила удовлетворительно.

– У императора есть ребенок – от тела или от генов, – причем ребенок подходящего возраста и мыслительных способностей, и император коронует его соимператором. Так, когда умирает старый император, уже есть новый, кого звезды знают и любят, кому благоволят; ритуал крови, аккламация солнечным светом.

– И как часто это происходит? – сухо поинтересовалась Махит.

– Чаще какой-нибудь военный командир при поддержке сотни тысяч преданных легионеров заявляет, что милость вселенной назначила императором *его*. Книги по истории, госпожа посол, как остросюжетны, так и недалеки от истины.

«А как часто император назначает совет из троих преемников? Подозреваю, не очень, – подумала Махит. – Только когда что-то неладно. Нет подходящего наследника. Не совсем. Даже если Тридцать Шпорник и Восемь Виток должны служить регентами при девяностопроцентном клоне, такое регентство получится долгим и противоречивым».

– Если ты наговорилась о политике, – сказала Девятнадцать Тесло, – нас ждет чай. И к тебе гость. В офисе.

– Правда? – удивилась Махит.

– Взгляни сама, – и Девятнадцать Тесло взмахнула рукой так, словно Махит – инфограф не на своем месте.

* * *

Выглядела Три Саргасс ужасно, но эта ужасность казалась значительно лучше, чем когда Махит ее видела в прошлый раз – в полупараличе из-за Города. Теперь она стояла с серым лицом, с синяками под глазами, но и с идеальной осанкой, в безупречной форме министерства юстиции, волосы зачесаны со лба и завязаны в немодный, но удобный хвост. Махит не представляла, какая муха ее укусила, раз она пришла после больницы *сюда*, а не домой, как любой здравомыслящий человек, переживший значительный неврологический припадок.

И все-таки при ее виде посреди кабинета эзуазуаката Махит окатила волна облечения – хоть что-то знакомое в новой тюрьме-

убежище, хоть какая-то опора. И Три Саргасс действительно переживала за Махит, раз отправилась на ее поиски, а не домой, пусть это и совершенно неблагоразумно.

– Ты жива! – воскликнула Махит.

– Пока что, – сказала Три Саргасс, – но это вопрос времени.

Махит осеклась.

– Серьезно? Скорее вернись в больницу…

– Махит, это безвкусная шутка о неизбежной бренности, – сказала Три Саргасс с хрупкой бодростью. – А еще говорила, что разбираешься в тейкскалаанцах.

– Юмор – последнее, что человек осваивает на неродном языке, – сказала Махит, но сама знала, что покраснела от стыда – как из-за своей чрезмерной заботы, так и из-за лингвистической промашки. – Что ты здесь делаешь?

– Когда Двенадцать Азалия приехал ко мне в больницу, он намекнул, что тебя удерживают против воли и заставляют слать неподписанные инфокарты по дворцовой почте. Я думала, что… спасу тебя? Раз ты под моей ответственностью и вчера уже чуть не взорвалась из-за меня.

– Двенадцать Азалия слегка преувеличивал, – сказала Махит.

– Только *слегка*, – заметила Три Саргасс с многозначительным взглядом на белый позаимствованный наряд Махит.

– Я вся была в крови Пятнадцать Двигателя, – возразила Махит. – Это не…

– Ты провела ночь у самой опасной женщины при дворе – и теперь стоишь в *ее одежде*.

Махит прижала два пальца к переносице, стараясь не рассмеяться.

– Клянусь, Три Саргасс, с твоими непристойными намеками и анонимными посланиями Двенадцать Азалии *я правда* почувствую себя персонажем в «Красных бутонах для Тридцать Ленты».

– Если забыть о том, что я не понимаю, как *эта* книга проскользнула на Лсел мимо императорских цензоров, – сухо сказала Три Саргасс, – и что я бы ни за что не обвинила эзуазуаката в злоупотреблении властью при общении с представителем другой страны – по крайней мере не в пределах действия записи у нее же в кабинете и уж точно не эзуазуаката, которую лично я уважаю и ценю… Что, ее превосходительство тебя не отпускает, да?

Вдобавок к болезненным теням под глазами лицо Три Саргасс заливал лихорадочный румянец. Махит думала, что ей бы стоило присесть. Но нет же, стоит посреди комнаты, словно Травинка,

как ее прозвал Двенадцать Азалия: тонкая, гнется на ветру, но все равно делает свое дело – предупреждает Махит, что за ними наверняка наблюдают.

– На плазе Центр-Семь были демонстрации. Народная аккламация, – сказала Махит.

– Очень уважительная причина не пускать тебя на улицы. Я же не *спорю*. Просто… просто сегодня утром Город странный, даже так близко к центру. Полагаю, всему виной взрывы.

Махит села сама – на тот самый диван, где ее допрашивали в предыдущий вечер – и тем самым пригласила присоединиться к ней Три Саргасс. Было приятно, когда та последовала примеру: сочувственное зеркало – а еще *не приходится видеть*, как она почти без сил стоит навытяжку. Интересно, бывают ли последствия от нападения самого Города. Как физические, так и психологические. Судя по тому, как себя вела Три Саргасс, – и те, и другие.

– Расскажи, в чем странный?

Три Саргасс покачала ладонью.

– Слишком мало прохожих. Словно коллективная нервозность. И, конечно, станцию «Центр-Девять» перекрыли, метро не работает…

«Работает», – услышала Махит эхо откуда-то издалека. Ощущение, будто от плеч через локти пробежали электрические искры, чтобы зашипеть в вытянутых пальцах.

– …ваше новое интегрированное метро работает круглосуточно без операторов, – говорил Искандр Агавн. Он облокотился на инкрустированную столешницу, которую поставил у себя в кабинете Десять Перл – новоназначенный министр науки Десять Перл, с перламутровыми кольцами на каждом пальце, словно в подражание собственному имени. – Была же у Города какая-то методология, когда линии работали самодостаточно, и какая-то методология появилась сейчас, и я признаюсь в своем большом интересе к ним.

Десять Перл довел тейкскалаанское равнодушие до уровня высокого искусства: он передает величайшее презрение самым тихим вздохом, но Искандр таких людей знает – на самом деле ему неймется похвастаться своим проектом. А его проект соединяет все части планетарного Города – как подземными, так и надземными линиями, причем действуют они совершенно автономно. *Этим он и заслужил пост – теперь он возглавляет Науку.*

– Господин посол, – говорит Десять Перл, – ума не приложу, на что станции Лсел нужно метро.

– Не нужно, – довольно легко соглашается Искандр, – но

автоматическая система, которой можно доверить перемещение сотен тысяч человек без ошибок и без конфликтов, – это, вы явно можете представить, имеет огромный интерес для любого, кто живет внутри неидеальной автоматической системы, как все мы, беспланетные. Вы внедрили в существующий ИИ Города человеческий разум? Отряд добровольцев вроде Солнечных, которые все вместе теперь надзирают за системой?

Десять Перла зацепила тема: Искандр следит, как тот понемногу оттаивает. Он сказал ученому что-то почти *правильное, но и достаточно ошибочное, чтобы естественное желание просветить и научить варвара возобладало над куда более бдительным стремлением сохранить новую технологию под покровом тайны. Глаза министра чуть расширились. Искандр ждет: это как выманивать голодного зверя из берлоги.*

– Не как Солнечные, – говорит наконец Десять Перл, – Город – не коллективный *разум.*

Что уже интересно, поскольку предполагает, что Солнечные – как раз-таки *коллективный разум; и все же недавно Искандр общался с молодым тейкскалаанцем, который очень радовался вступлению в имперскую полицию и был при этом яркой личностью. Это намекает на некую процедуру – на* создание *Солнечных, и Искандру интересно, не похоже ли это на процедуру имаго, а еще как к этому относится империя, настроенная столь решительно против неврологических имплантатов. Все это спрашивать не стоит; он слишком очевидно разоблачит свой интерес. А спрашивает Искандр следующее:*

– Не коллективный, но все же разум?

– Если считать разумом искусственные алгоритмы, господин посол, то да, у Города теперь есть разум, и этот разум следит за тем, чтобы в работе метро не возникало конфликтов.

– Как интересно, – говорит Искандр лишь с легчайшим намеком на насмешку. – Непогрешимый алгоритм.

*– Меня он не подводил, – говорит Десять Перл, намекая, что ему этого хватило, чтобы стать министром науки, а Искандр думает: «*Пока *не подводил».*

По пальцам Махит проплыли новые электрические покалывания. Нос наполнило воспоминание о запахе озона, зрение – синяя вспышка света после ужасного, ужасного сбоя в алгоритме Города, заставшего Три Саргасс врасплох, и…

Она вернулась, снова одна в своем теле, а не в памяти о разговоре, который Искандр вел больше десяти лет назад.

Три Саргасс все еще говорила. Махит показалось, что она упустила полсекунды, не больше – полсекунды на целую сцену, длившуюся минуты.

– …и аккламация на Центр-Семь – не единственное столпотворение, было и старомодное жертвоприношение во Втором Кольце, попало сегодня утром в сводку министерства информации…

– Ты проверяла из больницы?

– Занятие расшифровкой подтвердило, что я сохранила высшие психические функции, – сказала Три Саргасс, и Махит начала понимать, что больше всего напугало *ее саму* в сцене на плазе Центр-Девять. Ведь ей это знакомо не понаслышке. В мизинцах все еще гудели отголоски от имаго-воспоминания. У нее повреждение нервов в локтевых сгибах или нечто наподобие.

– И мне было скучно, пока не пришел Лепесток с твоими *неподписанными депешами*, – договорила Три Саргасс.

– Кажется, ему весело, – призналась Махит.

– Я это знаю точно, – вздохнула Три Саргасс. – Он принес мне *хризантемы*.

Махит пыталась вспомнить, что значат хризантемы в тейкскалаанской символической системе, но в голову почти ничего не шло – вечная жизнь? Из-за звездной формы? – когда из дверей внезапно явилась призраком Девятнадцать Тесло и произнесла:

– Как любезно со стороны твоей подруги-асекреты навестить нас. Рада видеть, что ты пережила вчерашний несчастный случай.

Три Саргасс хотела было встать, но Махит положила ладонь ей на руку и удержала – наплевав на нормы личного пространства.

– Если я гостья вашего превосходительства, – сказала она обеим, – то Три Саргасс – моя гостья, такая же желанная, как и я.

Девятнадцать Тесло рассмеялась – краткий, переливчатый смешок.

– Разумеется, госпожа посол, разве я могу быть нерадушна к гостю моего гостя, – сказала она Махит, а затем, сев напротив обеих, посмотрела Три Саргасс прямо в глаза и добавила: – Три дня – и ты заручилась ее верностью. Я тебя запомню.

К чести Три Саргасс, на ее лице не дрогнул ни один мускул, и она не стала отнимать руку от Махит.

– Для меня честь остаться в вашей памяти, – сказала она.

Махит показалось, что ей надо вставить хоть *что-нибудь* – просто в попытке вернуть какой-никакой контроль над разговором, если это вообще возможно в присутствии и Девятнадцать Тесло, и Три Саргасс.

– Почему жертвоприношение считается старомодным?

Снова выставила себя невежественной варваркой, но выбора особо не оставалось. Не здесь. Не сейчас.

– Кто-то умер, – сказала Три Саргасс.

– Кто-то *решил* умереть, – поправила ее Девятнадцать Тесло. – Некий гражданин сделал порезы от запястья до плеча и от колена до бедра и истек кровью в храме солнца, призывая вечногорящие звезды исполнить за это какое-то его желание.

У Махит пересохло во рту. Вспомнились яркие брызги артериальной крови Пятнадцать Двигателя на рубашке и лице. Жертва без смысла. Так бы это назвали тейкскалаанцы. Смерть, которую избрал не он сам. Жертва впустую.

– Что гражданин может получить в обмен на собственную жизнь? – спросила она.

Три Саргасс, все еще не убирая руку из-под пальцев Махит, ответила резко и четко:

– Память.

У Девятнадцать Тесло было такое же выражение, как когда Махит вслух мечтала о радостном воссоединении с предшественником – еще в морге, пока они собрались у останков Искандра. Перепад эмоций, который Махит не умела расшифровать.

– Асекрета права. Этого гражданина будут помнить столько, сколько говорят о жертвоприношениях в храмах солнца. Тебе стоит посетить службу, Махит, послушать литанию имен. Это культурно обогащающий опыт, – она откинулась на диване. – Не считая одобрения в памяти народа, смерть в храме вышла из моды. Это радикальная реакция на видимую угрозу.

– Видимая угроза – это внутренний терроризм, – сказала Три Саргасс.

– Как и слухи о грядущей войне, – сказала Девятнадцать Тесло. Три Саргасс кивнула.

– Положение на Одилии, последние маневры войск… у *каждого* есть знакомый во флоте, а каждый во флоте знает, что войска мобилизуют.

– И все же, – вклинилась Махит, снова думая: «Одилия», снова думая: «Империя не так уж стабильна, как кажется». – Я и не знала, что вы так высоко ставите крики сторонников Один Молнии – люди же не могут *принудить* яотлека начать войну, просто желают, чтобы он уже где-нибудь победил и они могли это отпраздновать.

Когда Девятнадцать Тесло кивнула, признавая правоту, Махит по-дикарски обрадовалась – обрадовалась и тут же рассердилась на себя. Девятнадцать Тесло ею пользуется; пользуется ими обеими, чтобы проговорить политическую ситуацию вслух. А они все-таки не из ее *свиты*.

Они ее *гостьи*. Ее заложницы. А в скольких сюжетах из

тейкскалаанской литературы описана судьба детей, которыми еще до империи обменивались престолы, а во время империи – звездные системы: одновременно и заложники, и гости, *почти* превращенные в тейкскалаанцев, а потом списанные со счетов, когда это было политически выгодно. Достаточно сюжетов, чтобы Махит одумалась и перестала стараться впечатлить эзуазуаката. Какой смысл. Махит находится в *сюжете*, по которому ее полагается использовать…

У Три Саргасс таких сомнений не было.

– В прошлом кровавой смертью в храме просили об успехе на войне, Махит, – сказала она. – Одна смерть на каждый полк, жертвы лично отбирались яотлеком. Больше так не делается. Уже сотни лет. Это ужасно эгоистично – чтобы один гражданин снимал ответственность призыва к звездам с плеч всех остальных.

«Эгоистично» – Махит бы выразилась не так. Она бы сказала – «варварски», если бы говорила на языке, где это слово – благоразумный выбор для описания тейкскалаанской религиозной практики.

– Что бы мне хотелось знать, – сказала она, – так это где будет война, если вспомнить о маневрах войск, о которых сказала Три Саргасс.

Кое-что из маневров подробно расписано в неподписанных, но проштампованных документах, что лежали в ее первой стопке инфокарт: запросы пропустить военные корабли через прыжковые врата Лсела – *куда-то*.

– Не одной тебе интересно, – сказала Девятнадцать Тесло. – Его сиятельство удивительно немногословен о своих мыслях на эту тему. – Она выразительно взглянула на Три Саргасс, словно та – олицетворение всех тайн министерства информации и потому может что-то ответить.

– Ваше превосходительство, даже если бы я и знала, куда Тейкскалаан будет расширяться дальше по воле его сиятельства, я бы не сказала. Я асекрета.

Девятнадцать Тесло широко развела руками, одну – ладонью вверх, другую – ладонью вниз, словно весы.

– Но империя расширяется. Таков ее первый принцип, асекрета, не говоря уже о наглядных свидетельствах. Так что это «куда» есть.

– «Куда» есть всегда, ваше превосходительство.

«Куда» и «почему сейчас». Махит казалось, она знает, «почему сейчас» – неопределенность в связи с преемником Шесть Пути. Три равных названных сонаследника, каждый со своими целями – среди них ребенок, слишком маленький, чтобы иметь цели, – все это нестабильный режим работы правительства. Кому-то придется

прогнуться; Тридцать Шпорник или Восемь Виток заполучат право на решающее слово, или объявят себя регентом девяностопроцентного клона, или…

Или Один Молния объявит себя императором по праву завоевания и народной аккламации.

(А где-то в самой гуще событий пытался вмешаться Искандр – она слишком хорошо его знала, чтобы думать, будто он прошел бы мимо *такой* каши. Она и сама вращала ситуацию так и эдак, словно перекатывала камешек во рту, а Искандр был политиком *куда* лучше ее. Куда лучше и куда мертвее. Наследнику имаго-родословной следовало учиться на ошибках предшественника.)

– Возможно, мы узнаем на завтрашнем банкете, – сказала Махит.

– *Что-то* мы да узнаем, – ответила Три Саргасс почти с той же хрупкой радостью, которую Махит слышала в ее голосе ранее. – И если в этот раз тебя не взорвут насмерть в мою смену…

Девятнадцать Тесло рассмеялась.

– Разумеется, вы обе придете.

– Да, ваше превосходительство, – сказала Три Саргасс. – Госпожу посла пригласили. А я бы ни за что такое не пропустила.

– Как иначе. Представишь сочинение?

– Мое творчество в подметки не годится таким мастерам, как Два Календарь, – сказала Три Саргасс, театрально принижая себя сравнением с поэтом, чьи стихи служили в этом месяце стандартным кодом для дешифровки. – И, что важнее, на этом банкете я буду не в качестве оратора, а в качестве культурной посредницы Махит.

– Работа требует жертв, – сказала Девятнадцать Тесло. Махит не поняла, шутка это или нет.

– Увидим ли мы там вас? – поинтересовалась Три Саргасс.

– Естественно. Завтра вечером вы обе можете присоединиться ко мне на прогулке ко Дворцу-Земля.

Когда Махит, представляя себе политическое заявление, которое все прочтут, когда она войдет на банкет в обществе Девятнадцать Тесло, открыла рот, чтобы возразить, эзуазуакат прервала ее жестом и сказала:

– Госпожа посол, в Городе волнения. Здесь у меня достаточно места для гостей. Ты правда думала, что я тебя отпущу?

Интерлюдия

И вновь простор космоса: бездна и алмазные точки звезд. Забудьте о карте; выкиньте ее из головы. Ни одна карта не опишет, что свершилось здесь, у Врат Анхамемата в секторе станции Лсел. Обрыв в космосе, обозначающий наличие прыжковых врат, – этот участок незримого пространства, отражающий взгляд и человеческого глаза, и приборов, – окружен обломками. Здесь погибли корабли, вместе с пилотами. Здесь были убиты корабли.

То, что их убило, – огромно, в форме колеса внутри колеса внутри колеса; у него три разных вращения и темно-серый металлический блеск – и некий разум. По крайней мере, достаточно разума, чтобы быть голодным. Вот о чем свидетельствуют мертвые корабли: голод и жестокость. О чем они не свидетельствуют, так это что с разумом можно вести переговоры. Пока что. Пока что станция Лсел узнала о хищнике за пределами Врат Анхамемата только то, что от него надо бежать без оглядки. Последний корабль, узревший пришельца, добрался до станции – но не привел его за собой: если оно и охотится, то не гонит добычу до логова. У него какая-то другая цель для кораблей, убитых с такой безнаказанностью.

Декакель Ончу, советница по пилотам, сидит в лазарете напротив пилота, узревшего того охотника: его тщательно обследует врач, но ему хватает сил пересказать Ончу, что именно он узрел, три раза. Это она просит повторить три раза. Ей нужно запомнить все до единого слова. Запомнит она и ужас на осунувшемся лице, и как расползлись глубокими озерами тени под глазами. Она знала его – пилота Дзирпарца, – еще до того, как он стал собой; знала и его имаго – смелую женщину по имени Вардза Ндун. Вардза Ндун лично обучала Ончу до того, как скончалась и передала свои воспоминания имаго-линии, которую унаследовал Дзирпарц. Ончу трудно вообразить, чтобы человека, пусть даже частично сделанного из Вардзы Ндун, что-то может напугать настолько, – и это пугает *ее*. (Пугает это и собственного имаго Ончу, давно уже сведенного до эхо-проблесков теплоты и голоса, которые она считает своей лучшей версией, своими лучшими рефлексами, – ранее мужчина, учивший ее не *летать* в космосе, а *парить*, знавший свой корабль как собственное тело и прививший этот навык ей. Теперь она ощущает учителя в виде судороги, тревожной боли в нутре; сбой гравитации, какой-то рассинхрон.)

Что пугает еще больше: только этим утром ей поступили

новости от капитана грузового корабля, который ненадолго пристыковался к Лселу, чтобы заправиться и принять на борт груз молибдена, и успел втихомолку справиться, не поступало ли еще сообщений о том, что в этом секторе тоже передвигаются огромные корабли из трех колец, как они передвигаются – *накапливаются* – в секторе, откуда прибыл он, в трех прыжковых вратах отсюда.

Это беда не только для станции Лсел, думает Ончу, крепко взяв за руку Дзирпарца, пожимая в знак благодарности. Капитан грузового корабля тоже не понял, как вступить в контакт с голодными кораблями из трех колец. Но он твердо настаивал, что они вообще не настолько человечны, чтобы с ними общаться, а Ончу сомневается, что на свете бывает что-то *настолько* нечеловечное, что с ним нельзя общаться.

Есть только один советник, кому можно передать эти сведения и надеяться, что он сохранит их в тайне, пока они вдвоем решают, как поступить, – и Ончу жалела, что это он, а не кто-то другой. Ей придется поговорить с Дарцем Тарацем. Ей нужны любые союзники, даже подозрительные.

Декакель Ончу – не любительница теорий заговора: она практичная и опытная женщина на шестом десятке, наделенная памятью десяти пилотов до нее, и она считает, что управится с Дарцем Тарцем, даже если он и *ведет* какие-то игры с Тейкскалааном – причем ведет уже десятилетиями. Это он отправил в империю посла, и вернулся Агавн не с пустыми руками – о, он открыл торговлю, обогатившую Лсел, но и открыл имперскую культуру, хлынувшую в прыжковые врата и сблизившую Лсел с Тейкскалааном как никогда. И все же Тарац – если застать его в одиночку, или в одиночку и нетрезвым – пышет жестокой, философски обоснованной *ненавистью* к империи. Он ведет какую-то очень *долгую* игру, и Ончу не хочется иметь с ней ничего общего. Но без союзника не обойтись: Пилоты и Шахтеры – традиционные союзники, со времен основания совета Лсела. Пилоты, Шахтеры и Культурное наследие. Представители древнейших имаго-линий – космических перелетов и добычи ресурсов – и представитель линии, чья цель – беречь имаго и культуру Лсела в целом.

В последнее время Культурное наследие под Акнель Амнардбат изменило позицию. Не *философскую*, думает Ончу, мрачно отправляясь от лазарета к своему кабинету, выбирая самую долгую петлю вдоль внешнего края станции, чтобы ощущать телом лишь слабую игру гравитационных сил. Не *философскую* позицию: Амнардбат стоит за Лсел не меньше любого, кого знает Ончу, и стоит твердо; не принимала она и

тревожные или хотя бы необычные решения касательно распределения имаго. Но Ончу обнаружила в Акнель кое-что похуже идеологических или философских разногласий.

Культурному наследию нельзя *вредить* тому, что оно должно защищать. Ончу верит в это всей душой и поэтому послала предупреждение Искандру Агавну, если он вообще еще в состоянии получать предупреждения: «То, что к тебе отправили, может быть обращенным против тебя оружием».

Но прямо сейчас, пока Агавн совсем не торопится отвечать, Ончу нужен хоть *кто-то*, чтобы сладить с гостем из Врат Анхамемата, и если нельзя доверять Культурному наследию, то сойдет и Тарац, несмотря на все свои игры с империей.

Глава 7

сердце наших звезд прогнило
не полагайтесь на него
солидарность с Одилией!

Флайер с изображением осквернённого имперского военного флага, найденный в ходе зачистки после инцидента на плазе Центр-Девять 247.3.11; отправлен под нож с остальной крамольной литературой

* * *

[…] тогда как среди предпочтений в развлечениях возрастной группы 15–24 первое место по-прежнему занимают тейкскалаанские литература и СМИ, исследование также выявило большое число молодежи Лсела, в первую очередь выбирающих литературу авторов-станционников. Особого внимания заслуживает короткая форма – как прозаическая, так и графическая, – которая распространяется в форме брошюр или кодексов бесшовного скрепления: и то, и другое легко воспроизводится на пластипленочном принтере любого уровня. Часто эти брошюры и кодексы созданы представителями своей целевой аудитории (т. е. возрастной группы 15–24), без одобрения или вмешательства со стороны комитета по литературе…

Доклад по «Трендам в медиапотреблении», запрошенный Акнель Амнардбат для Культурного наследия, выдержка

Расходящиеся из центра своды банкетного зала Дворца-Земля наполнялись струящимся светом: все ребра были сделаны из какого-то прозрачного материала, по которому хлестала река золотых искр. С их вершин свисали люстры, словно парящий звездный свет. Черный мрамор пола отполировали до зеркального блеска. Махит видела в нем собственное отражение; казалось, словно она стоит среди звездного поля.

Как и все остальные. Зал переполняли не только огни, но и патриции, сходившиеся в беседующих кружках и снова

расходившиеся: единый огромный тейкскалаанский организм, менявший только очертания. Три Саргасс – безупречная в своем кремово-пламенном костюме оттенков, нарочито приглушенных до официальной нормы в огромном зале и блеске гостей, – спросила у плеча Махит: «Готова?»

Махит кивнула. Отвела плечи назад, выпрямила спину; расправила рукава серого формального пиджака. Этим утром Девятнадцать Тесло послала кого-то принести вещи из ее багажа, и как же Махит радовалась, что все ее государственные тайны хранились в голове, а не в чемоданах. Костюм проигрывал в сравнении с буйством металлических цветов и зеркал, каким встречал тейкскалаанский двор, но она хотя бы выглядела как посол с Лсела, а не кто-то еще. Хоть и прошлась с Девятнадцать Тесло, блистающей в своем белоснежном наряде, и с целой ее свитой – даже если шпионы и сплетники запомнят *ту* прогулку, а не это посещение императорского двора.

– Посол Махит Дзмаре со станции Лсел!

Когда хотела, Три Саргасс умела быть *громкой*. Она уперлась ногами, задрала подбородок и огласила имя Махит, будто заводила песню – долгий, отчетливый, зычный крик. «Оратор, – подумала Махит. – Она же говорила, что если бы не я, то сегодня выступала бы со стихами». Среди собравшихся придворных был приятный и пугающий интерес – сместился центр внимания, на нее легли сотни скрытых облачных привязками глаз. Она простояла неподвижно достаточно, чтобы они пригляделись, – достаточно, чтобы произвести первое впечатление. Высокий худой человек в варварских штанах и камзоле, рыжевато-каштановые волосы пострижены коротко, под низкую гравитацию, лоб – высокий и оголенный. Непохожа на прошлого из ее рода: женщина, неизвестная, непредсказуемая. Молодая. *Улыбчивая* – а с чего бы послу улыбаться.

(А еще живая. Вот важная разница.)

Махит сдвинулась от центральной двери и спустилась по ступенькам в зал, Три Саргасс – перед ней и слева, как и обещала. Сориентировалась в направлении дальней части банкетного зала по центру – где, как она знала, появится император. К концу вечера надо будет дойти туда; причем пробраться надо будет по сверкающему пространству, не совершив промашек в этикете или геополитике, если только не запланированные. Где-то ожидал их ну очень прилюдной встречи министр науки Десять Перл. Теперь каждый раз, как Махит его представляла, вспоминался тот проблеск от Искандра, как они спорили – беседовали – вели *переговоры* о сути Города и разуме Города, если у него такой имеется. Мысли все возвращались к этому моменту – и к тому,

как память ее захлестнула, вырвала из реальности. Сейчас, перед всем двором Тейкскалаана, она не могла себе этого позволить и при этом не имела ни малейшего понятия, как этому помешать.

Позади нее в дверном проеме встала, словно столп белого пламени, Девятнадцать Тесло, и Махит *почувствовала*, как с нее переводят взгляды. Выдохнула.

Ей нравились приемы – для совместимости с Искандром требовался определенный уровень экстраверсии и общительности, – но все же она была благодарна за возможность перевести дыхание, принимать решения без давления со стороны. Не оказаться у всех на глазах в случае, когда что-то пойдет под откос более прилюдно, чем было до сих пор.

– Куда? – спросила Три Саргасс.

– Представь меня поэту, который нравится *тебе*, – сказала Махит. Три Саргасс рассмеялась.

– Серьезно?

– Да. И если он официально недолюбливает нашу достопочтенную хозяйку-эзуазуаката, тем лучше.

– Литературные заслуги и диссидентские политические взгляды, – произнесла Три Саргасс. – Понятно. Мы и *правда* пришли развлекаться, да?

– Не хочу тебе наскучить, – сухо ответила Махит.

– Не переживай. Мою скуку успешно развеяла поездка в больницу, Махит, а для того, что происходит *сейчас*, я к тебе и назначена. – Глаза Три Саргасс горели, слегка остекленевшие, словно она перебрала стимулирующего чая Девятнадцать Тесло. Махит переживала за нее и жалела, что не хватало ни времени, ни сил что-то со своими переживаниями поделать. – Сюда – кажется, я видела Девять Маиса, а если Девять Маис прочтет сегодня новую эпиграмму, ее придет послушать Тридцать Шпорник. Все политическое разнообразие, какого только можно пожелать.

* * *

Друзья Три Саргасс были патрициями и асекретами – кто-то в кремовом цвете министерства информации, а кто-то – в переливающихся придворных нарядах, по которым Махит не могла расшифровать их политические предпочтения – вот для *этого* и нужен Искандр: даже отставание на пятнадцать лет в познаниях моды полезнее, чем мысль «какое все блестящее» и некое подозрение насчет всех, кто носит в качестве украшения фиолетовые цветы. Цветов было слишком много: в вышивке на

поясах, из перламутра или кварца – в шиньонах и значках, еще более замысловатые версии, чем у услужливого незнакомца на Центр-Девять. Это что-то *значило*. Три Саргасс никак это не комментировала, а это, в свою очередь, тоже не склоняло чашу весов смысла ни в одну сторону.

Взамен она представляла Махит формально – и Махит кланялась со сложенными пальцами и в целом была славной варваркой: почтительной, изредка остроумной, по большей части молчаливой посреди остроумной болтовни амбициозной молодежи. Она улавливала где-то половину аллюзий и цитат, мелькавших в речи. От этого возникала зависть, которая ей казалась инфантильной: глухая тоска негражданина по гражданству. Тейкскалаан намеренно прививал тоску, а не удовлетворял ее, она и сама это *знала*. И все же зависть проникала в нее каждый раз, когда она прикусывала язык, каждый раз, когда не узнавала слово или все коннотации фразы.

Девять Маис оказался коренастым мужчиной с небольшой бородкой, бледнее большинства тейкскалаанцев, с широко посаженными глазами над плоскими щеками. В Городе Махит видела не так много представителей этой этнической группы – северяне, привыкшие к холодной погоде, *блондины*. Кое-кто попадался в метро, кое-кто – на Центр-Девять, но в переписи они занимали только восьмую строчку по численности; она почитала перед прилетом. Люди с внешностью Девять Маиса могли родиться и в Городе, и прилететь с другой планеты, с более холодной погодой, без субтропической жары, – а может, прилетели его родители. Или его генетический материал, который, когда пришло время для ребенка, выбрал кто-то из Города, сочтя интересным и совместимым со своим собственным. Три Саргасс представила Девять Маиса «патрицием первого класса» – несмотря на немодную бледность, тейкскалаанец во всем.

– Правда ли, – спросила Махит, – что сегодня вы прочтете новую работу?

– Слухи расходятся так быстро, – ответил Девять Маис, глядя не столько на Махит, сколько на Три Саргасс, которая моргнула с таким видом, словно сама мысль о ее причастности кажется ей невразумительной.

– Доходят даже до иностранных послов, – сказала Махит.

– Как лестно, – ответил Девять Маис. – У меня есть новая эпиграмма, это правда.

– На какую тему? – с живым интересом спросил другой патриций. – Не ждет ли нас экфрасис…

– Немодно, – пробормотала Три Саргасс под нос – но

достаточно громко, чтобы ее услышали. Патриций делано пропустил ее слова мимо ушей. Махит изо всех сил постаралась не испортить эффект, улыбнувшись как иностранка – широко и искренне. Экфрасис – поэтическое описание предмета или места – *действительно* вышел из моды. В последнее время тейкскалаанская поэзия в этом стиле до Лсела не доходила.

Девять Маис развел руками и пожал плечами.

– Здания Города уже описаны поэтами куда лучше меня, – сказал он – как заподозрила Махит, вежливее перефразируя Три Саргасс. – А вы любите поэзию, посол?

Махит кивнула.

– Весьма, – сказала она. – На Лселе с большой радостью встречают новые работы из империи. – Она даже не врала: новые произведения искусства *действительно* встречали с радостью, передавали по внутренней станционной сети; она допоздна засиживалась с друзьями, чтобы почитать новые циклы из последних имперских эпосов: любовь к тейкскалаанской поэзии просто показывала твою *культурность*, особенно когда ты еще подросток и тратишь все время на подготовку к тесту языковых способностей. Тем не менее ей не понравилась знающая улыбка Девять Маиса, его снисходительный кивок – ну, разумеется, в захолустном варварском космосе ценятся новые произведения. Из-за этой неприязни она продолжила:

– Но я никогда не имела чести слышать ваши стихи, патриций. Должно быть, они не выходят за пределы планеты.

То, как изменилось выражение Девяти Маиса, – он не мог *ответить* на такое оскорбление, только не варварке, – целиком ее удовлетворило.

– Тогда вам предстоит открытие, посол Дзмаре, – произнес новый голос.

– Не сомневаюсь, – машинально ответила Махит и обернулась.

Тридцать Шпорника невозможно было не узнать. Множество косичек переплетались с нитками крошечного белого жемчуга и поблескивающих бриллиантов; одна прядь лежала лентой на висках, подражая нижней части тейкскалаанской императорской короны. У него был широкий тейкскалаанский рот, низкий тейкскалаанский лоб и тейкскалаанский нос крючком: образец аристократа. На лацкане приколот настоящий, свежесорванный фиолетовый цветок: шпорник.

Как очевидно, подумала Махит. Надо было догадаться. (А догадавшись, заметила, что при взгляде на аристократа ощутила отголосок «нет» от Искандра; он его не знал за свои записанные пять лет жизни. Тридцать Шпорник – загадка для нее; не

положиться даже на эмоционального призрака. *Мертвый* Искандр наверняка его знал, но он мертвый – а у нее он одновременно поврежденный (саботированный!) и устаревший.)

Может, это шанс составить собственное мнение. Что казалось пугающим и слегка волнующим.

Она низко поклонилась.

– Ваше превосходительство, – сказала она, а потом позволила Три Саргасс перечислить все титулы Тридцать Шпорника. Естественно, имелся у него и собственный эпитет. «Тот, кто затопит мир цветами». Махит гадала, не сам ли он его *выбрал*.

– Это честь – познакомиться с таким прославленным имперцем, как вы, – сказала она, выпрямившись.

– Знаю, когда встречаешь меня в таком наряде, ни о чем другом подумать невозможно, – ответил Тридцать Шпорник. – Но поверьте, госпожа посол, эпиграммы Девять Маиса куда интереснее какого-то сонаследника… Уверен, я не единственный из них, кого вы сегодня встретите.

– Но первый, – сказала Махит. Было трудно не флиртовать в ответ, даже если на самом деле в Тридцать Шпорнике ее не интересовало ничего, кроме его мнения о ней, ее предшественнике и Лселе.

– Для меня это особое удовольствие, госпожа посол. Полагаю, надо показать себя с лучшей стороны. Это ваша посредница?

– Асекрета Три Саргасс, – сказала Махит.

– Нам не хватает вас в салонах, Три Саргасс, – сказал Тридцать Шпорник, – но, видимо, всем иногда надо работать.

– Если вам не хватает моих чтений, пригласите меня вне службы, – ответила Три Саргасс, безмятежная и слишком бесстрастная, чтобы Махит поняла, польщена она, обижена или довольна.

– Ну, конечно. – Тридцать Шпорник предложил руку Махит. – Из середины зала, госпожа посол, вы не расслышите как следует. Возможно, вы предпочтете перейти со мной туда, где акустика получше.

Махит не смогла придумать уважительную причину для отказа, а для согласия хороших причин хватало: еще больше дистанцироваться от образа ручной пленницы Девятнадцать Тесло, спросить Тридцать Шпорника об Искандре, послушать собственно стихи, а не комментарии окружающих о стихах. Она положила ладонь на подставленную руку – сине-серебряная ткань его камзола была жесткой из-за металлической нити – и позволила увлечь себя от кружка, с Три Саргассю по пятам.

– Очень любезно с вашей стороны, – сказала она.

– Как не показать чужестранке лучшее в своей культуре? –

спросил Тридцать Шпорник. – Это же ваш *первый* вечер при дворе.

– Так и есть.

– Предыдущий посол был желанным гостем! Нам его не хватает. Но, возможно, вам поэзия нравится больше, чем ему.

– Мой предшественник не уважал эпиграммы? – шутливо поинтересовалась Махит.

Они остановились поближе к центральному помосту. Тридцать Шпорник сделал жест, напомнивший ей не иначе как Девятнадцать Тесло, когда та закрывала инфограф, и мигом появился слуга с подносом пузатых бокалов. Махит склонилась над своим: *фиалки*, и алкоголь, и что-то вроде имбиря или какого-то другого ароматического корня, который произрастает только в почве.

– Полагаю, посол Агавн предпочитал эпосы, – сказал Тридцать Шпорник. Поднял бокал. – За его память – и за вашу карьеру, посол Дзмаре.

Махит представила, как пьет и умирает от яда прямо посреди этого большого зала; потом отпила и отравилась только в том смысле, что навсегда возненавидела вкус фиалкового напитка. Она сглотнула и не выдала на лице неприличных эмоций.

– За его память, – сказала она.

Тридцать Шпорник поболтал бокал в руке; фиолетовая жидкость закружилась.

– Я рад, что станция Лсел отправила нового посла, – сказал он. – Не говоря уже о том, что вы оказались искренней любительницей эпиграмм. Но вам все же следует знать, посол Дзмаре: сделка отменяется. Я ничего не могу поделать. И поверьте, я старался.

«Сделка отменяется»?

Какая сделка? Махит сжала губы – можно же ей выразить разочарование – выиграть время – все по-прежнему на вкус как фиалки – «Какая сделка, Искандр! И с кем!», – кивнула.

– Благодарю за откровенность, – сказала она.

– Я знал, что вы отреагируете благоразумно.

– А как иначе?

Тридцать Шпорник поднял обе брови так, что они чуть не уползли в волосы.

– О, я воображал самые разные пренеприятные реакции.

– Как удачно, что я не склонна к истерикам, – сказала Махит, действуя словно на автопилоте. «Какая сделка» и «почему именно Тридцать Шпорник говорит мне, что она отменяется», а сама все это время просто беседовала на высокосветском тейкскалаанском, словно пряча нервозность за поблескивающей завесой.

– Надеюсь, я не испортил вам вечер, – сказал Тридцать

Шпорник. – Эпиграмма действительно планируется чудесная: Девять Маис – это нечто.

– Возможно, он меня отвлечет, – сказала Махит.

– Прекрасно. Тогда – к наслаждению от вашего первого императорского конкурса поэзии. – Он снова поднял бокал, снова выпил, и Махит повторила за ним. Этот вкус изо рта не выветрится никогда.

Поблескивающие огни в ребрах сводчатого потолка померкли до сумерек, а потом снова просветлели – мерцание и быстрый бег сияющих точек. Громкая болтовня придворных притихла. Махит оглянулась через плечо на Три Саргасс, которая успокаивающе кивнула – значит, так и надо, – и снова посмотрела на Тридцать Шпорника. Он поставил бокал на поднос проходящего мимо слуги и пробормотал:

– Мне полагается стоять в правильной части зала, госпожа посол. Очень рад нашему знакомству!

– Конечно, – сказала Махит, – идите…

Он уже ушел. Приблизилась Три Саргасс.

– Можешь принести еще выпить? – попросила Махит приблизительно в тот же момент, когда Три Саргасс спросила:

– Какая сделка?

– Вообще-то не знаю.

Три Саргасс посмотрела на нее с выражением, которое, надеялась Махит, не было жалостью.

– Значит, что-то покрепче.

– И еще можно без фиалок?

– Погоди, – сказала Три Саргасс. – Это тебе пропустить не захочется. – Она очень мягко взяла Махит под локоть и развернула туда, где стоял помост…

… туда, где рос помост, который ранее она приняла всего лишь за приподнятый овал на вылизанном полу. Махит вспомнила, как Город запер ее на плазе Центр-Девять – вспомнила эпитет Тридцать Шпорника, про «мир в цветах». На беззвучных гидравлических механизмах поднимался трон – расцветающая солнечная вспышка, словно куст золотых копий, материализованное эхо света, бегущего по ребристому потолку. Справа от него стоял Тридцать Шпорник, великолепный в преломленном освещении; слева – должно быть, Восемь Виток, с сутулыми плечами и опиравшаяся на серебряную трость, но не менее озаренная: ее версия императорской полукороны сияла ярко даже на фоне серебряных волос.

На троне о солнечных копьях, словно семя в цветке или ядро в сердце горящей звезды, Махит впервые увидела императора Шесть Путь.

«Не такой уж внушающий, не считая положения, – подумала она, – низкий, со впалыми щеками, длинными волосами цвета скорее мутной стали, чем серебра, хоть взгляд и острый». А потом подумала: «к Положению более чем достаточно – меня поглотило мое собственное поэтическое воображение».

Шесть Путь был стар, невелик ростом, хрупкого вида – тонкие кости, слишком худой, словно болел и только-только пошел на поправку. И Шесть Путь повелевал всей этой церемонией – или подчинялся ей: ведь император и империя есть одно и то же, верно? в том же смысле, в каком сходятся слова «империя» и «мир», – и завладел вниманием каждого тейкскалааанца. Выдох, прошелестевший по залу, когда он поднял руку в благословении, показался ощутимым толчком.

Дым в глаза и отраженный свет, и вес истории – Махит знала, что ею манипулируют, но не могла не поддаться. При Шесть Пути был ребенок – должно быть, его девяностопроцентный клон. Маленький серьезный мальчишка с огромными черными глазами.

И если это не заявление, кому в итоге перейдет трон, то Махит не знала, что еще. Не будет никакого истинного триумвирата: будут ребенок-император и два противоборствующих регента. Несчастное дитя – с Тридцать Шпорником и Восемь Виток-то в регентах. Внезапно она задалась вопросом, кто в зале поддерживал Один Молнию – не прикрывает ли кто-нибудь столь заметными лиловыми шпорниками менее популярный выбор, – и если на то пошло, то где же Десять Перл из министерства науки и когда он к ней подойдет?

– Готова представиться императору, – лукаво спросила Три Саргасс, – или сперва еще постоишь и поглазеешь?

Махит хмыкнула без слов, беспомощно развеселившись.

– А ты как себя почувствовала, когда впервые увидела, как поднимается трон?

– Боялась, что не заслуживаю здесь находиться, – сказала Три Саргасс. – У тебя все иначе?

– Вроде бы я не боюсь, – ответила Махит, копаясь в своих чувствах, пока строила предложение. – Кажется, я… злюсь.

– Злишься?

– Это так *чрезмерно*. Я *не могу* не почувствовать…

– Ну, конечно. Так и задумывается. Это же император, кто есть лучезарнее самого солнца.

– Знаю. Но я *знаю*, что знаю, в этом-то и проблема. – Махит пожала плечами. – Все равно для меня большая честь с ним встретиться. Как бы я себя ни чувствовала.

– Тогда пошли. – Три Саргасс взяла ее за локоть тверже. – В любом случае это твоя обязанность как посла! Тебя должны

формально признать и облечь полномочиями.

У подножия помоста собралась очередь, но короче, чем ожидала Махит, и Его Величество Шесть Путь тратил на каждого просителя не больше минуты. Когда пришел ее черед, Три Саргасс объявила ее снова – в этот раз тише, но не менее отчетливо, – и она поднялась по ступенькам в центр распустившихся солнечных копий, к престолу.

Тейкскалаанцы бы упали челом к полу, простираясь в земном поклоне. Махит преклонила колени, но не сложилась пополам – только склонила голову, вытянув перед собой руки. Станционники не кланялись – ни пилотам, ни правящему Совету, какие бы у них ни были длинные имаго-линии, – но за два месяца пути до Города они с Искандром пришли к такому решению. Она видела эту позу на иллюстрациях в инфокартах со сканами старых тейкскалаанских церемониальных руководств: так дипломат Эбрект Первопоставленный приветствовал императора Два Солнцепека на носу корабля «Стеклянный Ключ Посвящения», когда состоялся первый официальный контакт Тейкскалаана с народом эбректов. (Или по крайней мере так имперский художник передал позу человека, который перемещается на четырех конечностях.)

Это случилось четыреста лет назад на окраинах известного космоса, после того как «Стеклянный Ключ Посвящения» неожиданно вошел в новые прыжковые врата, пока Два Солнцепек бежал от узурпаторши Одиннадцать Облако (в итоге Два Солнцепек отбросил ее легионы и остался императором – об этом написан *не один* роман, и Махит читала все). С тех пор эбректы были хорошими соседями: тихие, держались своей стороны врат, соединявших их космос с тейкскалаанским. Вместе с Искандром она продумала, что именно выразит такой поклон – почтительное заявление о дистанцированности от империи.

Искандр говорил, что и сам выбрал ту же позу, когда его представили Шесть Пути.

Только теперь, вытянув руки, в положении просителя, но с прямой спиной, Махит спросила себя, не повторяет ли ошибку, не выставляет ли весь Лсел *нечеловечным* всего одной символической аллюзией…

Император сомкнул руки на ее запястьях и медленно поднял на ноги.

Она все еще находилась в двух ступеньках ниже трона, так что осталась равной по росту. Его пальцы на запястьях шокировали, неожиданные. *Горячие*. Император горел от лихорадки – и все же Махит никогда бы не догадалась, не коснись он ее. От него веяло каким-то ароматом цитрусов и древесного

дыма. Смотрел он прямо на нее, прямо *сквозь* нее – Махит беспомощно поймала себя на улыбке, подавляя налетевшее ощущение того, что они *знакомы*, принадлежащее не ей. На миг показалось, что это начало очередного воспоминания, что сбоящий имаго-аппарат унесет ее из времени обратно в *Искандра* – но нет, нет, была только эндокринная реакция.

Чувственная память передавалась по имаго-линии лучше всего. Запахи. Иногда звуки, воспоминания могла активировать музыка, но запах и вкус – наименее сюжетные и наиболее емкие виды памяти, легче других переносятся от человека к следующему в очереди. Возможно, Искандр остался с ней – пропал не так бесследно, как она думала, на это можно было *надеяться* благодаря головокружительно странному ощущению из-за отражения чужой нейрохимии.

– Ваше величество, – сказала она, – станция Лсел приветствует вас.

– Тейкскалаан приветствует *тебя*, Махит Дзмаре, – произнес император. Словно без формальностей, словно просто рад ее видеть.

Да что же *такого* сделал здесь Искандр?

– И облекает тебя дипломатическими полномочиями, – продолжал Шесть Путь. – Мы рады выбору посла и выражаем пожелание, чтобы твоя служба вела ко взаимному благополучию.

Он все еще не выпустил ее запястья. На его ладони был толстый шрам, он прижимался к ее коже, и в мыслях ярко встал тот первый проблеск воспоминаний, когда Искандр резал ладонь для клятвы, и она задалась вопросом, сколько клятв на крови давал за жизнь император. Горячая хватка не отпускала, и не отпускал припадок окситоцинового счастья, *который принадлежал не ей*, и как же хотелось допросить Искандра, кем именно он был для *императора всего Тейкскалаана*? Каким-то образом она смогла заставить себя кивнуть, с корректной формальностью поблагодарить императора, поклониться и спуститься по ступенькам не споткнувшись.

– Мне надо присесть, – сказала она Три Саргасс.

– Еще рано, – ответила Три Саргасс не без сочувствия. – Прямо к нам направляется Десять Перл. Ты упадешь в обморок?

– Люди часто падают в обморок после аудиенций?

– Чаще в дневных драмах по трансляциям, но и самое странное становится рутинным…

– Я не упаду в обморок, Три Саргасс, – сказала Махит. Та сжала ее руку.

– Блестяще! Ты отлично справляешься.

В этом Махит сомневалась, зато могла притвориться на

протяжении этого политического театра. Она сжала пальцы Три Саргасс в ответ и отпустила. Отошла от помоста подальше, на открытое пространство в блеске толпы. Она чувствовала, как внимание зала смещается от императора, который откинулся после окончания аудиенций на спинку трона и что-то шептал своему крошечному клону, к варварскому послу, которая вышла под свет на открытом пространстве – публичное заявление, что *сейчас будет что-то важное*, а им, возможно, стоит на это взглянуть.

Для иксплanатля – ведь министр науки явно был ученым, а не просто посаженным бюрократом – Десять Перлу хватало театральности, чтобы понять, что Махит приняла его предложение о публичной встрече и согласилась на игру. Теперь она встала настолько заметно, насколько это только возможно во Дворце-Земля. Он должен это оценить. К утру следующие пять минут попадут во все новостные трансляции – рядом с голограммами Махит, которую держит за руки император, – и ученый направился к ней во всем блеске темно-красного фрака: костлявый мужчина со сгорбленными плечами ученого. Он был старше, чем в воспоминании – более сутулым, – но все еще носил по кольцу на каждом пальце: тонкие полоски из перламутра, без камней. В честь своего имени – броско, но и не без самоиронии. Махит восхитилась. Как восхищался Искандр – внутри нее было то же печальное понимание шутки. Искреннее ли его чувство, наверняка Махит знать не могла.

– Госпожа посол, – сказал Десять Перл. – Поздравляю с назначением.

Махит склонилась и сложила руки.

– Премного благодарна, – отозвалась она на целый уровень формальности ниже, чем полагается поддерживать при дворе. Но на этом рауте она планировала сыграть наивную иностранку и пойдет до конца, хоть еще и отходила от вызванных имаго нейрохимикатов в организме – прилива окситоцина после встречи с императором, отголоска разговора Искандра с этим человеком – пятнадцатилетней давности. *Метро*. Город как разум – алгоритм, надзиравший, где находятся люди, и плавно под них подстраивающийся.

– Искренне сочувствую из-за несчастного случая, постигшего вашего предшественника, – продолжал Десять Перл. – Я чувствую личную ответственность; мне стоило справиться о его биологической восприимчивости.

«Биологическая восприимчивость»! Ну и выражение. Махит всей душой надеялась, что не разразится истерическим хихиканьем; это испортит все представление для новостных

трансляций.

– Уверена, вы не могли ничего поделать, – сказала она, умудряясь сохранить каменное лицо. – Станция Лсел, конечно, не таит вражды к министерству науки, – даже варвар знает фразу «таить вражду»; обычный дипломатический оборот. Это то, что делают перед объявлением войны.

– Благодарю за чуткость, – сказал Десять Перл. – Вы делаете честь своему правительству. Они в вас не ошиблись.

– Надеюсь, – сказала Махит. Льстивая, наивная, доверчивая провинциалка. Не политическая угроза. Вовсе нет, даже несмотря на приветствие императора. Конечно, долго этот образ не продержится – в эту конкретную игру она играла только с Десять Перлом, – но это все же игра на камеры и защитит на какое-то время. Несколько дней. Неделя, пока кто-нибудь не попытается ее убить, как убили Искандра, который, очевидно, был *весьма* опасен.

В таком ключе она еще не думала. Что выигрывает себе время.

Осознание притушило весь оставшийся нейрохимический кайф.

– Посол Агавн оставил мало записей, – продолжала она, пожимая плечами, словно имея в виду: «что поделаешь с ошибками мертвецов». – Но я бы, конечно, хотела продолжить все проекты, которые он вел в сотрудничестве с министерством науки. – Быстрый вдох, а потом она позволила лицу принять выражение Искандра – знакомое-незнакомое растяжение более широких мышц, глубже посаженных глаз – и сказала: – Автоматические системы – без ошибок и конфликтов, – ваши алгоритмы, конечно же, все еще находятся в обращении.

Десять Перл задержал на ней взгляд на долю секунды дольше – не слишком ли она очевидно подбрасывает приманку для более уединенной встречи? Пользуется тем, что Искандр сказал так давно, – но казалось, это такой *верный ход*, – и потом ученый кивнул, ответил:

– Возможно, мы вдвоем сможем воскресить то, к чему стремился посол Агавн: его интересовали наши автоматические системы и их применение на вашей станции. Уверен, и вас тоже. Пусть ваша посредница договорится о времени и месте. Уверен, я смогу принять вас на этой неделе.

«Воскресить» – ужасный выбор слова.

– Конечно, – сказала Махит. Снова поклонилась. – Надеюсь на множество будущих достижений для нас обоих.

– Разумеется, – отозвался Десять Перл. Шагнул ближе – чуть преступив тейкскалаанские нормы личного пространства, ровно в

ту зону близости, в которой Махит было уютнее всего: так на станции Лсел, где не хватает места для обособленности, стоят друзья. – Будьте осторожны, посол, – сказал он.

– Почему? – спросила Махит. Она не будет нарушать иллюзию некомпетентности.

– Вы уже привлекли тысячи глаз, как и Агавн, – улыбка Десять Перла была идеально тейкскалаанской, в основном в щеках и расширившихся глазах, но Махит все-таки видела, что она напускная. – Оглянитесь. И подумайте о глазах автоматической системы, которой вы с вашим предшественником так восхищаетесь.

– А, – сказала Махит. – Что ж. Мы все же перед императорским троном.

– Госпожа посол, – материализовалась рядом Три Саргасс, – припоминаю, вы хотели видеть конкурс поэзии. Он скоро начнется. Возможно, министру Десять Перлу тоже интересно услышать новейшие сочинения наших придворных поэтов?

Она говорила очень медленно и отчетливо, словно сомневалась, что Махит поймет тейкскалаанский на полной скорости. Так и хотелось подхватить ее и закружить в благодарность за понимание и *участие* – безо всякой об этом просьбы. Вот так бы она чувствовала себя все время, если бы Искандр не пропал? Так чувствуешь себя с имаго: два человека достигают одной цели без необходимости предварительно договариваться. Идеальная синхронность.

– Не хотелось бы отвлекать госпожу посла, – сказал Десять Перл. – Идите. – Он махнул туда, где начали собираться Девять Маис и другие придворные, слева от помоста. Махит снова выразила благодарность – намеренно споткнувшись на произношении самого формального оборота, хотя и понимала, что переигрывает; но так было *приятно* видеть, как он гадает, лжет она или нет. И в *чем* лжет.

Когда они с Три Саргассю покинули его поле слышимости, она наклонилась и пробормотала:

– Кажется, здесь все прошло неплохо.

– Ты *вроде бы* говорила, что хочешь присесть и отдохнуть, а не разыгрывать дикарку с *министром науки*, – прошипела Три Саргасс, но все-таки с горящими глазами.

– Весело же было? – спросила Махит, при этом замечая, что нейрохимический эффект от имаго не пропал, как ей казалось, – все еще оставались покалывание, легкомысленное удовольствие. Во время разговора с Десять Перлом она ничего не чувствовала, но теперь, когда держала за руку Три Саргасс…

– Да, весело! Ты *все время* так будешь? Он же не дурак,

Махит, он тебя расколет к тому времени, как я договорюсь о встрече.

– Это не ради него, – сказала Махит. – Это ради публики. Ради двора и новостей.

Три Саргасс покачала головой.

– У меня уже никогда не будет такой интересной работы, правда? – сказала она. – Я обещала тебе выпивку. Пошли. Скоро начнется.

* * *

Где-то на середине второй поэмы – оды-акростиха, где называлось в первых буквах каждой строчки имя гипотетически утраченной любви поэта и одновременно звучала душещипательная повесть о его самопожертвовании во имя спасения матросов корабля от пробоины – Махит внезапно осознала, что стоит в тейкскалаанском дворце, слушает тейкскалаанский конкурс поэзии, попивает что-то алкогольное и беседует с остроумной подругой-тейкскалаанкой.

Все, о чем она мечтала в пятнадцать лет. Прямо перед ней.

Казалось бы, надо чувствовать радость, а не странную нереальность. Отрешенность – *безличность*. Будто ее жизнью живет кто-то другой.

Стихи были хороши. Некоторые даже чудо как хороши – энергичные ритмы при остроумной внутренней рифме, или запомнился оратор с исключительно плавной подачей в особом тейкскалаанском стиле, когда текст скорострельно зачитывают наполовину нараспев, наполовину речитативом. Махит волнами окатывали изящные образы – и она не чувствовала ничего. Ничего, кроме желания записать каждый стих, облечь в глифы, чтобы перечитать самой где-нибудь в тишине и покое. Если бы можно было просто почитать – своим собственным голосом, перепробовать ритмы и интонации, узнать, как они перекатываются во рту, – тогда бы она наверняка прочувствовала их силу. Как всегда было раньше.

Она отпила из бокала. Три Саргасс принесла какой-то алкогольный напиток, дистиллированный из неизвестного ей злака. Он был бледно-золотистого цвета всех роящихся огней на потолке и горел в горле.

Девять Маис, когда настал его черед, читал эпиграмму, как и обещала Три Саргасс. Он едва начал – только занял свое место, прочистил горло и прочел трехстрочную строфу:

Все космопорты переполнены,
Граждане охапками несут ввезенные цветы.
Чему нет конца: звездные карты, отбытия,

как замолчал, чтобы обозначить смену интонации, цезуру. Махит почувствовала, как вслед за ним затаил дыхание весь зал. Хоть он ей и не понравился, она видела, почему он среди сливок придворных интеллигентов: стоило ему заговорить стихами, как его харизма умножилась. Для этого он рожден. На Лселе он стал бы кандидатом для имаго-линии поэтов – если бы такая была.

– Изгиб нерожденных лепестков хранит пустоту, – договорил Девять Маис.

И снова сел.

Напряжение не выплеснулось. Ощущение тревоги осталось, расползалось миазмами. Следующий оратор вышла в неловком молчании, громко скрипнув туфлями по полу. Сбилась на первой же строчке собственного сочинения и начала заново.

Махит вопросительно обернулась к Три Саргасс.

– Политика, – пробормотала та. – Это… критика. В нескольких смыслах. Я и правда думала, что Девять Маис на поводке у Тридцать Шпорника, но люди умеют удивлять.

– Я бы сказала, это критика по отношению к Восемь Антидоту, нет? – сказала Махит. – Ребенок. «Нерожденные лепестки…»

– Да, – сказала Три Саргасс, нахмурив брови, – но это Тридцать Шпорник больше других отвечает за прирост импорта имперских товаров в Город. Вот откуда его доход – он ввозит товары из систем Западной Дуги, где проживает его семья. И этот намек на осквернение каждого гражданина с цветком… каждый товар почему-то *отравлен*… словно богатство Тридцать Шпорника так же пагубно, как ввоз вещей извне Тейкскалаана.

Политика посредством литературного анализа. Можно ли измерить способности к *такому* – или этому тейкскалаанцы обучаются благодаря постоянной практике? Махит могла представить себе Три Саргасс в детстве, за расшифровкой политических подтекстов в «Зданиях» с одноклассниками за обедом. Не так уж и трудно нарисовать себе такую картинку.

– Значит, критика всех, кроме Восемь Виток, – сказала она.

– Но она надругательства избегает только благодаря очевидному умолчанию, – сказала Три Саргасс. – По-моему, Махит, это глубже, чем просто «какой наследник лучше». Иначе зачем Девять Маису выбирать такую опасную тему?

Махит задумалась об основе менталитета тейкскалаанского

общества – этом слиянии слов «мир», «империя» и «Город» – и о том, что если в культуре есть такое слияние, то «ввозное» всегда пугает, «иностранное» – опасно, даже если под ввозом подразумеваются товары просто из дальнего уголка империи. И варварам вроде нее не положено уметь осмыслять, почему стих об опасном осквернении цветов на какой-то другой планете на самом деле должен нервировать тейкскалаанцев.

Но если система больше не *чужеродная* – если мир достаточно велик, если достаточно велика империя, чтобы охватить и поглотить все варварское, – что ж, тогда и варваров больше нет. Ничего не угрожает. Если Девять Маис указывал на угрозу «ввоза», то он призывал – или как минимум предлагал, – чтобы Тейкскалаан эту угрозу нормализовал. *Цивилизовал* ее. А Тейкскалаан всегда цивилизовал – всегда *делал тейкскалаанским* – силой. Силой, то есть на войне. На деле Девять Маис обращался не к Тридцать Шпорнику; Девять Маис поддерживал любую политическую фракцию, которая готовится к войне. Те маневры кораблей. Один Молния с его легионами и кричащими сторонниками – но и Шесть Путь, который перевел флот в состояние готовности, напоминая о начале своего правления, когда сам был покорителем звезд.

– Где сегодня сторонники Один Молнии, Три Саргасс? – спросила она. – Стихи же предназначены для них. Для тех, кто заинтересован в сильном, централизованном, не зависящем от импорта Тейкскалаане.

– Он популист, а это двор, тема слишком немодная. Но я уверена… ой, – сказала Три Саргасс. – Ой. Поняла. Мы же как раз говорили о войне.

– Очень скорой войне, – сказала Махит, нервничая из-за открытия. – Аннексии. Завоевательном походе. Чтобы сделать что-то *менее чужеродным*.

Три Саргасс взяла из рук Махит бокал с алкоголем, сделала солидный глоток, вернула.

– Мы не проводили захватнических войн с самого моего рождения.

– Знаю, – сказала Махит, – мы на станциях изучаем историю. Нам нравилось, что Тейкскалаан – *мирный* хищник по соседству…

– Тебя послушать, и кажется, будто мы – бездумное животное.

– Не бездумное, – сказала Махит. Лучше извиниться у нее сейчас не получится. – Ни в коем случае не бездумное.

– Но животное.

– Вы же пожираете. Разве речь не об этом? Война ради *захвата*.

– Это не… *Пожирать* – это если бы мы были ксенофобами и

устраивали геноцид, а не присоединяли новые территории *к империи*.

«К миру». Смени произношение глагола – и Три Саргасс сказала бы: «Если бы мы не делали новые территории реальными», но Махит поняла, что она имела в виду: всё то, благодаря чему присоединение к Тейкскалаану даровало планете или станции процветание. Экономическое, культурное – *возьми наше имя, стань гражданином*. Говори стихами.

– Не будем спорить, Три Саргасс, – сказала она. – Не хочется.

Та поджала губы.

– Нет, будем. Я хочу понять, что ты *думаешь*. Это моя работа. Но можем отложить на потом. Скоро император объявит победителя конкурса, смотри.

Чтения окончились. Последние стихи Махит пропустила целиком. Ни один не потряс зал так, как Девять Маис. Теперь император поднялся, по бокам выстроились эзуазуакаты – они уже посовещались, выбрали победителя вместе? Она сомневалась, чтобы они так *быстро* пришли к решению, только не при участии Тридцать Шпорника, двух тейкскалаанцев, которых Махит еще не встречала, и Девятнадцать Тесло, по-прежнему великолепной во всем белом. В окружении переливающихся огней на ней отдыхал глаз.

Шесть Путь показал на поэтессу, которая не произвела на Махит ровным счетом никакого впечатления. Та удивилась этой чести не меньше зрителей, не торопившихся с ожидаемым ликованием, словно они тоже не поняли, что сейчас произошло.

– Кто это? – прошептала Махит Три Саргасс.

– Четырнадцать Шпиль, – сказала та. – Она изощренно скучна в стихосложении, всегда такой была. Никогда нигде не выигрывала.

Лицо Девять Маиса осталось бесстрастным. Махит не понимала, то ли он доволен, что им так очевидно манкировали, то ли злится; собирался ли он так бесповоротно испортить вечер. Четырнадцать Шпиль распростерлась перед императором и получила в награду цветок из бурого стекла. Снова встала. Собравшиеся придворные все же сумели прокричать ее имя, и Махит присоединилась – иначе было бы странно.

– Будешь допивать? – спросила Три Саргасс, когда шум улегся.

– Да. А что?

– Потому что я весь вечер проговорю о применении ассонанса у Четырнадцать Шпиль, а тебе придется слушать, и нам обеим нужно чуточку напиться.

– А, – сказала Махит. – Ну раз так.

Глава 8

ШЕСТЬ РАСКИНУТЫХ ЛАДОНЕЙ (ВЕРХОВНОЕ ТЕЙКСКАЛААНСКОЕ КОМАНДОВАНИЕ) – КАПИТАНУ ФЛОТА ТРИ СУМАХ, 249.3.11-ШЕСТЬ ПУТЬ, код 19 (СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО): Готовьтесь к немедленному отводу боевых групп с восьмой по тринадцатую Двадцать Шестого легиона из боев на Одилии. Девятая боевая группа остается на месте под командованием икантлоса Восемнадцать Турбина. Немедленно выдвигайтесь с группами с восьмой по тринадцатую по указанным координатам для встречи с Третьим имперским флотом и готовьтесь к немедленному переходу через прыжковые врата в сектор Парцравантлак. Выполняйте. КОНЕЦ СООБЩЕНИЯ. КООРДИНАТЫ ПРИЛАГАЮТСЯ.

Сообщение, полученное капитаном флота Три Сумах на орбите Одилии-1 в 249-й день, 3-й год, 11-й индикт императора Тейкскалаана Шесть Пути

* * *

Станция Лсел благодарит вас за желание служить своему народу, присоединившись к нашей самой старинной традиции: космические полеты. Мы, Гильдия пилотов, с гордостью приветствуем будущих пилотов на этом информационном сеансе. Эта брошюра вкратце опишет, как правильно подготовиться к подаче заявления в Гильдию пилотов в период перед тестированием способностей. Кандидаты должны держать в уме следующие требования: математическая подготовка в классической и квантовой физике, основы химии, инженерия; физическая подготовка уровня Отлично-2 с потенциалом достижения Отлично-4 в зрительно-моторной координации; высшие отметки по способностям в ориентации в пространстве и проприоцепции; высшие отметки по способностям в групповой работе, а также в независимой инициативе…

Брошюра для молодежи, интересующейся вступлением в лселскую Гильдию пилотов

Где-то на третьем бокале бледного напитка, который ей то и дело подносила Три Саргасс (сама она пила что-то молочно-белое под названием «ахачотия» – Махит полагала, это переводится как «гнилой треснувший плод», по крайней мере, исходя из своего понимания корней незнакомого слова, и никак не могла понять, как это можно захотеть пить, не говоря уже о том, чтобы захотеть пить в большом количестве), Махит обнаружила, что стоит на краю кружка тейкскалаанцев и наблюдает не столько за поэтическим *конкурсом*, сколько, как бы она выразилась, за битвой умов, проходящей исключительно в импровизированных стихах. Все началось как игра: одна из не самых блещущих умом подруг Три Саргасс взяла последнюю строчку скучной поэмы-победительницы от Четырнадцать Шпиль, сказала: «Поиграем?» – и сделала из этой последней строчки свою первую, сочинив катрен, сменив ритм со стандартного пятнадцатислогового политического стиха на что-то просто-таки под завязку набитое дактилями. А потом показала подбородком, бросив вызов другому приятелю Три Саргасс – и уже *он* взял ее последнюю строчку, придумав свой собственный вполне приемлемый катрен без времени на подготовку. Махит разгадала несколько его отсылок: он подражал стилю знакомого ей поэта Тринадцать Перочинного Ножа, который применял ту же схему гласных звуков, повторявшуюся по обеим сторонам цезуры.

После этого подражание Тринадцать Перочинному Ножу словно вошло в порядок вещей: пришла очередь Три Саргасс, потом другой женщины, потом тейкскалаанца, чей пол Махит не распознала, и все вернулось к первой участнице – которая *снова* сменила игру, добавив новый элемент: теперь каждый катрен начинался с последней строчки предыдущего, основывался на дактиле и той же цезуре с гласными по бокам *и вдобавок* касался ремонта инфраструктуры Города.

Три Саргасс оказалась раздражающе хороша в описаниях ремонта. Трезвая, несмотря на множество бокалов ахачотии, она смеялась, выговаривала строчки типа «цементный раствор вкруг отражающего бассейна / облизанного до блеска и добела языками тысяч тейкскалаанских стоп / все же стоптан в пыль и бренность / и будет произнесен вновь, переделан по образу / того или иного ведомства / ведущих войну», и Махит поняла две вещи: во-первых, если ей хочется поучаствовать в игре, достаточно сделать шаг в круг, и тогда кто-нибудь вызовет ее, как любого другого, – и второе: она *провалится с треском*. У нее ни за что не получится. Полжизни она положила на изучение тейкскалаанской

литературы – и теперь сил едва хватало, чтобы *уследить* за игрой, распознать некоторые референты. Если она попробует сама, они… о, они не *рассмеются*. Они до нее *снизойдут*. Снизойдут до несчастной и невежественной варварки, так *старательно* изображающей цивилизованность и…

Три Саргасс не обращала на нее никакого внимания.

Махит выскользнула из кружка остроумной молодежи, исчезла в большом зале под веерными сводами, переливающимися звездным светом, и пыталась не расплакаться. Какой *толк* лить из-за этого слезы. Если бы хотелось плакать, то уж лучше из-за Искандра или из-за того, сколько на нее свалилось политических неприятностей, а не из-за неумения описать цемент у бассейна со ссылкой на поэму вековой давности о ведомственном конфликте. «То или иное ведомство ведет войну». Она читала этот стих на станции в одном сборнике и думала, что все *поняла*. Но нет.

Зал все еще переполнялся хмельными придворными; если на то пошло, казалось, что их набилось еще больше – пришел второй эшелон знати, когда император закончил поэтический конкурс: сам Шесть Путь снова пропал из виду, чему Махит только радовалась. Радовалась, потому что на него и смотреть было больно, не то что к нему *подходить*. Радовалась, потому что он был таким *хрупким* под весом всей власти, и какая-то ее частичка – она полагала, по большей части Искандр – желала ему покоя, а не тратить время на то, чтобы развлекать эту мешанину из сверкающих тейкскалаанцев. Она нашла еще бокал (сейчас уже не важно, одним больше или меньше, и она смекнула, как избегать напитков со вкусом фиалок или сгнивших молочных цветов) и двинулась через зал.

Большинство ее избегало или приветствовало со всей формальностью, подобающей ее положению, и Махит это совершенно устраивало. Даже нравилось. Раскланиваться она умела даже без помощи Искандра, умела казаться *представительной* – это входило в ее таланты, за эти-то таланты ее и выбрали, за эти *способности*, но ни один лселский тест на имаго-совместимость не искал способность к «беглому импровизационному стихосложению». Это всего лишь мечта варварского ребенка.

Она ударилась в *жалость к себе*. А еще слегка напилась.

И потому ее застало врасплох, когда кто-то очень, *очень* высокий, в длинном платье из палевого, серо-золотого шелка диагонального разреза, положил ладонь ей на руку и развернул к себе. Еще миг после остановки Махит зал продолжал крутиться, и ей, пожалуй, стоило бы этим озаботиться.

Обратившаяся к ней женщина не была тейкскалаанкой – ни лицом, ни, очевидно, нарядом. Руки оголенные, не считая тяжелых серебряных манжет, по браслету на каждом запястье и один широкий браслет на левой руке, а еще незнакомый Махит макияж: она наложила на веки красный и бледно-золотой крем – словно с картины рассветных облаков на какой-то далекой планете.

Махит поклонилась над своими сложенными руками, и женщина поступила так же – неуклюже. Безо всякой практики.

– Вы лселский посол! – сказала она бодро.

– Да?

– Я Горлета, посол с Давы. Выпьем вместе!

– Выпьем? – сказала Махит, отыгрывая время. Она не могла вспомнить, где находится Дава. Это одна из недавно захваченных планет в тейкскалаанском космосе, в *этом-то* она была уверена, но та, где экспортируют шелк, или та, где есть знаменитая математическая школа? Вот для чего нужен имаго. Помогать вспомнить то, что нужно знать, хоть ты и не знала, что это нужно знать.

– Да, – сказала Горлета. – Вы же пьете? У вас на станции есть алкоголь?

«Да твою ж мать», – подумала Махит.

– Да, есть. Много разного. Что вы предпочитаете?

– Я уже перепробовала весь бар. Местная культура, сама понимаешь. Да ты понимаешь! – Ладонь Горлеты вернулась на руку Махит, и та отдаленно почувствовала что-то вроде гадливой жалости: Горлету сюда прислало правительство, и правительство с недавних пор стало протекторатом Тейкскалаана, и она *одна* (как и Махит, но Махит не *должна* быть одна), а когда ты одна в Тейкскалаане – это как тонуть в свежем воздухе.

Можно даже перепробовать весь бар и назвать это знакомством с *местной культурой*.

– Сколько ты уже здесь? – спросила Махит. Примерно так же ее спросила Три Саргасс в наземной машине в первые минуты в Городе. «Вы много времени провели в мире?»

Горлета пожала плечами.

– Пару месяцев. Но я уже не новенькая – теперь это ты. Приходи к нам в салон – каждую неделю там собираются несколько послов из самых дальних систем…

– И чем занимаются?

– Политикой, – сказала Горлета. Улыбнувшись, она уже не выглядела дружелюбной и слегка потерянной. У нее было множество мелких зубов, и большинство – заостренные. Не станционная улыбка, но и не тейкскалаанская, и Махит на

головокружительное мгновение ощутила ширь галактики – как *далеко* могут завести прыжковые врата. Как люди на другой стороне могут оказаться людьми, а могут оказаться и тем, что похоже на людей, но *на самом деле*…

Так бы подумала тейкскалааанка. А ей это уже дается неплохо, правда же.

– Пришли мне приглашение, – сказала Махит. – Уверена, политика Давы представляет интерес для политики Лсела.

Выражение Горлеты не столько изменилось, сколько ожесточилось: острота зубов показалась острее. Махит спросила себя, это такая мода Давы – их подтачивать – или же пример эндемической черты в изолированной популяции, как у мутантов в невесомости.

– Больше, чем вам кажется, госпожа посол, – сказала Горлета. – Наш тейкскалаанский губернатор почти не тревожит нас визитами, разве только чтобы пригласить на такие мероприятия. Вашей станции стоит взять на заметку.

Махит не поняла, это угроза – «приходи к нам в салон, вступай в нашу компанию послов, и, когда Тейкскалаан сожрет и вас, не станет больно пережевывать», – или же искреннее сочувствие; так или иначе она оскорбилась. Она уроженка Давы – Махит до сих пор не могла вспомнить, чем славится планета, шелком или математикой – и при этом мнит, будто может давать Махит *советы*. Хватит с нее уже советов на сегодня.

Когда улыбнулась *она*, то обнажила в гримасе все зубы.

– Обязательно возьмем на заметку, – сказала она. – Надеюсь, вы откроете для себя новый напиток, посол Горлета. Спокойной ночи.

Зал снова закружился, когда она развернулась на каблуке, но, кажется, пройти по прямой линии все же получилось. Нужно было убираться, пока она не столкнулась с тем, кто действительно может причинить ей или станции вред. Нужно было побыть одной.

Из тронного зала Дворца-Земля вело множество дверей. Махит выбрала наудачу, выскользнула и растворилась в машинерии императорской цитадели.

* * *

В основном Дворец-Земля был из мрамора и золота, инкрустирован звездами и тусклыми огоньками в вечном предрассветном состоянии: словно вид со станции, когда та снова обращалась к ближайшей планете, солнечная вспышка и точки

звезд вперемешку. В коридорах оказалось вполовину меньше людей, чем ожидала Махит, и почти ни одного охранника или полицейского. Она не видела ни одного Солнечного с их закрытыми лицевыми щитками, хоть они бы и подошли к декору; только нескольких мужчин и женщин без выражения, с бледно-серыми нарукавниками, поджарых и вооруженных электродубинками: они казались достаточно опасными – по крайней мере, если спровоцировать. В Тейкскалаане не было огнестрельного оружия, даже во дворце; часть культуры космических обитателей, в итоге распространившаяся по всем цивилизованным местам. Она избегала дверей под охраной людей с электродубинками и в остальном блуждала беспрепятственно: следовала только туда, куда *можно*.

Когда она нашла сад, она уже успела протрезветь – не кружилась голова, не подташнивало, только все гудело, странно переливалось – и очень радовалась как отсутствию полного опьянения, так и отсутствию полной трезвости, когда осознала, что за сад она нашла – крошечное сердце, вырезанное посреди дворца. Скорее зал, чем сад: в форме бутылки с воронкой, раскрытой в ночное небо. Внутрь проскальзывал влажный ветер Города и здесь смягчался. Влажность затрудняла легкие Махит и питала растения, забиравшиеся на три четверти высоты стен. Темная зелень и бледно-идеальная *новая* зелень, и тысячи, тысячи красных цветов на лозах – а к этим цветам прикладывались длинными клювами крошечные птички, не длиннее большого пальца Махит, парившие и нырявшие, будто насекомые. Из-за биения их крыльев стоял гул. Весь сад пел.

Она сделала два шага в сад – беззвучных на мху, покрывавшем пол, – и с изумлением подняла руку. На нее села одна птичка, задержалась на кончике пальца и взлетела опять. Вес даже не чувствовался. Как привидение. Будто вовсе не приземлялась.

На станции не могло быть такого места. Не могло быть на большинстве *планет*. Углубляясь в странное темное святилище, она задрала голову, чтобы понять, почему птицы не улетают в воронку и не сбегают к тейкскалаанскому небосводу, – там явно так же тепло, хоть и не так благоуханно, не так много красных цветов. Возможно, одного корма достаточно, чтобы удержать всю популяцию в добровольном заточении.

Корма – и тонкой сетки. Когда она склонила голову под правильным углом, смогла разглядеть ее, натянутую серебряной и почти невидимой у входа в воронку.

– Что вы здесь делаете? – спросил кто-то – высокий голос, тонкий, от природы властный. Махит остановилась и оглянулась.

Девяностопроцентный клон. Восемь Антидот, как две капли воды похожий на императора, если бы тому было десять лет. Длинные темные волосы ребенка расплелись и спускались ниже плеч, но в остальном он оставался столь же безупречен, как когда стоял рядом с оригиналом, а Махит в поклоне поднимала свои руки. Он был невысок. И не *станет* высоким – если только десять процентов генов, взятых не от императора, не полны генетических маркеров роста. Зато вел он себя *как дома* – в этом странном помещении с плененными красивыми птицами, – и смотрел на Махит так, словно она неудобный космический мусор, которого следует избегать на орбите.

– Вы новый посол станции Лсел. Почему вы здесь, а не на приеме?

Для ребенка десяти лет он говорил пугающе прямо. Махит вспомнила Два Картографа – маленькую Карту Пять Агат – с его орбитальной механикой в шесть лет. Дети учатся тому, что от них ожидают. Как и она. В десять лет на Лселе она умела залатать пробоину, подсчитать траекторию идущего на сближение корабля, знала, где находятся ближайшие спасательные капсулы и как пользоваться ими в чрезвычайной ситуации. Знала и как написать свое имя тейкскалаанскими глифами, прочесть пару стихов наизусть; как лежать без сна в безопасном закутке личной каюты и мечтать о том, чтобы стать поэтессой, как Девять Орхидея, о приключениях на далеких планетах. Интересно, о чем мечтал этот мальчик.

– Милорд, – сказала она. – Я хотела осмотреть дворец. Простите меня, если я переступила границы.

– Послы со Лсела интересные, – сказал Восемь Антидот так, словно это первая строчка эпиграммы.

– Полагаю, да. Это… вы часто сюда приходите? Птички такие красивые.

– Хуэцахуэтлы.

– Так они называются?

– Так они называются здесь. Там, откуда они родом, у них другое название. Но здесь это «дворцовые певчие». А на Лселе нет птиц.

– Нет, – медленно сказала Махит. Этот ребенок знал Искандра. И Искандр передал ему некое впечатление о станции Лсел. – Нет. У нас вообще мало животных.

– Хотелось бы увидеть такое место, – сказал Восемь Антидот.

Ей не хватало какого-то важного фрагмента информации. (Она не сомневалась, что не должна была встретить этого мальчика – вот так наедине, без формальностей.)

– И вы сможете, – сказала она. – Вы очень могущественный

молодой человек, и, когда вырастете, если еще захотите, станция Лсел почтет за честь вас принять.

Когда Восемь Антидот рассмеялся, его было трудно принять за десятилетнего. Он казался неземным, и разочарованным в жизни, и *мудрым*, и Махит хотелось… чего-то, она не могла определить свое чувство. Рудиментарный материнский инстинкт. Желание обнять этого *мальчишку*, который разбирался в птицах и которого бросили во дворце без друга или опекуна. (Где-то опекун наверняка есть. Возможно, за ними обоими сейчас присматривал сам Город – «идеальный алгоритм».)

– Возможно, я об этом попрошу, – сказал он. – Я могу.

– Можете, – повторила Махит.

Восемь Антидот пожал плечами.

– Вы знали, – сказал он, – что если окунуть пальцы в цветы, то хуэцахуэтлы будут пить нектар у вас с рук? У них длинные язычки. Им даже не придется вас касаться.

– Не знала.

– Лучше уходите, – сказал Восемь Антидот. – Вы совсем не там, где вам место.

– Похоже на то, – кивнула она. – Спокойной ночи, милорд.

Казалось, что к нему опасно поворачиваться спиной, хоть ему и десять лет. (Возможно, как раз *потому*, что ему десять лет и он настолько привык, что люди от него отворачиваются, что мог этим пользоваться.) Махит думала б этом всю дорогу в зал, удаляясь от сада и его обитателей.

«Им даже не придется вас касаться».

* * *

Какой-то добрый человек позаботился о придворных и чиновниках, которые проводят в этом лабиринте целые часы на ногах, и поставил ряд скамей вдоль одного коридора у банкетного зала с солнечным троном. Большинство были заняты, но Махит нашла в углу совершенно пустую и опустилась на холодный мрамор. Бедро еще поднывало. Она уже совершенно протрезвела, а еще – вымоталась, и это чувствовалось сильнее всего, а каждый раз, как закрывались глаза, вспоминался Восемь Антидот в саду с птицами.

«Не скучает ли он по тебе, Искандр?» – подумала она, и снова тишина в разуме показалась незаполняемым *пробелом*, ямой, куда можно провалиться. Она прислонилась к стене спиной и старалась дышать ровно. В десяти метрах из зала слышались голоса толпы – приглушенный смеющийся рев. «Что ты рассказал

ему о нашей станции?»

Она даже не заметила, как рядом сел мужчина, – не открывала глаз, пока он не похлопал тихонько по плечу и она не встрепенулась. Это был тейкскалаанец (естественно, кого здесь еще ожидать), непримечательный, без формы какого-либо министерства – просто человек средних лет в многослойном темно-зеленом костюме, расшитом множеством мелких темно-зеленых звездных вспышек, с таким лицом, которое она не могла и надеяться запомнить.

– …что? – спросила она.

– Вы, – сказал тот с величайшим удовлетворением, – не носите этот *значок*.

Махит почувствовала, как хмурится лоб, и велела лицу принять обычную невыразительность, приличную в Тейкскалаане.

– Со шпорником? – угадала она. – Нет. Не ношу.

– Так бы и угостил вас сраной выпивкой, на хрен, – сказал он. Махит чувствовала, как от него разит перегаром. – Маловато здесь таких, как вы.

– Правда? – опасливо ответила Махит. Хотела встать, но пьяный незнакомец схватил ее за запястье и держал.

– *Слишком* мало. Кстати – вы не служили на флоте? По виду точно служили на флоте…

– Я никогда не служила, – сказала Махит. – Не в том смысле…

– Ну и *зря*. Лучшие десять лет, что я отдал империи, и там пригодится такая высокая женщина – и не важно, что вы родом не из Города, всем плевать, если вы идете за яотлеком и готовы умереть за товарищей по оружию…

– В каком полку вы служили? – выдавила Махит.

– В славном и вечном Восемнадцатом легионе под началом благословленного звездным сиянием Один Молнии, – ответил он, и Махит осознала, что ее *вербуют*. Вербуют в общество тех, кто стоял на улице и выкрикивал имя Один Молнии, желая низложить правящего императора голой аккламацией, хором слившихся голосов, заявляя, будто вечно горящие звезды отвернулись от него, обратили свою милость к новому претенденту.

– В каких битвах побеждал Один Молния? – спросила она, подумав, что стоит воспользоваться пьянчугой и попытаться понять их *мышление*, найти логику в публичных аккламациях.

– *Это* что еще за сраные вопросы? – Незнакомца вдруг глубоко оскорбило то, что она не принялась немедленно восхвалять на все лады Один Молнию, и он вскочил. Рука еще сжимала ее запястье, причем крепко. – Вы… да иди ты в зад, как

ты смеешь…

«Никакой логики, – рассеянно подумала Махит, – сплошь эмоции и преданность, усугубленные алкоголем». Он *затормошил* ее – во рту клацнули зубы. Она не могла решить, отгонит ли его или еще больше распалит, если сейчас закричит: «Я даже не одна из вас», попыталась хотя бы:

– Я не хотела…

– Хоть на тебе нет значка, *вполне мог бы быть*…

– Моего значка? – произнес другой голос, светский, безмятежный. Пьяница выронил Махит – падать на каменную скамью больно, но все равно приятно – и развернулся к самому Тридцати Шпорнику во плоти, все еще великолепному во всем синем и неполной короне.

– Ваше превосходительство, – пробормотал незнакомец и спешно склонился над сложенными руками. Лицо его стало тошнотворно-зеленого оттенка, который вовсе не шел к костюму.

– Я не расслышал вашего имени, – сказал Тридцать Шпорник. – Прошу меня простить.

– Одиннадцать Ель, – приглушенно пробормотал тот не разгибаясь.

– Одиннадцать Ель, – повторил Тридцать Шпорник. – Как приятно познакомиться. Вам что-то нужно от этой женщины? Боюсь, она варварка – прошу *прощения*, если она вас оскорбила…

Махит уставилась на него. Тридцать Шпорник *подмигнул* в ответ над склоненной головой Одиннадцать Ели. Она захлопнула рот. Тридцать Шпорник *опасен* – самодоволен, умен, умеет управлять людьми, – и теперь она в точности поняла, что имела в виду Пять Агат, когда говорила, что Махит сама поймет причину его назначения эзуазуакатом и вдобавок сонаследником императора, когда увидит в деле. Он был гибок, как голограмма, искажался на свету, произносил разные слова с разными подходами.

– Ну что ж, – продолжал он, – мы с сами еще поговорим, Одиннадцать Ель, и найдем, как продуктивно разрешить наши разногласия, раз уж, насколько я вижу, вы настолько огорчены, что готовы на преступление.

– Преступление? – переспросил Одиннадцать Ель с особым, утонченным страхом.

– Нападение – это преступление. Но варварка вас простит, верно же? Пока что.

Махит кивнула.

– Пока что, – повторила она. Подыгрывая. Наблюдая, что будет дальше.

– Быть может, предоставите ее самой себе и вернетесь на

прием, Одиннадцать Ель? Отложим политику: уверен, вы согласитесь со мной хотя бы в том, что нет ничего лучше выпивки и танцев, а здесь ни того ни другого не наблюдается.

Одиннадцать Ель кивнул. Казалось, он напоролся на кол и теперь пытается с него сползти.

– Это верно, ваше превосходительство. Я… так и сделаю.

– Сделайте-сделайте, – сказал Тридцать Шпорник. – Я подойду к вам попозже. Прослежу, чтобы вас все устраивало.

А вот это, подумала Махит, уже неприкрытая угроза. Одиннадцать Ель улизнул обратно в зал, а она теперь осталась наедине с Тридцать Шпорником. «Два наследника императора за ночь, Искандр. А у тебя какие были успехи?» В локтевых сгибах снова заискрило, и она спросила себя, вдруг это все, что *осталось* от имаго. Эхо невропатии.

– Кажется, я должна вас отблагодарить, – сказала она Тридцать Шпорнику.

– О, пустяки, – он развел руками. – На вас напали. Я бы вмешался, кем бы вы ни были, госпожа посол.

– И тем не менее.

– Конечно, – он замолчал. – Вы *заблудились*, госпожа посол? В наших-то коридорах.

Махит призвала на помощь лселскую улыбку – зубастую. Получилось смутить Тридцать Шпорника настолько, что он не улыбнулся в ответ.

– Я знаю, как вернуться, ваше превосходительство, – врала она сквозь зубы. – Я вовсе не заблудилась.

Чтобы это доказать, она поднялась со скамейки и очень старательно двинулась – стараясь не хромать, когда напоминало о себе бедро – обратно в шум и гвалт приема, оставляя эзуазуаката позади.

* * *

Начались танцы. Махит с ходу решила, что не танцует, что этот выбор – часть ее варварского образа, и еще – что уже достаточно поздно, поэтому если она придумает, как уйти (и *куда* – обратно к Девятнадцать Тесло? К себе в апартаменты?), то *уйдет*.

Люди танцевали как в парах, так и пересекающимися группами, где менялись партнерами. Они выстроились в узоры, перемещаясь длинными цепочками, фракталами. «Звездные карты», – подумала Махит, а потом пришло само собой: «Им нет конца», – и в мыслях всплыла эпиграмма Девять Маиса.

– Вот вы где, – сказала Пять Агат, и Махит обернулась и обнаружила, что прямо позади стоит главная помощница Девятнадцать Тесло, поддерживая одной рукой Три Саргасс за спину. – Я нашла вашу посредницу. Меня просили сопроводить вас обеих домой.

Три Саргасс уже не была энергично нетрезвой. Виски посерели, она выдохлась. Всего тридцать часов назад она лежала в больнице, вспомнила Махит, и придушила неуместный порыв взять ее под руку. Пять Агат, очевидно, владела ситуацией.

– Что видела? – спросила Три Саргасс, пока они шли через зал. Не «куда ходила?», а «что видела?». Не укор за то, что Махит сбежала одна. Напротив.

– Птичек, – поймала себя Махит на ответе. – Целый сад с птичками. – И вот они уже были снаружи, в наземной машине, ехали обратно во Дворец-Север.

Глава 9

СЛУЖЕБНОЕ ДОСЬЕ ПЯТНАДЦАТЬ ДВИГАТЕЛЯ, АСЕКРЕТЫ, ПАТРИЦИЯ ТРЕТЬЕГО КЛАССА (В ОТСТАВКЕ)

[…] В отставке с должности в министерстве от 14.1.11 (Шесть Путь), ранняя пенсия. Заявление об отставке подано в качестве альтернативы тому, чтобы было начато расследование несанкционированной связи асекреты с экстремистами на Одилии и окружающих ее территориях Западной Дуги. Во время процедуры отставки асекрета утверждал, что его контакты на Одилии главным образом социальные и лишь косвенно политические, а также что он доносил о крамольных и антиимперских заявлениях, как и полагается агенту министерства информации [ДАЛЕЕ ОТРЕДАКТИРОВАНО: БЕЗОПАСНОСТЬ 19] […] тем не менее, выбирая между отставкой и расследованием, предпочел отставку, без комментариев. Ежемесячные отчеты об использовании облачной привязки после отставки не предполагают крамольных тенденций. Рекомендация: продолжать наблюдение на текущем уровне.

// доступ // ИНФОРМАЦИЯ, запрос в базу данных от 246.3.11, сделан асекретой Три Саргасс с личной облачной привязки из защищенной точки во дворце

* * *

Контакты станционников с нелюдьми проходят преимущественно благодаря посредничеству соседних государств: яркий пример – существующий договор между Тейкскалаанской империей и эбректами; поскольку космос станционников не соприкасается с космосом эбректов через прыжковые врата, мирного договора эбректов с империей хватало и для нормализации их отношений со станционниками – хотя в течение последних шестидесяти лет советники по шахтерам и по культурному наследию продолжают поднимать вопросы суверенитета станционников в заключении договоров с нелюдьми. Тем не менее, за

исключением появления нелюдей в космосе станционников и прямого контакта с ними, необходимость в пересмотре политики маловероятна […]

Доклад «Договоры станционников за пределами прыжковых врат», представленный комитету культурного наследия Гелаком Леранцем в рамках его экзамена на вступление; был запрошен советницей по пилотам Декакель Ончу 248.3.11 по тейкскалаанскому летоисчислению

Война пришла с утренними новостными трансляциями.

Когда она началась, Махит сидела на рассвете напротив Три Саргасс, ела в офисе Девятнадцать Тесло кашу ложкой, словно она со своей посредницей и эзуазуакатом – какая-то необычная семья, – а над ними висели инфографы и бесконечно проигрывали архивные клипы с тейкскалаанскими военными судами: погрузку солдат, огромные великолепные орудийные башни, яркие солнечно-золотые и кроваво-красные знаки различия на серых боках. Комментаторы новостей восторгались и темнили. Началась война; война за новые территории, готовые покориться боевому стягу империи, – завоевательная армия отправилась объявить тейкскалаанским еще больше черного пространства, а заодно те яркие драгоценности планет, что в нем окажутся. Война за *присоединение*. Все были очень взволнованы и рассуждали о заинтересованных сторонах, которые больше всех выиграют от того, что империя впервые за двадцать лет вышла на тропу войны. Вчера вечером Махит, несмотря на все старания, выпила не так много, чтобы сегодня проснуться с похмельем, но жалела об этом: было бы оправдание для нехорошего ощущения. «Сталь», – думала она. Сталь, судостроение, торговые маршруты, советница Амнардбат и советник Тарац смогут договориться о повышении стоимости молибдена, который Лсел поставлял в империю, – это действительно *может быть* полезной войной…

При этом она понимала, что пытается заговорить в себе зыбкую тошноту, словно из-за перепадов гравитации. Уверенность, что это может быть и не полезной войной – не для Лсела, не при нынешнем состоянии Тейкскалаана.

Когда трансляции переключились с новостей местных таблоидов на бодрую помпезность и подробности неизбежных военных действий, – казалось, это целый жанр, в котором тейкскалаанские журналисты неплохо подкованы, – появился один из помощников Девятнадцать Тесло со стеклянным прессом

свежемолотого кофе, который Махит тут же узнала по запаху, и унес пиалы с чаем.

Кофе – симулятор посильнее чая. *Все* переходят на военный режим.

– Не очень информативная война, – выразительно сказала Три Саргасс, когда новостные ролики снова вернулись к началу – открывающим трюмы кораблям, марширующим войскам в золотых и серых цветах, фатическим комментариям новостников.

Девятнадцать Тесло передала ей чашечку кофе, словно в ответ.

– Не торопись. Переведи дыхание, пока можешь, асекрета, очень скоро времени на это не будет.

– А кто, *по-вашему*, – спросила Три Саргасс, с необычайной точностью подражая захлебывающейся восторженности ведущих, – будет нашим командующим, ваше превосходительство? Раз вам выпала огромная честь быть эзуазуакатом и находиться близко к принятию решений в сердце империи!

– Махит, твоя посредница – актриса *и* дознаватель, – ответила Девятнадцать Тесло совершенно безмятежно. – Какое редкое везение.

Махит не представляла, что на это сказать. Щеки Три Саргасс слегка зарделись – это могло намекать, что эзуазуакат сделала комплимент.

– Она далеко не так прямодушна, как я, – сказала Махит. – Я просто спрошу, как вы думаете, кого назначат командующим и правда ли это будет Один Молния, а не какой-то другой яотлек.

– Он самый, – сказала Девятнадцать Тесло. – На это можно было бы поставить вдвойне, не будь ты так удобно заключена в моих апартаментах, подальше от вредных для души публичных ставок.

Они каким-то образом уже дошли до того, что Девятнадцать Тесло *шутила* о плене Махит, а Махит находила это смешным. Она и сама не знала, почему это хорошее развитие событий, – не считая той простой причины, что здесь хорошо, *приятно*, не приходится ждать за завтраком неизбежной смерти. В конце банкета Пять Агат забрала ее с Три Саргассю и препроводила в офисный комплекс так, словно никакого другого варианта и нет: совершенно неумолимо, все решения уже приняты. Пойти с ней было ужасной уступкой, Махит это понимала, но *отказываться* на людях – еще хуже, да и где еще найти такое же безопасное место? После того как она нарочито избавилась от всех немногих союзников, кто еще стал бы ей доверять?

И еще: в глазах общественности Девятнадцать Тесло сама

привязана к *ней* и ко Лселу не меньше, чем она – к эзуазуакату.

Махит облизала ложку.

– Мне вполне достаточно жалованья от моей станции, чтобы не прибегать к ставкам, – сказала она.

– А перед Десять Перлом выставила себя таким неучем, – развеселилась Девятнадцать Тесло. – «Чтобы не прибегать». Да ты *хуже* Искандра.

– В чем же?

– Когда я познакомилась с Искандром – он был старше тебя, пожалуй, на год, два? И уже пришелся ко двору, когда я вернулась с последнего военного похода и Шесть Путь назначил меня эзуазуакатом. Искандру *нравился* Тейкскалаан. Но ты, посол Дзмаре, – не будь ты послом, ты бы подала на гражданство.

Махит не шевельнула ни мускулом; она гордилась собой, гордилась тем, что ответила просто: «Министр науки никогда бы не одобрил мою заявку», – и зачерпнула еще ложку каши. Гордилась тем, что Три Саргасс *и* Девятнадцать Тесло рассмеялись. Их смех скрыл, как ей хотелось и забиться в уголок, и быть благодарной за то, что ее не считают *настоящей варваркой* и ведут речь о гражданстве, и ненавидеть себя за эту благодарность, – все и сразу.

Когда трансляции сменились на глиф – звездную вспышку внутренней новостной службы Дворца-Небо, – она почувствовала облегчение. Девятнадцать Тесло будет труднее вести допрос о ее преданности, когда все трое смотрят официальное заявление. Звездная вспышка сменилась на самого императора в окружении группы тейкскалааннцев – Махит предположила, что это яотлеки: все присутствующие на планете и имеющие возможность выступить перед публикой генералы. В своих доспехах они лязгали и сияли, как куст из бритвенных лезвий; Шесть Путь среди них казался стариком.

Объявление, которое император зачитал со своей облачной привязки, было коротким и просчитанным риторическим взрывом: «Как цветок разворачивается к солнцу или человек втягивает кислород, – сказал он, – так и Тейкскалаан вновь тянется к звездам», – и Махит наблюдала за лицом Девятнадцать Тесло, за прищуренными глазами, напряжением в уголках рта. Восхищение, подумала она, и что-то из области страха, но не обиды. Наверняка она одобрила эту речь или даже давала по ней советы. (И давно ли она знает о войне? Вчера на банкете? Еще задолго до того, когда притворялась перед Махит и Три Саргасс, будто точно так же не представляет, где пройдут военные действия?)

«Мы выдвигаемся в сектор Парцравантлак», – сказал Шесть

Путь, и на его лицо вдруг наложилась звездная карта тейкскалаанского космоса. Город – золотая планета – завис между его глазами; затем карта изменилась, появились векторы, которыми пойдет флот, точки, где он заострится в неудержимые копья кораблей.

Махит знала эти звезды. Знала и название сектора – но знала на станционном, не профильтрованном через тейкскалаанские согласные. Бардзраванд, «высокое плато», сектор, где обосновались все станционники после давних скитаний. Впрочем, до сих пор она видела эти векторы с новостной звездной карты перевернутыми, да и смотрела на них с другой стороны: манящая стрелка, что звала ее с самого детства. Звездную карту с тем же самым вектором Искандр повесил у себя над кроватью в посольских апартаментах: от Лсела – к империи.

Разумеется, Тейкскалаану нужен не сам Лсел, хоть империя и рада наконец его заполучить: Лсел со всеми остальными мелкими станциями лишь оказались на пути надвигающейся волны кораблей. За ними находилась чужая территория, населенная эбректами и существами еще более неведомыми или неоткрытыми; за теми тоже были планеты для терраформирования или колонизации, ресурсы для добычи. Снова распахивались челюсти империи, широкие, окровавленные, – бесконечная самооправдывающаяся *жажда*, что есть Тейкскалаан, тейкскалаанское мировоззрение. Империя, мир. Одно и то же. А если еще нет, то надо сделать их одним и тем же, ибо это праведно, такова воля звезд.

Сам Лсел – не более чем побочный трофей, думала Махит так хладнокровно, как только могла: один из древнейших обитаемых искусственных мирков, богатый на лучших пилотов, откалиброванные системы добычи молибдена и железа из звездного мусора – и с идеальным расположением в гравитационном колодце, чтобы контролировать большую часть местного космоса, включая двое единственных прыжковых врат в округе.

«Мы доверяем разбегающуюся волну стремительным рукам Один Молнии и назначаем его яотлеком-нема – предводителем наших легионов в этом начинании», – закончил император, уже никого особенно не удивив.

– Ну, – сказала Три Саргасс. – Вот и… собственно, вот.

– Да, – сказала Махит, – похоже на то.

Ее голос казался спокойным, даже ей самой.

– Не согласна с выбором целей, – сказала Девятнадцать Тесло. – Но он не всегда ко мне прислушивается.

Она вздохнула, расправила плечи – как у нее получалось и

дальше выглядеть настолько *человечной*, будто она такая же, как и все! – и отодвинулась от стола.

– Но, Махит, думаю, ты обнаружишь, что после этих новостей твоя ценность как посла только *выросла*. Даже не воображай ни на миг, что я брошу тебя на съедение волкам.

Значит, все еще заложница. Все еще полезна для эзуазуаката в качестве союзника – или того, кого надо держать под контролем.

– Благодарю за долготерпение и радушие, – сказала Махит.

– А как иначе. – Если Девятнадцать Тесло хотела, она умела говорить с виноватой интонацией, словно по щелчку включая прожектор тепла, и тут же переключиться обратно, к деловитости и бодрости: – Сегодня встреч будет больше, чем захочется. Войну ведут *комитеты*. Пользуйтесь моим офисом как заблагорассудится. Семь Шкала будет рядом, если что-то понадобится, и позаботится о посуде после завтрака.

Она выпорхнула из комнаты, а Махит осталась сидеть в онемелом, оцепенелом ужасе молчания, словно своим уходом эзуазуакат украла ее дар речи.

– Какая интересная работа меня ожидает, – сказала Три Саргасс словно в знак солидарности – а это он и *был*: она погладила тыльную сторону ладони Махит, она старалась как умела.

– Ах, значит, не будешь просить о переводе, – сказала Махит.

– Не дождешься. В самом худшем случае ты станешь послом, который помогает своему народу войти в состав Тейкскалаана. Нас ждет *очень* долгая совместная карьера, Махит, – сказала Три Саргасс.

Махит представляла, какой зигзаг теперь сделает ее карьера в Тейкскалаане: представляла, как становится похожа на посла Горлету с Давы, ищет общее с другими новопокоренными. Должно быть, ужас отразился на лице, потому что Три Саргасс прибавила:

– Слушай. Сейчас мы знаем намного больше, чем вчера, а это уже кое-что.

Махит признала ее правоту.

– Интересно, не об этом ли меня пытался предупредить Тридцать Шпорник, – сказала она. – «Сделка отменяется».

– Хочешь сказать, твой предшественник каким-то образом договорился, чтобы станция Лсел осталась в стороне от направления похода.

Махит кивнула.

– И на какую бы цену он ни согласился, договариваться пришлось… с его величеством, полагаю. А теперь, когда Искандр

мертв, сделка отменяется.

– Будь я подозрительным человеком… – начала Три Саргасс.

– Ты и есть подозрительный человек, ты же работаешь в министерстве информации, – сказала Махит.

Три Саргасс картинно изобразила оскорбленную невинность, никого на самом деле не обманывая.

– Будь я подозрительным человеком, – повторила она, – я бы заподозрила, что его смерть весьма угодна тому, кто хотел направить флот к Парцравантлаку.

– А будь *я* подозрительным человеком, – сказала Махит, – я бы с тобой согласилась. Три Саргасс, ты можешь договориться о *личной* аудиенции с его величеством?

Три Саргасс сжала губы, задумалась.

– В обычных обстоятельствах я бы ответила, что могу, но только с трехмесячным периодом ожидания и без гарантий, что вы действительно будете одни. Но, уверена, в наших обстоятельствах я добьюсь большего. У тебя очень достойный и очень официальный повод поговорить напрямую с его лучезарным величеством.

– Да, – сказала Махит. – Займись. Раз у нас есть офис с таким превосходным оборудованием, надо им пользоваться.

– Все записывается, – слегка извиняющимся тоном сказала Три Саргасс. – Могу гарантировать, что Девятнадцать Тесло следит за каждым жестом и каждым глифом.

– Знаю. Но других вариантов не вижу, а ты?

– Раз ты знаешь…

– Займись, – с нажимом сказала Махит, и Три Саргасс кивнула, встала и открыла инфографический экран. Махит мгновенно полегчало. Она знала, что это ложное чувство – в отчаянном падении вниз головой ощущение контроля лишь иллюзорно, даже если сам прыжок ты сделала по собственной воле, – но пока приходилось довольствоваться тем, что есть.

Каждую секунду, если она не занималась чем-то другим, в мыслях вставал вектор тех кораблей.

Что она могла поделать?

Это логическая задачка – или что-то прямиком из классической физики: какое действие возможно при данных ограничениях? Дано: она заточена в сердце Дворца-Север, лишь с электронным доступом к собственным файлам и сообщениям и безо всякого доступа к горе физической почты, которая наверняка росла у нее в кабинете в размерах и важности. Дано: все, что она предпримет в электронной системе апартаментов Девятнадцать Тесло, отслеживается, еще больше ограничивая способность общаться с людьми без опаски. Дано: станция Лсел еще не знает,

что на нее скоро обрушится мощь Тейкскалаана, словно случайная солнечная вспышка, а также и близко не имеет военных сил для того, чтобы дать значительный отпор полномасштабной военной экспедиции. Дано: ее предшественника убили – возможно, чтобы позволить завоеваниям пойти в том направлении. Дано: ее имаго сбоит в качестве осознанной памяти, оставляя лишь не принадлежащие ей призраки нейрохимических ощущений и проблески воспоминаний – столь ярких, будто она проживала чужую жизнь. Дано: сбой имаго вполне мог быть саботажем, и – «задумайся, Махит, заставь себя всерьез задуматься», – саботаж мог произойти задолго до того, как она оказалась в Жемчужине Мира, и даже хуже – за ним мог стоять кто-то из своих, по неизвестным ей причинам.

Еще дано: если Махит ничего не сделает, ее разорвет от нервозности. Три Саргасс у розовых кварцевых окон окуталась панцирем инфографов, шевелила губами для облачной привязки, словно сама беседовала с имаго. Махит встала.

Лучше что-то делать, чем сидеть парализованной тысячами переменных. Люди ходят, дышат и выбираются из шлюза, чтобы залатать ветшающие участки на коже станции, и при этом не задумываются, как движутся их конечности, где их поймает гравитация, достаточно или недостаточно надуваются внутренние меха легких и диафрагмы. Ей нужно просто – не думать. Или думать, но при этом действовать. Как в том разговоре с Тридцать Шпорником на банкете: тогда на паралич не было *времени*. По самой меньшей мере нужно связаться со Лселом и хотя бы приблизительно передать, с чем она имеет дело.

Можно надеяться на совет, хотя она и не знала, какой вообще толк от советов. Она уже нарушила свою единственную истинную директиву, когда призналась в существовании имаго-аппаратов; она сомневалась, что дальнейшие директивы будут более выполнимыми. Но хотелось почувствовать себя не такой одинокой. Услышать хоть какой-нибудь голос со Лсела. Любой, кроме строгого и странного предупреждения Ончу от Пилотов, сообщающей Искандру о *саботаже*. Все равно это послание не для Махит. Предупреждение об оружии не предназначено для оружия.

Вот почему существовали имаго-линии дипломатов. Чтобы никто не оставался в одиночестве.

«Искандр, пожалуйста. Если ты еще там…»

Помехи, словно электрическое покалывание в руках. От локтевых нервов до кончиков пальцев. Но имаго молчал так же, как в тот первый час в морге.

Только времени нет и на каскадную неврологическую поломку. Она подумает об этом позже. Позже исправит, уж как-нибудь. А сейчас Махит вызвала собственный нимб из инфографов и, стоя в противоположном конце офиса от Три Саргасс, начала писать два сообщения Совету на Лселе. Причем одновременно. Выглядели они одним и тем же сообщением – и как бы ей хотелось показать их Три Саргасс, так увлеченно договаривавшейся от ее лица о встречах. Асекрета бы оценила, как она шифрует одно сообщение в другом, восхитилась бы.

И шифр был *так себе*. Даже не поэтический, где для модной разгадки требуется тейкскалаанский асекрета. Простой книжный шифр с подстановкой. Махит его придумала, еще когда была подростком, скучала и играла в тейкскалаанку – мастера интриг и запутанных заговоров, который шифрует все, – и за ключ взяла словарь глифов. Причем самый используемый, «Стандарт имперских глифов», распространявшийся по всей империи – и за ее официальными границами, – чтобы учить варваров и детей читать. В конце концов, там есть все полезные слова: «прятать» и «предавать», и столько взаимосвязанных слов, обозначающих «цивилизацию». «Стандарт» она выбрала просто потому, что тот наверняка найдется в любом месте. Даже тейкскалаанцы не могли запомнить все глифы до единого из своей идеографической системы письма. Была копия и в библиотеке Девятнадцать Тесло, и нашлась всего за несколько минут.

Искандр в ее черепе рассмеялся, когда она предложила свой старый шифр в качестве метода тайной коммуникации с Советом; рассмеялся еще *громче*, когда они согласились. Для шифрования надо было писать на станционном языке с алфавитом из тридцати семи букв и чтобы получающая сторона знала, что первая буква каждого станционного слова – это номер страницы в «СИГ»; вторая – номер строчки; первый глиф в словаре – слово в послании. Код и не задумывался сверхнадежным; *не больше*, чем нужно, чтобы доставить сообщение. Небольшое прикрытие. Щит.

Она ожидала, что сообщение на станционном сперва прочтет Девятнадцать Тесло, потом – имперское цензурное ведомство, а возможно, и капитан корабля, который доставит его на Лсел. В нем информации содержалось не больше, чем в новостных трансляциях; по сути, оно передавало их в точности, с ноткой беспокойства и волнения в сравнительно разумной – как казалось Махит – мере.

Эти-то лишние эмоции и давали достаточно слов, чтобы закодировать тайное послание – неграмматическую последовательность тейкскалаанских существительных и прилагательных: «ПРИОРИТЕТ. Бывший посол скомпрометирован

– движение (я, пешком, обратное) ограниченное – память плохая – угроза суверенитету – запрос помощи Совета».

Даже помещая двойное послание на инфокарту, Махит сомневалась, что рекомендации успеют до нее добраться, не потеряв актуальности. Но она хотя бы просила. И предупредила. Хоть по взгляду на векторы флота нельзя усомниться, что они направляются в космос Лсела, оставалась возможность, что до Лсела не дойдут сами трансляции – зачем империи *предупреждать* свою жертву?

Она сунула стик в серебряную корзинку для исходящей почты, на столе слева от входной двери в офис, где тот с невинным видом лег ко всем остальным, такой же, не считая красного сургуча, обозначавшего срочность, и красно-черного ярлычка, обозначавшего внепланетную отправку. Скоро в офис явится для обхода Семь Шкала и передаст его в Город, через лабиринт цензурного ведомства и далее.

– Три Саргасс, – сказала Махит, отвернувшись и вспомнив похожую корзинку в посольских апартаментах, наверняка полную с горкой от разъяренных сообщений в красивых стиках, – я могу как-то добраться до работы, которой *должна* заниматься? До сообщений на инфокартах?

– Хм, – сказала Три Саргасс. Задумалась. – Возможно, к какой-то их части. Не против нарушить очень незначительный закон?

– *Что* еще за незначительный закон?

– Тот, что тейкскалаанец впервые нарушает лет в девять. Запрет пользоваться чужой облачной привязкой.

– Уверена, все намного сложнее, – сухо ответила Махит, – когда ею пользуется не гражданин империи.

Три Саргасс подняла руку к виску и сняла с глаза облачную привязку.

– Естественно, – сказала она, – но это просто значит, что тебе нельзя попадаться. Иди сюда.

Махит подошла.

– Нас же записывают, – сказала она, хоть и понимала, что Три Саргасс об этом известно не хуже.

– Наклонись. Вы, варвары, просто неприлично высокие.

Махит наклонилась – внезапно и ярко вспомнилось, как она стояла на коленях перед императором, – и Три Саргасс надела ей привязку на глаз. Половину поля зрения заняла информация – в бесконечном потоке проступил список запросов и требований. Интерфейс оказался на удивление интуитивным: привязка быстро настроилась под движения глаз Махит, а структура файлов являлась версией ее собственного электронного кабинета, только

через канал Три Саргасс. Прикрытие *очень* слабое – но все же прикрытие. Если зайти в свои файлы через привязку Три Саргасс, Девятнадцать Тесло ничего не узнает. Только то, что она надевала привязку своей посредницы.

– Запросы низкого уровня – визы и тому подобное – ты могла бы поручить и мне, – сказала Три Саргасс, – если бы я не воевала от твоего имени с тремя протоколистами и системой очереди, – ее теплые пальцы легли на виски Махит. – Если хочешь поработать, пока я улаживаю вопрос, когда ты поговоришь с самим императором, то вот тебе список.

– Спасибо, – сказала Махит. Выпрямилась. – Тебе не нужно? – Она показала на привязку. Половина зрения *пропала* – будто у нее травма полушария мозга, из-за которой один глаз сменился на список дел.

– На ближайший час – нет. Займитесь делом, госпожа посол.

Махит показалось, что она говорила – с теплотой. Даже немного снисходительно.

Как же будет *тяжело* перестать притворяться, будто Три Саргасс руководствуется чем-то, кроме собственных амбиций и легкой привязанности к варварам.

* * *

Список запросов в офис посла от станции Лсел приблизительно наполовину состоял из пожеланий продлить визу, а наполовину – из немного оскорбительных общественных исследований в духе «как станционники живут изо дня в день, а особенно проводят праздники или устраивают другие развлечения!» Они бы немало раздражали Махит, если бы не помогли развеяться и скоротать время. Так что ответы журналистам таблоидов и недовольным торговцам даже успокаивали. Только почти через час она заметила, что один конкретный запрос она так и не получила ни в каком виде: никто не хотел узнать, что делать с телом Искандра, все еще покоящимся в подвальном морге Юстиции. Прошло больше половины недели с тех пор, как иксплanатль Четыре Рычаг спросил о ее пожеланиях, и до сих пор никто об этом не напоминал – даже какой-нибудь младший секретарь.

Или они интересовались – но кто-то помешал запросу дойти? Возможно, все объясняется простой недоступностью сообщений на стиках, но мог же человек такого ранга, как иксплanатль Четыре Рычаг, заметить, что посол Лсела довольно нескрываемо проживает в офисе эзуазуаката Девятнадцать Тесло, и

переадресовать почту. Оставалось предположить, что если сообщение и отправили, то нарочно не туда.

Или Четыре Рычаг даже *не спрашивал*, предполагая, что она свяжется с ним первой. Или не спрашивал, предполагая, что так сможет подольше подержать у себя тело Искандра. Махит вспомнила, как впервые встретилась с Девятнадцать Тесло, влетевшей в морг безо всякой свиты или уважительной причины. Представила ее руки, безошибочно потянувшиеся к имаго-аппарату в основании черепа Искандра, чтобы забрать раньше, чем Махит успела сжечь тело. Кто-то дал ей доступ. Возможно, Четыре Рычаг. Махит могла вообразить многое, чем эзуазуакат отплатила бы ученому из министерства юстиции в обмен на тайный визит к мертвецу. Хуже того – могла вообразить многих *других*, кто заплатит услугами, влиянием или деньгами за час-другой наедине с телом ее предшественника и *нелегально ввезенными неврологическими технологиями*.

Проблема. И проблема, которую не решить простым требованием выдать тело: Махит представила, как нетленный труп ее предшественника приносят в офисный комплекс Девятнадцать Тесло. Пожалуй, можно будет пока положить на диван или прислонить к стенке, как вешалку.

Вот Девятнадцать Тесло обрадуется.

Должно быть решение получше.

– Три Саргасс? – спросила Махит. – Давно ты знакома с Двенадцать Азалией?

Три Саргасс выбралась из завихрения инфографов.

– Он что, писал в офис? – удивилась она. – Я думала, он слишком очарован мыслью слать тебе анонимные сообщения на инфокартах в стиках.

– Не писал, нет. Но я бы ему написала. Ты ему *доверяешь?*

– Это никак не связано с вопросом, давно ли мы знакомы.

– Одно ведет к другому, – сказала Махит.

– Ты доверяешь *мне?*

Она умела с таким спокойным видом задавать такие личные вопросы. Возможно, это тейкскалаанская черта. Махит вспомнилась Девятнадцать Тесло – и это вовсе не укрепило доверие.

Тем не менее она ответила, и ответила честно:

– Столько же, сколько доверяю любому в Городе.

– А мы проработали вместе только полнедели. – Три Саргасс улыбнулась, поднялись уголки глаз. – Конечно, не то чтобы у тебя был широкий выбор! Мне *нравится* Двенадцать Азалия, Махит. Мы дружим с тем пор, как оба еще неграмотными кадетами поступили в министерство информации. Но он хитроумный,

театральный и уверен, что бессмертный.

– Я заметила, – сухо сказала Махит.

– Так что доверие целиком зависит от того, что ты хочешь ему поручить. *Что* ты хочешь ему поручить?

– То, что ему наверняка понравится, потому что это требует и хитроумия, и театральности. И… секретности. – Махит показала на инфографические экраны, а потом на свои уши.

– Ну, значит, он будет рад. Чем бы это ни было. Но не могу тебе ответить, согласится он или нет, раз *я* не знаю, о чем речь.

– Этот список сообщений, с которым я работаю, он же на твоей облачной привязке, верно? А доступ к привязке есть только у владельца.

– Или у того, кто ее надел, – сказала довольная Три Саргасс. – Кажется, я поняла. Верни, когда закончишь.

Написать сообщение для лселского посла и отправить его *себе* же было довольно тривиально. Махит писала глифы пальцами по спроецированному с привязки экрану, видному только ей: «Двенадцать Азалия должен вернуться в морг и извлечь аппарат, который мы обсуждали». Затем сняла привязку Три Саргасс, проморгалась, когда к ней вернулась вторая половина зрения, и отдала.

– Он нужен для тебя? – спросила Три Саргасс, пробежав глазами текст.

– Нет, – сказала Махит. – У меня есть свой, а кроме того, от него уже нет пользы – он записывает тление и больше ничего.

– А он *может* записывать что-то еще?

Махит задумалась.

– Если правильно установлен – возможно? Не уверена. Я *правда* не икспланатль, Три Саргасс.

– Мм. Хорошо, уверена, Двенадцать Азалия согласится, и даже будет помалкивать, но… – она пожала плечами.

– Но что?

– Ты будешь ему должна. И еще он наверняка его разберет и составит чертежи. Скажет тебе, что только ради собственного любопытства, и даже не соврет. Из-за его любопытства мы раньше и влезали в половину неприятностей.

– А как, – спросила Махит, улыбаясь вопреки себе, – вы влезали во вторую половину?

– Я заводила дружбу с ужасно интересными людьми, у которых ужасно сложные проблемы.

– То есть ничего не изменилось. – Махит чуть не рассмеялась; снова ощутила абсолютную опасность веры, что Три Саргасс – ее друг настолько же, насколько ее другом может быть станционник.

– Я же сказала, ты моя первая варварка. Что-то да

изменилось.

Вот так раз – и все. Непреодолимый разрыв. Может, не будь Махит послом, познакомься они на поэтическом конкурсе в какой-то другой жизни, где Махит не досталась имаго-линия Искандра, зато она выиграла туристическую визу и стипендию, – может, в той жизни она могла бы поспорить насчет варварства. Рассказать Три Саргасс больше о том, что чувствует на самом деле.

– Пожалуй, любопытство Двенадцать Азалия – приемлемый риск, – сказала Махит. – Учитывая, что я уже один раз рискнула ради дружбы с тобой.

Двенадцать Азалия с чертежами – это все же лучше, чем кто угодно другой – с самим имаго-аппаратом. Махит как-нибудь добудет у него чертежи – потом. Потом, когда не будет в ловушке в апартаментах Девятнадцать Тесло. Когда не придется – каким-то непонятным образом (и как это получилось у Искандра? и не поэтому ли он погиб?) – предотвращать захват родной станции Тейкскалааном. Потом, когда не будут мешать мысли о чересчур довольном виде Три Саргасс.

* * *

Вернувшись поздно вечером в просторный кабинет, где она ночевала, Махит заметила, что ей пришла новая почта.

В маленькой миске перед дверью лежали три инфокарты: анонимно-серая – явно от Двенадцать Азалии с ответом на ее просьбу, а вторая – еще не попадавшегося оттенка: какой-то металл типа меди, запечатанный белым сургучом – цвета́ костюма Три Саргасс. Должно быть, министерство информации наконец соизволило ответить, кто же проследил, чтобы новый посол Лсела прибыл как можно скорее после того, как закончил работу – Махит с иронией покачала головой – предыдущий. Последний стик тоже был серым, помеченный липким черно-красным ярлыком – внепланетное сообщение. С забившимся сердцем Махит спросила себя, не отправила ли Декакель Ончу очередное сообщение покойному Искандру; не активирована ли вторая доставка каким-то событием, о котором Махит еще неизвестно, чем-то похитрее, чем вход в электронную базу данных лселского посла. Она взяла ее из миски и обнаружила, что под ней кто-то оставил еще не виданное ею растение. Стебелек деликатно обернули вокруг стика, но теперь он лежал на дне петелькой из блестящих серо-зеленых листьев с единственной глубокой чашечкой белого цветка.

Махит подняла и его. Свежесрезанный, сочащийся беловатым соком, попавшим на инфокарту министерства информации и липнущим к пальцам. В апартаментах Девятнадцать Тесло ей не встречалось ничего подобного – да и во всем городе, полном цветов всех форм, расцветок и видов, – и все же его срезали не раньше пятнадцати-двадцати минут назад.

Она поднесла его к носу, чтобы принюхаться.

– *Нет*, – сказала Девятнадцать Тесло – приказ хлестнул так, как Махит еще от нее не слышала. Она выронила цветок обратно в миску. Там, где прилип сок, пальцы горели огнем. Обернувшись, она увидела Девятнадцать Тесло в арке в конце коридора и поняла, что не представляет, сколько она уже там пробыла. Или пришла только что.

– Вдохнула? – спросила эзуазуакат, подходя к Махит. Ее лицо выражало больше, чем когда-либо видела Махит, губы – перекошенные и напряженные. Словно прямо на глазах таяла маска. Покалывание в пальцах превращалось в боль.

– Нет, вроде бы нет, – ответила она.

– Покажи руку, – бросила Девятнадцать Тесло, словно солдату или непослушному ребенку, и Махит подчинилась. Та взяла за запястье – на костях сомкнулось кольцо куда более темных пальцев, словно она схватила змею за шею. Касание должно было быть теплым, но Махит почувствовала *лед*. Там, где она держала цветок, вытянутые пальцы раскраснелись и прямо на глазах шли волдырями.

– Ну, без руки не останешься, – сказала эзуазуакат.

– Что?

– Идем. Надо убрать сок раньше, чем ты *коснешься* своего тела. Или отомрут нервы, – не отпуская запястье, она потащила Махит за собой по коридору.

– Что это за цветок?

– Очень красивая смерть. – Они свернули за угол, в дверь, которая всегда была закрыта для Махит, но раздвинулась перед жестом Девятнадцать Тесло, и тут резко обнаружилось, что ведет дверь не иначе как в собственную спальню эзуазуаката. Махит уловила краем глаза узел незаправленных белых простыней, стопку инфокарт и кодексов на чистой стороне кровати, а потом Девятнадцать Тесло затянула ее в личную ванную.

– Держи руку над раковиной, но воду не включай, – сказала она. – От воды токсин только распространится.

Махит послушалась. Волдыри на пальцах были надутыми, прозрачными, как стекло, кожа начала лопаться. Казалось, будто рука горит, саднящая боль ползла к запястью, как когда-то электричество Города метнулось к Три Саргасс. Она все еще

пребывала в шоке, чтобы почувствовать что-нибудь, кроме отдаленного ужаса. Кто оставил цветок? Как он попал в запретный сад, то есть в офисный комплекс эзуазуаката? Кому-то пришлось бы его *принести* – причем меньше двадцати минут назад, цветок так и *истекал* соком, – тут прямо на глазах лопнул волдырь на указательном пальце, и она выпустила сквозь зубы тихий беспомощный вскрик.

Над плечом опять появилась Девятнадцать Тесло с открытым флаконом в руке. Бесцеремонно вылила содержимое на пальцы Махит.

– Минеральное масло, – сказала она, взяв тряпку. – Наверняка будет очень больно. Не двигайся. – Она скоблила волдыри тряпкой, выжимая масло в раковину. Махит казалось, что с ядом сходит и кожа. Старалась не отдернуться. Девятнадцать Тесло еще дважды наливала масло и оттирала. Под конец у Махит уже тряслись поджилки. Эзуазуакат железной хваткой взяла ее за руку и усадила на закрытую крышку унитаза.

– Если упадешь и раскроишь череп, – сказала она, – то зачем я тебе лечила пальцы.

Кто бы цветок ни оставил, это не Девятнадцать Тесло – зачем ей пытаться убить Махит, а потом тащить в ванную и спасать ей жизнь? Как *резко* она рявкнула тогда «нет».

(Так резко – и так близко. Следила? *Как долго* следила? Ждала, принюхается ли Махит к цветку, – только тогда решила вмешаться…)

А какая разница?

Девятнадцать Тесло опустилась рядом на колени и обмотала каждый палец отдельно марлевыми бинтами, внимательно, словно медик на поле битвы. Махит спросила себя, что, если она когда-то и *была* медиком – лично сражалась бок о бок с императором в его дружине, – ну вот, начинает примешивать к анализу эпос: Тейкскалаан – современная многопланетная империя, сейчас если эзуазуакаты и сражаются, то на корабельных мостиках.

– Что за цветок полон контактного яда? – спросила она. Слова зацепились в горле – за острые уголки уходящей боли и адреналинового шока.

– Местный культивар, – сказала Девятнадцать Тесло. – Обиходное название – ксаутль, из-за галлюцинаций, которые он якобы вызывает сразу перед тем, как умрешь, вдохнув нейротоксин.

– Весело, – бессмысленно ответила Махит. Хотелось уткнуться лицом в ладони, но было бы слишком больно.

– До космических перелетов тейкскалаанские лучники

окунали в эти бутоны наконечники стрел, – продолжала Девятнадцать Тесло. – И теперь министерство науки дистиллирует их масла для получения какого-то лекарства от паралича. То, что убивает, может и исцелять, – если нравятся подобные парадоксы. Тебе должно быть лестно: кто-то хочет убить тебя *со вкусом*.

Была бы некая удовлетворительная цикличность, если бы *каждого* лселского посла пыталось убить министерство науки. Махит в это не верила – какая-то кольцевая композиция прямиком из стихов, повторяющийся мотив в конце строф. *Слишком* по-тейкскалаански, и даже если бы на подозрение не натолкнула Девятнадцать Тесло, она бы *сама* пришла к тому же выводу из-за этой самой чересчур искусственной логики. Отголоски и повторения. Всё означает что-то еще.

Впервые она задумалась, может ли Девятнадцать Тесло – или любой тейкскалаанец в принципе – вырваться из-под тематического ига тейкскалаанской логики. Из-за этого вопроса она почувствовала себя так, словно ее бросили в холодную воду – отчетливая ясность из-за шока, пока боль в пальцах шла на убыль. Даже если цветок и прислали из министерства науки, в офис Девятнадцать Тесло его уже внес человек с полным доступом: сама эзуазуакат или кто-то из ее помощников. В самом *лучшем* случае они решили пропустить цветок к ней; в худшем – один или несколько из них в этот самый момент желали ей смерти. Со вкусом.

Тонкий вкус и цветы. Слово из поэтического эпитета Тридцать Шпорника. На приеме он был заботлив – даже спас из пьяной хватки того придворного, – но она не доверяла его мотивам. Их разговор был полон колкостей, извинений, уклончивости. А теперь началась война – война, которой, Махит почти не сомневалась, Тридцать Шпорник не хотел, или не хотел передавать ее в руки Один Молнии: уравнение союзников изменилось, и, возможно, теперь она слишком опасна для него живой. (Как и Искандр?)

Теперь получается не кольцевая композиция, а аллюзия, игра слов. Она слишком вчитывается. Но в тейкскалаанский текст невозможно вчитываться *слишком*. Так говорил один из учителей имперской литературы в начале курса. Говорил в качестве предупреждения, а Махит в четырнадцать лет схватилась за это как за наслаждение.

Она взглянула в лицо эзуазуаката. Эзуазуаката, которая решила – возможно, в самый последний момент – *не дать* ей умереть. Та наблюдала с лицом пустым и нечитаемым. Рука болела – глухая тошнотворная боль, – и Махит представила себе

свободное падение, бесцельное кувыркание в космосе, а потом руление, изменение положения, работу маневровых двигателей. Сделала глубокий вдох. Хотя бы не больно дышать.

– Ваше превосходительство, – сказала Махит, – раз вы знали об имаго-аппаратах – а я знаю, что вы знали, вы практически сами так и сказали, – чего вы хотели при нашей первой встрече? В морге министерства юстиции. Зачем вы пришли к телу моего предшественника?

Девятнадцать Тесло дернула одним уголком губ – едва заметное ироничное выражение.

– Я то и дело тебя недооцениваю, – сказала она. – Или оцениваю не с той точки зрения. Вот ты сидишь отравленная почти что насмерть, в *туалете*, и пользуешься этой возможностью, чтобы разузнать о моих мотивах.

– Ну, – сказала Махит. – Мы же наедине.

Будто этот ответ. В каком-то смысле это и был ответ. Она сомневалась, что такой шанс еще выпадет. (Она сомневалась, что еще выпадет шанс застать Девятнадцать Тесло врасплох хотя бы настолько. *Когда* же та решила спасти ее жизнь? Не жалеет ли об этом прямо сейчас?)

– И то верно. Ладно, посол Дзмаре. Пожалуй, ты заслужила немного откровенности. Я, конечно, пришла за аппаратом. Но об этом ты и сама догадалась.

Махит кивнула.

– Это логично. Я прилетела, я планировала похороны – если он был вам нужен, больше вы ждать не могли.

– Да. – Девятнадцать Тесло присела на корточки, собранная и терпеливая. Махит задала следующий вопрос:

– Для *чего* он вам был нужен?

– Когда я увидела тебя в морге? Тогда, Махит, мне нужен был козырь в рукаве. При дворе много сторон, которым интересно заполучить этот аппарат – и контроль над тобой в виде решения, отдать его или сохранить.

– Это тогда.

– Сейчас-то мне аппарат уже ни к чему, правильно? – Девятнадцать Тесло обвела рукой ванную – и их двоих в ней. Махит кивнула, с иронией признавая ее правоту. *Иметь* лселского посла намного лучше, чем иметь средства, чтобы *купить* внимание и влияние лселского посла. И еще теперь у Девятнадцать Тесло появился живой имаго-аппарат – в черепе Махит. Хотя оттуда его придется вырезать, да и работал он с перебоями.

– Могу представить, – сказала она, – что в текущих обстоятельствах я приношу куда меньше пользы, чем вы ожидали.

Девятнадцать Тесло покачала головой. Погладила Махит по колену – фамильярно и слишком… слишком по-доброму.

– Не будь ты полезна, тебя бы здесь не было. Кроме того, как часто варвар допрашивает меня о моих решениях в моей же собственной ванной? Ты как минимум оживила обыденность. В *точности* как твой предшественник. Сходство мне кажется весьма забавным, особенно в свете того, с каким рвением ты меня уверяла в путанице.

Махит задумалась, что бы сделал Искандр; вспомненное имаго-эхо, которое не принадлежало ей – да и уже *никому*, – как легко он чувствовал себя в своем теле. Как управлял ею текучими, широкими жестами. Он бы сейчас накрыл руку Девятнадцать Тесло своей ладонью. Или протянул бы…

(его рука на ее щеке, кожа холодная и гладкая, она смеется и прижимается губами к его ладони)

Проблеск воспоминания угас. Махит могла воссоздать эхо – у нее и так уже были *подозрения* насчет характера дружбы Девятнадцать Тесло с ее предшественником, – она сама могла бы протянуть руку и коснуться ее щеки…

Кольцевая композиция. Искусственная.

Взамен она посмотрела в глаза Девятнадцать Тесло на миг дольше приличного и спросила:

– *Что* Искандр обещал тебе за то, чтобы ты поддержала Лсел?

– Не мне, – сказала Девятнадцать Тесло. – Его императорскому величеству.

Она покачнулась на каблуках, подобралась и поднялась, словно давая Махит время осмыслить это распускающееся откровение. Вспомнить болезненный жар рук Шесть Пути на запястьях, его ужасную слабость, словно его терзала какая-то быстротекущая болезнь.

Протянула руку, чтобы Махит пришлось ее коснуться – принять помощь, чтобы подняться, даже несмотря на мысль: «Искандр, засранец, ты убедил императора Тейкскалаана, что он никогда не умрет».

Глава 10

Нет звездной карты,
что не видели
ее недремлющие очи или не кроила
ее огрубевшая копьеносная длань, и такой
она пала – истинным капитаном.
Пала, как император, а кровь ее окрасила мостик,
Где смену за сменой стояла она.

Из «Энкомии павшим с флагмана „Двенадцать Распускающийся Лотос“», первые строки о смерти действующего капитана Пять Иглы

* * *

[…] в этом секторе мы всегда находились между чужими державами – ума не приложу, почему наши предки решили поместить нас в такую позицию, чтобы от нас требовалось сперва склониться к Тейкскалаану, а затем – к системе Свава, или Петрикор-5, или Нгуен – в зависимости от того, кто возвысится у нас на границе, – но мы храним единственный доступ к прыжковым вратам и потому являемся узкой и значительной дорогой, которой приходится пройти каждой из держав. И все же я не могу представить для нас суверенитета лучше, когда силы станционников принадлежат самим станционникам, не растрачиваются на выживание […]

ТАРАЦ // НЕ ДЛЯ ЧУЖИХ ГЛАЗ // ЛИЧНОЕ «Записки о новом Лселе», датировано 127.7.10-6П (по тейкскалаанскому летоисчислению)

В одноразовых перчатках – в таких Махит убирала бы дома на Станции мусор – Семь Шкала избавился от ксаутля под ее присмотром. Он ждал, когда она вернулась к своей двери – подошла к миске с инфокартами так, будто последнего часа и не было, с единственной разницей в виде перебинтованной руки и опаляющего осознания, *что именно* Искандр продал империи. То есть почти без *видимой* разницы.

Семь Шкала положил ксаутль в пластиковый пакетик,

подумал, затем забрал и саму миску.

– Не уверен, что смогу правильно ее отмыть, – сказал он, извиняясь.

– Что насчет инфокарт? – спросила Махит. – *Их* отмыть можно? – Она не собиралась терять доступ к тем крохам информации, которые выпытала у Города.

– Вряд ли. Но в перчатках вы сможете их раскрыть и прочитать перед тем, как я отправлю их в автоклав и печь.

Не самый распространенный способ уборки мусора, поняла Махит с мрачной веселостью.

– Давай свои, – сказала она. – И подожди снаружи, я ненадолго.

Семь Шкала стянул перчатки и протянул, опасливо зажав кончиками пальцев.

– На кухне есть еще, – неуверенно предложил он.

Махит взяла испачканные, потом – стики.

– Эти сойдут. Буду через минуту. Жди.

Он остался ждать. Это немного напугало; Девятнадцать Тесло держала его при себе из-за беспрекословного послушания? (Не он ли, такой вездесущий, принес цветок, от которого теперь столь скрупулезно избавлялся? Было бы несложно. Никто и внимания не обратил бы, что Семь Шкала носит цветы. Наверняка он это делает часто.)

Махит закрыла перед ним дверь. Аккуратно надела испачканные перчатки. Латекс прижал бинт к руке, и она поморщилась, но это все же лучше, чем ощущения от сока. Стики легко ломались в пальцах, один за другим, хрустнув сургучом. Применять силу она все еще могла. Мышцы, связки и нервы остались целы. Так далеко токсин не разошелся. Она решила, что за это должна благодарить Девятнадцать Тесло. Ее – и ее поспешную милость. То, что она *передумала*.

Инфокарт-стик от министерства информации излил красивое изображение, объявившее об официальности послания, а затем предоставил однострочный ответ на вопрос Махит: всего четыре глифа, два из которых – имя и титул. Она спрашивала, кто затребовал оперативное прибытие посла Лсела.

«Разрешение дала соимператор Восемь Виток».

Что было… неожиданно. На банкете Восемь Виток осталась единственной из трех предположительных наследников, кто полностью проигнорировала Махит. Все, что Махит о ней знала, взято из новостей и хвалебных биопиков об императоре. Его яслирод, служившая министром юстиции еще до его возвышения. Сверстница. Глиф, которым она обозначала номер в своем имени, – тот же, что и в имени девяностопроцентного клона

императора «Восемь Антидот», а это *что-то* да говорило об императорской преданности ей – но ровным счетом ничего о том, зачем ей как можно скорее понадобился посол со станции Лсел. Если только она не знала, чтÓ Искандр продал императору, и… хотела, чтобы сделка состоялась, даже если Искандр мертв и придется ввезти другого посла? Или хотела *аннулировать* переговоры, заменив Искандра послом, у которого свои представления о том, что можно продавать Тейкскалаану – даже в обмен на то, чтобы распахнутая пасть империи сомкнулась на какой-то другой жертве?

Если Искандру так обязательно надо было предать интересы Лсела, он мог бы найти и другой способ, не такой *ужасающе* тейкскалаанский. Имаго – это не воссоздание человека. Имаго императора – это уже не император, не совсем. Он что, *не знал?*

Ничего из этого не объясняло участия Восемь Виток. Разве что она – министр юстиции, а труп Искандра – в морге *Юстиции*, а не любом другом морге Города: возможно, об этом договорилась именно она…

Махит раскрыла вторую инфокарту – первую из двух в анонимной серой пластмассе. В этот раз Двенадцать Азалия не утруждался стихосложением. Сообщение было простым, неподписанным – словно он черкнул его на углу улицы и кинул запечатанный стик в общественный почтовый ящик.

Сообщение гласило: «Получил то, о чем ты просила. Возможно, засекли на выходе. Оставить у себя не могу. Буду в твоих апартаментах завтра на рассвете. Там и встретимся».

Последний стик был с ярлыком «внепланетного сообщения». Возможно, очередное тайное послание, предупреждение для мертвеца. Слух о далеких конфликтах, волнениях на Лселе, которые развивались вне зависимости от того, к какому безумию приведет – или уже привел – наследственный кризис в Тейкскалаанской империи. Махит поймала себя на том, что ей страшно открывать, и с этим страхом действовала вдвойне решительней: разломила стик так, что чуть не порвала пластиковую пленку со знакомыми алфавитными буквами, крывшуюся внутри.

Это сообщение оказалось короче предыдущего и датировалось двумя сутками позднее: 230.3.11. Все еще задолго до ее прибытия в Город, но уже после вылета со Лсела на «Кровавой Жатве Возвышения». Озаглавлено оно было: «Послу Агавну – от Декакель Ончу, советницы по пилотам». Читая, Махит чувствовала себя странно. Будто она подслушивает – ребенок, прокравшийся без присмотра на встречу, которую ему слышать не полагается.

Это сообщение придет, если не поступит ответа на предыдущее. Советница по пилотам надеется, что вы целы, и повторяет свое предупреждение: по требованию империи Тарац от Шахтеров и Амнардбат от Культурного наследия послали в империю вашу замену. Если замена предана Тарацу, ей можно доверять; если нет или если она очевидная жертва или причина саботажа, Пилоты предлагают видеть в Культурном наследии оппозицию и – хотя мне не приносит удовольствия так выражаться – врага.

Будьте осторожней. Я не в состоянии оценить истинную суть саботажа, если он существует, но подозреваю, что Культурное наследие злоупотребляет своим доступом к имаго-аппаратам.

Уничтожьте это сообщение.

Кратко и намного *хуже* предыдущего. Махит жалела, что нет никакого способа поговорить с советницей Ончу – сказать, что ее послания не уходят в пустую и безмолвную дыру, что Искандр мертв, зато все читает его преемница. Вот только Ончу не хотелось бы это слышать – от нее. Если она «жертва саботажа». Если она ничего не подозревающий, невольный агент Акнель Амнардбат – советницы, которая не просто оказывала политическую поддержку, но и… каким-то образом… *повредила* имаго-аппарат…

Но она пока не могла понять, зачем это понадобилось Культурному наследию. Чего ради. И ведь ей казалось, она действительно была *лучшим* кандидатом Амнардбат в преемники Искандра – так, может, это не саботаж, может, она просто… исполняет какую-то задачу, которую Амнардбат хочет осуществить в Тейкскалаане.

Но имаго так и так *поврежден,* а если сбой имаго – не саботаж, выходит, виновата она сама. Так какой из вариантов *действительно* хуже?

Внезапно стало крайне необходимо встретиться с Двенадцать Азалией и вернуть имаго-аппарат покойного Искандра. Даже если все остальное пойдет под откос, Лсел аннексируют, а ее посадят за решетку в Юстиции, – заполучив аппарат, она хотя бы сохранит *секрет,* спасет то, что осталось от предшественника. Это будет чем-то вроде искупления, если она действительно сломана, а Искандр, который должен ей помогать, пропал навсегда.

Махит сожгла пластиковую ленточку и отформатировала все стики – они создавались с расчетом на простое удаление, – после чего опять открыла дверь. Семь Шкала все еще стоял в коридоре с

мусорным пакетом, словно не двигался все десять минут, пока она читала. Это напрягало. Даже истинно бесстрастные тейкскалааанцы не *настолько* бесстрастны и послушны, как Семь Шкала. Если бы Махит не знала, приняла бы его за робота. Даже в искусственном интеллекте видно больше собственной воли.

– Вот, – сказала она, протягивая опустошенные стики. – Я закончила.

Он подставил пакет.

– И перчатки, – сказал он. – Очень сочувствую насчет руки.

– Все хорошо. Эзуазуакат мне помогла.

Если Семь Шкала и оставил для нее ксаутль, то знает, что убийству помешала его госпожа, – но его выражение ни в чем не изменилось. Он всего лишь кивнул – безмятежно, будто само собой разумеется, что Девятнадцать Тесло оказала первую помощь. Может, так и было.

– Что-нибудь еще? – спросил он.

«Мне надо до рассвета сбежать из этой очень комфортной и очень опасной тюрьмы, чтобы забрать нелегальный аппарат, извлеченный из трупа моего предшественника. Не поможешь?»

– Нет, спасибо, – сказала Махит. Семь Шкала кивнул.

– Спокойной ночи, госпожа посол, – и он исчез в коридоре. Махит проследила за ним взглядом. Когда он свернул за угол, вернулась в кабинет. Дверь мягко зашипела и закрылась за спиной. Она молча таращилась на диван под окном, со сложенным одеялом, думала, как хорошо было бы лечь, закрыть глаза и забыть обо всем тейкскалаанском. Снова подумала о том, чтобы сбежать через окно и сады. Она всего лишь на втором этаже. Наверняка бы сломала лодыжку – вдобавок к перебинтованной руке и синякам на бедре от рухнувшего на нее ресторана.

Она все еще пыталась придумать осуществимый план, который доставил бы ее ко Дворцу-Восток на рассвете, когда в дверь постучали. Было уже за полночь – вышли обе луны Города, крошечные далекие диски за окном. Махит думала, все остальные давно спят.

– Кто там? – окликнула она.

– Это Три Саргасс. Открывай, Махит. У меня хорошие новости!

Махит не представляла, что могло считаться за хорошие новости и при том требовать доставки в такой час. По дороге к двери она нафантазировала, что Три Саргасс стоит в окружении небольшой когорты Солнечных, готовых ее арестовать; или на пару с Десять Перлом, готовым ее *убить*. Всевозможные предательства.

Но по ту сторону двери была только Три Саргасс – с запавшими глазами, вымотанная, зато с энергией через край, будто с самого утра только и делала, что пила кофе. Или что-то позабористей. Может, так и есть.

Она поднырнула под руку Махит, не спрашивая разрешения, и сама жестом закрыла за собой дверь.

– Итак, ты хотела личной аудиенции с его лучезарным величеством?

– …да? – с сомнением сказала Махит.

– Есть что надеть? Хотя, думаю, это встреча тайная, так что не стоит относиться к ней как к формальной аудиенции. И все-таки. Хоть что-нибудь! Но только если есть прямо здесь, времени у нас в обрез.

– С чего императору разговаривать со мной посреди ночи?

– Я не всеведущая, так что сказать не могу, – самодовольно ответила Три Саргасс, – *зато я* четырнадцать часов пробивалась через бюрократов и патрициев третьего, второго и первого классов, чтобы в итоге поговорить личном с Хранителем Императорской Чернильницы, а *он* говорит, что его лучезарное величество, оказывается, весьма заинтересован во встрече со лселским послом и понимает потребность как в спешке, так и в конфиденциальности, и не могли бы мы, пожалуйста, прийти прямо *сейчас*.

– Делаю вывод, что это одновременно необычно и имеет полную силу императорского указа, – сказала Махит. Всего несколько часов назад ей бы и в голову не пришло, что встреча с тейкскалаанским императором покажется лучшей возможностью для *побега*. Но если *до* отправки в офис Девятнадцать Тесло удастся улизнуть в город, встретиться с Двенадцать Азалией, а потом вернуться раньше, чем кто-нибудь заметит, что она пропадала… Придется посвятить в план Три Саргасс. Иначе ничего не выйдет. (А еще она сомневалась, что найдет без нее дорогу обратно во Дворец-Восток.)

– Да и да, – сказала Три Саргасс. – Девятнадцать Тесло уже знает – кажется, она собирается нас сопроводить. Организуется очень сложная операция, причем я не знаю кем, Махит, – если нас для *прикрытия* ведут во дворец так, словно мы свита эзуазуаката…

– Естественно, мы принимаем приглашение, – перебила ее Махит. – Даже если все пройдет втайне – может, как раз потому, что все пройдет втайне…

– Тебя что, *обучали* интригам? На Лселе. – Три Саргасс улыбалась, но Махит была уверена, что она в равной степени и говорит всерьез, и игриво подкалывает.

– Ты еще погоди, когда я объясню, чем мы займемся после встречи с его лучезарным величеством, – сказала она. – Вот тогда ты и правда решишь, будто вместе с языками и этикетом меня обучали коварству.

* * *

Императорские чертоги больше напомнили Махит офисный комплекс Девятнадцать Тесло, чем звездный блеск банкетного зала для поэтических состязаний: это был лабиринт из белого мрамора с золотыми прожилками, узоры которых напоминали разрушенные – или фантастические – города под небесами, прошитыми молниями. Девятнадцать Тесло знала местных сотрудников, улыбалась и обменивалась любезностями почти со всеми встречными; она практически сливалась с мрамором, хотя местами ее камзол выглядел еще ярче, отливал еще более холодной белизной. Махит и Три Саргасс шли за ней тенями. Если у Девятнадцать Тесло и было какое-то мнение насчет просьбы императора о встрече наедине с Махит, она им не поделилась. Только натянула сапоги на босые ноги, окинула Махит взглядом так, словно хотела оценить ее презентабельность с совершенно новой стороны – в этом взгляде чувствовалась какая-то оголенная интимность, родившаяся, казалось Махит, в мгновение между тем, когда в ванной ее потянуло дотронуться до Девятнадцать Тесло, и тем, как она этот позыв отвергла, – и затем увлекла их обеих в глубины Дворца-Земля.

Они словно спускались в сердце мира: залы раскрывались, как клапаны предсердий, и снова запирались за спиной, стоило пройти. Даже после полуночи внутренние части дворца пульсировали от беготни; мягкий топот тапочек, шорох костюма какого-нибудь патриция за углом. Далекие приглушенные голоса. Спит ли вообще император, спросила себя Махит. Может, спит урывками. Встает каждые три часа для очередного часа работы, читает очередные ночные рапорты со всех просторов Тейкскалаана.

Хранитель Императорской Чернильницы встретил всех троих в промежуточном зале, где стены сменялись с голого мрамора на старинную золотую драпировку. Он был низким – низким, как Три Саргасс, едва доходившая Махит до плеча, – с узким лицом и модной низкой челкой. При виде друг друга они с Девятнадцать Тесло подняли брови, словно партнеры, садящиеся за противоположными сторонами знакомой игры.

– Так, значит, ты *правда* держишь ее у себя, – сказал он.

– Двадцать Девять Мост, проследи, чтобы после того как его лучезарность с ней закончит, ее вернули в целости, – сказала Девятнадцать Тесло и жестом пригласила Махит дальше – раньше, чем та успела сформулировать вежливый протест на тот счет, что пришла по собственному желанию и с собственной посредницей.

– Честь встретить вас лично, Двадцать Девять Мост, подобна находке свежего ключа в горах, – с идеальной метрикой произнесла Три Саргасс явную отсылку, если не прямую цитату.

Двадцать Девять Мост рассмеялся, словно ему вручили подарок.

– Присядьте со мной, асекрета, пока ваша посол занята. Вы обязательно должны мне рассказать, как умудрились одолеть всех моих младших секретарей всего за один день.

– Осторожней, – сказала Девятнадцать Тесло, – она та еще штучка.

– Ты в самом деле *предупреждаешь?* – спросил Двадцать Девять Мост. Его поднятые брови встретились с челкой. – Что же, во имя звездного света, это дитя сумело сделать с *тобой?*

– Еще узнаешь, – ответила Девятнадцать Тесло довольная, как кошка. Затем обернулась к Махит, постучала пальцем по ее запястью над бинтами.

– Необязательно делать все, что он попросит, – сказала она и развернулась на каблуке к выходу раньше, чем Махит определилась, относится «он» к Хранителю Императорской Печати или самому Шесть Пути.

– Я благодарна вам за помощь в организации этой встречи, – сказала Махит Двадцать Девять Мосту, пытаясь хоть как-то взять происходящее под контроль. – И, надеюсь, мы не отвлекаем вас от отдыха.

Он растопырил пальцы у боков в тейкскалаанском жесте, который Махит поняла как беззаботность.

– Не в первый раз. Не для лселского посла и уж точно не для меня. Вперед, посол Дзмаре. Он выделил для вас целых полчаса.

Ну, конечно, Искандр побывал здесь раньше нее. Сулил вечную жизнь и непрерывность памяти. Махит поймала себя – возможно, впервые за всю жизнь – на том, как жалеет, что не *знала* Искандра получше. Что не до конца понимала, как он делал свой выбор. Но получателей имаго выбирают за психологическую совместимость с предшественником, и в начале партнерства – вот было бы у них побольше времени! – они с Искандром *так* быстро нашли общий язык. Так что она понимала.

Но Махит была одна, и виноват в этом Искандр. Виноваты оба Искандра: мертвец и пропавший имаго. Виноваты, пусть даже

на Лселе был саботаж. Махит поклонилась от груди, оставила Три Саргасс развлекать (или пережить допрос) Двадцать Девять Моста и преодолела последнюю дверь между ней и императором Шесть Путем.

Только моргнув из-за изменившегося освещения – из-за позднего часа предыдущий зал затемнили, но приемная императора пылала под «рассветными лампами» полного спектра, – она вспомнила бурную реакцию своей лимбической системы из-за имаго на поэтическом банкете. Ее пронизала нервозность, словно она выходила перед экзаменаторами или к тайному возлюбленному, – и вот еще одна причина жалеть, что она не знала Искандра, что в ней не отдаются на постоянной основе остаточные образы его нейрохимической памяти.

Император сидел на диване, как самый обычный человек. Как старик, которому не спится ранним утром, – плечи еще более сгорбленные, чем на банкете, лицо осунувшееся и резкое. Кожа сероватая и прозрачная. Махит спросила себя, *насколько* же он болен – и чем: страдал ли от волны мелких недугов, обозначавших возраст, или это что-то хуже, глубже, рак или отказ органов. Судя по виду, она подозревала последнее. «Рассветные лампы» наверняка не давали ему провалиться в сон – освещение полного спектра имеет такой эффект на чутких людей, – но заодно окружали его мандалой солнечного сияния, нарочито напоминавшей, на взгляд Махит, императорский трон с лучами-копьями.

– Посол Дзмаре. – Он поманил ее к себе двумя пальцами.

– Ваше императорское величество. – Она подумала, не стоит ли преклонить колени, снова позволить императору обхватить ее вытянутые запястья своими горячечными руками. Ей хотелось, и в одном этом желании она нашла достаточно причин отмести импульс. Взамен расправила плечи и спросила:

– Позвольте присесть?

– Садись, – сказал Шесть Путь. – И ты, и Искандр слишком высокие, чтобы смотреть на вас снизу вверх.

– Я не он, – сказала Махит. Села на кресло, придвинутое к дивану. Некоторые «рассветные лампы», заметив присутствие еще одного живого человека, послушно пролили свет и на нее.

– Эзуазуакат уже доложила, что ты это говорила.

– Я не лгу, ваше величество.

– Нет. Не лжешь. Искандру не понадобилась бы чужая помощь в преодолении бюрократов.

– Прошу прощения, – начала Махит отважно, в качестве панацеи от ощущения, будто она вот-вот захлебнется. – Должно быть, трудно встретиться с преемником вашего друга. На Лселе

для передачи имаго-линии существует психологическая поддержка.

– Неужели, – сказал император. Не столько вопрос, сколько приглашение продолжать.

Махит не была дурой и понимала, как собирают данные. Знала, что она ранена, вымотана, ошарашена культурным шоком, какому не видно конца, и беседует с человеком, который повелевает четвертью галактики, пусть и понемногу умирает; так и хотелось расколоться, как яйцу, и разлиться словами. Даже не имело смысла задумываться, какую роль сыграла хорошая техника допроса, а какую – отголосок доверия в лимбической системе.

– У нас есть давняя традиция психотерапии, – сказала она и осеклась, резко, словно прикусила язык. По предложению за раз.

Император рассмеялся – легче, чем она ожидала.

– Могу представить, как это необходимо.

– На основе впечатления об Искандре или обо мне?

– На основе моего впечатления о людях, из которых вы с Искандром – лишь одно любопытное аномальное подмножество.

Махит приняла укол с улыбкой – слишком широкой, по ощущению близкой к улыбке Искандра – и растопырила пальцы в том же тейкскалаанском жесте, что показывал Двадцать Девять Мост.

– И все же в Тейкскалаане нет сравнимой традиции.

– Ах, посол Дзмаре… ты с нами всего четыре дня. Возможно, ты что-то упустила.

Причем немало всего, не сомневалась Махит.

– Я бы с интересом послушала о тейкскалаанских методах борьбы с психологическим стрессом, ваше сиятельство.

– Не сомневаюсь. Но не поэтому ты так настаивала на этой встрече.

– Нет.

– Нет. Тогда прошу, – сказал Шесть Путь. Сплел пальцы. Его костяшки распухли от возраста, покрылись глубокими морщинами. – Рассказывай, куда, по-твоему, мне следует отправить армию.

– Почему вы так уверены, что я пришла просить об этом?

– Ах, об этом меня просил Искандр. Значит, вы *настолько* отличаетесь? Тебя больше заботит какое-то другое дело, нежели собственная станция.

– Это единственное, о чем он просил?

– Конечно, нет. Но только на это я согласился.

– И согласитесь снова, если попрошу я?

Шесть Путь как будто с бесконечным терпением окинул ее

взглядом – разве у них не всего полчаса, неужели не удастся потом сбежать, ныли от неподвижности мускулы со стороны, где придавило упавшей стеной, и она чувствовала, как ее сердцебиение пульсировало в ранах на руке, – и потом пожал плечами. Движение почти что затерялось в сложном крое лацканов.

– Мне любопытно, ты ошибка или предупреждение, – сказал он. – Это полезно знать прежде, чем я тебе отвечу. Если ты можешь сказать.

Должно быть, он имел в виду «ошибка имаго-процедуры». *Намеренно* или случайно получилось так, что она не Искандр. И если по ошибке, то не по *намеренной* ли – император знает о саботаже? Не может быть. Не знает, раз спросил, ошибка она или предупреждение. Махит вдруг резко представила выражение Шесть Пути на лишенном морщин детском личике Восемь Антидота. Та же терпеливая расчетливость. Дитя – девяностопроцентный клон: с возрастом его лицо станет этим, учитывая мышечную память. Сама мысль показалась отвратительной. Ребенок не выдержит имаго. Он утонет в старшей памяти; у ребенка едва ли есть собственное «я». Возможно, этого и хотел Шесть Путь.

– Будь я ошибкой, – ответила Махит, – которая демонстрирует непредсказуемость передачи имаго, я бы точно об этом не сказала.

«А если я предупреждение, то и сама об этом не знаю». Она закрывалась от этого – нельзя задумываться над этим здесь, даже одно дуновение идеи, приправленное тайными посланиями от Ончу к мертвецу, приводило в ярость. Что Лсел отправил ее с изъяном, только чтобы что-то там доказать Шесть Пути, отправил опровержение, *поломку*, – но не время для гнева. Не сейчас. Она наедине с императором.

– Значит, ты мне это продемонстрируешь? – спрашивал он в это время.

– Полагаю, у меня не было бы выбора, – сказала Махит. – Так что, выходит, вам решать, ваше лучезарное сиятельство, что я такое.

– Возможно, я буду дальше следить за твоими действиями. – Когда он пожал плечами, солнечные лампы вокруг плеч повторили движение, словно они вместе – единая машина, система куда больше одного человека, но подчиненная человеческой воле. – Скажи мне одно, посол Дзмаре, прежде чем мы вернемся к переговорам и ответам. Ты несешь *имаго Искандра* – или ты воспоминание кого-то другого?

– Я Махит Дзмаре, – ответила она, и показалось, словно это

ложь через умолчание, маленькое предательство Лсела, так что она продолжила: – И я никогда не носила ничье имаго, кроме Искандра Агавна.

Император заглянул ей в глаза, словно распознавал, кто там за ними, не позволяя ей отвернуться. Махит подумала: «Искандр, если вообще может быть момент, когда ты решишь со мной заговорить…»

Представила, как он скажет: <Здравствуй, Шесть Путь>, – сухо, с насмешливой отстраненностью, полный узнавания. Она в точности знала, с какой интонацией он это скажет.

Но не сказал.

– Когда мы обсуждали семейства Западной Дуги и как поступить с их требованиями об эксклюзивной торговле, каким было твое мнение? – спросил император.

Махит не представляла, что на этот счет думал Искандр. Ее Искандр встречался с императором только в свете, еще не поднялся в его глазах до того, чтобы давать советы в политике.

– Это было до меня, – уклонилась она от ответа.

За ней все еще *наблюдали*. Оценивали. Глаза императора были настолько темно-карими, что почти черными, с облачной привязкой в виде облегченной сетки из почти невидимого стекла, – так и хотелось сплести руки на коленях, чтобы они ненароком не затряслись. Но тогда будет слишком больно.

– Искандр, – сказал император, и на какой-то миг Махит не знала, то ли он обращается к ней, то ли продолжает рассказывать о ее предшественнике, – представлял немало доводов и многое предлагал, чтобы отговорить меня от экспансии. Увлекательное зрелище – столь знакомый с нашим языком разум изо всех сил убеждал поступить наперекор тысячелетиям нашего успеха. Мы провели в этой комнате немало часов, Махит Дзмаре.

– Это честь для моего предшественника, – пробормотала Махит.

– Ты так думаешь?

– Для меня это было бы честью. – Она даже не врала.

– Значит, сходство весьма и весьма ограниченно. А быть может, ты просто со мной дипломатична.

– Имеет ли это значение, ваше сиятельство?

Когда Шесть Путь улыбнулся, то так, словно улыбку ему показал выходец со Лсела: сморщенные щеки оттянулись, обнажились зубы. Выученное выражение, но шокирующе знакомое, даже после всего четырех дней в окружении одних лишь тейкскалаанских лиц.

– Ты, – объявил император, – такая же скользкая, как Искандр.

Махит пожала плечами, выразительно. Спросила себя, реагируют ли немногочисленные солнечные лампы поблизости и на ее движение.

Он придвинулся. Свет вокруг него, проливавшийся на ее лодыжки и колени, был теплым – будто горячка императора *подвижна*, может коснуться ее.

– Так просто нельзя, Махит, – сказал он. – Философия и политика – это не вещь в себе, они многогранны, стихийны. Что верно для Тейкскалаана со Лселом, в то же время неверно для Тейкскалаана с другим соседним государством или для Тейкскалаана в его рафинированном виде здесь, в Городе. У империи множество лиц.

– Что именно нельзя?

– Просить нас делать исключения. Искандр пытался. И пытался очень умело.

– Но тогда же вы согласились, – возразила Махит.

– Согласился, – сказал Шесть Путь. – И если ты заплатишь обещанное, то и тебе я скажу то же самое.

Махит требовалось, чтобы он произнес это вслух. Чтобы убедиться; чтобы вырваться из бесконечного порочного круга гаданий.

– Что *именно* обещал вам Искандр?

– Чертежи к имаго-аппаратам Лсела, – сказал император с легкостью, будто они обсуждали стоимость электроэнергии, – и несколько готовых для немедленного применения. В обмен на что я гарантировал суверенитет станции Лсел, доколе моя династия правит империей. Мне казалось, с его стороны это довольно мудрое предложение.

Так и было. «Доколе его династия правит империей». Череда имаго-императоров и есть одна единая династия, – один человек в нескончаемых ипостасях, если Шесть Путь действительно думал, будто процесс имаго является *итеративным*, а не *компилятивным*, – и таким образом лселские технологии покупали для Лсела независимость. Вечную. А Шесть Путь избежит убивающей его болезни и снова заживет в теле, не затронутом возрастом.

«Искандр, – подумала Махит, потянулась вглубь себя, – как же ты наверняка был доволен, когда составил эти условия».

– Возможно, – продолжал Шесть Путь, – ты будешь не прочь добавить к сделке парочку лселских психотерапевтов. Подозреваю, их вклад в нашу теорию разума может быть весьма интересен.

Сколько же еще лселского он хочет *забрать?* Забрать, сожрать и переварить во что-то отнюдь не лселское, а тейкскалаанское. Не

будь он императором, она бы дала ему пощечину.

Не будь он императором, она бы рассмеялась и спросила, что именно входит в тейкскалаанскую теорию разума. «Насколько широко понятие „вы“?»

Но он был императором – и в речи, и по сути – и во всех четырнадцати поколениях лселских имаго-линий видел только то, что можно поставить *на службу* Тейкскалаана.

Империя, мир. Одно слово; выигрывает одно – выигрывает и другое.

Она слишком долго отмалчивается. Голову забивали траектории военных транспортников – стучались о ее ярость, о внезапные уныние и загнанность. О тошнотворный пульс боли в раненой руке, вторящий ритму сердца.

– Чтобы прийти к этому решению, Искандру потребовались годы, ваше сиятельство, – выдавила она. – Подарите мне честь еще одного вечера в вашем обществе, прежде чем я приду к своему.

– Значит, ты бы еще хотела сюда вернуться.

Еще бы. Она на личной аудиенции с императором всего Тейкскалаана, и он бросал ей *вызов*, и принимал ее всерьез, и принимал всерьез ее предшественника, да и как ей могло это *не* нравиться? Это нравилось, даже несмотря на всеуныние.

Сказала же она только:

– Если вы согласны меня принять, ваше сиятельство. Мой предшественник явно… вас заинтересовал. Возможно, так случится и со мной. И вы делаете мне большое одолжение – тем, что говорите без экивоков.

– Ясность, – сказал Шесть Путь, все еще улыбаясь той очень лселской улыбкой, из-за которой хотелось улыбнуться ему в ответ во весь рот, заговорщицки, – не есть добродетель риторики. Но все же имеет свои применения, верно?

– Да. – В этом смысле их разговор был самым *ясным* с самого прибытия Махит в Город. Чтобы успокоиться, она сделала вдох, – расправила плечи, стараясь не подражать языку тела Искандра и не отражать императора, – и клюнула на предложенную разговорную наживку: – С вашего любезного позволения я продолжу проигрывать в риторике, ваше сиятельство: зачем вам понадобились наши имаго-аппараты? Большинству людей вне станций имаго-линии кажутся весьма… необъяснимыми. В *лучшем* случае.

Шесть Путь закрыл и снова открыл глаза: долгое, затянутое моргание.

– Сколько тебе лет, Махит?

– Двадцать шесть по тейкскалаанскому летоисчислению.

– Тейкскалаан пережил *восемьдесят лет мира*. Три твоих жизни вместе взятых с тех пор, как одна часть мира пыталась уничтожить все остальное.

Каждую неделю приходили сообщения о пограничных стычках. Всего несколько дней назад в системе Одилии подавили откровенный бунт. Тейкскалаан *не жил в мире*. Но Махит показалось, она поняла, на какой разнице акцентировал внимание Шесть Путь: эти стычки несли войну *вовне* вселенной, в нецивилизованные края. Его слово «мир» означало и «город». То же самое слово, что происходило от глагола, означающего «правильное действие».

– Это долго, – признала она.

– И так должно продолжаться, – сказал император Шесть Путь. – Я не могу позволить, чтобы сейчас мы сбились с шага. Восемьдесят лет мира должны быть началом, а не утраченной эпохой, когда мы были гуманнее, заботливее, справедливее. Ты понимаешь?

Махит понимала. Все очень просто, неправильно и ужасно: это страх оставить мир без истинного и мудрого руководства.

– Ты видела моих наследников, – продолжал Шесть Путь. – Так представь же вместе со мной, посол Дзмаре, какая поистине *выдающаяся* гражданская война развернется в их срок.

* * *

Во внешних чертогах Дворца-Земля не было никого, кроме Три Саргасс, которая с трудом поднялась на ноги, когда раздвигающаяся диафрагма дверей сплюнула обратно Махит.

– Ты что, уснула? – спросила Махит, жалея, что сама не может прилечь на диване хотя бы на десять минуток.

Три Саргасс пожала плечами. Под тускло-золотым освещением зала ее смуглая кожа казалась серой.

– Получила, что хотела?

Махит не представляла, что на это отвечать. Ее переполняло, колотило, распирало от чувств, ядовитых секретов. Что продал Искандр. Почему Шесть Путь пойдет на что угодно, лишь бы остаться собой – и императором. Так просто это не объяснить.

– Идем, – сказала она. – Пока никто не заметил, что мы потерялись.

Три Саргасс задумчиво промычала меж зубов. Махит прошла прямо мимо нее, из дверей. Последнее, что ей сейчас было нужно, – это объясняться. Не сейчас.

Вот бы перестать *думать*.

Она только и *делает*, что думает.

Три Саргасс последовала за ней, за левым плечом – идеальная тень, прямо как на поэтическом конкурсе.

– Девятнадцать Тесло оставила сообщение, – сказала она перед тем, как они покинули императорские покои. – Просила передать, что не собирается мешать тебе делать что-нибудь неразумное. Что *вообще* не собирается тебе мешать.

Махит передернулась, зная, что ее предоставили самой себе, и все равно почувствовала жалкую благодарность как к Девятнадцати Тесло, так и к Три Саргасс.

Интерлюдия

Имаго-аппарат невелик: самое большое – длиной с короткую фалангу человеческого пальца. Даже на станции в тридцать тысяч душ и десять тысяч сохраняемых имаго-линий как вне, так и внутри жителей весь склад аппаратов представляет собой небольшую и стерильную сферическую комнату. Он угнездился поближе к бьющемуся энергетическому сердцу Лсела – насколько только возможно изолированный от невзгод в виде космического мусора, космических лучей или случайной декомпрессии: это, говорила Акнель Амнардбат, самое безопасное место на станции. Обитель всех станционников: сюда приходят на покой все мертвецы, до поры, а потом возвращаются, переиначенные.

Амнардбат находится ровно в ее центре. Каждую поверхность, кроме небольшого пятачка, где стоят ее ноги, и дорожки к двери, покрывают закрытые и размеченные отсеки: числа. Иногда имена – на самых старых или важных контейнерах имаго-линий. Если она оглянется через плечо, увидит отсек «Культурное наследие», откуда однажды вышел ее собственный имаго и куда отправится имаго, которым станет она.

Ранее эта комната приносила ей утешение: здесь в высшей степени мирно – идеальное напоминание, что под ее опекой находится весь Лсел, его прошлое и будущее. Акнель Амнардбат считает себя архивисткой; живи она на зеленой планете, звала бы себя садовницей. Ее задача – прививать растение к растению, разум – к разуму, сохранять, создавать и не позволять затеряться ни единой крохе Лсела.

Ранее эта комната приносила ей утешение.

Совсем недавно – шесть недель по тейкскалаанскому летоисчислению, которое переняла станция, переняла еще до рождения Амнардбат: вот так *мало-помалу* пожирают культуру, ей даже в голову не приходило замечать, что понятие «недели» не имеет никакого отношения к вращению Лсела, обороту к солнцу и обратно, – совсем недавно она стояла здесь и силой, вверенной ей как советнице по культурному наследию, велела одному из маленьких контейнеров изрыгнуть свое содержимое в ее поджидающие руки.

Сразу перед этим она промыла ногти сольвентом. Протерла, заточила до непривычной остроты.

Аппарат поступил в ее ладони из контейнера, отмеченного «П-Д» (Т. 2). В кодировке имаго-аппаратов это означало «Политика-Дипломатия» – определение специальности, *типа*, – а потом «Тейкскалаан», то есть имаго-линия политических

дипломатов, отправлявшихся в империю, – и «2», второй в цепочке. Имаго-аппарат с записью Искандра Агавна, устаревшей на пятнадцать лет.

Тогда Амнардбат бережно его подняла; повернула в мягком освещении, чтобы он бликовал – металл и керамиды, хрупкие точки контакта, чтобы встать в рамку на позвоночнике носителя. Подумала, яростно как никогда: «Ты хуже поджигателя, хуже имаго-линии, которая готова разорвать оболочку станции бомбой. Ты хуже их обоих, Искандр Агавн: ты хотел впустить к нам Тейкскалаан. Ты говоришь стихами и шлешь кипы литературы, и все больше наших детей с каждым годом учатся способностям для жизни в империи и оставляют нас. Лишают нас того, кем они могли бы стать. Ты – разъедающий яд, и человек праведный просто раздавил бы твой аппарат».

Она не растоптала машинку вдребезги.

Взамен поскребла по хрупким контактам заостренными ногтями, легонько, совсем-совсем легонько, не в силах поверить тому, что делает, что она сама совершает такую измену, измену против памяти, против самой *сути* Культурного наследия, против тошнотворного ужаса ее собственного имаго (шесть поколений советников по культурному наследию – и все перепуганы до одурения, охмеления). Она ослабила контакты. Чтобы те отошли при малейшем стрессе.

А потом вернула аппарат на место и отправилась рекомендовать Махит Дзмаре на место следующего посла Лсела, и еще многие *недели* чувствовала себя… хорошо. *Праведно*.

Но теперь она стоит в своем складе памяти, в своем успокаивающем, мирном хранилище, и сердце ее колотится, и чувствует она вкус адреналина и свинца, послевкусие недовольства собственного имаго, который никогда бы не нанес такой вред любой имаго-линии – если только официально, на обозрении всего Совета, с полного одобрения. «Что еще я могла бы затронуть», – думает Акнель Амнардбат. Что еще она могла бы изменить.

И повлияло бы это хоть на что-то – раз все равно у врат их сектора стоят тейкскалаанские военные корабли?

Даже эта защищенная комната расколется, расплывется мусором, если судно вроде «Кровавой Жатвы Возвышения» решит, что точке Лагранжа станции Лсел лучше быть *незанятой*. Все ее вмешательство в память, все ее очищение от яда: все впустую. Она опоздала.

Глава 11

Сходство изводит меня: я не могу мчаться, как мчатся эбректы в своих быстринах, четвероногие и живые в охоте, но я понимаю саму натуру стаи: как она полагается на своего вожака, как в мгновение убийства становится единым организмом. Я понимаю сию натуру, поскольку это и моя натура – и тейкскалаанская; а впрочем, возможно, это универсально для всего человечества: находить обобщающую цель, подчинять свое «я» сплоченной дружине. Я уже не уверен в существовании универсальных истин. Слишком долго пробыл один; становлюсь варваром, варваром среди варваров, и вижу сны о Тейкскалаане в чужих когтях. Я не считаю свои сны сколько-нибудь неподобающими; это движитель желания, это проекция себя в будущее. Воображение возможностей.

Из «Депеш с нуминозного фронтира», Одиннадцать Станок

* * *

ПРЕДМЕТЫ, ЗАПРЕЩЕННЫЕ К ВВОЗУ (СТАНЦИЯ ЛСЕЛ): фауна, не указанная в графе ЛИЧНОЕ ИМУЩЕСТВО (ПИТОМЦЫ И КОМПАНЬОНЫ), флора и грибы без сертификата нулевого уровня радиации после стерилизации электронным лучом, продукты питания без упаковки (продукты питания могут быть стерилизованы на таможне), все предметы, способные выпускать твердые снаряды в атмосфере; все предметы, способные выпускать пламя или горючие жидкости; все предметы, способные излучать летучие частицы (включая рекреационные вещества для назального употребления; «дым-машины» развлекательной индустрии; «коптильни» поваров)…

Из ТАМОЖЕННОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ПАКЕТА для кораблей, желающих пристыковаться к станции Лсел

Во тьме Город выглядел чужим. Не столько притихшим,

сколько *заколдованным*: без солнца бульвары и глубокие цветочные пруды Дворца-Земля казались шире, форма всех зданий – необыкновенно органической, словно они вот-вот выдохнут или расцветут. Немногие тейкскалаанцы, еще блуждающие по улицам, не смотрели в глаза – перемещались, словно тени, по какому-нибудь своему дворцовому делу, безмолвно. Махит следовала за Три Саргасс пригнувшись. Она чувствовала болезненную слабость, и ныло все: бедро, ладонь и голова – голова почти наверняка из-за напряжения, а не последствий неврологического припадка. Почти наверняка.

Шаги гулко отдавались от мрамора. На Лселе никогда не было всепоглощающей темноты, не считая самого космоса: всегда *кто-нибудь* да не спал и стоял на вахте. Общественные пространства одинаковы в любой момент твоего личного цикла сна/бодрствования. Если хочется тьмы, отправляешься к себе в комнату и отключаешь освещение.

Здесь же целая половина планеты осталась без солнца и пробудет такой еще четыре часа. Махит не имела ничего против суточного цикла, когда большую часть темного оборота находилась в четырех стенах. Но снаружи все оказалось *иначе*. Тяжелое непроглядное небо словно бы давило на затылок, усиливало головную боль. Темнота как будто дирижировала звуком, приглушала и искажала, хоть она и знала, что это невозможно.

Единственное, что стало заметнее в этот ночной час, чем в течение дня, – это золотая вязь недремлющего ИИ Города. Она бежала под ногами петлями и спиралями, заползала по фундаментам некоторых зданий до второго этажа, словно паразитический грибок, и переливалась в потемках. Три Саргасс шагала по ней с такой решимостью, что Махит заподозрила, что она боится.

И еще она шла без своей облачной привязки. Сняла, как только они вышли из императорских покоев, убрала в карман. «Мы нигде», – сказала она, и Махит поняла это так, что они не оставят в Городе электронного следа от официального присутствия Три Саргасс. Теперь же, следуя за ней в разверзающуюся тьму, Махит спрашивала себя, не пытается ли ее посредница уйти от какой-то встречи с Городом, который необъяснимо отказался ей подчиниться.

Который опалил ее синим пламенем, словно она вовсе не гражданка. Словно *идеальный алгоритм*, расхваленный Десять Перлом, назначил ее чем-то чужеродным, чем-то, что следует изгнать. Инфекцией, что выжигают тем самым синим пламенем.

На такие образы Махит наталкивало только то, что они

крались посреди ночи во Дворец-Восток; сама Три Саргасс, если поделиться с ней такими мыслями, наверняка бы подняла ее на смех. Это все из-за нервозности, с которой она вышла после встречи с Шесть Путем: выплывшее на поверхность подспудное напряжение.

Гражданская война. Город, воюющий сам с собой.

И *прав* ли он в своем желании воспользоваться имаго-аппаратом, чтобы не дать этому великому голодному зверю – этой империи – сомкнуть челюсти на собственной плоти?

Дворец-Восток был ярче Дворца-Земля, но не менее зачарованным: свет шел от горящих неоновых трубок, красных, синих и оранжевых, освещавших дорожки на плазах: сияющие провожатые к тому или иному правительственному зданию. Три Саргасс замешкалась на развилке, где ИИ-вязь стягивалась в узел, – заметно расправила плечи – и отвернулась, чтобы поспешить по улице, горящей оранжевым, поманив Махит за собой. Белые цветы вдоль тротуаров выглядели так, словно их окунули в пламя.

Махит, очевидно, слишком давно не спала, если разглядела огонь в цветочных композициях. В этом-то и беда. Не в том, что у нее галлюцинации – она была почти уверена, что нет, – а в том, что она не спала, а весь адреналин после инцидента с ядовитым цветком и встречей с Шесть Путем шел на убыль.

Тем не менее она тихо спросила:

– Ты избегаешь Города?

Три Саргасс не остановилась.

– Нет, – сказала она. – Просто не хочу лишний раз рисковать, вот и все.

Они не обсуждали случившееся на плазе Центр-Девять. В апартаментах Девятнадцать Тесло не было времени. Или это просто казалось *неправильным* – говорить под всевидящими очами записывающего оборудования эзуазуаката. Теперь же, в темноте, Махит ощутила себя то ли осмелевшей, то ли потерянной, то ли какую-то смесь этих чувств, которая славно развязывала язык.

– Он никогда с тобой так не поступал, да? – сказала она. – Не принимал тебя за того, кого можно поставить на место.

– Конечно, нет.

– Патрицианка второго класса, неприкасаемая для какого-то там правосудия.

– Законопослушная гражданка Тейкскалаана, *госпожа посол*.

Махит поморщилась. Коснулась плеча Три Саргасс.

– Прости, – сказала она.

– За что?

– Нельзя извиниться за то, что усомнилась в твоем

моральном авторитете?

– Можно, – ответила Три Саргасс, – но вряд ли это практичное применение времени. А Город… я тогда просто удивилась.

– Ты не просто удивилась, тебя буквально шокировало.

Три Саргасс встала как вкопанная, обернулась и посмотрела на Махит.

– А потом я удивилась, – сказала она с непререкаемым авторитетом. – Потом у меня хватало времени удивиться. В больницах, Махит, больше нечем заняться, когда надоест цитировать самые сложные политические акростихи, которые знаешь, чтобы убедиться, что Город не подорвал долгосрочную память.

– Не стоило мне об этом напоминать, – сказала Махит.

– Только не надо меня жалеть, – сказала Три Саргасс. – Как-нибудь переживу опасения своей варварки, что цивилизация станет снова бить меня током.

– Ты правда решила, что я думала об этом?

– Лично я бы думала об этом. – В темноте Махит показалось, что глаза Три Саргасс похожи на черные камни – без зрачков, чужеродные, как небо. – А, и еще о том, случаются ли похожие сбои с *другими*, и при каких обстоятельствах – я бы и об этом задумалась.

– И случались? – спросила Махит.

– Чаще, чем я предполагала. За прошедшие полгода – восемь. Двое погибших.

Махит не нашлась, что ответить: «мне жаль» не годилось, а сказать «это я виновата» – значит, откровенно напрашиваться на утешения, которых, знала Махит, она не заслужила: ведь и правда *наверняка* виновата она. Или Искандр. Или *гражданские волнения*, с которыми каким-то образом связался Искандр. Грядущий распад порядка.

– Я же сказала, что удивилась, – уже мягче продолжила Три Саргасс. – Пойдем, Махит. До твоих апартаментов еще двадцать минут пешком.

Всю дорогу Махит казалось, будто Город следит за ними, хоть облачная привязка и не оставляла электронных следов присутствия; всю дорогу – хоть она и говорила себе, что снова слишком вчитывается. Это и в самом деле *проблема* – то, что Город убивает или ранит собственных граждан, – но есть вероятность, что вовсе не ее проблема. Есть вероятность, что она вовсе не виновата. Не может же она быть во всем виноватой. Она сможет оторваться от сюжетных склонностей тейкскалаанцев и не будет в это верить. Сможет.

* * *

Человек в посольских апартаментах Махит казался растворившимся силуэтом между высокими окнами: темная одежда, темные волосы, невидимые в сумраке до того, как он сдвинулся с места. Сперва Махит увидела вспышку – какой-то инструмент в его руке отразил свет в коридоре белым пламенем, – а потом натиск движения. Она уже вошла на два шага в раздвинутую диафрагму двери. Три Саргасс пришлось надеть привязку, чтобы поговорить с дверью, так что она стояла левее, не загораживая дорогу…

Ужас был как удар под дых. Здравомыслящий человек бросился бы бежать. Махит всегда считала, что перед лицом прямой физической угрозы сбежит – из боевых способностей ее списали *сразу*, на Лселе: слишком сильный инстинкт самосохранения, слишком много *дергалась*. Человек – в его лице было что-то до жути знакомое, когда он вышел на свет из коридора – напал с чем-то острым в левой руке. Это оказалось иглой, толстой, как шип растения, с тускло поблескивающей вязкой каплей на кончике, и Махит подумала: «Яд, шприц с ядом», – уворачиваясь, отшатываясь, теряя равновесие и падая на пол, приземляясь на перебинтованную ладонь. Шока от боли хватило, чтобы сперва решить, будто ее ударили. Все еще дрожа. – *Какого*… – сказала Три Саргасс в дверном проеме.

Махит увидела, как силуэт поднял глаза, застыл, чтобы оценить ситуацию, – и вот поэтому узнала его, вспомнила, как он выглядит во время удивления и стресса: таким она его видела, когда Тридцать Шпорник прогнал его в коридорах Дворца-Земля. Не помнила только имени. Он пытался завербовать ее в партию Один Молнии, а Тридцать Шпорник *угрожал* ему, и – и теперь он в ее апартаментах и идет со страшной иглой прямо на Три Саргасс. Махит подумала: «ксаутль, контактный яд», а потом: «или вводимый», пробежалась в мыслях по всем известным ей нейротоксинам, и все ужасные, – злоумышленник быстрый, – Три Саргасс еще не отошла от электрического разряда Города и ни за что не выживет, если он ей это вколет.

Махит перекатилась, всем весом врезалась плечом сбоку в его колено. Схватилась за лодыжку, оторвала от пола, обхватив обеими руками кожаный сапог, и испытала *невероятную* боль – наверняка лопнули волдыри под повязкой. Все ниже локтя стало жидким пламенем, расплавленным и стекающим. Он упал. Все еще перепуганная, она чувствовала бешенство, накатили пеленой адреналин, странный кайф, – она поползла по нападающему, пользуясь всем своим варварским ростом и длиной

нетейкскалаанских конечностей.

Он выругался и перевернул ее на спину – *сильный*, говорил же, что служил во флоте, Восемнадцатом легионе самого Один Молнии, как тут не быть сильным, – но она уже вцепилась здоровой рукой в его воротник, а лодыжку заплела ногой, так что он перевернулся вместе с ней, оказался сверху. Кончик иглы приближался к ее шее. Коснется, наполнит параличом и удушением, прыснет в мозг и растворит *ее*, Искандра и все, чем они были вместе. Она отчаянно перехватила запястье рукой, все еще обернутой в бинты. Держала даже сквозь крик боли, лопающиеся волдыри.

– Ты не должна была сопротивляться, – сплюнул он, – грязная *варварка*…

Не очень-то его беспокоило, что она из варваров, когда зазывал в тейкскалаанский легион.

Махит изо всех сил вывернула запястье, сунула его руку к его же шее. Край иглы царапнул по горлу, оставил долгую черту, налившуюся красными каплями – тут же распухшую, – полиловевшую, да что там в этом гребаном токсине? Солдат издал гортанный удушенный звук. Она почувствовала, как напряглось его тело – содрогнулось, – *затряслось*, бессмысленно, жутко забилось. Иголка выпала из вялых пальцев и стукнулась об пол рядом с головой Махит.

Она откинула его, отползла на заду и локтях. Давно уже надо было закричать. Сейчас стало очень тихо; только грубо скребло тишину ее дыхание.

После, кажется, самой долгой минуты в ее жизни раздалось шипение двери в апартаменты, с щелчком включился свет. Затем рядом с ней присела Три Саргасс. Обе прижались спиной к стене. В совершенно обычном освещении тело нападавшего выглядело маленьким, нелепым, вовсе не тем, что двигалось, дышало и вполне могло ее убить. Рядом с ним прирученной змеей лежала иголка. Вместе с успокоившимся дыханием к Махит вернулось и его имя. Одиннадцать Ель. Человек. Теперь – мертвый человек.

– Ну, – нетвердым голосом сказала Три Саргасс, – таких проблем у нас еще точно еще не было. Ты в порядке?

– Я не ранена, – ответила Махит. Казалось разумным на этом и остановиться.

Три Саргасс кивнула; Махит заметила движение краем глаза. Она не могла оторвать взгляд от тела.

– Мм, – сказала Три Саргасс. – Ну хорошо. Ты… так уже когда-нибудь делала?

– Что, убивала? – переспросила Махит, и ой, *вот* что она сейчас сделала, и правда. Ее сейчас стошнит.

– Ну, тут чистый случай самозащиты, но да, «убивала», если угодно. Так что?

– *Нет.*

Три Саргасс ласково погладила Махит по плечу – робкое касание легче перышка.

– Если честно, это даже облегчение; я уже думала, не готовят ли станционников к зверскому насилию вдобавок к тому, что они таскают в голове мертвецов…

– Хоть раз, – сказала Махит с какой-то отчаянной и бесполезной досадой, – хоть раз бы ты представила, что я что-то делаю просто потому, что так делают *люди.*

– Махит, большинство людей не…

– … попадают в собственных апартаментах в засады незнакомцев с устрашающим оружием, пока прячется от единственного политического союзника, чтобы провести тайную встречу на *чужой планете?* Нет. Полагаю, с тейкскалаанцами такого не бывает.

– *Ни с кем* не бывает, – сказала Три Саргасс. – Как правило.

Махит уронила голову в руки, тут же отдернулась, когда раненая ладонь коснулась щеки. Захотелось – резко, с нелепой страстью – *спать*. Желательно – между узких и надежных стен комнатки на Лселе, но главное – спать. Она стиснула зубы, прикусила язык. Может, помогло. Она уже сама не знала.

– Махит, – мягче повторила Три Саргасс. Потом взяла ее здоровую руку с коленей, переплела их пальцы. Ее кожа была сухой и холодной. Махит обернулась и уставилась на нее.

Три Саргасс пожала плечами и не отпустила.

– Это описывают в книгах по истории, – сказала Махит бестолково, будто пыталась перевести произошедшее в подарок: аллюзия к Тейкскалаану. Для женщины, которая безо всякой причины взяла ее за руку. – Псевдо-Тринадцать Река. Не совсем так, но что-то в этом роде. Когда яотлек Девять Багрец попал в засаду на окраине известного космоса…

– У нас не *настолько* плохо, – ответила асекрета, но пригладила костяшки Махит большим пальцем. – Ты убила всего одного человека, и он явно не твой тайный клонрод, переметнувшийся во вражескую фракцию империи. История всегда кажется хуже, когда ее наконец записывают.

Махит улыбнулась вопреки себе – вопреки трупу, лежащему рядом, медленно разбухая, лилово-красному и надутому. Спросила:

– Вас этому учат на уроках истории?

– Не совсем, – сказала Три Саргасс. – Скорее наблюдение из личного опыта: у того, кто документирует исторические события,

своя повестка, и обычно наполовину эта повестка – *драма*. В смысле, Псевдо-Тринадцать Река – у него все поголовно отчаиваются из-за ошибочных опознаний и задержек трансляций, но если почитать Пять Диадему о той же самой завоевательной кампании – она делает упор на *пути снабжения*, потому что ее покровитель был министром экономики…

– На Лселе нет никаких книг Пять Диадемы. Ее правда так *зовут?*

– Если бы тебя звали Пять Шляпа, а ты жила в золотой век эпической историографии, когда всех чествуют при дворе и берут в качестве очевидцев в военные походы, ты бы *тоже* публиковалась под псевдонимом, Махит.

Три Саргасс говорила с такой неподдельной серьезностью, что Махит рассмеялась – коротко, рвано, сразу заболела грудь. Вероятно, она в истерике. Весьма вероятно – а это проблема. И все же дыхание она смогла перевести только через полминуты. Три Саргасс сжала ее пальцы, ласково, и Махит выпустила воздух сквозь зубы.

Когда наконец вернулся дар речи, она спросила:

– Ты знаешь, почему меня только что пытался убить человек, пристававший на императорском банкете в честь конкурса чтецов?

– Так вот кто это такой? – Три Саргасс отпустила пальцы Махит. – Ты помнишь, как его звали? – Она поднялась на ноги и подошла к трупу, чинно сложив руки за спиной, словно боялась случайно до него дотронуться. Присмотрелась, присела. Полы ее камзола раскинулись по полу, как впервые развернувшиеся крылья нового насекомого.

– Ель, – сказала Махит. – Кажется – *Одиннадцать* Ель. Но я была нетрезвой. Как и он.

– Расскажи еще раз, как вы познакомились, – попросила Три Саргасс. Перевернула голову мертвеца носком ботинка, чтобы увидеть лицо.

– Он искал кого угодно, кто еще не принадлежит Тридцать Шпорнику, – сказала Махит. – А потом я его оскорбила. И он пытался… тряхнуть меня? Сделать мне больно. А потом Тридцать Шпорник лично дал ему отповедь…

– Тебе не стоит никуда ходить без меня, – сказала Три Саргасс, но без упрека. – Значит, он тебя знал. Хотя бы мельком. Достаточно, чтобы невзлюбить. Лично мне он не знаком, и на нем нет чьих-нибудь цветов или различий – впрочем, убийца бы их и *не надел*, что бы там ни рассказывалось в стихах *или* книгах по истории…

– Значит, ты думаешь – *убийца*.

Она выпрямилась.

– А у тебя есть другие идеи?

Махит пожала плечами.

– Похититель, вор… тот, кто хотел помешать этой встрече, – хотя не могу представить, кто о ней мог *знать*…

– Кроме меня, – сказала Три Саргасс почти без иронии. – И Двенадцать Азалии, который попросил здесь встретиться.

– Три Саргасс, если я буду исходить из того, что меня хочешь убить ты, я…

Та пренебрежительно отмахнулась.

– Не надо. Разве мы не договорились в твой первый же день? Я не занимаюсь саботажем, а ты – не дура. Твое убийство считается за саботаж.

Тот разговор – в этой самой комнате! – состоялся как будто много месяцев назад, хотя Махит целиком осознавала, что прошло всего четыре дня. Уже пять – солнце начинало подниматься.

– Значит, не ты, – сказала она, – для упрощения. Остается Двенадцать Азалия и… любой, кто перехватил его сообщение до того, как оно попало ко мне. Он же говорил, что за ним следят.

– Тот, кто перехватил сообщение на инфокарте, должен был либо находиться рядом, когда он его отправлял, либо в министерстве информации, чтобы распечатать стик и запечатать обратно.

– Министерство информации – это *все равно* ты или Двенадцать Азалия.

Три Саргасс долго не сводила с нее взгляда, потом вздохнула.

– Асекрет много. Некоторые наверняка работают на того, кто хотел убить Искандра, или тебя, или Двенадцать Азалию…

– А если это не перехват? – перебила Махит. – Перед тем как он… как я… он сказал «ты не должна была сопротивляться», и кажется, он собирался мне угрожать, заставить что-то отдать. Вряд ли он вообще хотел меня убивать. Кажется, он хотел то, что есть у Двенадцать Азалии – имаго-аппарат, – и кажется, он хотел, чтобы я его отдала. Может, его *прислали*.

– Кто же его прислал?

Махит хотела ответить «Один Молния», но это бы предполагало, что об имаго-аппаратах знают все – во всем Тейкскалаане, не только во дворце: Один Молния сейчас на флагмане где-то в космосе – когда бы он *узнал?*

Так что она ответила:

– Тридцать Шпорник? Если он воспользовался тем, как на меня набросился Одиннадцать Ель. Он намеренно подчеркнул, что это *нападение* и что они еще об этом поговорят…

– И Тридцать Шпорнику нужен имаго-аппарат? Настолько, что он готов шантажировать придворного. Что ж, я бы не удивилась, – выражение у Три Саргасс стало странным – отрешенным, слегка горестным. – Махит, твои имаго-аппараты – настоящая *проблема*.

– Не для Лсела, – ответила Махит. «Только для Тейкскалаана, которому они ужасно нужны. Или ужасно нужно, чтобы они *не существовали*».

– Нет, – сказала Три Саргасс. Отошла от трупа и вернулась к Махит, протянула руку, чтобы помочь подняться с пола. – По-моему, это проблема и для тебя – по крайней мере, у *тебя* проблема из-за того, что ты рассказала о них.

Махит приняла руку, хоть и была намного выше Три Саргасс, так что опора не очень помогла.

– Я не рассказывала, – сказала она, поднимаясь. – Рассказал *Искандр*, причем тот Искандр, кого я никогда не видела.

– Каково это?

– Что – каково?

– Не быть одним человеком.

Ее застал врасплох такой обнаженный вопрос – еще никто за все время на этой планете *не был* с Махит так прям; она просто стояла и думала, что тут вообще *можно* ответить, все еще не расплетала пальцы с Три Саргассю, когда дверь жалобно звякнула своей неуютной и нестройной мелодией.

– Еще убийцы? – сказала Три Саргасс слишком задорно.

– Надеюсь, Двенадцать Азалия, – ответила Махит. – Откроешь?

Три Саргасс открыла. Отдав приказ двери, резко отшатнулась в сторону, словно от того, что войдет, можно спастись, если просто скрыться из глаз. Но когда дверь раздвинулась, там все-таки оказался всего лишь Двенадцать Азалия. Махит наблюдала, как он окидывает взглядом сцену: труп с лиловым лицом на коврике, струящийся в окна рассвет, Махит и Три Саргасс, стоящие с таким видом, будто только что разбили бесценное произведение искусства.

Невыразительность тейкскалаанцев, оказывается, выдерживала и столкновение с недавно произошедшим убийством. Возможно, отчасти из-за того, что, похоже, Двенадцать Азалии тоже выдалась нервная ночка. Форма министерства информации промокла, оранжевые рукава – жесткие и замызганные. По одной щеке размазана грязь, коса почти расплелась.

– Ужасно выглядишь, Лепесток, – сказала Три Саргасс.

– У тебя на ковре мертвец, Травинка; *не важно, как я*

выгляжу.

– Вообще-то, у меня на ковре, – сказала Махит. – Можешь войти, чтобы закрыть дверь?

Когда дверь надежно закрылась у него за спиной – троица взаперти с мертвецом, маленький секретик вдобавок к остальным большим секретам Махит, – Двенадцать Азалия залез за пазуху и достал сверток, похожий на аккуратно сложенную простыню из морга. Протянул сверток Махит.

– За тобой должок, посол, – сказал он. – За мной шесть часов *следили*, а еще три я прятался на дне полуосушенного пруда. Все это было чрезвычайно занимательно, пока мы перебрасывались зашифрованными сообщениями, но теперь уже нет. Не говоря о том, что стоило мне отвернуться, как у вас на руках появился новый труп – кто-нибудь вызвал Солнечных или вы так и собираетесь *просто стоять?*

– Лепесток, мы собирались, – сказала Три Саргасс, удивив Махит.

Она развернула ткань. Посередине лежала маленькая сетка из стали и керамида – имаго-аппарат Искандра. Его аккуратно вырезали скальпелем, видела она: фрактальная бахрома по краям, где аппарат сливался с нейронами, резко обрубалась, где кромка лезвия не могла работать на микроскопическом уровне. Но Двенадцать Азалия не смог отсоединить фрактальную сетку – по сути, панцирь, интерфейс – от центрального ядра, собственно содержащего Искандра. Оно все еще цело, решила она, не задето деликатным скальпелем. Аппарат все еще может пригодиться. (Для чего? Чтобы записывать кого-нибудь еще? Или попытаться поговорить с этим Искандром – мертвым послом? Тем, что от него осталось. Она задумалась и решила пока не делиться этой мыслью.)

Махит забрала аппарат – не длиннее фаланги ее большого пальца – из простыни, где его прятал Двенадцать Азалия, и убрала во внутренний карман.

– Я думала, – сказала она, – сперва стоит дождаться, когда ты принесешь полученный незаконным путем аппарат, ради которого я попросила осквернить труп моего предшественника. А потом уже кого-нибудь вызывать, – если Три Саргасс хочет врать другу насчет полиции, то Махит может *подыграть*. Так, пожалуй, проще всего. А еще проще вправду вызвать Солнечных, сообщить об… инциденте – при мысли о том, чтобы назвать это убийством, голова кружилась от ужаса, как и при воспоминании о том, как Одиннадцать Ель *превратился на ней в труп*, – и сообщить все в точности, как произошло. В посольские апартаменты проник посторонний; они боролись; в борьбе посторонний погиб из-за

собственного оружия.

– Ну, теперь он у тебя, – говорил Двенадцать Азалия, – и можешь *оставить* себе – за мной установили слежку, стоило только выйти из морга, посол. Следователи самой Юстиции – за мной шел гребаный *Туман*, призраки в серых пиджаках. Я думал, сбросил их, когда просидел целый час в пруду, но, может, и нет – а может, когда я написал и предложил здесь встретиться, сообщение перехватили. За телом твоего предшественника присматривал кто-то с очень хорошей разведкой, так что отправлять инфокарту пришлось с терминала общего пользования.

Возможно, Девятнадцать Тесло? Махит вспомнила, как быстро она появилась в морге – всего через несколько часов после того, как Махит предложила сжечь тело Искандра по традиции станционников. Но было и множество других игроков, особенно Восемь Виток, раз уж за Двенадцать Азалией гонялась какая-то особая полиция Юстиции. В том-то и проблема: Искандром интересовалось слишком много людей. Еще *больше* людей интересовались Махит – это был ее сознательный ход, она сама вышла в центр внимания, надеясь выявить убийцу ее предшественника, и теперь ей не выкрутиться, даже если бы хотелось.

Она бы заинтересовала людей, даже если бы ничего не делала, а только сидела в апартаментах и занималась своими обязанностями: Восемь Виток *умышленно* вызвала нового лселского посла. Нейтральность невозможна, как ни крути.

– За тобой все еще следят? – спросила она. Двенадцать Азалия вздохнул.

– Не знаю. Практический шпионаж – не моя сильная сторона.

– Только непрактичный, – заметила Три Саргасс. Двенадцать Азалия закатил глаза, и она выразительно пожала плечами, кажется, немного его утешив.

– Видимо, это мы еще узнаем, – сказала Махит. – Если кто-нибудь попытается убить тебя так же, как пытаются убить меня.

– Убийцы и шпионы, – сказал Двенадцать Азалия. – Этого мне не хватало. Будь я рассудительнее, посол, я бы не только вызвал Солнечных, но и намекнул, что ты шантажом привлекла меня к соучастию в… ну, должно же как-то называться воровство у мертвецов. Как это называется, Травинка?

– Плагиат, – сказала Три Саргасс, – но в суде этот вариант вряд ли пройдет.

– Не смешно.

– *Смешно*, Лепесток, но только потому, что ужасно.

Махит завидовала их дружбе. Все было бы намного *проще*…

Но у нее нет «проще». У нее есть только имаго-аппарат Искандра, труп и предложение императора, висящее, как дамоклов меч: выдать технологию имаго, отвести флот от Лсела и предать ради Тейкскалаана все, что на протяжении четырнадцати поколений сохраняла ее станция. Она резко вспомнила младшего брата, представила, как ему откажут в имаго, подходящем по способностям, представила, как его забирают со станции и воспитывают на тейкскалаанской планете – ему *девять*, слишком маленький, чтобы разглядеть в этом что-то, кроме романтики; впрочем, она-то ненамного лучше.

«Почему ты согласился, Искандр?» – спросила она: неофициальное «ты» на станционном языке в тишину тех закоулков разума, где должен быть его голос, голос человека, которым они становились, его знания и ее точка зрения.

<Понятия не имею, – ответил Искандр отчетливо, – но, видимо, ничего другого не оставалось>.

Покалывание вниз по рукам, вверх от пяток. Будто мертвец все-таки достал до нее ядовитой иглой. Махит резко села на диван. Вдруг Искандр действительно *вернулся* – может, чтобы исправить сбой, достаточно всплеска адреналина из-за угрозы жизни. Нелогично с физиологической точки зрения, но никаких других объяснений в голову не приходило.

<А ты втянула нас в поистине нешуточную кучу неприятностей, верно…> – и помехи. Обрыв. Ощущение такое, словно в мозгах случилось короткое замыкание. И сколько бы она ни старалась, Искандра не было так же, как до того, как он заговорил, и у Махит кружилась голова из-за ощущения, будто она проваливается в яму в разуме – бесконечную пропасть между ней и тем местом, где полагалось быть имаго.

Глава 12

ИГРА ЕЩЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ!

Приходите посмотреть, как «ЛАБИРИНТ» из Беллтауна столкнется с «ВУЛКАНАМИ» из Южного Центра в ожидаемом матче сезона по амалицлям! Никакое перекрытие метро не остановит наших игроков! Билеты все еще в продаже – покупайте через облачную привязку или на Дворцовом стадионе Северного Тлачтли. Приходите за позитивом!

Флаер с рекламой гандбольного матча, напечатанный 249.3.11-6П и раздававшийся во Внутренней провинции, Беллтауне, Южном Центре и Тополиной провинции

* * *

[…] прошло еще пять лет с тех пор, как ты в последний раз возвращался на станцию Лсел; советнице по культурному наследию очень хотелось бы сохранить и обновить текущее состояние твоей имаго-линии для потомков, но и мне самому интересно услышать из твоих собственных уст доклад о положении дел в Тейкскалаане; в последние пять лет ты хранишь достойную восхищения сдержанность; я не могу жаловаться на твои постоянные успехи в должности, на которую я лично выбрал тебя, но потрафь уж моему любопытству – возвращайся ненадолго к нам. […]

Сообщение послу Искандру Агавну от Дарца Тараца, советника по шахтерам (087.1.10-6П по тейкскалаанскому летоисчислению)

После вызова Солнечные не заставили себя ждать: трое в одинаковых золотых шлемах, безликие и эффективные. Вызвала их Три Саргасс, установив какую-то связь между своей привязкой и сигнализацией двери, а потом изобразив дрожащим голосом достоверное подобие возмущения и изумления – Махит подозревала, что примерно эти чувства Три Саргасс и переживала, просто *выразила* только ради конкретной цели. Какие бы там ни были у Три Саргасс бездонные недра эмоций,

выражала она их *всегда* по делу либо вентилировала в яркой истерике. Махит уставала от самой только мысли о том, как асекрета владеет собой.

Еще она могла уставать потому, что провела на ногах почти тридцать два часа. Сон стал невообразимой роскошью для тех, у кого нет мертвецов в апартаментах. Ее хотя бы не собирались арестовывать. Солнечные отвлеклись от нее всем отрядом – или просто ей *поверили*: она вернулась домой, на нее набросился человек и в последовавшей борьбе погиб от собственного оружия. Нет, Махит никогда не видела ничего похожего на эту иголку. Нет, она не знает, как убийца проник внутрь. Нет, она не знает, кто его подослал, но в эти смутные времена возможностей море.

Она не солгала *ни разу*. И ей поверили.

Искандр снова пропал, но *по-другому*; в течение всего допроса ладони и пятки Махит кололо так, словно конечности освежевали и поместили в мерцающее электрическое пламя – они стали бесчувственными, но не совсем. То же самое начиналось перед проблесками воспоминаний имаго, но теперь – без конца и без сопутствующих видений. Повреждение периферийных нервов – но она же ничего не повреждала. Если только имаго-аппарат под затылком не вредил ей прямо сейчас, пока она отвечала на вопросы на тейкскалаанском, невыразительно, спокойно. Место, где должен быть Искандр, казалось пустым пузырем, выдранным зубом. Полость, которую можно мысленно прощупать. Слишком надавишь – и возвращается головокружение. Она пыталась перестать. Обморок сейчас совсем ни к чему.

– Патриций первого класса Двенадцать Азалия, – сказал один из Солнечных, развернувшись к нему, будто на подшипниках, напоминая робота, – что привело вас в апартаменты посла Дзмаре так рано утром?

А. Возможно, ей все-таки не поверили; возможно, они просто действуют тонко. Воспользуются Двенадцать Азалией, чтобы расколоть ее байку, словно вакуумную изоляцию семени-челнока, и выпустить наружу весь защитный воздух.

– Госпожа посол просила о встрече, – сказал Двенадцать Азалия, и *это* совсем не помогло.

– Просила, – перебила Махит. – Я хотела встретиться с Двенадцать Азалией за завтраком, чтобы обсудить… – Она поискала что-нибудь совершенно неподозрительное. Вариантов было маловато. – …запросы лселских граждан в министерство информации за время отсутствия действующего посла.

Вот.

Если золотой щиток на лице мог выражать скептицизм поднятой брови, то это она сейчас и видела.

– Похоже, вопрос чрезвычайно срочный, раз его надо обсуждать до начала рабочего дня.

– И у меня, и у патриция очень загруженный график. Завтрак нас устраивал. По крайней мере, пока на меня не напали, – резко ответила Махит. Чувствуя себя при этом так, словно ее сейчас вытряхнет из собственной кожи. Неврологический пожар и отдаленная переливающаяся дрожь из-за депривации сна. Она улыбнулась по-станционному и гадала, поморщился Солнечный под щитком или нет. Показала все зубы. Как скелет.

– Что с вашим костюмом, Двенадцать Азалия? – елейно поинтересовался другой Солнечный. – Кажется, будто вы побывали в водоеме.

Махит уже видела, как краснеют тейкскалаанцы, но не так мастерски, как это удалось Двенадцать Азалии: расползающийся темный румянец стыда под гладкой коричневой кожей.

– Это очень… я нервничал, из-за демонстраций… я споткнулся, – сказал он. – Упал в *пруд*, как пьяница; а возвращаться домой уже было поздно, я бы пропустил встречу…

– Вы в порядке? – спросил Солнечный.

– Не считая урон моей чести…

– Разумеется.

Три Саргасс, свернувшаяся в уголке дивана и подтянувшая под себя ноги, спросила:

– Вы уберете тело? На него тяжело смотреть, – голос все еще дрожал, словно она с трудом держала себя под контролем; Махит задумалась, а спала ли *асекрета*, не считая того короткого момента, когда она застала ее дремлющей перед императорским залом для аудиенций. Вряд ли.

Всего неделя с тех пор, как Махит прибыла в Город, и сколько разрушений она уже принесла. По крайней мере, Три Саргасс. (Пятнадцать Двигателю… *Искандру*…) Хотелось что-то *сделать*. Надавить, чтобы хоть что-то прогнулось по ее желанию.

– Уже второй раз за неделю моя жизнь оказалась под угрозой, – сказала Махит. – Тут и взрыв, и общее состояние вашего Города при подготовке к войне… – Она многозначительно вздохнула. Политические волнения – это так безвкусно. – Я решила – лучше провести встречу у себя в апартаментах, чем там, где нам могли бы помешать, и сами взгляните, *что* случилось.

Все трое Солнечных посмотрели на нее. Она уставилась в их пустые ложные лица, выставив подбородок.

– Мы бы хотели напомнить госпоже послу, – сказали они все трое сразу, странным хором, и «не Город ли они, не тот ли самый ИИ, который управляет стенами, освещением и дверями, не подчиняются ли они алгоритму министерства науки», – что

яотлек Один Молния предлагал вам свою *личную* защиту. И вы отказались.

– Намекаете, что этой неприятности не случилось бы, если бы посол согласилась? – вклинилась Три Саргасс. – Потому что это *поразительное* предположение из уст имперской полиции.

Они повернулись – плавно, без трения – и сосредоточились на Три Саргасс. Она подняла брови, расширила глаза, показывая белки – так и *напрашиваясь*.

– Чтобы выдвигать подобные формальные обвинения, – сказал один совершенно ровным голосом, – существуют конкретные процедуры, асекрета Три Саргасс. Хотите к ним прибегнуть? Мы к вашим услугам, как к услугам *любого* гражданина империи.

А это, подумала Махит, уже собственно угроза; не такая прямая, но не менее хищная.

– Возможно, я назначу по этому поводу прием в Юстиции, – сказала Три Саргасс. Ее выражение ни на йоту не изменилось. – Здесь мы закончили? Вы уберете несчастного с ковра?

– Это место преступления, – сказал Солнечный. – Весь квартирный комплекс. Мы предлагаем госпоже послу найти на время следствия альтернативное место для проживания. Учитывая утренние новости, уверены, у нее широкий выбор.

Махит глянула через плечо Солнечного на Двенадцать Азалию – он единственный из них троих мог видеть этим утром новостные трансляции, – но он только пожал плечами. Она не знала, что пропустила. Может, просто журналистское расследование о неприглядной связи лселского посла с эзуазуакатом Девятнадцать Тесло.

– Когда можно ожидать разрешения войти в мои собственные апартаменты? – справилась она. Все еще выдерживая вежливый тон, хотя и язвительный; здесь *все* на нервах – и она, и ее посредница, и Солнечные.

Один из них пожал плечами – на удивление эмоциональный жест. В больших мышцах на спине Махит промелькнул неврологический призрак Искандра – он пожимал плечами точно *так же*: картинно, безразлично, всеми руками целиком (так здесь он или *нет*? Как же хотелось понимать хотя бы приблизительно).

– Когда закончится следствие, – сказал Солнечный. – Сейчас вы, конечно, свободны. Мы понимаем, что смерть была случайной.

Значит, не арестовывают за убийство. Просто снова изгоняют – в этот раз из ее собственных апартаментов, с дипломатической территории Лсела…

Имаго-аппарат при ней, надежно спрятан в рубашке, но чего у

нее нет, так это *почты*. А в почте – инструкции, которые могли поступить со Лсела. Инструкции для *нее*, а не для мертвого Искандра с предостережениями о ней. Инструкции, которые берут в расчет проблемы *живого* лселского посла. Она обернулась к Три Саргасс и Двенадцати Азалии, сама пожала плечами – по-своему, не подражая тейкскалаанцам – и сказала:

– Не будем мешать офицерам…

Если бы только можно было просто забрать корзинку с инфокартами у дверей. Там *лежало* коммюнике со Лсела – что-то на *пластипленке*, как всегда печатали приказы на родине, но свернутой в цилиндр, словно курьер пытался придать сообщению вид инфокарт-стика.

По дороге на выход она провела рукой по миске, зажав цилиндр в ладони.

– Госпожа посол, – неодобрительно сказал один из Солнечных. – Не переживайте, мы не вскроем вашу почту. У нас нет такого права.

Но если б было, то вскрыли бы обязательно, не сомневалась Махит. Словно пристыженная, она оставила настоящие стики в миске и улыбнулась *всеми* зубами, не переживая насчет вежливости.

– Уж постарайтесь, – сказала она, а потом дверь, которая должна была ее охранять, задвинулась у них троих за спинами, и они оказались в Городе – одни, безо всякого убежища.

– Я так делала, когда сидела всю ночь в библиотеке и не успевала домой до начала лекций, – сказала Три Саргасс. Она протянула Махит чашечку с мороженым, купленным в фургоне под раскидистым деревом с красными листьями.

– Не верь, – сказал Двенадцать Азалия. – Она ела мороженое в садах после того, как всю ночь шаталась по *клубам*.

– Неужели? – Махит зачерпнула мороженое прилагавшейся одноразовой пластмассовой ложкой – оно было густым и гладким, из сливок, недавно полученных от млекопитающего, и Махит не хотелось спрашивать, какого именно. Если поворачивать ложку на раннем утреннем свете, мороженое отливало бледными золотыми и зелеными оттенками. Чувствуя себя так, словно завершает ритуал, она спросила:

– Я отравлюсь?

– Оно из зеленого косточкового фрукта, сливок, прессового масла и сахара, – ответила Три Саргасс. – Последние два продукта, уверена, есть и у вас на Лселе, а первыми – еще раз – мы *детей кормим*. Все будет хорошо, если только у тебя нет аллергии на лактозу.

Лактозу Махит знала в основном в виде сухого молока, но оно проблем никогда не вызывало. Она отправила ложку в рот. Шокирующая приторность растворялась в многогранный несладкий вкус – *зеленый* вкус, насыщенный, обволакивающий язык. Зачерпнула еще, облизала ложку. Она ела впервые с тех пор, как ее чуть не прикончил ядовитый цветок – *первое* покушение на убийство за вчерашний вечер, что вообще с ней *творится*, – и теперь так и чувствовалось, как сахар в крови выбирается из той пропасти, куда она его загнала. Изгнание в Городе начинало казаться не столь уж неподъемным.

Три Саргасс привела всех троих на лужайку – подстриженный пригорок, поросший иссиня-зеленой травой безо всякого запаха, в окружении тех же самых краснолистных деревьев, что едва ли не мели по земле ветками. Не сад, а крошечный самоцвет – одна из поблескивающих граней Жемчужины Мира. Не беспокоясь за костюм – все равно мятый, и пятна от травы асекрету, видимо, уже не пугали, – Три Саргасс села и принялась за свое мороженое с решительным и сосредоточенным выражением.

– И не знаю, почему я еще с вами, – Двенадцать Азалия шлепнулся на траву. – *Меня-то* Солнечные не выгоняли из квартиры.

– Солидарность, – сказала Три Саргасс. – И твоя известная неспособность не совать свой нос в чужие дела.

– С такими неприятностями, Травинка, мы еще не сталкивались никогда в жизни.

– Да, – весело ответила Три Саргасс.

– Это… было *странно*, да? – спросила Махит. Она все перебирала в мыслях события. С какой легкостью они убедили Солнечных в том, что это самозащита. Не такая уж завуалированная угроза, намек, что если бы она поступила под опеку Один Молнии в министерстве войны – в Шести Раскинутых Ладонях, – то ничего не случилось бы. – Что они нас… отпустили просто так. Выгнали из апартаментов и не просили дождаться допроса в каком-нибудь полицейском участке. Несмотря на уровень угрозы, которой мы явно подвергаемся.

– То, что нас отпустили, само по себе не так уж необычно, – сказала Три Саргасс. – Не знаю, как принимают решение о самообороне на твоей станции, но мы склонны относиться к тому, кто о ней заявляет, с презумпцией невиновности.

– А странно то, как Солнечный намекнул, что тебе не пришлось бы совершать убийство при самообороне, если бы ты пошла в министерство войны, – добавил Двенадцать Азалия, широко пожимая плечами. – Или с чего Травинка решила, что им стоит угрожать в ответ.

Махит облизала ложку, смакуя остатки этого зеленого вкуса. Когда ложка засияла, она спросила, подбирая слова аккуратно как никогда:

– Кому служат Солнечные?

– Городу, – одновременно ответили асекреты. Дежурный ответ, *выученный* ответ – ответ из тейкскалаанского мироощущения.

– А кто ими *командует?* – продолжала Махит.

– Никто, – сказала Три Саргасс. – Вообще никто, в этом и суть: они отвечают перед ИИ Города – центральным алгоритмом, который следит…

– Как метро, – добавил Двенадцать Азалия. – Они – Город, так что в первую очередь служат императору.

Махит помолчала, нащупывая края вопроса, правильную формулировку.

– Алгоритм метро написал Десять Перл, – начала она, вспоминая ту сцену из проблеска имаго, как Десять Перл заслужил свое место: «непогрешимый алгоритм».

– Десять Перл не контролирует Солнечных, – сказал Двенадцать Азалия. – Они – люди.

– Люди, которые реагируют на потребности Города, – медленно, обдумывая идею, сказала Три Саргасс. – Люди, которые отправляются туда, куда их пошлет Город, – а вот центральным ИИ, полагаю, *действительно* управляет Наука…

– Кто контролирует Шесть Раскинутых Ладоней? – перебила Махит.

– Министр войны – Девять Тяга. Она новенькая – меньше трех лет в Городе, – но у нее *безупречный* послужной список во флоте. Просто-таки раздражающе безупречный; мне однажды довелось почитать о ней в базе данных Информации.

– Три Саргасс, – сказала Махит, – а может министр войны поменять то, что *имеется в виду* под нуждами Города? Для… ну, для чего угодно.

– Какое вкусное и ужасное допущение, Махит, – ответила Три Саргасс с утомленной елейностью. – Намекаешь на заговор двух министерств нашего лучезарного императора по захвату *полиции?*

– Не знаю, – сказала Махит. – Но это *одно* из правдоподобных объяснений утренних событий.

– «Правдоподобное» – еще не значит «вероятное», – сказал Двенадцать Азалия. Говорил он оскорбленно. Потревоженный такой идеей. А идея действительно тревожная. Махит его понимала. Она не могла представить, *зачем* это Войне, даже если это возможно. И не очень-то хотелось, чтобы это было возможно.

«Сколько глаз Города за нами сейчас наблюдает?»

– Обсуди пока все с послом, Лепесток, я *спать*, – сказала Три Саргасс.

– Спать? – изумленно переспросила Махит.

Три Саргасс, доев мороженое, ответила тем, что сняла камзол, легла в траве на живот и положила лоб на скрещенные руки. Приглушенно сказала в землю:

– Я не спала тридцать девять часов. У меня серьезно подорвано критическое мышление, как и у тебя. Я не представляю, что делать с твоими машинами бессмертия, возможным сговором Науки и Войны, войной в целом, тем, что члены моего правительства хотят тебя убить, против чего я решительно настроена как по профессиональным, так и по личным причинам, и ты мне так и не рассказала, что тебе говорил император…

– Ты общалась с его лучезарным величеством? – ошарашенно переспросил Двенадцать Азалия в тот же момент, когда Махит переспрашивала:

– По *личным* причинам?

Три Саргасс прыснула.

– Я – спать, – повторила она. – Разговаривай с Лепестком или сама ложись – мы похожи на загулявших стажеров-асекрет, в саду Востока-Четыре нас никто не потревожит, а уж когда я проснусь… придумаю какой-нибудь там план, – она закрыла глаза. Махит видела, как она обмякла, – глупо было сомневаться, что она не притворяется.

– Когда вы учились, она была такой же? – спросила Махит, совершенно обессиленная.

– Ну… несколько менее устрашающая версия, да, – сказал Двенадцать Азалия. – Так ты правда побывала на аудиенции с Шесть Путем?

«Восемьдесят лет мира», – сказал на этой аудиенции император. Сказал с таким пылом, с таким неприкрытым *желанием*. Восемьдесят лет чиновники чувствовали себя в такой невероятной безопасности, что сон на лужайке казался им предпочтительней поиска политического убежища. Широкий купол неба был таким синим и таким бесконечным, а Махит под ним чувствовала себя такой маленькой. Ей никогда не привыкнуть к безграничности планет, даже если эта планета по большей части – город.

– Да, – сказала она. – Побывала. Но сейчас рассказать об этом не могу.

– А сколько *ты* уже на ногах?

– Наверное, столько же, сколько она.

А то и дольше. Махит сбилась со счета. Это звоночек. Пальцы

все еще покалывало, они почти онемели. Впервые она задумалась, вдруг это останется *навсегда*; вдруг это неизлечимое повреждение. Вдруг впредь все, чего она коснется, будет казаться на ощупь только слабым электрическим огнем.

Можно ли привыкнуть жить с этим? Она сомневалась, что сможет. Резко ощутила, что еще чуть-чуть – и разрыдается.

Двенадцать Азалия вздохнул.

– Как мне ни больно признавать, но Травинка права. Приляг. Закрой глаза. Я… посторожу.

– Ты не обязан, – ответила Махит из-за какого-то порыва защитить хотя бы *одного* человека от кошмара, в который превращалось все, чего касалась ассоциация с Искандром.

– Я уже осквернил для тебя труп, а теперь заговорил, как в плохой голосерии «Девяносто Сплав». Ложись *спать*.

Махит легла. Она словно сдавалась. Трава была на удивление удобная, опьяняюще теплым ложился на кожу солнечный свет. Ребрами чувствовались бугорки прижавшихся имаго-аппарата Искандра и лселского сообщения.

– Что такое «Девяносто Сплав»?

– Военная пропаганда с удивительно цепляющим романтическим сюжетом, – сказал Двенадцать Азалия. – Там вечно кто-то говорит, что посторожит. Потом все обычно умирают.

– Найди другой жанр для цитат, – сказала Махит и тут обнаружила, что проваливается в бессознательность – легко, просто, темнота под веками раскрывается, словно мягкое утешение свободного падения.

Долго проспать не получилось, несмотря на всю усталость. Со временем сад наполнился тейкскалаанцами, они носились, кричали, с воодушевлением покупали мороженое и странные завтраки из свернутых блинчиков. Казалось, никого не волнуют массовые беспорядки или внутренний терроризм. Они просто *молоды* и счастливы, и всюду разливались солнечный свет и смеющиеся голоса на таких тейкскалаанских диалектах, каких Махит не знала и знать не хотела. (Другая жизнь. Другая жизнь, в которой она прилетела сюда одна, безо всякого имаго, и – училась, писала стихи, запоминала ритмы речи, о которых не пишут в учебниках. Другая жизнь – но иногда стенки между жизнями кажутся такими *тонкими*.) Скоро Махит не могла даже притворяться, что спит, так что перестала жмуриться и села. На локтях от сине-зеленой травы остались пятна. Покалывающая боль в нервах унялась, но еще оставалась на заднем плане, отвлекала, напоминала о себе за болью от раненой руки.

Три Саргасс и Двенадцать Азалия тихо переговаривались, склонившись над инфолистом; из-за их расслабленной фамильярности Махит почувствовала себя омерзительно одиноко. Она скучала по Искандру. *Скучала*, даже когда злилась, а злилась она на него почти все время.

– Который час? – спросила она.

– Полдень, – сказала Три Саргасс. – Иди сюда, тебе стоит взглянуть.

Рядом с Три Саргасс лежала стопка новостей: целая пачка брошюр и инфолистов из пластипленки – широкие прозрачные страницы из складывающегося пластика, покрытые глифами. Сверху, похоже, были рассерженная университетская брошюра об ужасах, которые натворили в системе Одилия не в меру усердствующие имперские легионы; реклама билетов по скидкам на гандбол провинциальных команд – Махит их не узнала, но фанатов у них явно хватало; и сборник новых стихов – одновременно очень скверных по метрике и очень восторженных насчет Один Молнии. Махит снова задумалась о тех, кто так блаженно носился по саду. «*Загулявшие* стажеры-асекреты», – сказала Три Саргасс. Университетские студенты. Здесь молодежь чувствовала себя в безопасности – настолько, что позволяла себе легкий радикализм. Раздавала брошюры почти о чем угодно и не переживала насчет цензурных ведомств. Кто станет цензурировать детишек, которые учатся на слуг империи?

В руках Двенадцать Азалии, похоже, был новостной инфолист – статьи, иллюстрации, заголовки. Асекрета провел по нему пальцами, и текст сдвинулся: он словно держал прозрачное окно, сделанное из новостей. Махит заприметила в нижнем левом углу значок «Обратите внимание!»: свое имя тейкскалаанскими глифами, в неуклюжем силлабическом написании. «ЛСЕЛСКИЙ ПОСОЛ НАХОДИТ ВЫСОКОПОСТАВЛЕННЫХ ДРУЗЕЙ» – было написано там. «Новый посол с далекого Лсела так же близок со светозарным императором, как и прежний? Судя по фотографиям – ДА! В последний раз ее видели в обществе эзуазуаката Девятнадцать Тесло, когда она входила во Дворец-Земля в ПОЛНОЧЬ…»

– Восхитительно, – сказала Махит. – Сплетни.

– Не *это*, – сказала Три Саргасс. – Это еще ладно. Даже на пользу твоему… бренду. Посмотри на заголовок – вот что я хотела показать.

«СОИМПЕРАТОР ВОСЕМЬ ВИТОК ДЕЛАЕТ ЗАЯВЛЕНИЕ О НЕЛЕГИТИМНОСТИ ЗАХВАТНИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ», – гласили глифы.

– Хм, – сказала Махит. – Дай-ка? С этой стороны я и не

ожидала публичного возмущения…

Двенадцать Азалия отдал лист. Махит дочитала: заявление Восемь Виток было коротким, усеяно непроницаемыми отсылками к тейкскалаанским прецедентам и составлено в виде нерифмующегося политического стиха, чего и следовало ожидать, учитывая, что автор – глава Юстиции; но через некоторое время Махит все-таки разобралась, к чему клонит Восемь Виток.

Хотя право объявления войны целиком принадлежало императору (естественно), войну за *расширение* по закону требовалось «начинать в атмосфере идеальной безмятежности», то есть – если Махит правильно понимала канцелярский язык, – когда Тейкскалаану ничто не *угрожает* и можно спокойно отправлять флот на завоевания.

– На какую угрозу она намекает? – спросила Махит. – И почему она теперь заявляет, будто Шесть Путь не *компетентен* для ведения войны? Разве они не росли вместе?

«Разве они не союзники?»

Три Саргасс пожала плечами, но с таким видом, будто ей вручили любимый подарок: головоломку.

– Она не говорит *прямым текстом*, что для благополучия империи существует открытая угроза, – хотя слухи, будто в этом году какие-нибудь инопланетяне вторгнутся в человеческий космос, ходят всегда. Она просто говорит, что его сиятельство не доказал, что угрозы *нет*. Не то чтобы осуждение его оплошности, а скорее намек, что он забыл о чем-то важном, о чем стоило бы подумать. Будто он больше непригоден для управления, раз не помнит о таких вещах…

– Не нравится мне это, – добавил Двенадцать Азалия. – Как-то это коварно.

И правда коварно.

– Это она послала за мной, – сказала Махит. – Вот вам еще факт. Это Восемь Виток затребовала нового лселского посла, как только умер Искандр.

– Был *убит*; все нормально, мы в курсе, – сказала Три Саргасс.

– Убит, – согласилась Махит. – Но, так или иначе, послала за мной *она*, а теперь начала вот это, и я хочу повидаться с ней лично.

Три Саргасс хлопнула в ладоши.

– Ну, – сказала она. – До приема в министерстве науки – а он завтра – нас больше *нигде* не ждут. Раз нельзя вернуться к тебе в апартаменты и раз ты вряд ли торопишься снова просить помощи у эзуазуаката…

– Пока не найдется причина получше, чем душ и настоящая

кровать, – сказала Махит. – К вечеру, впрочем, я могу и передумать.

– Тогда почему бы не отправиться прямиком в офис Восемь Виток?

– Мы спали в саду, а теперь вторгаемся в Юстицию? – жалобно спросил Двенадцать Азалия.

– Ты можешь идти домой, Лепесток, – сказала Три Саргасс. С той же интонацией, что была и в намеке Восемь Виток: «Можешь идти домой, но тогда ты нас подведешь».

Двенадцать Азалия встал, отряхнул свой несчастный костюм.

– О нет. Это нельзя пропускать. Даже если там меня начнет допрашивать Туман, зачем я лазил в морг. А может, они даже и не знают, что это был *я*.

* * *

Видок у них был еще тот, подозревала Махит: два чиновника из министерства информации и варварка, все помятые и в зеленых пятнах; одна – с длинной прорехой на рукаве после борьбы с жуткой иглой Одиннадцать Ели (то есть она) и один – с такой внешностью, будто прятался в пруду, где, собственно, и прятался (Двенадцать Азалия); только Три Саргасс носила свою растрепанность так, словно это последний писк придворной моды. Тем не менее на пути в Юстицию они не встречали сопротивления: двери перед привязкой Двенадцать Азалии открывались по-прежнему, а это подсказывало, что, даже если к нему приставлен какой-то отряд следователей из Юстиции, приходить ему не запрещено, а министерские чиновники тайком приглядывали за ними, пока Три Саргасс преодолевала препоны бюрократии, отделяющие Восемь Виток от любой вваливающейся с улицы помехи.

Бюрократия расступалась перед Три Саргасс, будто облученная пластмасса, гнилая и податливая под нажатием. Было в этом *что-то неладное;* слишком быстро они поднимались по огромной башне-игле Юстиции.

Махит хотела озвучить свое растущее подозрение, что Три Саргасс заводит их в западню. Но если сказать, возможно, тут-то западня и захлопнет пасть с игольчатыми, как тысяча башен Юстиции, зубами…

Могло быть и так, что все это время Восемь Виток дожидалась ее. (На это и намекала Девятнадцать Тесло, когда подсказала Махит поискать, кто за ней, собственно, посылал. Но Махит нельзя просто перенимать чужие рассуждения.)

Через последние этажи в личный офис Восемь Виток их доставил лифт: маленькая и полупрозрачная капсула из красного кристалла. Внутри как будто стояла наэлектризованная тишина. Махит поймала себя на том, что глазеет, как свет ложится на лицо Три Саргасс, превращая теплый коричневый цвет кожи в багровый, словно та окунулась в кровь.

– Слишком все просто, – сказала она.

Три Саргасс откинула голову, повела плечами.

– Знаю.

– И все же мы едем в лифте…

– Могу попросить Лепестка нажать на кнопку аварийной остановки, но уже поздно идти на попятный, Махит.

– Очевидно, Восемь Виток сама хочет провести эту встречу, – сказал Двенадцать Азалия. – И мы хотим. Не вижу причин для беспокойства.

– В конце концов, – добавила Три Саргасс сухо, отрешенно и слегка горестно, – иногда для разнообразия приходится делать то, что от тебя хотят другие.

Внутренняя частичка, настроенная на тейкскалаанские двойные смыслы, аллюзии, отсылки и тайные мотивы, – та частичка, благодаря которой Махит, если честно, и была хорошим политиком, почему ее тест на способности и показал «дипломатия» и «переговоры» и выявил «зеленую, зеленую, зеленую» совместимость с Искандром, – эта жестокая частичка предположила, что, вполне возможно, все это время Три Саргасс работала на Восемь Виток. Раз она так настаивала, чтобы Махит пришла на встречу…

«А что это меняет?»

Должно бы что-то менять. Но не меняло. Да и уже поздно. Двери лифта открылись.

Офис Восемь Виток ничем не напоминал белую кварцевую безмятежность кабинета Девятнадцать Тесло; несмотря на расположение на самой верхушке башни Юстиции, он казался замкнутым, почти клаустрофобным. Пять стен скрывались под инфокартами и кодексами, стоящими на полках в два ряда. Окна – в центре каждой стены-грани находилось окно – закрывались тяжелыми матерчатыми шторами. Из-под них пробирался дневной свет, но не дальше дюйма. Посреди комнаты, словно центральное ядро ИИ – медленно бьющееся сердце в гнезде из информационных кабелей, – восседала сама Восемь Виток: дама в годах за рабочим столом, под прозрачной дугой голоэкранов. Все они были повернуты к ней; изображения подавали Восемь Виток, а не гостям, десяток видов Города с камер, документы с глифами и, как показалось Махит, двухмерную звездную карту.

– Доброе утро, госпожа посол, – сказала Восемь Виток. – Асекреты.

Махит склонилась над руками, сложив пальцы в треугольник.

– Доброе утро. Благодарю, что согласились нас принять.

В выражении Восемь Виток не изменилось ничего: неподвижна, как статуя, черные пустые глаза не выдавали ни интереса, ни беспокойства.

– Это экономит время, – ответила она. – То, что вы пришли сами.

– Я проделала очень долгий путь, как выяснилось, по вашему приказу, – сказала Махит. От притворства толку не было; она пришла, чтобы спросить «зачем». Зачем Восемь Виток действовала с такой срочностью два месяца назад, когда умер Искандр; зачем ей вообще понадобился лселский посол.

– Ценю расторопность, с которой Лсел ответил на мою просьбу, – сказала Восемь Виток. – Это замечательно; в будущем подобное сотрудничество пойдет вашему народу только на пользу. Советую придерживаться его и впредь.

Это звучало пренебрежительно. «Нет, вы мне все-таки не нужны, идите и присматривайте за вступлением Лсела в тейкскалаанский космос, как послушная варварка». За *поглощением* станции империей. «Сотрудничайте дальше». Махит ведь только прибыла. Что она сделала – или не сделала – за свою неделю при дворе, раз стала бесполезной для Восемь Виток? Хотя ранее так сильно требовалась будущей соимператрице?

Или требовалась вовсе не она, а Искандр – или вообще *любой* станционник, кто угодно с имаго-аппаратом, который можно *забрать* для собственного пользования: Восемь Виток – яслирод императора, и если она знала о предложении Искандра поддерживать жизнь Шесть Пути, то новый посол понадобился бы ей *в срочном порядке*, какой угодно – главное, чтобы он мог добыть имаго-аппарат. Или чтобы имаго-аппарат можно было добыть из него.

Гнев нахлынул на Махит, как далекая и огромная волна. Ее пронизал ледяной холод.

– Ваше заявление для утренних новостей, – начала она, к собственному удивлению, – предполагало, что вы не поддерживаете захват Лсела. Или захваты в целом. Даже наоборот; и мне довольно обидно такое отношение к мнению его сиятельства…

– Махит, – предупредительно сказала Три Саргасс.

– Не переживайте из-за неприличия вашей подопечной, асекрета, – сказала Восемь Виток. – Ее замешательство объяснимо.

– Вы *затребовали посла*, – сказала Махит. – Я бы хотела знать зачем. И что я могу для вас сделать, кроме скромного сотрудничества.

Все еще совершенно невыносимо спокойная Восемь Виток раздвинула руки на столешнице. Ее костяшки были морщинистыми, распухшими; Махит не представляла, чтобы она могла взять в руку стилус.

– За два месяца, которые ушли на ваш путь, госпожа посол, ситуация изменилась. Мне жаль, если вы надеялись, будто я приберегла для вас какую-то особую просьбу. Боюсь, при нынешних обстоятельствах ее нет.

Беспомощная, владея собой еще хуже обычного – хуже, чем когда убивала человека у себя в апартаментах, хуже, чем когда чувствовала, как под прикосновением руки Шесть Пути нейрохимия Искандра зажигает фейерверки, – Махит спросила:

– Что вы от меня *хотите?*

Жалобно. Отчаянно, как брошенный ребенок. Внезапно почувствовала на талии руку Три Саргасс, как ее пальцы прижались к спине, и тогда осознала, *что* сказала, и закрыла рот.

– Возвращайтесь к *работе*, госпожа посол, – сказала Восемь Виток. – Ее у вас будет в достатке вне зависимости от того, кто сидит на солнечном троне или стоит за ним. Вне зависимости, получится ли у Шесть Пути устроить свою войну и отослать Один Молнию подальше; или получится устроить войну, но не отослать; или не получится ничего. Или направить войска в сектор, который вас не волнует. Работа для посла со станции Лсел будет всегда. Этого достаточно для любого гражданина; должно быть достаточно и для вас.

Позади открылись двери лифта. Попятившись в них, Махит чувствовала себя так, будто спотыкается, с трудом держится на ногах; в тесной красной каморке во время спуска она слышала только собственное грубое дыхание.

Что она *упустила?* Что изменилось? Почему Восемь Виток сперва искала человека с доступом к имаго-аппаратам, если она вообще хотела от лселского посла именно этого – но что *еще* есть *особенного* в станционниках? – а потом решила, что в этом нет никакого смысла?

Глядя на окрашенные красным светом и тревогой лица Три Саргасс и Двенадцать Азалии, она думала, что трех часов сна в саду было маловато; она в *панике*, она *одинока*, она хотела… она хотела вернуть Искандра, того, кто может поддержать посреди огромного механизма Тейкскалаана.

* * *

Махит сидела на каменной скамье перед Юстицией, уткнувшись лицом в ладони, и слушала, как поверх нее разговаривают асекреты.

– … в ее апартаменты возвращаться нельзя…

– Я знаю, что *ты* можешь целыми днями жить на стимуляторах и наглости, Травинка, но некоторые из нас все-таки люди…

– Я не говорю, что она не человек, – прошу, не оскорбляй меня *или* ее намеком, будто я не считаю ее таким же человеком, как гражданина…

– Да не намекаю я ни на что, мать твою. Может, и ты уже *не держишься* на чае, своих тщеславных амбициях и честном слове, а потеряла контроль хуже нее…

– У тебя есть *предложения* или просто собираешься дальше меня оскорблять?

Двенадцать Азалия сел на скамье рядом с Махит. Она не подняла голову. Поднимать голову или вмешиваться было слишком трудоемко.

– Пойдем ко мне, – сказал он тяжело. – Все равно я уже влез по уши, я есть с вами на всех записях Города за последние шесть часов, потерял *все* возможности отпираться. Давайте уж теряйте и вы.

Долгая пауза. Махит следила, как солнечный свет ползет по плитке на площади, как плитка в нем колеблется.

– Какая благородная жертва, – наконец сказала Три Саргасс. Остро. Бросая вызов.

– Представь, что я хочу *помочь*, – ответил Двенадцать Азалия. – Представь, что ты мне *нравишься*, Травинка, представь, что я твой друг.

Вздох. Махит вспомнилось, что вода тоже зыбится, что с точки зрения физики вода и свет движутся одинаково. Волнами.

– Ладно, – сказала Три Саргасс. – Ладно, но если у тебя в квартире убийцы, то я бросаю все, иду во флот и улетаю с планеты. Там не настолько *вредная рабочая обстановка*.

Двенадцать Азалия не то чтобы рассмеялся – получилось как-то слишком придушенно.

Его квартира находилась дальше от дворцового комплекса, чем до этого заезжала Махит, – сорокаминутный переезд, сказал он, но не у всех в министерстве информации такие славные бонусы, как у Травинки, *кому-то* приходится платить за квартиру из собственной зарплаты. Махит казалось, он говорит только для того, чтобы говорить, чтобы слышать от себя что-то нормальное.

В стороне от дворца и центральных районов Город сменял

тональность – много магазинов поменьше размером, с акцентом на еду, которую готовят, пока клиент ждет, или на органику, импортированную издалека, с другого континента или другой планеты, на ремесленные товары – все одноразовое и сделано по подобию какого-то эталона. Махит ожидала, что прохожие будут на них глазеть – варварка и два асекреты, все растрепанные, на пути в спальный район, – но на здешних улицах не они были источником напряжения. С этим тейкскалаанцы справлялись и сами.

Сперва показалось, что на улицах просто *маловато людей*, что все население района Двенадцати Азалии где-то на работе или просто ниже по численности, чем можно подумать из-за высоких зданий в виде цветов; но то, как менялось от расслабленной безмятежности к озадаченности и растущему страху выражение лица Двенадцать Азалии, мигом перечеркнуло *этот* вариант. Что-то явно случилось. Воздух словно наэлектризовался – психологический отголосок ее ощущений после взрыва в ресторане. Она плелась за Двенадцать Азалией. Даже не могла вспомнить, когда она в последний раз настолько уставала.

– Лучше пойти другой улицей, Лепесток, – отрывисто бросила Три Саргасс. – На этой демонстрация.

– Я *живу* на этой улице.

Махит подняла глаза. Пропавшее население собралось в текучей массе, перехлестывающейся с тротуаров на проезжую часть. Мужчины, женщины, с детьми, с плакатами и фиолетовыми растяжками. Лица – по-тейкскалаански неподвижные, непроницаемые, решительные. Даже дети не шумели. Тишина казалась опаснее шума. Казалась *чреватой*.

– Они не за Один Молнию, – сказала Махит. – Если только народная аккламация за прошедшие три дня не стала тише.

– Сквозь народную аккламацию пройти просто, – ответила Три Саргасс, – если можешь притвориться, что тебе нравится рифмованная галиматья, и кричать любые аллитерации со словом «яотлек»…

– А это *политика*, и я правда не ожидал такого от своего района.

– А стоило бы, Лепесток, – сказала обреченно Три Саргасс. – Никогда не смотрел на местную демографию? Ты переехал в торговый сектор, все эти люди…

– … за Тридцать Шпорника, у них его цветы, – вклинилась Махит. Они остановились. Демонстрация надвигалась, медленно нарастая, словно плесень. Люди шли вместе, наползали. Махит узнала стихотворный отрывок с одного из плакатов: «Чему нет

конца: звездные карты, отбытия / Изгиб нерожденных лепестков хранит пустоту».

Строки Девять Маиса, которые нарушили радужный настрой на конкурсе поэтов.

– Да, – согласилась Три Саргасс. – Этот район богат только благодаря торговле и производству во внешних провинциях, а значит, им *нравится Тридцать Шпорник*, номинальный наследник императора, и они ждут, когда придут Солнечные и накажут их за измену и *антивоенную* демонстрацию вопреки пожеланиям *нынешнего* императора.

Не более измена, чем заявление Восемь Виток, подумала Махит. Ей казалось, она отчасти догадывается, в чем дело. Между двумя соимператорами что-то произошло – какая-то сделка: Восемь Виток и Тридцать Шпорник договорились.

Похоже, они работали сообща – не только чтобы дискредитировать Один Молнию и его попытку узурпировать императорский трон с помощью народной аккламации, но и чтобы заодно подорвать авторитет действующего императора. Один Молния, который теперь главнокомандующий и полагается ради своей поддержки на войну, подозревается, согласно статье Восемь Виток, в нарушении закона, – а согласно демонстрации сторонников Тридцать Шпорника, нелюбим народом. А что Шесть Путь? Ну, он ошибся, оступился, допустил захватническую войну в *не самые мирные времена*, когда существуют внешние угрозы, будь то из-за таинственных инопланетян или просто из-за нескончаемых волнений в системе Одилии и разожженных после них беспорядков в самом Городе, – он превратно истолковал закон, и эту ошибку не одобряет его собственное мирно настроенное население…

Юстиция и Тридцать Шпорник действуют заодно. Махит почти – *почти* – видела, чего они добивались.

Вот если б она не была такой уставшей.

– До твоей квартиры нельзя дойти через какую-нибудь подворотню, Двенадцать Азалия? – спросила она. – Сегодня я уже насмотрелась на Солнечных, а, кажется, они здесь появятся *скоро*…

Оказалось, что можно. Они понеслись так, будто за ними гонятся.

Глава 13

ЭЗУАЗУАКАТ ТРИДЦАТЬ ШПОРНИК НАЗНАЧАЕТСЯ БУДУЩИМ СОИМПЕРАТОРОМ

В свете многолетних заслуг на службе Его Лучезарного Сиятельства Императора всего Тейкскалаана Шесть Пути эзуазуакат Тридцать Шпорник признается от 09.30, в сей первый день третьего года одиннадцатого индикта, наследником императорского престола, равным по рангу и власти соимператрице Восемь Виток и соимператору Восемь Антидоту; да будут все три соимператора крепки во взаимоотношениях, единодушны в желаниях и правят сплоченно, буде это потребуется.

Императорский указ, размещенный на станции метро «Плаза Центр-Семь», испорчен надписью красной краской из пульверизатора (неголографической) «Один Молния» в центре схематичного тейкскалаанского военного флага; конфискован патрулем Солнечных 249.3.11, предназначен к уничтожению

* * *

Нет никаких причин отказать Тейкскалаану в назначении нового посла, несмотря на то что нам неизвестна судьба Искандра Агавна; нам необходим свой голос в империи, а господин Агавн и до этого момента редко выходил на связь. Я рекомендую провести тщательный тест на способности для добровольцев, а также для молодежи без имаго-линии, но с выдающимися оценками на экзаменах Тейкскалаанской империи, чтобы отобрать нового посла из самых совместимых с имаго-записью Агавна – которая, напомню, у нас *имеется*, хотя и устаревшая.

Внутренняя записка Амнардбат от Культурного наследия – остальному Лселскому совету, публичная информация

Позже Махит вспомнит остаток дня лишь урывками:

отдельные мгновения, обособленные один от другого из-за того, как растягивалось и денатурировалось время под давлением усталости. Первый взгляд на квартиру Двенадцать Азалии, на стены, увешанные картинами – репродукциями вне-Городских произведений масляными и акриловыми красками, тушью; массового производства, зато высокого качества, – и то, как Двенадцать Азалия слегка сконфузился, когда она их похвалила, словно посетители никогда не делали комплиментов его вкусу. Горячие иголки душа и то, что все мыло в Тейкскалаане пахло цветком, который никак не получалось определить – пряным и одновременно чужим и знакомым. Ощущения от свободных штанов и рубашки, которые он одолжил, – из грубого шелка, коротковатых, кончающихся на икрах и предплечьях. Абсурдно ощущение, когда она прилегла на диван, – и то, как все *пропало*, как отключились текстуры и звуки.

Спина вытянувшейся рядом Три Саргасс, прижавшаяся к ее спине. Как она открыла глаза из-за размытого движения на голоэкране – Двенадцать Азалия ел длинными палочками какую-то лапшу из пластиковой коробки, сидя со скрещенными ногами в кресле и глядя цензурированную версию окончания протестов, происходивших прямо у него под окном, – и как послышался далекий звон разбитого стекла, и как она снова *ушла* в свой разум, совсем ненадолго, в то темное пространство, где должен быть Искандр.

Когда она проснулась по-настоящему, было совсем темно. Двенадцать Азалия задремал за столом рядом со своим ужином, уложив голову на руки, пока голоэкран все еще работал с выключенным звуком: движущиеся картинки отбрасывали свет на его лицо. Махит осторожно поднялась с дивана и от Три Саргасс, даже во сне казавшейся бледной, нездорового серого цвета (*оправилась* ли она после неврологического шока? Махит сомневалась), подошла к окну. На улице было тихо. На перекрестке бликовали золотые и пустые лицевые щитки Солнечных. Как минимум четверо на углу в этом тихом спальном районе несут угрожающий дозор.

Бомбы в ресторанах. Демонстрации. А теперь бунты. Если Солнечные действительно в подчинении у Один Молнии, их присутствие – показатель, что яотлек пытается позиционировать себя единственной силой, способной поддержать порядок во все более напряженном климате общественных разброда и шатания. Махит казалось, это умный ход. Был бы еще умнее, если бы Один Молнии не пришлось возглавить завоевательную войну, чтобы доказывать свою пригодность в императоры. И все же неоднократные попытки Солнечных передать ее не императору

или Городу, а *Один Молнии*, демонстрировали более глубокую рану во власти Шесть Пути над Тейкскалааном, чем она ожидала. Как много он уже проиграл?

Она никогда не задумывалась по-настоящему, насколько на самом деле *варварские* – ужасно приятно применять это слово на тейкскалаанском к самим носителям языка – тейкскалаанские мерки успеха. Когда речь не об эпосах или песнях, аккламация – процесс жестокий, не заботившийся о местах и людях, которые падут ради того, чтобы сделать эту аккламацию возможной.

Голоэкран все еще показывал новости. По нижней части экрана бежали ярко-красные глифы, составлявшие очаровательную нескладицу: «Срочно направьте ваше внимание / дальнейшее характеризуется важностью и необычностью / через две минуты на „Восьмом канале!“»

Махит растолкала Двенадцать Азалию, и он резко вернулся в сознание.

– …чего? – сказал он, потирая лицо. – А, ты встала.

– Как менять каналы на голоэкране? – спросила Махит.

– Ээ. А что ты хочешь посмотреть?

– Что там *важного и необычного* на «Восьмом канале».

– «Восьмой канал» – это политика и экономика… погоди… – под привязкой забегал глаз – мелкие движения, – и голоэкран мигнул, изменился.

«Восьмой канал!» – парило в правом верхнем углу, накладываясь на изображение мостика какого-то огромного корабля: блестящее помещение, холодный металл и бледное освещение, титан, сталь и золотой боевой флаг Тейкскалаана на заднем плане, дерзко ощетинившийся лучами-копьями. Перед флагом стоял смуглый человек с грубым лицом, узкими губами и высокими скулами. Грани лица – словно у камня, тяжелого оружия. Форма пестрела от серебра регалий, медалей, почестей и полосок военного звания.

– Один Молния, – сказал Двенадцать Азалия. – Эй, *Травинка*, просыпайся, это не стоит пропускать.

Три Саргасс с трудом оторвалась от дивана. На ее щеке остались вмятины от подушек, но взгляд был пристальный.

– …как можно проспать пропаганду, нет уж, это не в моем стиле, – сказала она.

– Ну совсем не как Одиннадцать Станок, – с теплом сказал Двенадцать Азалия, и внезапно у Махит все *заныло*; как хочется иметь друзей, которые могут вот так поддразнивать. Иметь *друзей*, как на Лселе.

– Цыц, яотлек говорит, сделай погромче, – сказала Три Саргасс.

Яотлек говорил. Голос был громоподобным – не ритор, но человек, чей зычный крик разносится далеко. Махит могла представить себя его солдатом – а на протяжении его речи, твердой, решительной, с нажимом, с большой тревогой, могла представить и то, почему солдаты пойдут за ним, против своей присяги императору.

– Даже здесь, на орбите, после возвращения от успехов в системе Одилии к сердцу вселенной, мой корабль «Двадцать Озаренных Закатов» встречает хаос и неуверенность, что бурлят на улицах Жемчужины Мира, – сказал яотлек, и тот, кто отвечал на «Восьмом канале!» за трансляцию, услужливо начал вставлять съемки протестов. Махит узнала вид за окном Двенадцать Азалии, каким он был несколько часов назад, и спросила себя, где же находились камеры и сколько человек через них наблюдали. Снова вспомнила об алгоритме Города: впервые осознанно задумалась, что ни один алгоритм не свободен от своего создателя. Так не бывает. У алгоритма есть какая-то *цель*, даже если очень давняя, – есть причина, почему его написал человек, пусть алгоритм уже эволюционировал, разросся и преобразился. Город под управлением алгоритма Десять Перла подчинялся первоначальным интересам министра науки. Город под управлением алгоритма и отвечавший пожеланиям тейкскалааннцев не свободен от их желаний – преувеличенных и извращенных программным обучением. (Город под управлением алгоритма Десять Перла может внезапно восстать против любого, на кого укажет Десять Перл, – а если ученый *правда* в сговоре с министерством войны, если министерство войны… подмято Один Молнией и о чем-то *договорилось* с Наукой?)

В новостной трансляции показывали не только одну эту улицу, забитую недовольными тейкскалааннцами. Как выяснялось, эпидемия мирных протестов прошла по всему сектору. И всюду камера неукоснительно вылавливала у множества протестующих фиолетовые бутоньерки.

«Восьмой канал!», «экономика и политика», явно не на довольствии Тридцать Шпорника, решила Махит. Только не с этим акцентом для антипротестной речи Один Молнии, чей голос все раскатывался и продолжал:

– Я и все доблестные слуги Тейкскалаана, с кем я имею честь служить, сопереживаем пожеланиям народа Жемчужины Мира, мечтающего о мире и процветании, – но высоко у вас над головой ясность наших глаз видит то, чего не видите вы. Вашими искренними устремлениями пользуется ради своих корыстных замыслов соимператор Тридцать Шпорник.

Три Саргасс прошипела сквозь зубы – резко и коротко,

идеально попав в паузу, когда Один Молния давал зрителям пережить шок.

– Соимператора не волнуют ни война, ни мир! – гремел Один Молния. – Соимператора волнует только прибыль! Он бы не поддержал протесты своим одобрением или деньгами, если бы наша война затронула любой другой сектор космоса – но война в *этом* секторе угрожает его интересам!

– Ага, давай-*давай*, рассказывай, чем *именно*, где добивка? – пробормотала Три Саргасс. Махит взглянула на нее искоса; та не отрывала от экрана завороженных, горящих глаз.

– … в этом квадранте располагается станция Лсел – малозначимая независимая территория, предоставлявшая Тридцать Шпорнику без ведома Тейкскалаана незаконную и аморальную технологию для неврологических усовершенствований. Я предполагаю, что аннексия перережет его тайный канал поставок, и потому он видит нужным воспользоваться благородными порывами народа, которому мы оба служим, и разжечь возмущения!

– Вот *это* интересно, – выдохнула Три Саргасс одновременно с тем, как Двенадцать Азалия выключил голоэкран.

– Это *проблема*, – сказал он. – Он говорит правду, Махит?

– Насколько мне известно, нет, – сказала она, не в силах представить, с чего Один Молния решил, что имаго-аппараты нужны *Тридцать Шпорнику*, а не Шесть Пути, не говоря уже о том, откуда Один Молния вообще о них *узнал* – если только это все не голая пропаганда… Она вздохнула. – И вот в чем на самом деле долбаная проблема. Этого «насколько мне известно» уже недостаточно.

Двенадцать Азалия грузно сел напротив нее.

– Насколько тебе известно, посол Агавн не снабжал Тридцать Шпорника… незаконной технологией? Неврологическими усовершенствованиями? *Аморальной* технологией? Что конкретно тебе здесь неизвестно, посол?

Все это вдруг стало резко раздражать. Махит уже так устала различать крошечные оттенки смыслов в разных тейкскалаанских интонациях, так устала следить за смещением ударения. От усилий, которые требовались, чтобы помнить, что она говорила Три Саргасс, что – Двенадцать Азалии, а что не говорила никому.

(О том, как император сказал ей: «Кто еще подарит восемьдесят лет мира». О своей гложущей, растущей уверенности, что, возможно, он *прав*, учитывая его возможных наследников и то, насколько решительно они поддерживают в Городе разрушения и насилие ради собственного возвышения.)

У нее заболела челюсть от скрежета зубов.

– Посол Агавн не снабжал ничем подобным *Тридцать Шпорника*. Насколько мне известно. А еще я не пойму, что считается в Тейкскалаане «аморальным» – *почему* вы все так боитесь неврологических усовершенствований?

– …но *кого-то* он снабжал! – сказал Двенадцать Азалия, словно нашел удовлетворительный ответ в логической головоломке.

– Обещал снабжать, – обреченно ответила Махит, – и это, кстати, дает мне хоть какой-то рычаг. Если бы он их действительно *доставил* перед смертью, мне было бы не с чем торговаться.

– Махит, – перебила Три Саргасс, внезапно слишком спокойная на вкус Махит, – у меня начинают возникать некоторые подозрения, что именно ты обсуждала с его лучезарным величеством.

– Скрывать от тебя что угодно – пустое занятие, – сказала Махит. Хотелось положить голову на стол, а то еще и постучаться об него.

Три Саргасс дотронулась до ее плеча – мимолетный успокаивающий жест – и пожала плечами.

– Я же твоя посредница. Технически мы и не должны *ничего* друг от друга скрывать. Мы над этим еще поработаем.

– А надо? – беспомощно спросила Махит и потом, когда Три Саргасс сумела довольно прилично изобразить лселскую улыбку с обнаженными зубами, а ее лицо, вопреки усилиям, эту улыбку отразило, спросила еще раз: – Так из-за чего технология считается *аморальной?* Ответь, если сама ничего не скрываешь.

– Мало что аморально, – начала асекрета. – Яотлек апеллирует к очень традиционной аудитории с простыми вкусами – закон, порядок и победные марши каждую весну. Но ведь в твоих имаго-аппаратах действительно есть что-то *пугающее*, Махит. Нам не нравятся устройства – или химикаты, – из-за которых человек способен на большее, чем без них.

– Ты же сдала имперские экзамены, верно? – спросил Двенадцать Азалия. – На способности.

Махит кивнула. Это было настоящим *удовольствием* после бесконечной череды экзаменов на имаго-способности; сплошь тейкскалаанские литература, история и язык, а их она учила для *себя*, из-за надежды, что однажды получит визу и посетит центр империи.

– Во многом мы *есть* то, что мы помним и пересказываем, – сказала Три Саргасс. – По чьему образцу себя создаем, по какому эпосу, по какой поэме. А неврологические усовершенствования – это *жульничество*.

– И при сдаче экзаменов ими пользоваться запрещено, – добавил Двенадцать Азалия. – Каждые несколько лет бывает скандал…

Махит было трудно приравнять имаго – комбинацию людей, сохранение навыков и памяти поколение за поколением – к *жульничеству* на экзаменах.

– Неужели все так просто? *Жульничество* – это, конечно, незаконно, но чтобы еще и аморально?

– Аморально быть тем, *кому ты не можешь и надеяться подражать*, – ответила Три Саргасс. – Например, носить чужую форму или произносить строчки Первого Императора из «Песни Основания» и в то же время планировать измену. Такие элементы сочетать неправильно. Вот откуда мне знать, что ты – это *ты?* Что ты вообще *понимаешь*, что пытаешься сохранить?

– А сами накачиваете мертвецов химикатами и не даете сгнить ничему – людям, идеям или… или *плохой поэзии*, которой у вас в достатке, даже с идеальной метрикой, – сказала Махит. – Уж простите, если я не соглашусь по поводу *подражания*. Тейкскалаан – это сплошное подражание тому, что уже давно должно умереть.

– Ты Искандр – или ты Махит? – спросила Три Саргасс, и показалось, что в этом-то и есть вся проблема: *Искандр* ли она? Без него?

Есть ли вообще такая Махит Дзмаре в контексте тейкскалаанского города, тейкскалаанского *языка*, пока тейкскалаанская политика заражает ее, словно несовместимый имаго, пускает в нее усики памяти и опыта, как какой-то быстрорастущий грибок?

– Насколько, Три Саргасс, широко тейкскалаанское понятие «ты»? – спросила она, как спрашивала еще до того, как все это заварилось.

Три Саргасс развела руками – напряженный, печальный жест.

– Сама не знаю. Более узкое, чем у станционников. У… большинства.

– Иначе трюк Один Молнии на «Восьмом канале» не *сработал* бы, – добавил Двенадцать Азалия. – Само предположение, будто Тридцать Шпорник не только пользуется населением ради собственных целей, но и что цели эти какие-то… *осквернённые*, ничтожные… Ведь любой, кому нужны дополнительные усовершенствования, явно не достоин быть императором…

– По-моему, – сказала Три Саргасс, – дело идет к гражданской войне.

И затем очень резко прижала руку к лицу, словно сдерживала слезы.

* * *

Двенадцать Азалия вывел Три Саргасс; Махит все еще слышала их голоса с кухни, как те мягко поднимаются и опускаются. Она никогда не видела Три Саргасс в таком расстройстве. Ни когда ее жизни угрожали, ни когда работа с Махит становилась нервной, досадной и тяжелой; ни даже после шока. Но она тут же посыпалась, как облученный металл, такая *ломкая*, когда ее умственная мощь выдала ответ, который Махит знала и так: Тейкскалаан на грани того, чтобы сожрать себя заживо.

Махит казалось, она может это понять – хотя бы по аналогии и своим стремлениям. Ей *самой* трудно это осмыслить – что Тейкскалаан вовсе не *вечен*, неразрушим, постоянен. А она – варварка, чужеродное тело, просто любит (правда ли? До сих пор?) литературу и культуру империи, для нее это не *родина*; для нее это никогда не было формой всего мира, как для Три Саргасс, – формой, правда, искажающей истину о мире, как тяжелая масса искажает вокруг себя ткань космоса.

Но слезы, капающие сквозь пальцы Три Саргасс, все равно ранили, и она была рада, что Двенадцать Азалия увел ее на кухню за водой и утешением, которое могут подарить только старые друзья. Ненадолго оставшись одна, она залезла во внутренний карман и выудила спасенные из апартаментов сокровища: свернутый в виде инфокарты листочек с новым сообщением со станции Лсел и имаго-аппарат Искандра.

Положила и то и другое на стол перед собой. Оба предмета не больше большого пальца: бледно-серебряный паук, хранивший всего Искандра Агавна, и тонкий серый цилиндр, запечатанный красным сургучом и красно-черными полосатыми ярлыками, обозначавшими внепланетное сообщение. Она осторожно провела ногтем большого пальца по воску, взрезала, чуть оттянула хрупкий красный завиток. Сургучная печать была скорее символической: сообщение очень просто открыть и снова незаметно закрыть, если так захочет какой-нибудь чиновник с почты. Печать *метафорическая*, и оставалось полагаться на тейкскалаанскую веру в приватность, право собственности…

И лселское шифрование.

Перед тем как развернуть сообщение до конца, она повторила движение ногтем, но теперь – вдоль металла имаго-аппарата Искандра, коснулась того, что касалось его. Таилось *внутри* него. Центральный прямоугольный чип – потускневший после того, как металл побывал в человеческом теле, – и длинные ножки-волокна, тянущиеся от уголков, фрактальные веточки,

внедрявшиеся в спинной мозг. Заныло основание черепа, где находился ее собственный аппарат, – симпатическая боль.

И здесь лселское шифрование: никто не доберется до Искандра, закодированного в памяти аппарата вместе со всем своим знанием. Пятнадцать пропавших лет, доступа к которым у нее не было, даже когда Искандр в ее разуме функционировал бесперебойно. *Как* же она по нему скучала.

(Интересно, он бы ей понравился – человек, продавший Шесть Пути тайны Лсела? Она боялась, что *да*. Что его поступки не имели бы никакого значения – лишь бы снова обрести настоящего союзника.)

Махит надломила остаток сургуча на сообщении и прижала бумагу к столу обеими руками.

Увидела она совсем не то, что ожидала. О, *выглядело-то* сообщение правильно – в первую секунду, когда она опустила на него глаза. Абзацы, *алфавит* – лселский алфавит со всеми тридцатью семью буквами, одновременно шокирующе знакомыми и незнакомыми. И приветствие четко давало понять, что в этом абзаце применен ее собственный подстановочный шифр на основе тейкскалаанской грамматики. А волновал абзац ниже – с шифром, который она мало того что *не знала,* но и видела впервые.

Что ж, сама же сейчас надеялась на хорошее шифрование…

– Двенадцать Азалия? – позвала она на кухню.

– Да?

– У тебя есть словарь? А конкретно «Стандарт имперских глифов»?

– У всех есть «Стандарт имперских глифов», – ответила Три Саргасс. *Почти* и не угадаешь, что она плакала.

– Знаю! – сказала Махит. – Поэтому я его и выбрала – так *есть* или нет?

Двенадцать Азалия вернулся и пытливо всмотрелся в развернутую бумажку.

– Это твой язык? Столько букв.

– Ты так говоришь, будто в «Стандарте имперских глифов» не сорок тысяч глифов.

– Но алфавиты же должны быть простыми. По крайней мере, так нам рассказывают на обучении в министерстве информации. Погоди, я сейчас принесу.

Хотя бы словарь в наличии. Наверняка его можно купить в любом магазине, но какое облегчение, что не придется *искать* магазин. При нынешнем неспокойном состоянии Города.

Двенадцать Азалия со стуком положил книгу у ее локтя. В форме кодекса словарь занимал больше четырехсот страниц, на

которых грамматика и глифы распределялись по табличкам.

– Зачем он тебе?

– Садись, – сказала Махит. – Смотри, как я раскрываю государственные тайны Лсела.

Он сел. Скоро появилась Три Саргасс – с красными глазами, – села рядом.

Было так странно – расшифровывать на публику, – но Махит теперь осознавала, что связала с этими двумя свою судьбу. Они остались с ней, *защищают* ее, идут ради нее на политические и физические риски. А кроме того, она же не рассказывает, *как* расшифровывать, – только с какой книгой. Много времени не понадобилось – она же сама написала этот шифр, знала, как его читать.

В первом абзаце назывался отправитель – Дарц Тарац. Махит почти удивилась тому, что сообщение – от советника по шахтерам, а не от Акнель Амнардбат из Культурного наследия. Но если за поломкой ее аппарата стоит Амнардбат, как гласили тайные послания от Декакель Ончу, если это она нанесла такой ущерб, то, возможно, Тарац… вмешался? Перехватил сообщение Махит и ответил лично?

Если она в это верит, значит, принимает за истину подозрения Декакель Ончу – подозрения, о которых не должна была знать. По идее, о предупреждениях Искандру не должен знать и Тарац. Он считает, что обращается к Махит Дзмаре, у которой может быть, а может и не быть доступа к Искандру Агавну, своему имаго, – но которая точно не знает, *почему* этого доступа нет. Если его нет. Возможно, это вовсе и не *саботаж*, а какая-то ее личная ошибка, не имеющая ничего общего с теми междоусобицами, что советники сейчас разыгрывают на расстоянии.

Надо исходить из того, что Дарц Тарац хотел поговорить с ней *вне зависимости от того*, известно ей о саботаже Амнардбат или нет, если саботаж вообще есть. Советник по шахтерам почти всегда переживал из-за вопросов *обороны и самоуправления*; этим и заслуживал голоса. Если сообщение – от Тараца, то он как минимум всерьез принимает угрозу тейкскалаанской завоевательной войны для суверенитета Лсела.

Надо исходить из того, в чем она полностью уверена, а уж о саботаже фантазировать потом («как было бы *хорошо*, если в каскадном неврологическом сбое виноват кто угодно, но не она» – самая недостойная ее мысль за долгое время).

Махит глиф за глифом составила оставшийся абзац, который поддавался расшифровке. Тарац упоминал о ее сообщении (один глиф), благодарил за него (другой) и извещал, что у ее книжного

кода неподходящий уровень безопасности для конкретного руководства к действию, основанному на важной информации, ранее не известной Махит. (На это ушло шесть глифов, и последний – ужасно редкий; она впервые видела его в письменной форме. Тейкскалаанское слово, означающее «секрет, ранее не раскрывавшийся непосвященному». Ну естественно, у них и на это нашлось свое слово.)

– Да-да, – пробормотала она, – *так как мне осталь ное-то расшифровывать*…

Три Саргасс прыснула, и, когда Махит вскинула сердитый взгляд, подняла руку в извинении.

– Мне нравится смотреть, как ты работаешь, – сказала она. – Ты очень быстрая, даже когда сбиваешься. Ты можешь запомнить и настоящий шифр, один из наших, если выучишь модные стихи сезона…

– Легко, – сказала Махит, не умиротворенная. – Но у вас тоже не настоящие шифры, Три Саргасс. В смысле – не настоящая криптографическая *защита*. Их легко взломать с приличным ИИ или знанием ключа. Словаря или поэмы.

– Знаю, – сказала она. – Это и не защита, а *искусство*, и ты была бы в нем хороша.

Это почему-то задело. Махит пожала плечами и снова взглянула на последнее предложение того единственного абзаца, который могла понять.

Шифр || хранится/заточенный/запертый || (личное/наследственное) знание (внутри) || (принадлежащий)

И совершенно четкими буквами станционников: «Искандр-имаго».

Код к расшифровке остального сообщения – с тем самым секретом, ранее не раскрывавшимся непосвященному, – находится в базе данных *Искандра*, а не Махит. И Дарц Тарац полагал, что она имеет к ней доступ. (Должно быть, ему неизвестно о саботаже. Или он ожидал, что саботаж *не удался*, что они с Искандром уже достаточно слились, чтобы расшифровать текст, невзирая на повреждения в механизме.)

Но Искандр *сбоил*. Наполовину пропал – то ли из-за саботажа, то ли из-за собственного неврологического отторжения Махит. До него никак не достучаться. На любом известном ей языке не хватало ругательств, даже самых худших слов из «Стандарта» было мало. Как ей объяснить «я утратила свою вторую половину, а она мне нужна» этим двум тейкскалаанцам, которые совсем недавно втолковывали, почему считают Искандра *аморальным?* С чего тут вообще начать?

– Я в глубокой заднице, – сказала она беспомощно и просто

дожидалась их реакции.

Дождалась: Двенадцать Азалия заволновался, словно не знал, что делать, если в слезы ударится еще и *варварка,* – а Три Саргасс избавилась от последних остатков своего несчастного выражения и вернулась к полной и абсолютной концентрации.

– Возможно, но если расскажешь почему, то вдруг мы тебя оттуда достанем, – сказала она, и Махит сразу же поняла, почему именно Три Саргасс, а не Двенадцать Азалии поручили должность культурного посредника. Есть способности для *аналитика* – хорошая наблюдательность, поиск информации, – а есть способности, говорившие о *решительности*, и Три Саргасс переполняли как первые, так и вторые.

Махит расправила плечи. Подобралась. Если она – и станция Лсел – хотят невредимыми пережить переход власти от Шесть Пути к преемнику, то ей понадобится вся помощь по доставанию из задницы, какую готова предложить Три Саргасс.

«Ну началось, Искандр. Вот я доверяю наши жизни людям из Тейкскалаана. А ты что почувствовал, когда на это пошел?»

Сейчас она говорит не со своим немым имаго-Искандром, осознала Махит. Она говорит с мертвецом, который бы услышал ее, только если бы она нашла доступ к его оттиску, что еще может обитать бесполезным призраком в имаго-аппарате.

– У меня в разуме должен быть Искандр Агавн или как минимум его версия; у меня есть точно такой же имаго-аппарат, – начала Махит, поднимая устройство Искандра большим и указательным пальцами. – Моя копия его воспоминаний – пятнадцатилетней давности. Точнее, была бы, будь он все еще со мной, а его нет, причем нет с тех пор, как я в первый же день увидела его тело. У него – или у меня – поломка.

– Это я и так поняла, Махит, – сказала Три Саргасс.

– Я – нет…

– Лепесток, ты же к нам присоединился только этим утром.

– У тебя *правда* есть такая штука? На что это *похоже?*

Он это произнес так же, как спрашивают – «Больно?»: у человека с ожогом. Безэмоциональная абсурдность.

Махит вздохнула.

– Не имеет отношения к текущей ситуации, Двенадцать Азалия, за тем исключением, что обычно все *хорошо*, но прямо сейчас *не работает*, а мне нужно, чтобы работало… мне нужен он.

– Из-за зашифрованного сообщения, – сказала Три Саргасс.

– Из-за того, что у него есть ключ к шифру, и мне надо знать, что от меня просит правительство.

Короткое молчание. Махит спросила себя, не ждет ли Три

Саргасс дальнейших откровений, какого-нибудь полезного факта, чтобы от него оттолкнуться и предложить Махит культурно-посредническую помощь. Но больше ничего не было. Только сообщение, и Махит, и пустая электрическая тишина в голове.

Затем Три Саргасс произнесла:

– А как насчет Искандра вон *там?* – и показала на имаго-аппарат, лежащий между ними на столе. – Подозреваю, он тоже знает ключ.

Махит ударила психосоматическая боль: вот открывается крошечный шрам у основания черепа, вот в серо-розовые складки нервной ткани ложится новый вес имаго-аппарата. И все это *заново*.

Она сомкнула ладонь на том, что осталось от Искандра Агавна, убитого посла, словно прятала от наблюдательных тейкскалаанских глаз Три Саргасс.

– …дай-ка подумать, – сказала она.

Глава 14

28. ЭКСТ. ДЕНЬ: хаос и дым ПОЛЯ БИТВЫ на ГИЕНЕ-9. Камера идет мимо спутанных тел, помеченных углеродными ожогами, взбитой грязью, и находит ТРИНАДЦАТЬ КВАРЦА, который лежит в полубреду под прикрытием перевернутой наземной машины. ПАУЗА на ТРИНАДЦАТЬ КВАРЦЕ перед склейкой.

29. ЭКСТ. ДЕНЬ: все то же самое, только с ТЗ ДЕВЯНОСТО СПЛАВА. Камера отъезжает за плечо ДЕВЯНОСТО СПЛАВА, мы видим сзади, как он падает на колени перед ТРИНАДЦАТЬ КВАРЦЕМ – тот ОТКРЫВАЕТ ГЛАЗА и БЕССИЛЬНО УЛЫБАЕТСЯ.

ТРИНАДЦАТЬ КВАРЦ (слабо)

Ты вернулся за мной. Я всегда… знал, что ты вернешься. Даже сейчас.

(Камера поворачивается к лицу ДЕВЯНОСТО СПЛАВА.)

ДЕВЯНОСТО СПЛАВ

Конечно, вернулся. Ты мне нужен. Где я еще найду помощника, который может в одиночку выиграть полвойны еще до завтрака? (серьезно) И ты мне нужен. Ты всегда приносил мне удачу. Теперь расслабься. Я тебя нашел. Мы отправляемся домой.

Режиссерский сценарий «Девяносто Сплава», финал 15-го сезона

* * *

Третья панель: общий план, капитан Кэмерон стоит на мостике своего шаттла. Все глаза прикованы к нему; остальная команда перепугана, нетерпелива, рвется в бой. Кэмерон совещается со своим имаго – пусть колорист сделает белое свечение вокруг рук и головы. Он смотрит на вражеский корабль в черном космосе,

весь такой зловещий и шипастый: корабль – в центре панели.

КЭМЕРОН: Я научился общаться с эбректами, еще когда был Чадрой Мэв. Сейчас бояться нечего.

Сценарий комикса «ОПАСНЫЙ ФРОНТИР!», том 3, в продаже от малого издателя «ПРИКЛЮЧЕНИЯ / МРАЧНО» на Девятом уровне, станция Лсел

Махит размышляла об этом весь оставшийся вечер, пока Три Саргасс и Двенадцать Азалия занимались стиркой – отмывали заляпанную травой одежду – и они все вместе смотрели на голоэкране повторы речи Один Молнии и протестов. Размышляла Махит *одержимо*, на фоне войсковых маневров и политических призывов, ощупывая мысль, словно болячку во рту, которую никак не получается оставить в покое. Имаго-аппарат Искандра она убрала обратно в карман. Маленький вес болтался там, как маятниковое сердцебиение.

Есть много способов неправильно использовать имаго-аппарат.

Нет, даже так: есть много способов использовать имаго-аппарат так, что Махит – рожденная на Лселе, лселка до мозга костей, несмотря на все свои претензии на любовь к тейкскалаанской литературе – чувствовала то же, что Три Саргасс и Двенадцать Азалия, по их словам, чувствуют из-за *жульничества на имперском экзамене*. Есть много способов использовать имаго-аппарат, которые можно назвать – за неимением более точного слова на любом языке – *аморальными*.

Например, человек может взять имаго погибшего возлюбленного – обычно погибшего трагически, классический сюжет дневных голосериалов – и носить с собой вместо того, чтобы передать следующему совместимому по способностям человеку; может уничтожать и себя, и знания поколений. Это *аморально*. Затем версии послабее: новые имаго-носители возвращались ко вдовам умерших, пытаясь возобновить законченные отношения. Это происходило *на самом деле* – все знали такие случаи, неспроста этот процесс на Лселе всегда сопровождался психотерапией…

«А теперь давай еще хуже», – приказала она себе. Придумай такое, от чего становится не просто грустно, а *не по себе*.

Имаго, установленный в слабый разум – которому хватает способностей для совместимости, но не для того, чтобы создать нового, реального, функционирующего человека из двух предыдущих личностей. Имаго, *пожирающий* разум

последователя.

Вот это плохо – даже думать не хочется

(что именно этого хотел его сиятельство Шесть Путь),

на что это похоже.

«Молодец, Махит. Нашла-таки вариант, который нравится еще меньше, чем предложение Три Саргасс».

Три Саргасс считала, что надо взять аппарат посла Агавна и извлечь обновленное имаго Искандра, чтобы записать поверх угасшего, отказавшего и бесполезного, существующего в разуме только урывками. Считала, что если код так нужен – и ведь нужен, *нужен*, – то это единственный логичный курс действий.

Три Саргасс, впрочем, не вызывалась сама в добровольцы на экспериментальную операцию на мозге. Причем экспериментальную операцию на планете – в культуре, – где вообще *недолюбливают* нейрохирургические вмешательства. Где от самой идеи всем *не по себе*. Где это считается аморальным. Три Саргасс называла добровольцем Махит.

«Эй, Искандр, а ведь ты бы мог легко спасти положение», – подумала она в сотый раз и не услышала ничего, кроме молчания и гудения периферийных нервов. Кто знает, *выдержит* ли она вообще второе имаго? Все может пойти не так просто потому, что это *она* испорчена, непригодна, несовместима; а даже если с ней все в порядке, она не забыла, как чувствовала себя в первый раз: головокружительное наложение восприятия, ощущение, что стоишь на краю отвесной пропасти. Легчайшее движение – и сорвешься в огромность чьей-то чужой памяти, и им не хватило *времени*, чтобы стать новым человеком, стать Махит-Искандром – вместе с призраком того, кого впитал в молодости Искандр: Махит-Искандр-Цахкель…

Это имя всплыло из осколков имаго в разуме; отголосок чувств, что у нее возникли, когда она заглянула в архивы Лсела и проследила всю линию, чьим звеном становилась. Цахкель Амбак – ей не довелось побывать в Городе, но четыре поколения назад она вела переговоры с Тейкскалааном на космическом крейсере и гарантировала права Лсела и других станций на независимость и горную добычу в своем секторе. Махит читала ее стихи и нашла их *скучными*, непримечательными, все сплошь *о доме*, и решила – три месяца назад, – что сама бы справилась лучше.

Может, новый имаго больше расскажет о том имаго, которое поглотил сам и стал тем, с кем она познакомилась, когда уже он, в свою очередь, вошел в разум к ней.

И ведь она на это пойдет, правда же. Уже решилась, даже не заметив как; она на это пойдет, потому что она одна и потому что это нужно, и потому, что хочется быть полноценной, войти в

долгую линию послов Лсела – линию, где ее место *по праву*, куда ее посвятили и от чьей утраты она все еще не могла оправиться. Если она жертва саботажа и ей хочется его перечеркнуть; если хочется вернуть себе линию имаго, хочется сохранить ее для будущего. Если хочется быть *достойным* наследником памяти. Оберегать линию ради тех, кому она обязалась здесь служить, продлевая суверенитет станции Лсел. Ради тех, кто последует сюда за ней и понесет уже *ее* разум и память.

Как легко из этой крайности возник патриотизм.

Махит полагала, примерно то же происходит и с бунтовщиками на улицах Города.

Она нашла Три Саргасс на кухне – та делала что-то непостижимое с растением: выскребывала сердцевину и начиняла какой-то другой субстанцией – пастой из риса и, кажется, фарша.

– Это еда?

Три Саргасс оглянулась через плечо. Лицо ее было серьезным и решительным.

– Пока нет. Подожди часок – и будет еда. Я нужна?

– Нужен нейрохирург, – сказала Махит. – Если они на этой планете вообще бывают.

– Ты на это пойдешь?

– Я попробую.

Три Саргасс кивнула один раз.

– В Городе, Махит, бывает *все*. В том или ином виде. Но, боюсь, я совершенно не знаю, где найти человека, согласного – и способного – вскрыть тебе мозг.

Из соседней комнаты откликнулся Двенадцать Азалия:

– Ты не знаешь, Травинка, но готов спорить на что угодно, что ты знаешь того, кто найдет.

– Хватит подслушивать и иди сюда, – крикнула Три Саргасс и, когда Двенадцать Азалия появился в двери, удостоила его пронзительного взгляда. – И *где* же найти хирурга? Посол мне потом еще нужна живой.

– Пока вы отправитесь к министру науки, я отыщу кого-нибудь через менее *официальные* каналы, – самодовольно ответил Двенадцать Азалия. – Все-таки министерство информации прикрепило меня к Медицинскому колледжу. Ну что, вы рады, что я участвую в вашем заговоре?

– Да, – сказала Три Саргасс, – по нескольким причинам, начиная с того, что из твоей квартиры получилась отличная база…

– Похоже, я тебе нужен только из-за материального имущества, Травинка.

– И из-за давних связей с людьми вне двора и министерств.

Из-за них тоже.

– Если бы захотела, у самой их было бы не меньше, – осторожно ответил Двенадцать Азалия. – Если бы тебе было интересно расширить круг знакомств.

– Лепесток, – вздохнула Три Саргасс, – сам же знаешь, что это неудачная идея. И *всегда* было неудачной идеей.

– Почему? – поймала себя на вопросе Махит. Она не могла придумать, что такого *плохого* для асекреты в контактах вне дворца.

– Потому что я бы их *использовала*, Махит, – ответила Три Саргасс горько, почти с самобичеванием. – Просто *использовала*. А у Лепестка есть настоящие друзья, причем некоторых я наверняка в итоге сдам за антиимперские настроения. Когда это будет уместно или полезно.

– Сама же себе делаешь хуже, – сказал Двенадцать Азалия. – Сплошные тщеславные амбиции и…

– Нехватка эмпатии, знаю-знаю, – ответила Три Саргасс. – Мы разве не о *тебе* говорили?

Двенадцать Азалия вздохнул, улыбнулся с расширенными и темными глазами, и Махит осознала, что этот разговор они ведут уже в сотый раз; что они об этом *договорились*, аккуратно обходили уголок своей дружбы, где Три Саргасс не задает вопросы о досуге Двенадцать Азалии, а он не пытается примешивать своих – кого, необычно настроенных против истеблишмента друзей из медицины? – в государственные дела Три Саргасс. Они знали, какие границы не стоит пересекать; знали и придерживались их, а просьба Махит размоет их все до единой. И всё же оба на это готовы.

Она надеялась, что этого заслуживает. (Этого заслуживает станция Лсел – вот опять патриотизм, никак не получалось привыкнуть к этому новому и странному рефлексу, – вот только асекреты помогали не ради Лсела.)

– Да, – говорил Двенадцать Азалия. – Только обо мне и о том, какой я полезный и как много помогаю. Я все сделаю, пока вы будете на своей завтрашней встрече.

* * *

Передвижение в Городе было скверным и становилось только хуже, даже среди бела дня. Махит почти не сомневалась, что за ней с Три Саргассой установили слежку, стоило им выйти из многоквартирника Двенадцать Азалии и направиться в метро; не Солнечные в золотых масках, а тени, призраки в сером. *Туман*,

как назвал личных следователей Юстиции Двенадцать Азалия. Если это они – если они *существуют*, – то название подходящее.

Может, она все это выдумывает. Паранойя – вполне объяснимая реакция, когда за тобой действительно охотится множество людей. Это преподавали на курсе психологии на Лселе, и у Махит было все меньше и меньше причин не верить. Кроме того, половина линий метро работала с задержками или закрылась вовсе, а рассерженные пассажиры не укрепляют чувства безопасности или благополучия. Границы между шестиконечным дворцовым комплексом и остальным городом теперь стали *ощутимы*, чего еще не было, когда Махит с асекретами уходили из ее захваченных апартаментов, с места преступления. Вот кордон Солнечных, где проверяли облачные привязки каждого тейкскалааанца, подтверждали личность. За ними – поблескивающая стена из стекла и проволоки самого Города, раздвигавшаяся перед одобренными посетителями. Угроза казалась неприкрытой как никогда.

Под отстиранной рубашкой у нее было зашифрованное сообщение со Лсела, закрепленное на ребрах при помощи эластичного спортивного бандажа, – его Двенадцать Азалия раскопал в ящике комода перед тем, как они его оставили разыскивать мастера по черной нейрохирургии и сами направились в дворцовый комплекс. Бандаж у Двенадцать Азалии нашелся, потому что он подвернул лодыжку, когда играл в какой-то командный спорт с мячом и сеткой – тот же, что рекламировался на флаере из сада. Асекрете хотелось об этом разглагольствовать – выяснилось, что он играл в местной команде раз в неделю – куда больше, чем Махит была готова слушать, но особого значения это не имело: бандаж поставили на службу, и теперь она чувствовала себя так, будто проносит секреты через вражеский фронт. Хотя это ее собственные секреты – что с точки зрения закона, что морали.

– Как думаешь, нас арестуют? – спросила Махит.

– Пока нет, – слишком задорно ответила себе под нос Три Саргасс. В своей чистенькой форме министерства информации она смахивала на очень дорогое и очень острое оружие, и Махит уже не представляла, что бы без нее делала.

– Если не сейчас, то когда? – спросила она с собственным мрачным весельем в голосе, а потом они подошли к стене из зеркальных золотых шлемов. Три Саргасс легко и безыскусно представила себя с Махит – само олицетворение культурной посредницы, помогающей подопечной проходить через закрытые двери. Солнечные попросили привязку – она передала. Солнечные спросили, где они были, – объяснила без лукавства и виноватого

вида, что они переночевали дома у ее бывшего одноклассника и хорошего друга.

Махит вновь задалась вопросом, что, если у Солнечных единый гигантский разум с Городом: не оценивает ли прямо сейчас этот самый полицейский работу своих коллег у нее в апартаментах. Как минимум он явно не торопился. Поднял голову – снова за Махит и Три Саргассю промелькнул этот серый туман, отражение в гладком золотом щитке, Солнечный задержал на чем-то взгляд, возникла бесконечная пауза, – и опять опустил голову. Возможно, *через* своих коллег совещался с Шестью Раскинутыми Ладонями. Сплошные заговоры. Она и *правда* впадала в паранойю. Никто за ними не следит, а Наука не подельничает с Войной, чтобы свергнуть императора, и нет на улицах протестов, и бомба на плазе Центр-Девять взорвалась *по чистой случайности*, вовсе не из-за нее, а из-за чего-то постороннего – в знак солидарности с народом Одилии, не иначе.

Солнечный пропустил ее с Три Саргассю – пропустил так неожиданно, что она даже удивилась: по спине пробежали мурашки от падения уровня адреналина в теле, горячие и холодные. Войти в дверь, раскрывшуюся во внутренней стене Города, было как влезть в пасть зверя. Та задвинулась за спиной, и Махит представила круговые зубы в пасти некоторых станционных паразитов – тех, что живут в технических лазах и кормятся изоляцией проводки.

В дневном свете дворцовый комплекс казался безмятежнее любого другого места. Это всё стены. Стены не впускали зримые признаки волнений. Прогулка до министерства науки была легкой, и все благоухало вездесущими тейкскалаанскими цветами, пряно-острым и насыщенным белым мускусом, и светило прохладное солнце, но Махит никак не могла унять сердцебиение.

– Я была бы признательна, если отсюда мы выйдем, не объявив войну или союз, и без того, чтобы лучшие иксланатли Десять Перла похитили тебя для экспериментов на мозге, – сказала Три Саргасс.

– Насчет объявления войны я обещать могу, – ответила Махит, глядя снизу вверх на серебряно-стальной бутон министерства наук, инкрустированные рельефы из перламутра, изображающие траектории субатомных частиц, схемы белков. – У меня нет таких полномочий.

– Чудесно. Значит, все будет хорошо.

Внутри состоялся очередной и уже знакомый танец тейкскалаанского высокосветского протокола. Три Саргасс представила их и подтвердила встречу с Десять Перлом; Махит

кивнула над сложенными пальцами; поклонилась всем телом под правильным углом, и было не важно, получился он правильным из-за ее собственного инстинкта или из-за мерцающего присутствия Искандра.

Их с Три Саргасс сопроводили в конференц-зал без окон, с бледными креслами вокруг бледного стола, безо всяких украшений, не считая ненавязчивой полоски того же перламутрового рельефа, описывающей стены по периметру прямо под выключателями. Там они ждали.

Три Саргасс барабанила ногтями по столу – раньше Махит не замечала за ней такого нервного жеста. Сама она теребила в кармане имаго-аппарат Искандра, бессознательно, и не раз пришлось себя одернуть, и без конца мерещилось, что сообщение под рубашкой вот-вот громко хрустнет от чересчур глубокого вдоха, хоть оно не издавало вообще никаких звуков. Явление Десять Перла в дверях конференц-зала стало настоящим облегчением. Теперь, когда он пришел поговорить, можно *чем-то заняться*. А ожидание… это не работа. Совсем не работа.

– Министр. – Она встала, приветствуя его.

– Госпожа посол. Рад видеть. Слышал, вы пропали без вести!

Ах. Так вот как они будут играть. Справедливо – в прошлый раз, когда она виделась с Десять Перлом на банкете императора в честь поэтического конкурса, она сама играла с ним на камеры. Пожалуй, она заслужила то, что придется отбиваться от тех истолкований ее отсутствия во дворце, которые навыдумывала Девятнадцать Тесло.

– Лично я все время знала, где я, – сказала она и при этом осознала, что отбросит предыдущую личину варварки и провинциалки; больше морочить голову не имело смысла, да и не больно это помогало. Ее пытались убить как минимум дважды, раз – ядовитым цветком, и второй – в засаде у нее же в апартаментах. Роль варвара – театральная, этакий щит – не сделала ее менее уязвимой, чем роль политического агента. Теперь можно быть честной. *Умной* варваркой, как ее назвала Девятнадцать Тесло.

Десять Перл вежливо посмеялся.

– Не сомневаюсь! Изрядно сказано. Чем могу вам помочь, госпожа посол?

Когда Махит только организовывала встречу, она намеревалась разузнать, вдруг Искандр изъявил намерение продать технологию имаго Тейкскалаану настолько очевидно, что перешел дорогу Науке, – но теперь это едва ли имело значение. Искандр мертв, а технологию он продавал императору. Теперь ей нужно было узнать что-то в духе «кого из наследников

поддерживает Десять Перл» и разгадать, есть ли ему выгода от аннексии Лсела и можно ли манипулировать им в своих целях, чтобы аннексии помешать.

– Я не хочу вдаваться в неприятные темы, – начала она, свободно пользуясь всеми временами, какими хотела, больше не притворяясь перед министром невежей, – но мне бы очень хотелось знать – из-за собственных интересов и благополучия, – что именно вы обсуждали с моим предшественником в ночь его смерти. – Она чувствовала, как на кресле рядом выпрямилась Три Саргасс; как превратилась в слух.

Десять Перл сплел пальцы. Кольца блеснули – даже под этим пресным флуоресцентным освещением.

– Переживаете, что совершите похожую ошибку, госпожа посол? – спросил он. – Ваш предшественник съел что-то не то, вот и все. Прискорбно. Наша беседа касалась совсем других тем, нежели его привычки в еде. Уверен, если будете осторожны, то можете избежать употребления в пищу чего-то неприятного.

Махит улыбнулась во все зубы. *Варварка*. Но настойчивая.

– И никто не уточняет, что же такого он съел, – сказала она. – Интригующая лакуна.

– Госпожа посол, – сказал Десять Перл, растягивая слова, будто подлизываясь. – Вы не задумывались, что, быть может, для этой лакуны есть *причина?* Прямо сейчас мы могли бы посвятить время множеству других тем. Например, обсудим питательные факторы гидропоники на примерах малой и крупной человеческих популяций? Нам, Лселу и Тейкскалаану, предстоит многому научиться друг у друга.

Ярость, думала Махит, сейчас совсем ни к чему. Это притупляет лезвие лексикона. И все же она в ярости, прямо как в кабинете Восемь Виток.

Посмотрела ему прямо в глаза.

– Десять Перл, я бы хотела знать, почему мой предшественник умер на вашей территории.

Не совсем обвинение. (Обвинение. Просто *косвенное*.) Три Саргасс положила руку на колено Махит – жест предупреждающий и теплый.

Десять Перл вздохнул – слегка обреченно, будто готовился к чему-то малоприятному, но необходимому, например выкинуть просроченную еду.

– Деятельность и предложения посла Агавна были совершенно неприемлемы; он намекал – за совершенно цивилизованным ужином, где ему неоднократно предоставлялась возможность пересмотреть свою позицию, – что в любой момент готов заполнить тейкскалаанский рынок технологией, способной

опрокинуть самый уклад нашего общества, и что он склонил к этому решению великолепное и сиятельное императорское величество; моим долгом как министра науки было избавиться от угрозы, которую он представлял.

– Вот вы его и убили, – сказала увлеченно Три Саргасс.

Десять Перл смерил ее ровным взглядом.

– Учитывая текущую ситуацию, – он сделал жест в сторону Махит, словно включая ее в общее положение дипломатических дел Тейкскалаана, а потом сбрасывая вместе с ними со счетов, – не вижу причин отрицать, что, пока он умирал, я не предпринял медицинского вмешательства. Если посол Дзмаре желает поднять эту тему во время расследования *медицинской* халатности, уверен, она может завести дело в Юстиции.

Неужели ее влияние за два дня волнений в Городе и правительстве упало *настолько*, что Десять Перл не только преспокойно признается в устранении политического оппонента – «не предпринял медицинского вмешательства» предназначалось только для ушей Три Саргасс, не более, Махит знала, что он этим имел в виду, – но и уверен, что у Махит нет *никакого* веса при дворе, чтобы его наказать? Очевидно, Десять Перл верил, будто министерство науки неприкасаемо для *любого*, кто унаследует престол…

… и так же очевидно, он верил, что Шесть Путь – без Искандра Агавна и без обещанной технологии – уже не готов защищать станцию Лсел или ее граждан. А значит, Махит, раз она не собирается переполнять рынок аморальными аппаратами, Десять Перлу неинтересна – не больше любого посла из мелкого спутника-государства на окраинах Тейкскалаана.

«Сделка, – как сказал Тридцать Шпорник на конкурсе поэтов, имея в виду – чего тогда она не поняла – сделку между императором и Искандром, – отменяется».

Она сумела удержать голос ровным, а лексикон – безукоризненным и запустила на орбиту разговора тестовый спутник:

– Я бы начала не с Юстиции, господин министр; если бы мне понадобился совет, я бы начала с эзуазуакатов императора. Я уже убедилась в их надежности.

– В самом деле? – сказал Десять Перл. – *Я рад*; это даже неожиданно.

– *Правда?* – спросила Махит и замолчала, дожидаясь продолжения: она начинала подозревать, что Десять Перлу хочется поговорить, хочется заставить ее почувствовать беспомощность. От пальцев Три Саргасс на бедре останется синяк, так она вцепилась.

– Ваша хваленая хозяйка, ее превосходительство Девятнадцать Тесло, сама стояла без дела точно так же, как и я, – сказал Десять Перл. – Может, на том ужине я отстаивал интересы своего министерства – а значит, империи, – но допустила это именно *она*.

Махит ощутила ледяную ясность. Вспомнила, как Девятнадцать Тесло говорила за чаем о дружбе с Искандром, – вспомнила животную, *интимную* нейрохимическую реакцию на нее, то, как Искандру в Махит хотелось быть рядом с эзуазуакатом, расслабиться, почувствовать одновременно безопасность и вызов, – вспомнила, как Девятнадцать Тесло наблюдала за ней в коридоре своего офисного комплекса, наблюдала, как она подняла ядовитый цветок, наклонилась вдохнуть его аромат. Легко могла бы остаться и дальше стоять в той арке, неподвижная и безмолвная в своем белом костюме, и вообще не *вмешаться*.

Но вмешалась. По какой-то причине спасла жизнь *Махит*. Даже если не спасла Искандра.

– Благодарю за предостережение, – проговорила Махит. Лгала сквозь зубы. Можно солгать и еще немножко. Впустила в голос дрожь, замешательство, расстройство. (А она и *была* расстроена.) – Ранее имели место некоторые неприятные инциденты – мне приносили цветок с токсическим эффектом, – как вы считаете…

– Я, – оборвал ее Десять Перл, – не потерплю, чтобы меня обвиняли в цветочных покушениях. Я человек современный, и министерство науки занимается не *только* ботаникой.

– Мы сейчас и не хотели предположить, – сказала Три Саргасс, – будто министерство науки занимается только ботаникой.

Пауза тянулась бесконечно, и Махит гадала, кто из них троих сломается первым – либо криком, либо истерическим смехом.

– А что бы вы *хотели* предположить, госпожа посол? Учитывая, что я *не* посылал никаких цветков, чтобы разделаться с вами, – сказал наконец Десять Перл.

– Вы уже достаточно помогли прояснить мое положение, – ответила Махит. – Когда все успокоится, я буду на связи, если нам еще будет о чем говорить. Гидропоника. Я запомню.

* * *

После министерства науки Три Саргасс повела Махит в ресторан. Махит смирилась после лишь символических

возражений – «Когда мы ходили в прошлый раз, наткнулись на теракт» – и ответа: «В прошлый раз я бронировала столик; теперь же никто не знает, где мы, все будет хорошо». Приятно было посидеть в темной пещере зала, прижаться к стенке кабинки, пока незнакомцы носят ей с Три Саргасс еду.

Когда прибыл суп, промелькнула мысль о яде, но она решила, что прямо сейчас ей решительно все равно.

– Ну правда, по-моему, ты хорошо справилась, – сказала Три Саргасс, отрезая тонкий ломтик мяса от блюда, смахивавшего на целый бок животного. Махит ужасно искушал аромат и в то же время слегка пугал вид: *многовато* крови для того, что выращено в лаборатории. Это было живое существо, оно ходило и дышало, а Три Саргасс теперь его ела.

– Не знаю, что еще мне было делать, когда он одновременно признавался в убийстве Искандра и ставил в известность, что на это абсолютно всем наплевать, – сказала Махит.

Три Саргасс завернула мясо в большой лилово-белый лепесток. Она заказала их целую стопку и пользовалась как хлебом – транспорт для мяса с тарелки в рот.

– Порыдать, – сказала она. – Поклясться отомстить. Немедленно совершить акт насилия.

– Я же не героиня эпоса, Три Саргасс. – Махит самой не понравилось, как из-за этого ей стало стыдно, почувствовалась неполноценность: ей нельзя *по-прежнему* хотеть быть тейкскалааанкой, *подражать*, воссоздавать литературу. Только не после такой недели.

Асекрета размазала по лепестку темно-зеленый соус, казавшийся одновременно и заправкой, и строительным клеем, а потом со смаком откусила. С набитым ртом продолжала:

– Я же сказала, что ты *хорошо* справилась, правильно? И это правда. Не знаю, что ты планируешь дальше, но на этой встрече ты себя вела как уроженка дворца или, по самой меньшей мере, обученная асекрета.

Махит почувствовала, как к щекам приливает кровь.

– Спасибо.

Пауза между ними – пока Три Саргасс улыбалась с теплом и сочувствием в расширенных глазах, а Махит остро чувствовала, как ее щеки *краснеют*, будто лепестки или мясо, которыми угощалась Три Саргасс – казалась заряженной. Махит сглотнула. Нашла хоть *что-нибудь*, что сказать.

– Не считая признания в убийстве, – начала она и была вознаграждена тем, что Три Саргасс села чуть прямее, прислушалась – «наконец-то работа», – Десять Перл чересчур интересовался гидропоникой. У нас есть *достижения*, но

недостаточно, чтобы прокормить планету. Не представляю, зачем ему об этом говорить, если только что-то не стряслось с алгоритмом выращивания еды в Городе…

И сама по ходу дела поймала себя на том, что говорит нечто *любопытное*.

– Как и с охранным алгоритмом.

– Ты о шоковых ударах Города. О том, что случилось со мной на плазе Центр-Девять. И… о том, что происходит с Солнечными. Если с Солнечными вообще что-то происходит.

Махит кивнула.

– Десять Перл стал министром *благодаря* своим идеальным алгоритмам. Сперва метро, когда он интегрировал отдельные линии в одну алгоритмическую систему под управлением ИИ, а потом – охранный механизм Города. Да?

– Да, – сказала Три Саргасс. – Но откуда ты вообще это узнала? Это же случилось… ой, я тогда даже из яслей не вышла.

Махит пожала плечами.

– Тебя удивит, если я отвечу – «имаго-технология, но работающая с перебоями»?

– Уже нет, – очередная странная, теплая улыбка.

В такие моменты Махит не могла смотреть ей в глаза.

– Ты сказала, за прошлый год произошло восемь шоковых ударов. Когда мы шли пешком, два вечера назад. Это намного больше, чем в позапрошлом году?

Три Саргасс слегка склонила голову набок.

– На семь случаев. Намекаешь, виноват алгоритм?

– Или тот, кто им пользуется. Алгоритм не может быть идеальнее своего создателя.

– О, это *остроумно*, Махит, – восхитилась Три Саргасс. – Если хочешь отомстить Науке за убийство, зарежь их *репутацию непричастности*.

Какое же *удовлетворение* приносили моменты, когда Три Саргасс схватывала на лету и не приходилось все кропотливо объяснять.

– А конкретно – репутацию Десять Перла, – согласилась Махит, – ведь пост ему принесла разработка алгоритма, который теперь вредит совершенно *обычным гражданам империи*.

– Мне нравится, – сказала Три Саргасс. – Нам понадобятся ученые – иксплanатль, чтобы заявление казалось обоснованным, – и тот, кто распространит сообщение, – особенно если Наука *действительно* связана с Войной, тогда это очень интересный ход…

– И мы его сделаем. Когда меня пустят обратно в апартаменты. Когда станет… потише.

Три Саргасс поморщилась и погладила Махит по тыльной стороне ладони.

– А что ты *хочешь* прямо сейчас? По-прежнему… то, о чем мы говорили? С аппаратом? Пока мы заказывали, мне написал Двенадцать Азалия, он нашел какого-то медика в половине провинции от нас.

Было такое чувство, будто это первые хорошие новости за очень долгое время. По коже пробежали мурашки; облегчение, возбуждение и какой-то пьянящий страх.

– Да, – сказала она. – Доступ к шифру нужен как никогда. Мне нужно что-то *делать*. Что-то изменить. *Перевернуть* ситуацию.

Три Саргасс изучала ее, по-прежнему склонив голову. Махит хотелось отвернуться. Только что она заявила вслух, что хочет *вмешаться* в текущий политический хаос. Если и может быть момент, когда посредница ужаснется, пойдет на попятный… но Три Саргасс всего лишь кивнула и сказала:

– Мне бы было страшно.

– А кто говорит, что мне не страшно?

– Но ты ведь это уже делала.

– При содействии куда более профессиональных врачей, чем те, кого нашел Двенадцать Азалия.

Три Саргасс как будто хотела обидеться за тейкскалаанскую медицину, но взамен перевела это в пожимание плечами.

– Он много кого знает. Самых разных людей. Уверена, этот специалист что-то да понимает в своем деле.

– Если я умру или очнусь безумной, – сказала Махит, – расскажи следующему лселскому послу – если он *будет* – абсолютно все. Как можно больше и сразу.

– Если ты умрешь, министерство информации не подпустит меня ни к следующему лселскому послу, ни к любому другому.

Махит не могла не улыбнуться.

– Постараюсь не умереть.

– Хорошо. Хочешь попробовать?

– Что?

– *Сэндвич*. Ты с него глаз не спускаешь.

Рот Махит наполнился слюной.

– Это было животное? До того как стать едой.

– …ну да, – сказала Три Саргасс. – Это же *хороший* ресторан, Махит.

Она наверняка умрет во время экспериментальной операции на мозге, все ее союзники, не считая двух агентов министерства информации, либо исчезли, либо скомпрометированы, а Тейкскалаан наверняка сожрет ее родину заживо своими

окровавленными зубами-судами.

– Да, – сказала она. – Хочу попробовать.

Мясо расцвело на языке во взрыве сока.

Глава 15

Центральный диспетчер Жемчужины Мира Три Настурция – имперскому флагману «Двадцать Озаренных Закатов»: ПОЖАЛУЙСТА НЕМЕДЛЕННО СВЯЖИТЕСЬ С ЦТВ ВЫ ВОШЛИ В ДИСПЕТЧЕРСКОЕ ПРОСТРАНСТВО БЕЗ РАЗРЕШЕНИЯ ИЛИ КОНТАКТА ОБОЗНАЧЬТЕ ЦЕЛЬ ПРИЛЕТА И НАПРАВЛЕНИЯ ЧТОБЫ ЦТВ МОГЛО КООРДИНИРОВАТЬ ДВИЖЕНИЕ РЯДОМ С ВАМИ СВЯЖИТЕСЬ С ЦТВ НА ЧАСТОТЕ ОДИН ВОСЕМЬ НОЛЬ ТОЧКА ПЯТЬ ПОВТОРЯЕМ ИМПЕРСКИЙ ФЛАГМАН «ДВАДЦАТЬ ОЗАРЕННЫХ ЗАКАТОВ» ВЫ ВОШЛИ В ДИСПЕТЧЕРСКОЕ ПРОСТРАНСТВО БЕЗ РАЗРЕШЕНИЯ ИЛИ КОНТАКТА ПРИЕМ

Спутниковые переговоры, 251.3.11-6П

* * *

> >ЗАПРОС/авторизация: ОНЧУ (ПИЛОТЫ) / последний доступ

> >Имаго-аппарат 32675 (Искандр Агавн) последний раз запрошен Медициной (Нейрохирургия), 155.3.11-6П (Тейкс. летоисч.)

> >ЗАПРОС/авторизация: ОНЧУ (ПИЛОТЫ) // все доступы

> >слишком много результатов, уточните запрос

> >ЗАПРОС/авторизация: ОНЧУ (ПИЛОТЫ) // все доступы *.3.11

> >Имаго-аппарат 32675 (Искандр Агавн) последний раз запрошен Медициной (Нейрохирургия), 155.3.11-6П (Тейкс. летоисч.); Медицина (Профилактика), 152.3.11-6П; Акнель Амнардбат, Культурное наследие, 152.3.11-6П; Медицина (Профилактика), 150.3.11-6П; Медицина (Профилактика) 50.3.11-6П […]

Сводка запросов к лселской базе данных имаго от Декакель Ончу, 220.3.11-6П (по тейкскалаанскому летоисчислению)

Снова в метро, после очередного блокпоста – все Солнечные

неподвижные, золотые и бдительные. *Покидающие* дворцовый комплекс их беспокоили меньше, чем входящие, и это неудивительно, но Махит все-таки чрезвычайно нервничала, когда проходила мимо. Гадала, может ли алгоритм считывать планы, *чуять* биение предвкушаемой вины; может ли алгоритм, даже созданный людьми, которые хоть когда-то были тейкскалаанцами, наблюдать за их с Три Саргассю беседой в ресторане и действовать на опережение. И как же хотелось узнать, *остаются* ли Солнечные тейкскалаанцами, учитывая все заявления об отношении имперцев к неврологическим усовершенствованиям и то, как Солнечные, тем не менее, разом оборачивались на нее с Три Саргасс – коллективное движение, словно неизбежное вращение спутника вокруг звезды, все семь золоченых шлемов двигались в унисон.

Махит уж было приготовилась к тому, что ее допросят хотя бы о мертвеце в апартаментах – прошло уже два дня, и должны же быть у такого человека, как Одиннадцать Ель, приглашенного на императорский банкет в честь конкурса поэтов, семья, коллеги, старые армейские товарищи. Те, кто поднимет шумиху, потребует справедливости.

Но Солнечные только замерли и словно посовещались друг с другом, а затем пропустили без лишних слов. Возможно, она под защитой? Если Солнечных контролирует алгоритм, на него может влиять не один человек – не только кто-то из Войны или сам Десять Перл, но и… кто-то еще. Снова на ум пришли серые агенты Юстиции (или *миражи* из Юстиции), и Махит огляделась. Никого не заметила, но это не значит, что их нет. Теперь ускорившись, чтобы не отставать от Три Саргасс с ее коротким спешным шагом, она задумалась о юрисдикции в законодательстве Тейкскалаана. Если за ней следит *Юстиция*, возможно, Солнечные вмешаться уже не смеют. И правда стоит изучить хитросплетения *уголовного* кодекса, а не только законы касательно передвижений и деятельности варваров.

Ей много чего стоило бы сделать. В метро, пока Три Саргасс вела к центральной станции, Махит все еще чувствовала в кончиках пальцев бешеный пульс, как он бился в такт неумолкающему гулу периферийной невропатии.

– Пока не арестованы, – снова пробормотала она.

Выражение Три Саргасс зависло между смехом и, кажется, отчаянным желанием велеть Махит *помолчать*.

– Пока нет, – сказала она. Махит усмехнулась. Истерика заразна. Она вдруг почувствовала себя ребенком, играющимся с друзьями в коридорах станции, узнавшим секрет, который нельзя знать взрослым. Когда она глубоко вдохнула, стянулся бинт,

прижимавший к ребрам зашифрованное сообщение, напомнил о его присутствии.

Центральный транспортный узел Внутренней провинции – провинции, где находились семнадцать миллионов тейкскалааанцев, дворец, Центральный Город, где Махит ожидала провести большую часть своей карьеры – оказался гигантским, монументальным зданием. Он постепенно заполнял поле зрения, пока они поднимались по длинной лестнице из метро: высокое строение, увенчанное куполом, съедавшим полнеба и окруженным шипастыми башнями: чертополох из бетона и стекла, а не здание. Позади него тянулись щупальца и петли путей маглева, словно широкая система вьющихся лоз, раскинутых веером. Махит знала строфу из «Зданий», начинавшуюся с описания этого вокзала: «неразрушимое, фасетчатое око, что рассылает / наших граждан, наблюдая». И в самом деле похоже на око – глаз насекомого с поблескивающими фасетками. Когда тейкскалааанская литература говорила о глазах, то часто упоминала об *осязании* или способности воздействовать: глаз видит, глаз меняет то, что видит. Наполовину квантовая механика, наполовину нарратив.

В Тейкскалаане *все* нарратив, даже с примесью квантовой механики.

– Где встречаемся с Двенадцать Азалией? – спросила Махит. В этом здании было бы так просто потеряться – раствориться в потоке постоянного движения прибывающих и отбывающих тейкскалааанцев, текучем, как вода.

– В Большом зале у статуи эзуазуаката Один Телескоп, – сказала Три Саргасс. – Не пропустишь; эту статую поставили в период, когда статуи ваяли *очень блестящими* и очень большими – такая была мода двести лет назад, так что Один Телескоп, по сути, сплошь перламутр.

Огромная статуя, облицованная внутренностями ракушек, собранных в настоящем океане. Собранных медленно. С течением времени. Махит снова захотелось рассмеяться, и она не понимала *почему,* почему не может успокоиться, почему все приправлено ощущением, будто она несется очертя голову навстречу неизбежной аварии. «Ты сейчас ляжешь на экспериментальную нейрохирургию, вот почему», – сказала она себе и кивнула Три Саргасс:

– Тогда пошли.

На входе они увидели агентов Юстиции в серой форме – увидели по-настоящему, а не в воображении. Они там просто слонялись – слишком небрежные, слишком бдительные. Махит не настолько ослепил внезапный чистый свод Большого зала,

невозможно широкий стеклянный купол на опорах, чтобы не заметить, как всех входивших в двери брали на заметку. Увидев еще одного, который шатался, как рассеянный пассажир, перед билетными кассами, но билета не покупал, она толкнула Три Саргасс в плечо.

– Туман. Как думаешь, следят за нами?

– …не уверена, – пробормотала Три Саргасс, почти беззвучная в гуле тейкскалаанцев, торопящихся на свои поезда. – За нами мог следить один у квартиры Двенадцать Азалии, но если он вообще существовал, то пропал, когда мы вышли из Науки, – а эти здесь были еще до нашего приезда…

Юстиции хватало причин разыскивать людей, похожих на нее с Три Саргасс, начиная с «Восемь Виток передумала насчет моей полезности» и вплоть до «незаконного надругательства над трупом Искандра». Хотя в последнем по большей части виноват Двенадцать Азалия.

– Вряд ли ищут *нас,* – сказала Махит. – Они ищут… – не хотелось называть его имени. – Лепестка. Из-за аппарата.

Три Саргасс тихо выругалась.

– А за нами следили только потому, что мы вышли из его квартиры, а потом… Мы же ведем себя невинно – пошли на встречу, потом на обед; мы не цели.

И снова Махит задумалась о *юрисдикции*. Возможно, они не цели для агента, который за ними следил, но он все же *следил* и этим мог помешать Солнечным арестовать их на месте. Ее охватили одновременно благодарность и ярость. (Она уже привыкала к комбинациям: к *удвоению*, странному ощущению благодарности за то, чему ее вообще не должны были подвергать. В Тейкскалаане это сплошь и рядом.)

– Может, и нет, – сказала Махит. – А видишь *его?* Лепестка. – Она показала на, очевидно, статую Один Телескоп – огромную женщину с грудью колесом и широкими бедрами, полыхающую красками океанского перламутра на вершине пьедестала. Двенадцать Азалии поблизости видно не было.

– Давай ее обойдем, – сказала Три Саргасс. – Как будто не представляем, что тут происходит. Полегче. Копируй поведение окружающих.

Они словно попали в плохой голосериал о шпионах и интригах. В транспортном центре слонялись незнакомцы, а Махит и Три Саргасс старались *не бросаться в глаза* – как вообще могут *не бросаться в глаза* варвар и асекрета, все еще в своем кремово-пламенном платье. Но, возможно, они только делали вид, что не имеют *отношения* к тому человеку, которого искали. Это еще куда ни шло.

За статуей Один Телескоп Двенадцать Азалии не оказалось. Три Саргасс прислонилась к пьедесталу, совершенно беззаботно, и Махит тоже прислонилась – и стала ждать. Пыталась разглядеть его черты в море движущихся тейкскалаанцев. Не получалось. Их было слишком много – и слишком много похожих на Двенадцать Азалию: низкие, широкоплечие, темноволосые и смуглые мужчины в многослойных костюмах.

– Не реагируй, когда я пойду, – пробормотала Три Саргасс. – Я его вижу. Следуй за мной через тридцать секунд; он в тени у киоска с едой, в двух платформах от нас, между платформами 14 и 15, – она показала подбородком, а потом сдвинулась с места, с внешней бесцельностью направляясь к киоску. Тот задорно и аляповато рекламировал на голограмме «ПИРОЖНЫЕ ДЛЯ ПЕРЕКУСА: СО ВКУСОМ ЛИЧИ!», а также «КАЛЬМАРНЫЕ ПАЛОЧКИ: СВЕЖИЙ ЗАВОЗ!» Махит не могла представить, чтобы ей захотелось того или другого. Три Саргасс что-то купила и скрылась в тенях, как раз когда Махит досчитала до тридцати и направилась туда сама. Она сразу пропустила киоск и зашла за него, где посторонний взгляд значительно отвлекали голографические рекламы.

Двенадцать Азалия был одет в самую повседневную одежду, в какой его видела Махит: длинная куртка поверх рубашки, брюки – всё розовых и зеленых оттенков. Лицо сосредоточенное, отрешенное. Значит, Туман все-таки ищет *его* – или, по крайней мере, следит за ним. Пока что казалось, они не горят желанием его арестовать.

– Жаль, поблизости нет другого садового пруда, чтобы спрятаться, – говорила Три Саргасс, пока ее заглушал джингл «ПИРОЖНЫХ». – Полагаю, это твои фанаты?

– Мои фанаты плодятся, – ответил Двенадцать Азалия. – Когда я выбирался из Юстиции, был только один.

– Должно быть, наблюдали за твоей квартирой, – сказала Махит. – Нам кажется, они следили и за нами, когда мы вышли, но перестали, раз мы не делали ничего необычного.

Двенадцать Азалия скверно и придушенно рассмеялся, быстро прервался.

– Значит, ты крепко держишь Тростинку на поводке, посол, раз она не делает ничего *необычного*. Ведь прошло уже несколько часов.

– Как думаешь, тебя заметили? – Три Саргасс тактично пропустила мимо ушей его слова.

– Да – но не приближаются. Не пытаются меня *поймать* – только хотят знать, *куда я направляюсь*, и проследить до…

До нейрохирурга без лицензии. Если за ними дойдут до

самого конца, Махит не сомневалась, что план рухнет под горой тейкскалаанских законов и арестов.

– … и они стоят между нами и кассами. Нельзя, чтобы они видели, как я покупаю билеты, – закончил Двенадцать Азалия.

Три Саргасс сохраняла полное спокойствие, полную сосредоточенность – те самые светящиеся энергию и решительность, которые казались Махит столь раздражающе прекрасными.

– Билеты куплю я. За мной никто не следит. Встретимся с тобой и Махит у двадцать шестой платформы, через две минуты. Пусть она идет перед тобой – она *намного* заметнее, хоть ты и красив до безумия и ходишь во всем *ярком*.

– Я же одевался не для практического шпионажа, – пробормотал Двенадцать Азалия. – Я одевался для поездки вне провинции.

Три Саргасс пожала плечами, одарила их обоих ослепительной улыбкой в тейкскалаанском стиле, с большими глазами на тонком лице, и выскользнула из своей формы асекреты. Вывернула наизнанку, демонстрируя оранжево-красную подкладку, растрепала косу в завесу на плечах и накинула покрасневшую форму на руку.

– Скоро вернусь, – сказала она.

– А вот *она*, кажется, готова для практического шпионажа, – сухо заметила Махит.

– Может, в сердце Травинка и консерватор, – сказал не без восхищения Двенадцать Азалия, – но она консерватор и в мысли, что министерство информации – это отряд для операций по внедрению и спасению, чем, собственно, оно и было до превращения в министерство.

Махит медленно сдвинулась с места. Даже чуть ли не дефилировала, чтобы стать заметнее. Высокая варварка в варварском одеянии. Вспомнила походку станционников – как у человека, не привыкшего к такой сильной гравитации, как на этой планете, несколько *заторможенного*, и почувствовала в успокаивающей боли в мышцах отголосок того, как привыкал к притяжению сам Искандр.

– А чем именно была Информация до того, как превратилась в министерство? – спросила она, не сводя глаз с серых чиновников Юстиции. На нее не смотрели. Они искали Двенадцать Азалию, который прятался в ее высокой тени. Она не важна. Не здесь. Не сейчас.

– Отделом разведки и аналитики у Шести Раскинутых Ладоней, – объяснил Двенадцать Азалия себе под нос. – Но то сотни лет назад. Теперь мы штатские. Служим императору, а не

яотлекам. Это снижает число попыток узурпации…

Объявили об отбытии поезда на платформе 26 из Внутренней провинции до Тополиного Моста с остановками в Беллтауне-Один, Беллтауне-Четыре, Беллтауне-Шесть, Экономикуме и Тополином Мосте. Махит и Двенадцать Азалия стояли сбоку от входа на платформу. Асекрета прижался к стене, Махит встала перед ним, лицом к нему, прятала от глаз, как могла. Объявили об отправке через две минуты. Она чувствовала, как по ней скользят взгляды людей из Юстиции – услышала приближающиеся решительные шаги, рискнула бросить взгляд через плечо. Это была Три Саргасс, с видом совершенно обычной пассажирки, возвращающейся из университета к себе домой во внешнюю провинцию, – а заодно и несколько серых следователей Юстиции, надвигающихся с другой стороны.

Махит приняла решение мгновенно. Она *сядет на этот поезд*, она найдет подпольного нейрохирурга Двенадцать Азалии, она не смирится с недоступностью памяти и способностей предшественника, если с этим вообще что-то можно поделать. И пусть агенты Тумана знают, на какой поезд они садятся, но они ни за что не узнают, где они сойдут.

– Беги, – сказала она, – *сейчас же*, – и схватила Двенадцать Азалию за рукав, потащила через платформу к ожидающей гладкой капсуле черно-золотого пассажирского маглева. Оставалось верить, что Три Саргасс побежит за ней, – *зараза*, как заболело бедро, до сих пор не зажило…

Перед ними легко раздвинулась диафрагма поезда; задвинулась за спиной.

– Наверх, – сказала Махит, и Двенадцать Азалия последовал за ней на второй этаж. Спустя секунду она услышала первое объявление об отправке – «двери закрываются, пожалуйста, отойдите от края платформы», – и надеялась, что Три Саргасс успела, а агенты Юстиции – *нет*, и…

… и все еще пыталась отдышаться, когда капсула пришла в движение – грациозный беззвучный *толчок*, совершенно ненавязчивый, и по лестнице поднялась Три Саргасс.

– Они не успели, у них нет билетов, – сказала она. – Смотрите, они на платформе, – и, запыхавшись, упала на кресло. Махит посмотрела. Двое в сером стремительно уменьшались в размерах, пока маглев ускорялся прочь.

– Все это куда экстремальней, чем я ожидала, – сказала Махит, не зная, что еще сказать. Сейчас, когда все… не *кончено*, но на паузе, она остро осознала, как же ей больно. Не самая лучшая форма для экспериментальной операции.

– Я, Махит, так думаю про всю свою неделю с тех пор, как ты

прилетела, – сказала Три Саргасс и отдала билет. Махит прочистила горло, стараясь не рассмеяться.

– Итак, – продолжала Три Саргасс жизнерадостно и решительно, – далеко едем? И есть ли у этого человека имя – или мы продолжаем сюжет про шпионов-любителей и будем ждать на углу с паролем?

– Она известна как Пять Портик, а едем мы в Белltаун-Шесть, – сказал Двенадцать Азалия, и Три Саргасс прошипела сквозь зубы:

– *Шесть*, серьезно?

За окнами сияющей мешаниной стали, золота и проводов проносился Город. Махит смотрела на него и слушала их, не стараясь прислушиваться, – что-то вроде культурного погружения мимоходом, а это, как ей было известно по своей психотерапевтической подготовке на Лселе, среди ее самых сильных черт. Теряться – парить в новизне, впитывать, запоминать, когда требуется. Ей нужно было отдохнуть. Ей нужно было успокоиться, насколько возможно.

– Да, Белltаун-Шесть – она иксплanатль без лицензии, где ей еще, *по-твоему*, жить? В элитном районе? – сказал Двенадцать Азалия. Он как будто оправдывался.

– Если бы мне понадобилась пластическая хирургия, я бы нашла иксплanатля без лицензии у *тебя* же в районе без необходимости ехать на другой конец провинции.

– Найти того, кто согласится вскрыть череп послу, будет малость потруднее, знаешь ли.

Небольшая пауза. Поезд на ходу издавал мягкий гул, повторяющийся перестук на самом краю слуха Махит.

– Я тебе благодарна, Лепесток, – со вздохом сказала Три Саргасс. – Ты же понимаешь, да? Просто… такая *неделька* выдалась. Спасибо.

Двенадцать Азалия пожал плечами, коснувшись Махит.

– Будешь угощать за это выпивкой до конца года. Ну да ничего. Пожалуйста.

Почти через час поезд покинул Внутреннюю провинцию – сердце Города, единственное место, где, как ожидала Махит, ей придется бывать как минимум в первые три месяца работы на должности посла (а туризм – только когда она обоснуется; далекие сантименты какой-то другой Махит Дзмаре в какой-то другой, более радушной вселенной) – и въехал в провинцию Белltаун. Сперва заметных изменений не было, не считая состава пассажиров: небольшая разница в этнических группах, показалось Махит: повыше, побледнее Три Саргасс и Двенадцать Азалии. Но понемногу менялась и архитектура, стоило миновать Белltаун-

Один и Три и заехать в Четыре, еще дальше по расширяющемуся вееру районов: здания не стали ниже, но стали *темнее*, душнее, а постоянный мотив цветов и света, легкая паутина Центрального Города целиком сменилась высокими гнетущими шпилями, испещренными одинаковыми окнами. Они перекрывали почти все освещение.

Махит, привыкшую к узким коридорам станции Лсел, отсутствие синего небосвода странным образом утешало, словно можно перестать следить за каким-то мелким неприятным делом; не помнить о *размере* неба. Интересно, что об этом думали тейкскалааанцы. Наверняка для них это признак упадка района – когда в одном месте теснится столько людей, загораживая солнце.

Беллтаун-Шесть был застроен еще плотнее – сад из зданий-пик, из серого бетона, темный, стоило только выйти с вокзала. Небо над головой – голубоватый ломтик. Три Саргасс нахохлилась из-за несуществующего холода, и уже одно это с ходу объясняло, как обитатели Центрального Города относятся к *этой* провинции.

– Как ты *нашел* эту Пять Портик? – спросила Махит, пока Двенадцать Азалия вел их по узким улицам.

Он пожал плечом.

– Травинка это уже знает – вечно меня дразнила, – но перед Информацией я пытался поступить в Науку и не сдал входной экзамен. После цикла экзаменов всегда остаются группы разочарованных студентов. Сердитые компании в кафе или полулегальные текстовые сети в облаке – я все еще поддерживаю связь с парочкой.

– В тебе открываются… неожиданные глубины, – сказала Махит.

Три Саргасс хихикнула – резко и тихо.

– Не стоит его недооценивать из-за *красоты*, – сказала она. – Он не попал в Науку только потому, что получил слишком много баллов в Информации, чтобы о чем-то еще переживать.

– *Так или иначе*, – сказал Двенадцать Азалия, – одна из моих старых подруг знает Пять Портик, а я верю, что она не сошлет нас к полному шарлатану. Пойдет?

– Для нас – только *частичный* шарлатан, – сказала Три Саргасс, и тут Двенадцать Азалия остановил их у центрального подъезда одного из огромных зданий-шпилей. Здесь не было интерфейса для облачной привязки, как у дверей в Центральном Городе или дворце, – просто панель с кнопками.

Он надавил большим пальцем на одну из нижних. Та шумно заскулила, словно маленькая сигнализация.

– Она знает, что мы придем? – спросила Три Саргасс как раз тогда, когда огромная дверь щелкнула и распахнулась.

– Видимо, да, – сказала Махит и вошла так, будто ни капельки не боялась.

Квартира Пять Портик находилась на первом этаже – единственная открытая дверь во всем коридоре, темно-серый прямоугольник мрака. В ней стояла сама хозяйка и наблюдала за ними без выражения, не считая некоего терпеливого взвешивания. Вблизи она совсем не была похожа на то, как Махит представляла себе иксплантля без лицензии. Худощавая и среднего роста, с высокими тейкскалаанскими скулами, на которых натянулась бронзовая кожа – посеревшая от возраста и нехватки витамина D. На самом деле она больше напоминала чью-то старшую сестру – из тех, кто не стал подавать заявки на квоту по репродукции и не имеет той генетики, из-за которой комитет по станционному населению решил бы ее переубеждать.

Но вот еще что: один ее глаз вовсе не был глазом.

Возможно, когда-то очень давно там находилась облачная привязка. Теперь же вместо нее виднелась часть черепа из металла и пластмассы, края скрывались под давно залечившейся вспученной кожей, а в центре, на месте глазного яблока, находился телескопический объектив. Он светился слабым красным цветом. Когда приблизилась Махит, апертура расширилась.

– Ты, должно быть, посол, – сказала Пять Портик. Голос не соответствовал ни ее нормальной внешности, ни искусственному глазу. Благозвучный, очаровательный, словно в какой-то другой жизни она была певицей. – Заходите и закройте за собой.

* * *

Дома Пять Портик не утруждала себя правилами приличия. Никто не предложил Махит и ее спутникам церемониальных чашек чая – она вспомнила Девятнадцать Тесло и мимолетно пожалела об отсутствии даже тюремного ощущения безопасности, – никто не предложил и присесть, несмотря на наличие дивана с протертой обивкой из бирюзовой парчи. Взамен Пять Портик быстро обошла Махит, словно оценивая состояние здоровья, и встала перед ней – расправив плечи, закинув голову, чтобы заглянуть в лицо. Технологическая вставка на месте черепа, где не была прозрачной, поблескивала, а в прозрачных местах Махит видела желтоватую кость и яркие розово-красные кровяные сосуды, спрятанные от воздуха.

– Где аппарат, который ты хочешь себе установить? – спросила она.

Три Саргасс кашлянула, намекая на политес, и сказала:

– Возможно, сперва стоит представиться…

– Это – лселский посол, парень – это тот, кто со мной связался, а ты – высокопоставленная чиновница из министерства информации, которая не выезжала из своей провинции со времен школьных экскурсий. Меня вы наняли для работы. Все довольны?

Три Саргасс расширила глаза в тейкскалаанской формальной улыбке, сильно уязвленная.

– Конечно, я и не ожидала *гостеприимства* от вас, иксплanатль, но думала хотя бы попробовать сама.

– Я не иксплanатль, – сказала Пять Портик. – Я механик. Пока подумай об этом, асекрета, а я поговорю с твоим послом.

– У меня в голове уже есть аппарат, – сказала Махит. – Вот здесь, где спинной мозг встречается с головным, – она отвернулась от Пять Портик и наклонилась, провела большим пальцем по призрачному шрамику под затылком. – Я хочу, чтобы вы установили новый точно там же и точно так же. Центральная секция расплетается и заплетается обратно, связь с внешней машиной снова восстанавливается.

– И для чего конкретно нужен этот аппарат, посол?

Махит пожала плечами.

– Метод усиления памяти. Проще говоря.

Ничего простого тут не было, но чем-то большим после трех минут грубого знакомства она не была готова делиться. На лице у Пять Портик появились одновременно и интерес, и сомнение – и оба выражения ей шли.

– Нынешняя версия повреждена? – спросила она.

Махит помялась, потом кивнула.

– Можешь объяснить, *как* именно?

Вопросы Пять Портик слегка отличались от тех, что Махит наслушалась от Двенадцать Азалии, Девятнадцать Тесло или даже самого императора, когда рассказывала им об имаго-аппаратах: те вопросы были уклончивыми, наводящими, *намекающими* на истинную цель, но *не требовали* раскрыть правду. Махит осознала, что Пять Портик все время приходится расспрашивать клиентов, кому не хочется раскрывать, *зачем* им нужна подпольная операция на мозге, и мысль, что она не первая пациентка Пять Портик, на удивление успокоила.

– Я сама не знаю, что вы увидите, когда меня разрежете, – начала она. – Повреждение может быть механическим и заметным. А может… и нет. Аппарат функционирует с перебоями, а при попытках получить к нему доступ я чувствую что-то вроде

симптомов периферийной невропатии.

– На каком этапе извлечения и замены мне стоит прекратить операцию, посол? – Центр искусственного глаза Пять Портик, светящийся красным, расширился, наехал. Смотреть в него было – как заглядывать в раскаленное сердце лазера.

– Мы бы предпочли, чтобы посол осталась *здоровой*, – сказала Три Саргасс.

– Не сомневаюсь. Но я вскрываю не твой череп, асекрета, так что послушала бы саму посла.

Махит задумалась, с какими катастрофами готова смириться. Ни одна – треморы, слепота, каскадные припадки, смерть, – не казались особенно важными перед лицом того, что на ее станцию нацелился, раскрыв пасть, весь Тейкскалаан. Она еще никогда не чувствовала себя так – отсеченной от всего. Крошечная пылинка на этой огромной и многолюдной планете, готовая на эксперимент, который не одобрят даже маститые неврологи самого Лсела.

– Я бы хотела выжить, – сказала она. – Но только если сохраню большую часть умственных способностей.

За ее спиной запротестовал Двенадцать Азалия.

– Право, – сказал он, – на твоем месте, Махит, я все-таки был бы консервативнее – Пять Портик принимает это *всерьез*…

Пять Портик цокнула языком и задумчиво хмыкнула.

– Ценю доверие, – сказала она так сухо, что Махит не поняла, обижена она или довольна. – Живая и в своем уме. Ну хорошо. И как ты готова расплатиться за это приключение?

Махит в смятении поняла, что даже *не думала* о плате. У нее было жалованье – еще не полученное, и она питала некоторые сомнения, что вообще когда-нибудь получит единый транш, если тейкскалаанское правительство продолжит деградировать в том же духе – и был счет на кредитном чипе, который даже *не считается* нигде, кроме лселского банкомата. А она забралась в такую даль, с чего-то решив, что операция – это как ресторан во дворце: пройдет за счет чужой щедрости или политического союза. Как *глупо*. Она не подумала. Она вела себя как…

… а, пожалуй, как тейкскалаанская аристократка.

Да пошло оно все.

– Можете забирать аппарат, который извлечете, – сказала она. – И делайте с ним что пожелаете, только не передавайте сотрудникам министерства науки или самому императору.

– … Махит, – в шоке произнесла Три Саргасс.

Махит взглянула на нее и выставила подбородок, увидев, как все черты лица Три Саргасс рисовали разочарование и ощущение предательства. Неужели ей действительно было так важно, чтобы

Махит уважала тейкскалаанские ценности, подчинялась укладу и принципам тейкскалаанской бюрократии и дворцовой культуры? А она теперь просто отдает то, что Искандр с таким трудом пытался продать. Да. Да, наверняка ей это было важно, и Махит жаль это понимать, но, увы (значит, все-таки не дружба, не удачно подвернувшийся союзник, а только корысть, и это *ранило*, но сейчас ничего не поделать), ни времени, ни сил объясняться или заглаживать разочарование нет.

Но Пять Портик сказала: «По рукам», – с таким видом, будто ее угощали вкусным десертом. Махит замутило.

– Технологическое пиратство у культуры, которая действительно *практикует* нейрохирургию, стоит больше одной экспедиции к тебе в голову, посол. Не желаешь чего-нибудь еще? Улучшить зрение? Исправить линию роста волос так, чтобы стать привлекательной даже для своих асекрет?

– В этом нет необходимости, – сказала Махит, стараясь не вздрогнуть. Стараясь ничего не выдать на лице. Совершенно тейкскалаанское, безмятежное выражение. Как учил Искандр. (Она его убивает? Своего имаго, вторую половину? Не эту ли цену она на самом деле платит: уничтожение того, кем должна была стать, хоть и заменит его им же самим?)

– Как угодно, – сказала Пять Портик. – Не считая происшествий вне моей власти – даже здесь, в Беллтауне, не гарантируется защита от рейдов Солнечных, посол, а я сдам твой аппарат, если на кону будет стоять моя жизнь, – я обещаю, что твоя внепланетная технология не попадет к тем, кому нужна больше всего.

– Это просто ужасная идея, – сказала Три Саргасс в пустоту, и Двенадцать Азалия положил ладонь ей на руку.

– Знаю, – сказала Махит, – но выбора у меня нет.

– Могу себе представить, – сказала Пять Портик. – Иначе бы ты не приехала сюда. Идем в операционную. Приступим. Асекреты, заберете ее где-то через три часа – если вообще заберете.

Глава 16

КОМЕНДАНТСКИЙ ЧАС 22.00-6.00 – ИЗ-ЗА УЧАСТИВШИХСЯ МАССОВЫХ БЕСПОРЯДКОВ СОЛНЕЧНЫЕ ВВОДЯТ КОМЕНДАНТСКИЙ ЧАС В СЛЕДУЮЩИХ ПРОВИНЦИЯХ: ЮЖНЫЙ ЦЕНТР, БЕЛЛТАУН-ОДИН, БЕЛЛТАУН-ТРИ […]

Официальное сообщение по облачной привязке и новостным трансляциям от 251.3.11

* * *

[…] в свете текущих обстоятельств Тейкскалаанская империя требует нового посла со станции Лсел. Конец сообщения.

Дипломатическая нота, доставленная курьером на «Кровавой Жатве Возвышения» правительству станции Лсел

Не считая стерильной чистоты, операционная Пять Портик ничем не напоминала палаты из белой пластмассы, которые Махит помнила по Лселу. Здесь находился стол из полированной стали на регулируемой платформе, окруженный лесом мобильных манипуляторов и сложных фиксаторов. Снимая пиджак, Махит чувствовала себя как во сне, совершенно нереально. Рубашку она оставила – вместе с тайнами Лсела, все еще приклеенными к ребрам. Пять Портик, похоже, было все равно; она быстро уложила Махит на стол ничком и закрепила голову в клетке из смягченных прутьев и ремешков. Какой-то абсурд. Она позволяет незнакомке вырвать из головы имаго-аппарат в каморке какого-то жилкомплекса на другой планете. Сама на это согласилась – и не раз.

«Искандр, – подумала она в последней отчаянной попытке достучаться, – прости меня. Мне жаль – пожалуйста, *вернись*…»

Все еще молчание. Ничего, кроме пробежавшего по рукам до кончиков пальцев мерцания от нервного повреждения.

Пять Портик подошла с иглой, на кончике налилась капля анестетика. Диафрагма в искусственном глазе разверзлась, объектив выдвинулся вперед; казалось, в предплечье Махит уколол не шприц, а раскаленное лазерное сердце этого глаза.

Голова закружилась. Ладони Пять Портик легли на ее руки. Она чувствовала, как ее кости упирались в сталь. Лазерный глаз расширился еще больше – она ощутила на себе его жар – *неужели она будет резать глазом…*

* * *

Пустота. Медленный распад, отмотка назад – и снова все пошло в правильном порядке, воспоминание о смыкающейся тьме, *падение*, а затем он очнулся в недрожащей плоти, легко и медленно втянул в горло каплю кислорода – первое облегчение, головокружительное и глубокое облегчение, *он дышит*, невероятная радость от того, что легкие наполняются воздухом, когда воздух не поступал вот уже…

(Он был на полу, задыхался на полу, ворс ковра под щекой, а теперь щека на чем-то холодном.)

Дыхание, еще замедленнее, из-за наркотиков.

(…не его щека, легкие слишком маленькие, тело – узкое и хрупкое от молодости и усталости в равной степени, и *был ли он вообще когда-нибудь настолько молодым – десятки* лет назад, – другое тело, новое маленькое «я», *он же умер, разве нет, – значит, умер и стал имаго, в новом теле…)*

Его рот издавал плачущие, абсурдные звуки. Он никак не мог понять почему.

Не важно. Он дышал. Он погрузился обратно во тьму.

* * *

На станции Лсел рассвет происходит четыре раза за двадцать четыре часа. Рассвет на его руках (без морщин, с подстриженными ногтями), лежащих на закаленной серой стали, холодной. Пальцы покалывает от адреналина, словно иголками. Напротив – Дарц Тарац (откуда-то издалека – голос, незнакомый: этот Дарц Тарац какой-то невероятно молодой, больше похож на человека, чем тот живой труп, каким его запомнил кто-то другой), с серьезным лицом под тронутыми проседью тугими кудрями, говорит:

– Мы пошлем вас в Тейкскалаан, господин Агавн, если вы согласны.

Он говорит <как он это помнит> (как сказала и *она*):

– Я хочу. Я всегда…

И налетает яркая страсть, голое постыдное вожделение того,

что не принадлежит ему по праву. Тогда он это почувствовал впервые?

(Конечно, нет. И она – не впервые.)

– Вас отправляют не из-за вашего желания, – говорит Дарц Тарац. – Хотя, возможно, благодаря этому империя будет пережевывать вас дольше и не сплюнет нам обратно сразу же. Нам нужно *влияние* в Тейкскалаане, господин Агавн. Нам нужно, чтобы вы забрались как можно выше и стали там незаменимы.

– Стану, – говорит он со всей самоуверенностью молодости и только потом спрашивает: – Почему сейчас?

Дарц Тарац придвигает через стальной стол звездную карту. Мелкая и точная, и Искандр знает эти звезды: это звезды его детства. На краю карты – череда черных точек, отмеченных координат. Мест, где что-то *произошло*.

– Потому что нам может понадобиться попросить Тейкскалаан о защите от чего-то *похуже* Тейкскалаана, – говорит он. – А когда мы попросим, они уже должны нас любить. Нуждаться в нас. Пусть они полюбят тебя, Искандр.

– Что здесь произошло? – спрашивает Искандр, пока неогрубевший палец задерживается на расползающихся черных точках.

– Мы здесь не одни, – говорит Дарц Тарац. – И то, что здесь с нами, чувствует лишь голод и ничего, кроме голода. До сих пор они были *мирными*, но… все может измениться. В любой момент. Когда изменится, ты должен быть готов просить Тейкскалаан вмешаться. Человеческая империя хотя бы поедает людей изнутри.

Искандр *передергивается*, одновременно испуганный и рассерженный: подавляет гнев, обиду на намек «из-за того, что ты любишь, ты омерзителен» в пользу полезного вопроса.

– Мы уже встречали инопланетян – что в данном случае иначе?

Лицо Дарца Тараца безмятежное, твердое и совершенно холодное. Оно будет сниться Искандру в скверные времена (он это знает, вспоминая будущее), будет сниться, как Дарц отвечает:

– Они не *мыслят*. Искандр. Они не *люди*. Мы не понимаем их, а они не понимают нас. Переговоры невозможны.

Будет сниться – и оставлять холод, который не разгонит ни тяжелое одеяло, ни теплый партнер в постели. И приходит мысль: почему Тарац не рассказал Совету? Почему выбрал своим оружием меня? Во что он хочет превратить станцию Лсел, пока рискует из-за этой опасности на протяжении неопределенного (<двадцать лет>, бормочет кто-то) времени?

Уже тогда он знал, что Тарац хочет чего-то большего, чем

военное *покровительство* Тейкскалаана, но потом Искандр попал в Город, во дворец, и игры Тараца потеряли… значение…

«Я вспоминаю это второй раз».

<Я вспоминаю это второй раз.>

(Я вспоминаю то, чего никогда не видела…)

Я это видел. Я и есть *это. А кто* ты?

(Обращение внутрь, в поисках этого чужого голоса – чтобы взглянуть на нее внутри них. Обращение внутрь, и тогда они *видят друг друга* – двойников…)

* * *

<Я Искандр Агавн>, – говорит Искандр Агавн.

Искандру Агавну двадцать шесть лет, и на тейкскалаанской территории он провел всего чуть больше тридцати двух месяцев. Искандр Агавн <умер! умер, я видел тебя мертвым на *столе* в *подвале! Я умер, потому что ты умер!*> перевалил за сорок, ему почти сорок один и уже знакомы мелкие неизбежные физические трагедии среднего возраста – обвисающие живот и подбородок.

Это я Искандр Агавн, говорит Искандр Агавн, а ты тот имаго, что я отправил на Лсел пятнадцать лет назад. Кому хватило дурости вложить мой имаго в меня же?

«Мне».

(Новое обращение внутрь, теперь поворот *в сторону* – и вот она: женщина с высокими скулами, короткими волосами, сама высокая и узкая, с острым носом и серо-зелеными глазами, покрасневшими от усталости.)

Я Махит Дзмаре, говорит Махит Дзмаре, и теперь я – это вы оба.

Кровь и *звезды*, говорит Искандр – каждый, оба, с одной и той же ругательной тейкскалаанской интонацией, – зачем ты это сделала?

Смеяться у себя в разуме неудобно, осознает, смеясь, Махит, а может, неудобно – это пытаться втиснуть три разума в один, и она/они того гляди разорвутся по шву, из-за того что двое других слишком похожи, а она… нет, она женщина, моложе на поколение, ниже на десять сантиметров, ей нравится вкус обработанного рыбного порошка в каше на завтрак, а им противен, вот из-за таких дурацких пустяков, – и она *проваливается* в собственный разум, чувствуя отголосок того места, где ее разрезали чужие безличные руки и превратили в то, чем она не является…

* * *

На станции Лсел существует долгая традиция психотерапии, потому что если бы ее не существовало, то все на борту давно бы уже провалились в кризис личности.

На ранней стадии интеграции с имаго, в самое сложное время, когда два человека выясняют, что в имаго-структуре есть ценного, а что надо выбросить, что личности-хозяину необходимо сохранить для самоопределения, а что можно отредактировать, переписать, пожертвовать, – на этой ранней стадии человеку надо сделать выбор: мелкий, неважный, но такой, чтобы имаго и хозяин выбрали одинаково. Надо сосредоточиться на этом выборе как на оке бури, как на сердце без терзаний. Где можно строить дальше.

<Махит, – говорит один из Искандров. Ей кажется, что молодой – *ее* имаго, который успел стать больше чем ее половиной. – Махит, помнишь, что ты чувствовала, когда впервые читала «Историю экспансии» Псевдо-Тринадцать Реки, дошла до описания тройного заката, который открывается глазам, когда висишь на точке Лагранжа станции Лсел, и подумала: «Наконец-то, вот описание моих чувств – причем даже не на моем языке…»>

«Да», – говорит Махит. Да, помнит. Эту боль: тоску и жестокую ненависть к себе, которая лишь обостряет тоску.

<Я тоже себя так чувствовал>.

«*Мы* себя так чувствовали».

Оба их голоса, почти одинаковые. Электрический огонь в ее нервах, нежность от ощущения, что *тебя знают*.

* * *

Резко и тошнотворно Махит осознала то, о чем никогда не просила: движение воздуха *внутри шейного отдела позвоночника* – тошнотворно интимная ласка, преображающаяся в каскад нервных импульсов, кончики пальцев озаряются мерцающим давлением, которое по движению какого-то огромного рычага переключается ко внезапной боли.

Почему она в сознании?

Что там с ней *делает* Пять Портик?

Махит пыталась закричать и не смогла: наркотики, державшие ее за порогом сознания, – паралитики (хоть *что-то* действует как надо, в ужасе подумала она, хотя бы не будет трепыхаться и рвать собственную нервную систему на кончиках

микрохирургического оборудования Пять Портик).

На нее, беспомощную, находят волны электрических ощущений из конечностей…

* * *

Их двое. Они видят друг друга; один – мертв, другой – распадается, его молодое лицо – лишь полузабытый набросок, с глазами Махит – зелеными, а не карими; *неправильность* пребывания в незнакомом сенсориуме – у этого тела острее обоняние, *отличаются* гормоны стресса, больше терпимости к боли, и какой-то Искандр (не важно какой) вспомнил, что тела с женскими гормонами просто лучше справляются с болью, чем тела с мужскими, подумал: «Хоть с этим будет легче», – но ей *слишком* больно. Им. Ей.

Мигающая тасовка; обрывки воспоминаний – словно парящий в нулевой гравитации мусор, который настолько бликует на солнце, что режет глаз сиянием:

(… на тыльную сторону его ладони из окна падает солнечный луч; слишком много морщин, выступают вены. Он никогда не думал, что состарится *в Тейкскалаане, однако вот он, здесь, пишет шифром на бумаге в своих апартаментах, извещает Дарца Тараца, что отсылать любым каналом свои новые имаго-копии небезопасно и что он не вернется на Лсел вновь, чтобы оставить имаго-аппарат на хранение и установить новую пустышку для продолжения записи. Это неправда: на самом деле это жителям Лсела небезопасно знать, на что он идет ради их безопасности. Он чувствует себя не просто старым, а* древним, *рассыпающимся набором решений, принятых под давлением обстоятельств – а еще из-за страсти, страшная смесь, – но еще хуже были бы обстоятельства и* преданность, *– хуже, зато правдивей…)*

(– …под давлением обстоятельств следует убедиться, что пожелания императора относительно его наследника будут учтены, – говорит Восемь Виток, – и потому мое предложение таково: я усыновлю девяностопроцентного клона в качестве своего законного наследника.

Искандр смотрит на нее, думает: «Я в принципе не могу сделать этому ребенку ничего хуже того, что планируют его собственные соплеменники – они будут управлять каждым аспектом его жизни, они его создали, они за него и выбирают. Так разве намного хуже позволить императору жить внутри него?

Потом думает: „Да, намного, и я все равно на это готов“».)

(… император Шесть Путь великолепен на своем троне в

окружении солнечных копий, в каждой черте его лица – небрежная сила, и внутри Искандра все переворачивается от нервного предвкушения, где-то в глубине горла гуляет волна электрического ощущения: «Он хочет поговорить со мной, я разгласил уже достаточно интересных почти секретов, у меня все получится – я знаю, чтó могу предложить, от чего он не сможет отказаться…»)

(…в горле застревает последний кусочек начиненного цветка; ни вздохнуть, ни сглотнуть. Там, где Десять Перл уколол шприцем в запястье, как будто горит шип боли. Десять Перл критически разглядывает его с другого конца стола и вздыхает – слегка меланхолически, смиренно. «Я пытался найти способ получше, как вывести вас из мыслей императора, – говорит он, – пыталась и Девятнадцать Тесло – прошу вас ее простить, если в вашей религии есть загробная жизнь, где возможно даровать прощение…»)

Трепет воспоминаний сгущается. Съеживается. Махит провожает его взглядом вниз, вниз, в центр их троих. Слабое сопротивление – («Никто не должен такое знать, я не могу, это… ты мертв», – думает Махит; <Я мертв>, – думает второй Искандр, молодой) – а потом:

* * *

– Император попросил тебя о бессмертии, когда был с тобой в постели?

Девятнадцать Тесло простерлась на голой груди Искандра, подпирает свой подбородок руками и смотрит на него со смертельной серьезностью. Она вся скользкая от пота. Искандру пора бы перестать ее вожделеть, учитывая, о чем она только что спросила, но это ничего не меняет. Жаль, что он даже удивиться этому не может. Он приглаживает ей волосы, спутывает в темные шелковые пряди. У императора такие же волосы, но серебристо-седые. На ощупь – те же самые.

(Проблеском – другой Искандр: сплошь либидо, скабрезный интерес, который Махит ощущает в виде пульса где-то в промежности – понимание желания. Это почти защищает ее от взрывного осознания: ответ на вопрос Девятнадцать Тесло – *да*.)

(<А она тебя все-таки заметила>, – говорит Искандр Искандру.)

(«В ту ночь я был на десять лет старше тебя, всерьез она меня начала принимать за два месяца до этого, – отвечает Искандр. – Заткнись и дай вспомнить – это было…»)

(<Приятно?>)

(«Нет, – говорит тот Искандр, в чьей памяти они находятся. – Нет, это было *важно*».)

(Махит переполняется воспоминанием о Девятнадцать Тесло в ванной комнате ее офисного комплекса, о странной нежности ее ладоней на своих, о внезапной ее *бережности.* Пытается вспомнить, кому именно принадлежало желание – ей, Искандру или им обоим, – говорит обоим Искандрам за просмотром этого воспоминания: «Кровь и звезды, с чего ты вообще взял, что это хорошая мысль?» Подбавляет в эхо жестокости. Жестокость не оттеняет откровение: ее совсем не удивляет, что Искандр соблазнил – соблазнился – Девятнадцать Тесло и самого императора. Их обоих.)

А в постели из воспоминания Искандр отводит глаза от спокойного и ровного взгляда Девятнадцать Тесло и говорит:

– Это не бессмертие. Если твой вопрос об этом. Тело все же умирает – и это имеет значение. Большая часть человеческой личности – эндокринная.

Девятнадцать Тесло задумывается. Кажется, ее нагота никак не влияет на холодные размышления на ее лице: с тем же самым выражением она повела его в постель.

– Значит, должна быть эндокринная совместимость?

– Личностная; есть много эндокринных систем, которые дадут очень похожих *людей*, а весь вопрос в том, смогут ли интегрироваться характеры. Но да, становится проще, когда имеется некое физическое сходство или сходство в раннем жизненном опыте.

– Его сиятельство задумал создать клона.

Искандра передергивает от такой мысли, и он надеется, что Девятнадцать Тесло этого не заметила. (Передергивается Искандр. Передергивается Искандр-Махит. Похоже, некоторые табу нерушимы, сколько бы тебя ни соблазняли тейкскалаанцы или сколько бы ты ни мариновался в дворцовой культуре. Нельзя помещать имаго в клон предшественника; конгруэнтность *слишком* высока. Личности не интегрируются. Одна просто *победит* – и будет утрачено все, что может предложить вторая.)

– Мы никогда не делали из клонов носителей имаго, Девятнадцать Тесло. Я не имею ни малейшего представления, как тело клона поменяет выражение Шесть Пути в виде *имаго*.

Эзуазуакат щелкает языком по верхним зубам. Она буквально приклеилась к нему; она отлично чувствует его отвращение, подозревает он.

– Если представить это *повторным использованием* его сиятельства, меня эта мысль тревожит меньше. Но все же тревожит, – говорит она.

– Я бы удивился, если бы было иначе, – говорит Искандр. – Она и *меня* тревожит, а я сам и предложил ему попробовать имаго-аппарат.

– Тогда зачем предлагал?

Искандр вздыхает и переворачивает ее на подушки. Он лежит на боку, а Девятнадцать Тесло оказывается в ложбинке между его бедром и грудью; малозаметное, но неизгладимое *присутствие* тела.

– Потому что Тейкскалаан огромен и голоден, а его сиятельство Шесть Путь – не сумасшедший, не охоч до власти и не жесток. *Хороших* императоров не так уж и много, Девятнадцать Тесло. Даже в поэзии.

– И еще ты его любишь, – говорит она.

Искандр вспоминает, как проснулся – в изнеможении, в сладкой боли, – где-то через час после того, как заснул в постели императора, и обнаружил, что тот уже не спит – сидит с пачкой инфокарт на голых коленях, за работой. Тогда он свернулся вокруг императора, сделал себя теплой опорой для работы. Такой пустяк, и Шесть Путь задержал руку на его щеке, – тогда Искандр задумался, *спит* ли вообще император, и услышал – эхом, словно из облачной привязки где-то в разуме, – строки из «Энкомии павшим с флагмана „Двенадцать Распускающийся Лотос“ Четырнадцать Скальпеля»: строки о капитане корабля, как она погибла вместе со своей командой. «Нет звездной карты, что не видели / ее недремлющие очи или не кроила / ее огрубевшая копьеносная длань, и такой / она пала – истинным капитаном». Недремлющие императоры. Соблазн – суть поэзии. Сказок, в которые ему хочется верить.

– И еще я его люблю, – отвечает Искандр эзуазуакату. – Не должен, но люблю.

– Я тоже, – говорит она. – Надеюсь, все еще смогу любить, когда он уже не будет собой.

* * *

«А мы – это мы?»

Это спрашивает один из них. Один из них думает, что это риторический вопрос: вот есть непрерывная память, она составляет личность. Личность – это тот, кто помнит, что он эта личность.

Еще один из них поправляет: «Непрерывность памяти, профильтрованная через эндокринную реакцию».

Еще один из них поправляет: «Мы все помним, что были этой

личностью, и все-таки мы разные».

Они смотрят друг на друга в этом странном внутреннем тройном видении. Махит не помнит, чтобы встречала Искандра во время первой операции. Искандр – ее имаго, ее вторая половина, теперь бледнеющий обрывок, никогда не полноценный, а сейчас вовсе только в том остаточном виде, что успел прописаться в ее неврологию, – он тоже не помнит и вдобавок не понимает (несчастное, изливающееся признание в непонимании), забыл он об этом или в принципе помнит только то же, что помнит Махит, или то же, что помнит Искандр (второй, мертвый, пойманный на пике смерти, словно пронзенный).

(…в горле застревает последний кусочек начиненного цветка; ни вздохнуть, ни сглотнуть…)

Хватит, говорит Махит. Ты умирал, а теперь ты – это мы.

Она до сих пор оправляется от остальных его воспоминаний, от знания о его взаимопроникновении с Тейкскалааном, но ей еще хватает самоосознания (все-таки они находятся в *ее* теле), чтобы не желать заново прочувствовать, как Десять Перл ввел удушающий яд.

Ты был мертв, а теперь нет, и *ты мне нужен*, говорит она. Мне нужна *твоя помощь*, Искандр. Я твоя преемница, и теперь ты мне нужен.

Ее Искандр, рваные лохмотья: «Мне жаль».

Старик, умирающий, влюбленный: вздох, попытка дышать – подчинить себе легкие, с которыми он теперь живет…

* * *

На том стальном столе, стискивая зубы и выгибаясь в судорожную тонико-клоническую дугу, Махит (или Искандр) (или Искандр) с ужасом пришла в сознание второй раз с тех пор, как Пять Портик начала операцию. Пропало страшное ощущение от того, что нервная система раскрыта для воздуха – хоть какая-то милость; хотя бы уже не копошатся инструменты в черепе, хотя бы если начнутся конвульсии, то она не поджарит себе мозг из-за аномальной электрической активности, не разорвет травмой…

Легкие застыли. Искандр дышал иначе, привык к большим легким – или же к легким, оцепеневшим от нейротоксического паралича. В глазах встали искры, синие и белые, по краям наползала серость, и она пыталась не паниковать, пыталась вспомнить, как заставить *эту* эндокринную систему дышать, успокоиться, *прекратить*…

«Искандр, ты мне нужен, мы должны работать, тебе нельзя

умирать…»

Рука, которую обжег ядовитый цветок, ударила по стальному столу – и на один головокружительный миг она не могла понять, ее это боль – или же это воспоминание о том, как Искандр умирал с иглой, излучающей ядовитый жар, в *собственной* руке. Пробежала та же электрическая волна в локтевых нервах, что обозначала сбой имаго-Искандра, с которым она делила разум.

Что, если вся эта боль *зря*, если имаго-аппарат пострадал не от саботажа, а из-за самой Махит, и сбой – в *ее* нервах, и она *напрасно* просила Пять Портик ее вскрыть…

<Махит>, – сказал Искандр. Внутренний голос был необычным, двойным. Прерывистым. Но *был*.

Позвоночник окоченел в ужасной дуге, которую она не могла ослабить. «Мы не умрем, если только ты не заставишь нас умереть», – ответила она тому голосу и сама пыталась в это поверить.

Ужалила игла – в этот раз ягодицу. «Пять Портик, – подумала Махит, – это Пять Портик пытается меня стабилизировать».

Плоская тьма проглотила ее, словно удар грома. Облегчение.

Интерлюдия

Разум – как звездная карта наоборот: скопление воспоминаний, условных рефлексов и прошлых поступков, скрепленное сетью электричества и эндокринных сигналов, сведенное до единой подвижной точки сознания. Два разума вместе взятых хранят огромную карту прошлого и настоящего, гораздо большую спроецированную карту будущих, – но два разума вместе взятых, как бы они ни были близки, переплетены, имеют и собственную картографию, чужую друг для друга. Теперь приглядимся к Дарцу Тарацу и Декакель Ончу, бывшим друзьям, многолетним коллегам, усомнившимся в мотивах друг друга: вот они встречаются в тихом уединении личной спальной капсулы Ончу. Их подвернутые колени почти соприкасаются. Звукоизоляция включена.

Внимательно приглядимся к точкам, где их картографии вселенной не совпадают.

Ончу принесла Тарацу свои доклады об огромных кораблях из трех колес, что движутся по станционному космосу и пожирают станционные корабли и пилотов; принесла и свой фриссон перекошенного гравитацией страха, вызванного ее имаго-линией в реакции на непознаваемое. Ей пришлось переступить через себя, чтобы признаться во всем Тарацу, но Шахтеры и Пилоты – давние союзники: две вершины правительства Лсела, что отсылают мужчин и женщин в черноту вне металлического корпуса станции.

Она не ожидает того, что принес в ответ Тарац: вот уже почти два последних десятилетия он знал об этих вторжениях – по слухам, намекам и замятым сообщениям. Знал – и вел тайную карту, и создал сеть шпионов и информаторов, чтобы эту карту пополнять. Капитан, прибывший к Ончу, затем заглянул в кабинет Дарца Тараца.

Ончу злится. Но это бесполезная злость – нет времени ее раздувать, ведь Тарац продолжает, изливает признания, словно сбрасывает камень с плеч после многочасового подъема: среди созвездия его планов на Искандра Агавна, столько лет назад отправленного на службу в Тейкскалаан, был и план подготовки к альянсу, чтобы, когда настанет время, уговорить одну империю – такую же человеческую, как станционники, но намного ненасытнее – броситься с раскрытой пастью в зев империи куда больше и куда чужеродней. Чтобы там эту империю и сожрали – точно так же, как она сама пожирала столь многих и столь долго.

– Ты делаешь из нас *наживку*, – говорит Декакель Ончу. –

Стычка между Тейкскалааном и этими пришельцами случится прямо у нас по соседству…

– Не *наживку*, – отвечает Дарц Тарац. – Я делаю из нас то, что империи, которая постоянно угрожает нас поглотить, ценнее сохранить в нынешнем виде. Стычка случится не *здесь*: флот пройдет через наши Врата Анхамемата и все остальные врата, где видели те корабли, туда, откуда являются инопланетяне.

Ончу воображает себе образ мышления Тараца: должно быть, он видит в Тейкскалаане волну, что-то такое, что нахлынет и отступит, оставив океан прежним. Однажды она видела океан. Видела, что делает *прилив* с береговой линией.

Тарац же думает не о волнах. Он думает о тяжести: о том, что он изо всех сил давит на весы галактики, сдвигая равновесие всего чуть-чуть. Не более, чем сдвинет один человек, который отправится в Тейкскалаан и полюбит его всем сердцем и разумом, и соблазнит так же, как соблазнился сам: и тем самым приведет к гибели.

– Чего ты *хочешь?* – спрашивает Ончу в тишине своей капсулы.

– Конца, – говорит Дарц Тарац, уже немало постаревший, пока без конца налегал на весы. – Конца империй. Чтобы неостановимая сила столкнулась с несдвигаемым объектом и сломалась.

Ончу шипит сквозь зубы.

Глава 17

Патриций третьего класса Одиннадцать Ель скоропостижно скончался после болезни.

Патриций третьего класса Одиннадцать Ель, отважно служивший империи в Двадцать Шестом легионе под командованием яотлека Один Молния, умер вчера после быстротекущей болезни, сообщает его ближайший генетический родственник – сорокапроцентный клон Один Ель, к которому наш репортер обратился за комментарием на место его службы в Северо-Восточном отделе Центрального транспортного ведомства. «Смерть моего генетического предка застала всех врасплох, – сказал Один Ель, – и теперь я пройду множество анализов, чтобы определить, не ношу ли и я генетические маркеры, ведущие к инфаркту…»

Газета «Трибуна», некрологи, 252.3.11-6П

* * *

На подходе к нашему сектору замечены тейкскалаанские суда – запрашиваем приказ – перехват невозможен из-за их высокого числа – на марше как минимум легион…

Сообщение, полученное Декакель Ончу в должности номинальной главы обороны станции Лсел, от пилота Камчата Гитема, 252.3.11-6П (по тейкскалаанскому летоисчислению)

Очнулась Махит в тусклом свете, в зудящем уюте от грубой ткани под руками и щекой, и с самой страшной головной болью в ее жизни. Рот как будто превратился в грязную пустыню – не сглотнуть от сухости, гадкий привкус. Горло саднило от крика, а левая рука глухо ныла – почти так же, как после случая с ядовитым цветком, – и она *не мертва*, и все еще мыслит полными предложениями.

Пока что неплохо.

«Искандр?» – с опаской спросила она.

<Здравствуй, Махит>, – сказал Искандр устало. В основном

голос принадлежал другому Искандру – послу Агавну: постарше, погрубее, чем у Искандра, которого она знала и потеряла.

В основном, но не до конца. Ее Искандр как будто все еще существовал где-то в промежутках и трещинах – пропал хранивший его имаго-аппарат, но сам он все же не слабее ее присутствовал в фантазиях воспоминаний и образов после удаления аппарата. Они вместе населяли одну нервную архитектуру и эндокринную систему чуть больше трех месяцев. Маловато для *интеграции* – иначе не пришлось бы его заменять, – но она еще чувствовала его, помнила *его* версии воспоминаний Искандра: на пятнадцать лет свежее, с другими интонациями.

Теперь это ее воспоминания. От мысли о них мутило, из-за удвоенной памяти кружилась голова – вот почему, решила она, добавка второй версии того же имаго, даже записанной позже, не самая лучшая идея и почему этого никогда не делали.

«Здравствуй, Искандр», – сумела подумать она, перебарывая тошноту. Уголки рта растянулись в широкую улыбку – его улыбку, – и она укорила его, мягко (им придется столько всего *начинать заново*, и, зар-раза, как же она скучала по собственному имаго):

– Проваливай из моей нервной системы.

<Я тоже по нему скучаю, – сказал Искандр. – Кто же не скучает по своим двадцати шести?>

«Это все-таки не одно и то же», – подумала Махит.

<Нет. Видимо, нет>.

Махит вздохнула, и горлу стало больно даже от вздоха. Похоже, кричала она громко. «Знаю, – подумала она. – Теперь мы есть друг у друга. Вся наша линия: первый и второй послы в Тейкскалаане».

<А ты устроила еще больше неприятностей, чем даже я, – сказал Искандр. Она чувствовала, как он перебирает последнюю неделю ее жизни, словно пролистывает инфокарты. – Впечатлен, впечатлен>.

«Ничего бы не случилось, не завари ты кашу первым, – сказала она. – А теперь мне нужна твоя помощь. И нужно… понять, кем мы будем. У нас разные приоритеты…»

Проблеск, эмоциональный *шип* в солнечном сплетении от того, как она себя чувствовала во время разговора с императором.

<Так ли?>

«Разные, – повторила она. – И держись подальше от моей нервной системы, я ведь уже сказала. Ты умер. Ты мой имаго, моя живая память, и мы – лселский посол…»

<Ты мне нравишься, – сказал Искандр. – Всегда нравилась>.

Где-то в расщелинах замерцала версия, которую она знала. И

все-таки чувствовала Махит себя так, будто в нее кто-то влез, будто она отяжелела от незнакомого ментального веса кого-то *другого*, кого-то еще живее ее, повидавшего больше, знавшего Тейкскалаан лучше, – беспомощно и внезапно она подумала о том, как себя почувствует девяностопроцентный клон, если в его десятилетнюю голову разом втиснется весь Шесть Путь, и ощутила сочувственную боль.

Чувства Искандра – как тяжелого веса, так и ярких лохмотьев – отступили. Возможно, так они извинялись.

Махит набралась смелости, приготовилась к неизбежным физическим последствиям и открыла глаза. Со светом тут же всплеснулась головная боль, как она и ожидала, но ее не стошнило, не охватила очередная судорога, не пошли тут же визуальные искажения. Могло быть и хуже.

Она лежала на бирюзовом диване – прямо как тот, что стоял у Пять Портик в гостиной. Ткань под щекой оказалась обивкой. Может, у Пять Портик есть целый гарнитур из бирюзовой мебели. Может, купила все вместе на распродаже. В последний раз Махит просыпалась после операции на мозге в медцентре Лсела, в стерильной и уютной серебряно-серой палате. Теперь же все было… иначе.

<Весьма>, – сказал Искандр саркастично. Махит усмехнулась – и уже вот это было *больно*.

Осторожно, с таким ощущением, будто все ее тело иссушило в вакууме, она села. В поле зрения не было ни Пять Портик, ни Три Саргасс, ни Двенадцать Азалии. Так что она не стала торопиться перед тошнотворным процессом сползания с дивана и пути к единственной двери на виду. Ребра стянуло, когда она попыталась вздохнуть полной грудью, – а, это же спортивный бандаж, все еще вокруг ложных ребер, как и до начала операции.

Из-за чего только не проникаешься доверием к другим: Махит была невероятно благодарна Пять Портик за то, что та сделала не больше, чем просили. Только *оплаченное* надругательство, большое спасибо: письмо от Дарца Тараца все еще на месте, а теперь, с помощью Искандра, она сможет его прочесть.

Если остальные ждут за дверью, пока она проснется – и наверняка гадают, *проснется* ли вообще, – то лучшего момента для расшифровки не найти, сейчас, пока она одна.

Одна, но не одинока, и так теперь будет до конца жизни.

<Мы привыкнем, – сказал Искандр. – Раньше уже привыкали>.

«А потом ты взял и исчез, – сказала Махит. – Ладно. Показывай, как это читать, если можешь».

Она подняла рубашку и развернула повязку. Послание

сморщилось после того, как она на нем каталась по столу, приняло форму ребер, но все еще оставалось целым и совершенно читаемым – не считая абзаца внизу, зашифрованного не ее книжным кодом.

«Тут сказано, ты знаешь ключ. Или знал пятнадцать лет назад».

<Знаю до сих пор, – ответил Искандр, и она знала, что накатившее облегчение он ощутил с той же силой, что и она. – Его мне втайне передал Дарц Тарац сразу перед тем, как я сел на транспортник до Города. Если это его шифр, то послание мог написать только он один>.

«Показывай», – сказала Махит.

И Искандр показал.

Разделять с имаго один *навык* – это как раскрыть в себе неожиданный и огромный талант; словно она села на станции за задачку по орбитальной математике и вдруг осознала, что изучала математику десятилетиями, что знает все правильные формулы как свои пять пальцев; или словно ее пригласили на танец в нулевой гравитации – а она автоматически знает, как *почувствует* себя тело, как надо двигаться в пространстве. Шифр был математическим – должно быть, это предпочтение Дарца Тараца, ведь Махит знала, что Искандру пришлось *заучивать* матрицу, необходимую для генерации одноразового ключа. Она радовалась, что *ей* учить ничего не пришлось, – только чувствовать, как та раскрывалась внутри, словно распускающийся цветок.

<На бумаге будет проще, – сказал Искандр, – и с карандашом>.

Махит рассмеялась – тихо, опасливо, от смеха все еще болели горло и голова. Она подняла руку к затылку. Там был бинт, скрывавший разрез. На ощупь она предположила, что рана где-то длиной с ее большой палец, и попыталась представить, как выглядит шрам. Затем – все еще аккуратно – оттолкнулась, встала на ноги и поплелась туда, где мог быть пишущий прибор. Пять Портик – противница системы, возможно, у нее в столе найдутся и настоящие ручки, а не только голографические манипуляторы для инфокарт.

Ручек не было, зато на стопке механических чертежей лежал карандаш. Махит не стала их пролистывать – Пять Портик не сняла с нее рубашку, а она не собирается подглядывать в чужие бумаги, – но даже беглого взгляда на верхний чертеж хватило, чтобы узнать схему руки-протеза.

«И зачем человеку ехать в такую даль ради протеза?»

<Это Тейкскалаан, – сказал Искандр, – неврологические

исправления – не единственные *нечестные* добавки к телу>.

Она пожалела, что не различает, то ли он говорит с сухим сарказмом, то ли искренне выражает мнение, – но вот *это* как раз было ожидаемо. Путаница была обычным делом с каждым Искандром – с первого же мига, как он оказался у нее в голове еще на Лселе.

«Вот карандаш, – обратилась она к нему. – Научи, как прочитать, что Тарац хочет сделать в связи с захватническими войсками, нацеленными на нашу станцию».

Они – *она*, она вместе с предыдущим знанием Искандра, заполнявшим ее тело, раскрывавшим неожиданные окна в разуме – буква за буквой расшифровали послание с помощью последовательного матричного преобразования, которое Искандр запомнил двадцать лет назад по пути в Тейкскалаан: вот как *он* провел долгие недели на борту. Она уловила проблеск воспоминания, кружащийся обрывок – Искандр в первую ночь в ее (его) посольских апартаментах сжигает бумажку с кодом, которую вручил Тарац.

Махит так усердно трудилась над *процессом* дешифровки, что почти не обращала внимания на содержимое послания, пока все оно не появилось в виде открытого текста. Текста короткого. Об этом она знала еще до нынешнего ужасного приключения – текст и *не мог* быть длинным, слишком мало символов, там нет подробных инструкций, о которых она мечтала. Никто ей не скажет, как выбираться из того, что творится. Там мог быть лишь совет.

И этот совет ее ужаснул.

Требуйте изменить маршрут войск; заявите о некоем верифицируемом знании о недавно обнаруженном нечеловеческом вторжении в точках, указанных ниже; не разглашайте координаты до подтверждения изменения.

<Сможешь запомнить цифры, Махит Дзмаре?>

Отчасти казалось, будто на ногах ее поддерживает только Искандр. Голова раскалывалась.

«Да, – подумала она. – Я знаю наизусть всего Псевдо-Тринадцать Реку, уж несколько координат выучить смогу».

<Вперед. А потом уничтожь расшифровку>.

«Как?»

<Съешь. Это бумага>.

Махит целую минуту таращилась на координаты – укладывала в ритм и размер в голове, учила, как стихи. А потом порвала полоску, где записала расшифровку первоначального послания, и сунула в рот, все это время думая: «Мы едим лучшее от наших мертвецов. Чей прах я ем сейчас?»

Бумагу пришлось прожевать, из-за усилия заболело место разреза. И все же она съела. Хоть какое-то занятие, пока она взвешивала варианты.

У *кого* ей требовать? У императора?

<Да>.

«Ты предвзят, Искандр».

<Предвзят, но прав>.

Может, и *прав*. Может, ей надо поступить точно так же, как поступил бы Искандр, будь он жив, и ворваться во Дворец-Земля с координатами на языке, словно нитью жемчуга, чтобы торговаться за перемирие.

* * *

Когда она наконец добралась до гостиной – далеко обходя дверь операционной, – там на *другом* бирюзовом диване сидели и Три Саргасс, и Двенадцать Азалия, бок о бок, как дети в приемной, а Пять Портик нигде не было видно. Стоило Махит войти, как Три Саргасс вскочила на ноги. Налетела и крепко обняла, нарушая все табу личного пространства что Лсела, что Тейкскалаана. Махит чувствовала через стенку ее ребер, как бьется сердце.

– Живая! – воскликнула Три Саргасс, а потом: – … Ой, тебе не больно? – и освободила Махит почти с той же силой, с которой обнимала. – И ты – это *ты?*

– …да; не больше, чем было; а это все еще зависит от тейкскалаанского понимания «ты», Три Саргасс, – ответила Махит. Хирургический разрез заболел и от улыбки, но все же не так сильно, как от жевания.

– И ты можешь говорить, – продолжила Три Саргасс. Махит так и хотелось пригладить ей волосы за уши; она не заплетала косу заново с тех пор, как они сбежали от агентов Юстиции, даже за время, пока Махит лежала на операции – сколько бы там *ни прошло*, Махит даже не знала, который час, – и с этими растрепанными волосами Три Саргасс выглядела ошеломляюще молодой.

– Кажется, *большую* часть умственных способностей я сохранила, – сказала она с как можно большей тейкскалаанской нейтральностью.

Три Саргасс несколько раз моргнула и *рассмеялась*.

– Я рад, – сказал Двенадцать Азалия с дивана. – Но, собственно… помогло?

<У тебя поразительные друзья>.

– Да, – ответила Махит и вслух, и внутренне. – По крайней мере, *достаточно* помогло. Сообщение я расшифровала.

– На что это *похоже?* – спросил Двенадцать Азалия одновременно с тем, как Три Саргасс сказала:

– Хорошо. И что хочешь делать *дальше* с учетом этого?

Если можно было выбирать, дальше Махит хотела бы присесть. И, возможно, дрыхнуть, пока все не кончится, не появится новый император и вселенная не вернется к норме. Если столько спать, она наверняка умрет. Зато присесть она могла, хотя бы ненадолго. Она направилась к дивану под руку с Три Саргасс – теперь та поддерживала *приличное* расстояние, о чем Махит смутно жалела.

– Мне нужно, – сказала она, – вернуться во Дворец-Земля и поговорить с его сиятельством Шесть Путем.

<Спасибо>, – прошептал Искандр, словно пламя за глазами.

– Неслабое, должно быть, сообщение, – сказал Двенадцать Азалия.

Махит очень аккуратно спрятала лицо в ладонях.

– К моей родине направляются завоевательные войска, империя на грани гражданской войны, а *я запросила немедленной помощи у руководителей в правительстве* – ты что, ожидал нейтрального подтверждения?

– Ну я все-таки не идиот, – сказал Двенадцать Азалия. – Сюда же я тебя привел, нет?

– Привел, – сказала Махит. – Прошу прощения. Просто я была без сознания… не знаю сколько, который час?

Три Саргасс разок пригладила ее легонько по спине.

– Ты пролежала одиннадцать часов. Сейчас около часа ночи.

Неудивительно, что Махит *нехорошо*. Она *давно* уже под анестезией.

– Сколько из этого заняла операция? И где Пять Портик? Кажется, я должна ее поблагодарить.

– Она… вышла, – сказал Двенадцать Азалия, – около часа назад, но в операционной ты провела всего три, максимум четыре часа.

– Мы уже сомневались, что ты очнешься, – слишком ровным голосом добавила Три Саргасс. Махит слышала в нем признаки стресса и снова спросила себя, насколько плохо было *Три Саргасс*, когда ее госпитализировали после электрического удара Города. – Пять Портик не торопилась нас успокаивать.

– Сомневаюсь, что я дала для этого повод. А есть… можно водички? – в горле все еще стояла такая сушь, что было больно говорить, а она не собиралась замолкать столько, сколько Три Саргасс и Двенадцать Азалия в состоянии отвечать.

– Конечно, – сказал Двенадцать Азалия, – должна же тут где-то быть кухня. – Он поднялся с дивана с таким трудом, словно просидел на одном и том же месте долгое время – Махит стало немного совестно, но не сильно, – и скрылся за углом.

Они с Три Саргасс остались одни. Молчание казалось странным, снова наэлектризованным, как в ресторане, пока Три Саргасс не спросила – тихо:

– Ты *правда* еще ты? Я… можно с ним поговорить? Это вообще возможно?

– Я – это я, – сказала Махит. – У меня осталась своя непрерывная память и эндокринная реакция, так что я – это я, насколько это возможно. Не то чтобы внутри меня сидит второй человек. Это я, но с дополнением.

<Если хочешь, мы можем с ней поговорить>, – прошептал в черепе Искандр.

«Мы и так с ней говорим, Искандр».

– Ладно, – сказала Три Саргасс. – Кажется, весь этот процесс приводит меня в ужас, Махит, а еще, кажется, тебе надо знать, что относиться я к тебе буду точно так же, как и раньше, пока ты не начнешь странно себя вести.

Махит подозревала, Три Саргасс пыталась сказать: «Я тебе все еще доверяю», – но получилось так, как получилось. Улыбнулась – лселской улыбкой, несмотря на боль – и получила в ответ широкоглазую тейкскалаанскую улыбку.

Не успела она продолжить, как со стороны, куда ушел Двенадцать Азалия, раздался шум голосов – вернулась Пять Портик, причем не одна.

– Кто он? Пять Портик, ты не сказала, что у тебя клиенты, – женский голос, резкий.

– Он не клиент, Два Лимон, он связной клиента. Идем, он тут не один.

– Нашла время для *клиентов*, – сказала Два Лимон, – яотлек только что высадил в порту армию… – а потом они все вместе влились в комнату, где сидела Махит. Пятеро, разных полов и возрастов; ни одного с облачной привязкой. (Никто из них не хочет, чтобы за ними следили Город и его алгоритмическое сердце.) Среди них несло Двенадцать Азалию – со стаканом воды в руке.

– Это же варварка, – сказал один из гостей.

– *Иностранка*, – добавил другой устало, словно поправлял уже в сотый раз.

– Иностранка, варварка, мне все едино, – сказала Два Лимон – пухлая дама с прямой осанкой и стальной сединой в волосах, уложенных идеальной косой. – Главное, что рядом с ней сидит

шпионка. Пять Портик, что здесь делает министерство информации?

Три Саргасс одновременно замерла, подобралась и оцепенела. Махит гадала, не придется ли им бежать. Сомневалась, что сможет.

– Она пришла с варваркой, – сказала Пять Портик, и *ее-то* поправлять никто не торопился, – они предложили интересную задачку и были готовы заплатить за решение. Два Лимон, ты отлично знаешь, что я имею дело только с теми, с кем сама хочу.

– Могла бы и предупредить перед тем, как мы пришли к тебе домой, – сказал один из спутников Два Лимон – тот, который так интересовался *иностранцами*. – Мы бы перенесли чрезвычайное собрание о дальнейших действиях на завтра…

Два Лимон пронзила его взглядом.

– Не перед шпионкой же.

– Я вам не *шпионка*, – довольно возмущенно сказала Три Саргасс, – и меня не волнуют ни ваши собрания, ни кто вы есть. Моя работа в министерстве не имеет отношения ни к *одному* из вас.

– О, но кто же ты, асекрета, как не шпионка, – сказала Пять Портик, – хоть я и думаю, что при правильном подходе ты еще исправишься.

– Это что, угроза?

Махит положила ладонь на руку Три Саргасс.

– Асекрета со мной, – сказала она, – и я беру ее под ответственность станции Лсел.

<Это просто поразительно незаконно>, – с восхищением отозвался Искандр.

«Да, *номони* этого не знают».

Два Лимон уставилась на Махит, задрав нос.

– Вы лселский посол, верно?

– Да.

– В новостных трансляциях Юстиции вас *не любят*, – сказала Два Лимон с неохотным одобрением.

– Откуда мне знать, – ответила Махит. – Большую часть дня я провела без сознания. Спросите Пять Портик. – Под ее рукой слабо дрожала Три Саргасс – сплошь адреналин.

Пять Портик хмыкнула и пожала плечами, когда Два Лимон взглянула на нее.

– Посол не врет.

– Она не умрет без медицинского ухода? – спросила Два Лимон.

Махит решила, что вообще это очень хороший вопрос и она сама бы хотела знать ответ, и с силой задавила позыв невпопад

захихикать.

– Рано или поздно, – ответила Пять Портик. – Но не из-за того, что сделала я.

<Твоя *механик* умеет успокоить>, – отметил Искандр.

– Я хочу, чтобы ее здесь не было, Пять Портик, и министерства информации тоже, – продолжала Два Лимон. Среди ее соратников поднялось краткое согласное бормотание, оборвавшееся после сердитого взгляда. – У нас есть работа.

«Как и у меня, – подумала Махит. – Впрочем, хотелось бы… хотелось бы знать побольше, что за работа делается здесь. И не эти ли люди подкладывают бомбы в рестораны и театры, и нет ли у них других методов… не те ли это люди, для которых Город – не Город?»

<Тейкскалаан – это не только дворец и поэзия, – пробормотал Искандр, – под конец это осознал даже я. Если мы отсюда выберемся…>

«Если мы отсюда выберемся, я запомню Два Лимон на будущее – хотя, думаю, это последнее, чего бы она хотела».

– Мы уйдем, – сказала Махит, прерывая дальнейшие прения. – Желаю вам удачи. Что бы за «действия» вы ни планировали на своем собрании, – она поднялась на ноги и даже не пошатнулась. Возможно, сможет добраться и обратно до вокзала, не упав, если кое-кто все-таки *подаст* ей воду вместо того, чтобы беспомощно стоять столбом со стаканом посреди этой компании… ну, кто они там. Предводители сопротивления. (Сопротивления *чему?* Империи, конкретно Шесть Пути? Это они расклеивают в метро плакаты в поддержку сепаратистов в системе Одилии – или их заботит какое-то еще политическое решение, о котором Махит не имела и никогда не будет иметь понятия? Сопротивления присутствию на территории Города Один Молнии – или любого яотлека?)

– Я бы поторопилась, – сказала Пять Портик, – легионы Один Молнии уже на улицах.

Три Саргасс выругалась – одним резким словом, которого Махит еще никогда от нее не слышала. Потом добавила:

– Ладно, спасибо. Пошли, – и поднялась уходить, взяв Махит под локоть.

– Дай мне пять минут наедине со своей клиенткой, – резко остановила ее Пять Портик. – Хочу осмотреть свою работу, а то в последний раз я ее видела в полной отключке.

Махит кивнула.

– Наедине, – сказала она. – Пять минут наедине.

Мягко отцепила Три Саргасс от руки и прошла – стараясь не пошатнуться, споткнуться или как-то еще выдать, насколько ей

дурно от головной боли, – обратно в комнату, где она очнулась.

Пять Портик последовала за ней и плотно закрыла дверь.

– Все так плохо, мм? – спросила она. – Не хочешь, чтобы друзья знали?

– Могло быть хуже, – сказала Махит. – Кажется, большая часть неврологических функций в порядке. Я хочу знать, что вы нашли. На старом аппарате. Он поврежден?

– Перегорели несколько наносхем. На первый взгляд. Они в принципе на вид хиленькие. Очень хрупкая вещица – только дотронься до схем, и будет короткое замыкание. Еще придется разобрать, чтобы узнать побольше. Чего я жду с нетерпением.

– Это *интересно*, – проговорила Махит. Ну… уже что-то. Может, саботаж. А может, и просто механическая неполадка.

– Очень. А теперь дай тебя осмотреть.

Махит стояла спокойно, пока Пять Портик задумчиво оглядывала разрез; следовала указаниям во время базового неврологического осмотра – такого же, как на Лселе. Заняло это все меньше пяти минут. Ближе к трем.

– Я бы рекомендовала отдохнуть, но какой смысл, – сказала Пять Портик, закончив. – Проваливай из моего дома. И спасибо за *увлекательный* опыт.

– Не каждый день приходится оперировать варваров?

– Не каждый день варвар оставляет мне варварскую технологию.

<Ну и в *игры* ты играешь, Махит>, – сказал на задворках разума Искандр, и она не поняла, злится он или восхищается тем, что она сделала – отдала то, на что он купил императорскую милость.

* * *

Немного погодя все трое сгрудились в тени здания Пять Портик, изгнанные даже из его слабой безопасности. Махит опиралась на Три Саргасс и жалела, что воды перед уходом ей так и не досталось. Горло мучилось от сухости. Беллтаун в часы до рассвета казался одновременно тихим и разгульным: над зданиями издалека плыли визгливый смех, звон бьющегося стекла – быстро оборвавшийся крик, – но улица, где они стояли, была совершенно пустой и освещалась только слабыми неоновыми узорами номеров зданий – эти глифы даже Махит казались старомодными. Новые пятьдесят лет назад, но еще не винтажные.

– И когда же, Лепесток, – спросила Три Саргасс острым,

твердым мурлыканьем, – ты собирался поведать, что твой иксплanатль без лицензии водит дружбу с антиимперскими активистами?

На лице у Двенадцати Азалии не было выражения – упрямая старательная пустота. *Обида*.

– Она иксплanатль без лицензии в Беллтауне-Шесть. Не знаю, чего ты ожидала. Ты же из министерства информации, Травинка, вот и *веди себя соответствующе*.

– Я и веду, – бросила Три Саргасс. – Интересуюсь связями и знакомыми своего *дорогого друга*, вот что я делаю…

– Хватит, – сказала Махит. Говорить было больно. Будет еще больнее, с каждым разом, если только какое-то время не помолчать. – Цапаться будете в другом месте и в другое время. Как нам вернуться во дворец?

Во время паузы после вопроса она не слышала ничего, кроме сливающегося дыхания двух людей.

Затем Три Саргасс сказала:

– Поездом нельзя – их не будет до утра. Так поздно пассажирские линии не работают.

– А если Один Молния действительно высадил в порту войска с транспортников, поездов не будет *все утро*, – добавил Двенадцать Азалия. Махит кивнула.

– Ну вот. Начали приносить *пользу*, – она говорила в точности как Искандр. Проблема это или нет, на данный момент она не чувствовала в себе сил разбираться. – Если не можем вернуться тем же путем, каким уезжали, что остается? Пешком не дойдем?

– Строго номинально – дойдем, – сказал Двенадцать Азалия, – но идти отсюда до Центральных провинций целый день.

– *Мы* дойдем, – поправила его Три Саргасс. – А *Махит*, скорее всего, упадет меньше чем через час.

Махит пришлось признаться себе, что это правда.

– Вне зависимости от состояния моего здоровья, – сказала она, – целый день – это слишком долго. С императором мне нужно увидеться *сегодня же*. До рассвета – если придумаем как. – Ее трясло. Она и не заметила, когда это началось. И не из-за одного только *холода* – и она все еще в пиджаке, – но все же она обхватила себя руками.

Три Саргасс медленно выдохнула – шипением сквозь зубы.

– У меня есть вариант, – сказала она, – но Лепестку он не понравится.

– Сперва скажи, – сказал Двенадцать Азалия, – а потом уже суди, что мне нравится, а что нет.

– Я позвоню нашему начальству в министерстве информации и сообщу, что мы остались без транспорта во время слежки за

антиимперскими активистами и запрашиваем помощь. Если хочешь, могу вызвать их не по этому адресу. В качестве *благодарности* Пять Портик за то, что не убила моего посла.

– И правда, – сказал Двенадцать Азалия. – Мне *не* нравится. Ты же сжигаешь *мои* контакты.

<Задумайся, как она объяснит *твое* присутствие здесь>, – добавил Искандр – приставучий шепоток в разуме Махит.

«У меня мало союзников, Искандр».

<А сколько союзников у твоей посредницы?>

«Недостаточно. Но я – одна из них».

<Это пока>.

– Мы встали посреди улицы, – сказала Махит. – Пусть уж лучше нас вывозит министерство информации, чем ждать, пока нас снова найдут преследователи Двенадцати Азалии из Юстиции, или чем самостоятельно возвращаться во Внутреннюю провинцию во время попытки военного переворота.

Три Саргасс поморщилась.

– Еще нет никакого переворота. Хотя к утру может быть – не понимаю, как все произошло *так быстро*.

– Тогда пошли, – сказала им обоим Махит. – Дойдем до вокзала и позвоним оттуда.

* * *

Идти было тяжко. На улице появились люди, даже в темноте; собирались на углах, тихо переговаривались. Однажды ей показалось, что она видела обнаженный нож – изогнутый и страшный – у компании молодежи в рубашках, украшенных граффито с осквернённым военным флагом Тейкскалаана. Они смеялись. Она опустила голову и шла за Три Саргасс шаг в шаг. Когда они добрались до станции, головная боль уже разрослась настолько, что как будто могла бы притянуть и небольшой космический корабль, что осмелится приблизиться к центру ее массы. Она присела на скамейку перед запертыми дверями и подтянула колени к груди, уперлась лбом. Если надавить, то это помогало, чуть-чуть – *отвлекало*, пока Три Саргасс звонила и беззвучно бормотала в облачную привязку.

Двенадцать Азалия сел рядом и не трогал ее, а хотелось – ох, как же хотелось легкого уюта от внимания Три Саргасс, и это было самое бесполезное желание за последние часы. А то и за дни.

<Дыши>, – сказал Искандр, и она попыталась. Размеренное дыхание; медленно отсчитать до пяти на вдохе, медленно до пяти

– на выдохе.

Три Саргасс договорила, сказала: «За нами приедут через пятнадцать минут», – и села с другой стороны от Махит. И тоже ее не трогала. Махит продолжала дышать. Головная боль слегка отступила – достаточно, чтобы поднять голову, когда зашумел мотор приближающейся наземной машины, и чтобы при этом мир не закружился перед глазами.

Очень стандартная машина: черная, неброская. Из нее вышел молодой человек в форме министерства информации – при оранжевых рукавах и всем прочем; поклонился над сложенными пальцами и спросил:

– Асекрета? Это ваши спутники?

– Да, – сказала Три Саргасс, – отвезти надо всех.

– Прошу, садитесь. Доставим – моргнуть не успеете.

Это казалось слишком просто. Махит подозревала, что и *было* просто; а еще знала, что ничего не может поделать, только смотреть, как разворачиваются события. На заднем сиденье ждала блаженная темнота, пахло чистящим средством и обивкой. Все трое вместились нога к ноге, и, как только машина сдвинулась с места, Три Саргасс погладила Махит по колену – всего один раз; и это слабое, ласковое прикосновение Махит забрала с собой в беспомощный и изможденный сон, когда ее укачало в дороге.

Глава 18

ВСЕ ВНЕПЛАНЕТНОЕ ГРАЖДАНСКОЕ СООБЩЕНИЕ ОТМЕНЯЕТСЯ – КОСМОПОРТ ВНУТРЕННЕЙ ПРОВИНЦИИ ЗАКРЫТ – ЮЖНЫЙ КОСМОПОРТ ТОПОЛИНОЙ ПРОВИНЦИИ ОТПРАВЛЯЕТ ТОЛЬКО СРОЧНЫЕ / ГРУЗОВЫЕ СУДА – ПЛАНИРУЙТЕ АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ МАРШРУТЫ – ПОВТОРЯЕМ

Общественные новостные трансляции, 251.3.11-6П

* * *

…пока я, как вы и просили, занят тем, чтобы наша станция казалась огромной и практически бессердечной империи ценной, но не слишком, вам придется прощать мое продолжительное отсутствие; как только обстановка успокоится, я обязательно и с удовольствием проведу дома долгий и заслуженный отпуск, но прямо сейчас невозможно представить, чтобы я мог по меньшей мере на четыре месяца оставить без присмотра постоянное развитие политических событий при тейкскалаанском дворе. Простите меня за задержку. Помните, что если вам лично потребуется связаться со мной через частные каналы…

Из письма от посла Искандра Агавна советнику по шахтерам Дарцу Тарацу, получено на станции Лсел 203.1.10-6П

Из состояния на краю сознания Махит пробудил первый блокпост между Беллтауном-Шесть и министерством информации во Дворце-Восток. Больше всего на свете хотелось погрузиться обратно в серую тишину за веками, и до этого момента – в идеальные пятнадцать-двадцать минут – никто, ни Три Саргасс, ни водитель, ни даже Искандр в разуме не пытались ее растормошить. Это мигом изменили голоса и огни на блокпосте.

Она выпрямилась моргая. Машина замедлилась до остановки, водитель опустил окно. Снаружи светлело, небо казалось кляксой серо-розового цвета – и откуда-то тянуло дымом, едким…

Тихие голоса. Водитель что-то сделал в своей облачной

привязке, спроецировал опознавательный код. Тот, кто был снаружи, ответил:

– По этому разрешению мы пропустить можем, но вам вряд ли самим захочется. Они идут маршем от космопорта, а навстречу маршируют граждане. Вам туда *правда* не захочется.

«Еще как захочется», – подумала Махит и сама не поняла, ее это мысль или Искандра.

– Еще как захочется, – сказала Три Саргасс. – У меня *жизненно важная информация для моего министерства*. Сэр.

Водитель выразительно пожал плечами, словно говорил: «Мое дело маленькое». Через открытое окно Махит услышала тихий бум, словно где-то совсем недалеко сдетонировала бомба.

(… продырявленный шрапнелью Пятнадцать Двигатель, кровь хлещет изо рта, кровь, как слезы, сбегает по лицу Махит, и этот *грохот*, полый грохот взрыва…)

Она с трудом сглотнула. Окно поднялось обратно. Они продолжили движение. Изнутри машины трудно было разглядеть, *где* они едут; весь звук приглушался, окна затемнились для конфиденциальности. Ей то и дело казалось, что она слышит новый грохот, чувствует ударные волны от взрыва бомб.

– А вы знали, – она обнаружила, что говорит вслух, громко, хрупко и непроизвольно, – что самое худшее на Лселе, просто хуже не бывает, – это пожар – огонь поедает кислород – огонь *разрастается* – каждый второй день проходят учения с огнетушителями, тренировки начинаются с двух-трех лет возраста, когда уже хватает сил поднять огнетушитель, и если пожар – это плохо, то *взрывчатка еще хуже.*

– Не понимаю, зачем кому-то что-то взрывать, – сказал Двенадцать Азалия. – Это же не… никто же не хочет повредить *Городу*, все хотят его *захватить*, правильно?

Машина снова замедлилась, но в этот раз не остановилась ни на каком блокпосте. Просто ползла, словно они в пробке.

– Сделайте окна прозрачными, – попросила Махит. Ничего не случилось.

Три Саргасс тихо скрежетала зубами. Махит видела напряжение в ее челюсти.

– Лепесток, – сказала она, – это флот. Бомбить массовые гражданские беспорядки – *работа* флота. Ты это знаешь, – и водителю: – Отключите тонировку, можно?

В этот раз водитель подчинился.

Вначале Махит не могла осмыслить, что первым делом увидела за окнами машины, когда дымчатое стекло побледнело до прозрачности. На Лселе люди ничего *не ломали* – только не собственность, только не с таким самозабвением. Корпус станции

хрупок, и если какая-то часть машинерии откажет, то погибнут люди: от вакуума, от ледяного холода, от отключения системы гидропоники. Повседневный вандализм на Лселе – это граффити, сложный хакинг, перекрыть коридоры с помощью баллонов с расширяющейся пеной для починки брешей. Но здесь, на улицах Города, она видела, как тейкскалаанка в совершенно цивилизованных костюме и брюках размахнулась чем-то вроде металлического прута и разбила стекло в витрине магазина. Разбила, прошла подальше и *повторила*.

Другие бежали – бежали прямо по проезжей части, вот почему машина так замедлилась. Кто-то – с лиловым значком со шпорником, кто-то – вообще без опознавательных знаков, а кое-где были Солнечные – золотые, ужасающие, в острых триадах, словно корабли-разведчики, ныряющие в невесомости по нисходящим орбитам. В воздухе разливался дым, принесенный ветром от душераздирающе симпатичного здания о множестве башенок. Водитель – с выражением угрюмой и спокойной решительности – продвигался рывками, и от каждого ускорения внутренности Махит плескались о брюшную стенку.

– Не вижу легионов, – тяжело сказал Двенадцать Азалия.

Три Саргасс переползла сзади на сиденье рядом с водителем.

– Мы далековато от космопорта. Это… окраины…

Раньше, чем получилось продвинуться подальше, они услышали крики – два крика, отзывающихся друг на друга, ритмичные и поэтичные, как биение сердца, но не в такт – сердце в фибрилляции. Волна звука, перемежавшаяся в непредсказуемые моменты грохотом очередного взрыва. Водитель, заметив какой-то просвет, который не видела Махит, вдавил педаль и бросил машину за угол – Махит упала на колени Двенадцать Азалии, – они помчались по переулку, – а затем улица раскрылась: шоссе, расцветающее в площадь. И вот они: две многолюдные толпы тейкскалаанцев, кричащие друг на друга. Машина встала. Через эту кипящую массу пути не было.

Где толпы соприкасались, извергалось насилие, словно плесень после долгой сырой весны. Кровь на лице женщины со значком шпорника, привязанным к руке, как траурная лента, кровь от *удара*, а ударившая женщина прокричала – так близко к машине, что Махит слышала все, – «За императора Один Молнию!» и провела окровавленной ладонью себе по лбу, словно героиня исторического эпоса, приносящая в жертву врага.

Они не похожи на тейкскалаанцев, подумала Махит. Шальная мысль, абсурдная, отрешенная. Они похожи на людей. Просто на людей. Рвущих друг друга в клочья.

Еще один ужасный грохот и ударная волна – в этот раз

намного ближе. Ответный «бум» от группы Солнечных, которых резко заволокло быстро распространяющимся белым дымом, – дерущиеся рядом люди закашлялись, побежали от газа, забыв, кто из них на какой стороне уличного бунта. Пробежали прямо рядом с машиной – их глаза слезящиеся, красные. Газ начал просачиваться через закрытые двери, окна.

– Вот срань, – сказала Три Саргасс. – Закройте рты рубашками – это газ для разгона толпы – нам *нельзя* здесь торчать…

Махит закрыла рот рубашкой. Глаза горели. Горло горело.

<Тебе надо выбираться из машины>, – сказал Искандр. Внезапно она стала спокойна – предельно спокойна, собранна, все *замедлилось*. Искандр что-то *делал* с железами адреналина. <Надо выбираться из машины и обойти все это, причем сейчас. Вперед, Махит. Я покажу дорогу>.

– Мы не можем здесь оставаться, – сказала вслух Махит и открыла дверь. Внутрь повалил белый газ. – За мной.

Она не могла дышать – с первым же вдохом легкие наполнились огнем, и Искандр сказал: <Просто беги, надышишься потом>, – и она побежала, не зная, как бежит, не зная, как тело вообще способно на бег. Не зная, бегут ли за ней. Похоже, Искандр знал какой-то тайный маршрут – какие-то знакомые ориентиры в ужасном завихрении крови и белого дыма, и тут она впервые увидела легионера флота в форме, серо-золотой, целый эскадрон – Искандр развернул ее, поворот от бедра, и погнал под углом. Позади слышались шаги. Быстрые, на ее скорости. Она оглянулась: Три Саргасс и Двенадцать Азалия. И водитель.

Они обогнули площадь по краю, помчались по улице, которой Махит в жизни не видела. «Сколько раз ты здесь был», – подумала она под стук сердца, хватая ртом воздух только тогда, когда Искандр решал, что иначе она не выдержит.

<Достаточно. Я здесь *жил*. Это же мой дом – был…>

Еще через две минуты они замедлились до ходьбы. Махит не сомневалась, что упала бы в обморок, если бы Искандр не поддерживал в ней силы. Все молчали. Шум бунта затих до глухого рева. Они добрались до границ дворца – никто не охранял крохотную тропинку, по которой они вошли внутрь, ни Солнечные, ни Туман, ни легионы. Искандр вел вперед благодаря мышечной памяти – многолетней и теперь мертвой.

И тут словно раздвинулся занавес: они свернули за последний угол, и Махит очутилась перед министерством информации, казавшимся совершенно непострадавшим. Что-то чистое из прежнего мира.

<Вот, – сказал Искандр. – Заходи. Присядь, пока не свалилась>.

Все выглядело так знакомо, отсюда две минуты пешим ходом – и она у подъезда здания со своими посольскими апартаментами (если, конечно, туда можно войти, не наткнувшись на Солнечных и их *следствие*.) Но под плитками площади горела вязь огромного ИИ Города, словно весь дворец стал свернувшимся зверем, готовым ударить.

– Не понимаю, как у тебя получилось, – сказала Три Саргасс. – Когда мы сели в машину, ты и на ногах с трудом держалась.

– Это не я, – сказала Махит. – Не только я. Не совсем. Мы зайдем? – от голоса остались лохмотья. Теперь, когда Искандр не управлял дыханием, казалось, что она не может *надышаться*. Грудь ходила с каждым вдохом.

Три Саргасс взглянула на водителя, смотревшего вокруг с неподдельным шоком – с выражением *сломленного* человека, человека в мире, потерявшем смысл.

– Зайдем? – повторила она.

– …да? – отозвался он и двинулся к двери.

По дороге к министерству ни Махит, ни Три Саргасс не наступали на узоры, хоть походка от этого и становилась неуклюжей и странной.

Внутри не было ничего, кроме чистых и опрятных помещений тейкскалаанского министерства ранним утром. Ни следа волнений. Все на своем месте. Махит едва держалась, чтобы не разрыдаться, и сама не знала, из-за чего. Водитель Три Саргасс отвел их в конференц-зал невинного бежевого цвета, где были стол в форме «U» вокруг проектора для инфокарт, флуоресцентное освещение и изобилие умеренно неудобных кресел. Самое нетейкскалаанское помещение, что могла вспомнить Махит со времен прилета, но, видимо, места, где происходят бесчисленные каждодневные встречи, одинаковы по всей галактике. Она сидела в таких комнатах и на Лселе – в школе и на правительственных собраниях. Теперь сидела здесь. Тихо – едва-едва слышно из-за толстых министерских стен – донесся очередной взрыв. А потом тишина. Возможно, бунт разогнали. Легионы собираются где-то в другом месте. Ближе к космопорту.

Появление кофейника и корзины с какими-то булочками – уже *не* стандартная практика для конференц-залов, но, возможно, за это надо было благодарить Три Саргасс. Кофе оказался изумительно, обжигающе хорош: горячий, но не настолько, чтобы ошпарить, бумажный стаканчик грел ладони. Насыщенный

землистый вкус, нисколько не напоминающий быстрорастворимый кофе на Лселе, и в какой-то момент просветления Махит подумала, что не прочь потягивать его *медленно*, чтобы прочувствовать все грани вкуса…

<Есть разные *виды*, – сказал Искандр, – и у каждого свой вкус. Это просто великолепно. Но сейчас самое важное – кофеин>.

Он был прав. Уже через пару минут Махит почувствовала себя в *моменте* – чувства обострились, заметила легкий гул в коже.

<Полегче. Возможно, я израсходовал твои адреналиновые железы>, – достаточно похоже на извинение.

Двенадцать Азалия уже перешел на вторую чашку.

– Что теперь? – резко спросил он Три Саргасс. – Ждем, когда нас вызовут на доклад? Я думал, нам нужно срочно доставить посла к императору, если это вообще *возможно*, учитывая, что сейчас творится в Городе.

«Нам». Ведь не так давно она просила Двенадцать Азалию выкрасть имаго-аппарат с трупа Искандра, и все же через пару дней он уже готов хотя бы на подобие идеологического союза с варваром. С другой стороны, он знал, где искать Пять Портик и ее друзей – антиимперских активистов, так что идеологический союз здесь понятие растяжимое. А в зависимости от давления – непостоянное. Махит взглянула на Три Саргасс – *под таким давлением* она ее еще не видела: посерела у висков, сгрызла губу в кровь.

– Нужно, – сказала та. – Но я хочу соблюсти хоть *какие-то* приличия перед министерством, раз они нас забрали.

«Они нас забрали. Провезли через бунт. Принесли кофе и завтрак. Мир функционирует как положено, и если делать вид, что так и останется, то все будет хорошо». Махит хорошо знала такое мышление. Знала тесно и ужасно и *сочувствовала* (слишком сочувствовала – в этом-то ее главная проблема, верно?), и все-таки Три Саргасс ошибалась.

– Вряд ли у нас есть время – скоро весь Город рванет, как кислородная камера из-за отошедшего контакта, – сказала Махит.

Три Саргасс ответила чем-то удивительно похожим на шипение парового клапана, положила голову на руки и ответила:

– Просто дайте минутку спокойно подумать, ладно?

Махит решила, что минутку они себе позволить могут. Наверное. Или нет. Все расплывалось, становилось сюрреалистическим. Она задумалась, какого уровня дефицита сна уже достигла. Прошло тридцать шесть часов с тех пор, как она спала в квартире Двенадцать Азалии, – но, может,

бессознательное состояние после операции на мозгу тоже считается за сон…

<Нет, – сказал Искандр, причем целиком *ее* Искандр – с его легкой, живой, горькой веселостью. – Особенно после того, как мы пробрались через бунт>.

– Так, – сказала Три Саргасс, и Махит посмотрела на нее, поддерживая на лице идеально тейкскалаанскую нейтральную маску, стараясь не показывать, как раньше, насколько ей нужна поддержка посредницы.

Три Саргасс развела руками – слабый, беспомощный жест.

– Я попрошу встречи лично с министром информации – а она, несомненно, сейчас занята как никогда, так что мы договариваемся о *времени приема* и обещаем потом к нему вернуться. – Она поднялась на ноги. – Никуда не уходите. Центральная стойка дальше по коридору, на этом этаже, я обернусь за пять минут.

Невероятно прозрачная уловка. Но прозрачность уже играла им на руку; у прозрачности как будто имелась собственная гравитация, когда ее помещали в контекст чрезмерной тейкскалаанской преданности сюжету. Она изгибала свет. Махит кивнула, сказала:

– Попробуй, – и прибавила: – И не волнуйся, что мы куда-то уйдем. Куда мы *денемся*?

Двенадцать Азалия и Искандр рассмеялись – одновременное жутковатое эхо, – и Три Саргасс ушла, выскользнула за дверь, как семя-челнок, отстреленный с борта крейсера.

Они ждали. Без посредницы Махит чувствовала себя голой, *одинокой*. Все более и более уязвимой, чем дольше ее не было, – особенно когда ожидание растянулось от двух минут до пяти, десяти. В конце концов она уже не чувствовала почти ничего, кроме низкого и тревожного гула своего сердца, тяжело давившего между арками ребер. Периферийная невропатия по большей части пропала – разве что изредка проблеск в кончиках пальцев, и Махит подозревала, что это навсегда. И сама не знала, что по этому поводу чувствует. Пока что она еще может держать стилус, даже если не всегда чувствует его вес. Если станет еще хуже…

Все потом.

Когда дверь в конференц-зал открылась и вошла Три Саргасс, напряжение выплеснулось как с пинком – а потом Махит увидела, что она не одна и человек рядом с ней вовсе не в бело-оранжевой форме министерства информации, а с приколотым к воротнику темно-синего мундира букетиком фиолетовых цветов. Свежих – живые цветы, срезанные сегодня. Когда сторонники Тридцать

Шпорника приходили с цветами на поэтический конкурс, они были поветрием, развлечением, тейкскалаанским политическим сигналом по каналам символики. Когда их носили на улице, то показывали сторону, за которую воюют. А здесь это выглядело знаком различия или верности партии.

– Садись, – сказал новоприбывший Три Саргасс и *толкнул* ее. Махит уже наполовину вскочила из кресла, рассерженная, набирала воздух, чтобы его осадить, – но Три Саргасс села, как велено. Она побагровела, злилась, но попросила жестом успокоиться, и Махит подчинилась.

– Госпожа посол, – сказал визитер, – асекреты. Мне поручено сообщить, что вам не разрешается покидать здание министерства.

– Мы арестованы? – спросил Двенадцать Азалия.

– Разумеется, нет. Вас удерживают ради собственной безопасности.

– Я требую, – продолжал Двенадцать Азалия несгибаемо, и Махит испытала за него *гордость*, опьяняющую гордость, – встречи с министром Два Палисандр. Немедленно. И вообще, кто *вы* такой?

– Два Палисандр больше не является министром информации, – ответил этот человек, пропуская мимо ушей требование назваться. – Ее освободил от обязанностей в начале текущего кризиса эзуазуакат Тридцать Шпорник. Если угодно, могу передать ему ваше пожелание о встрече. Уверен, он примет вас, когда позволит время.

– Что? – переспросила Махит.

– У вас проблемы со слухом, госпожа посол?

– Да, я не верю своим ушам.

– Здесь совершенно не о чем беспокоиться…

– Вы только что сказали, что нам нельзя уйти, а министра *сместили*…

– Ее преданность находилась под вопросом, – сказал сторонник Тридцать Шпорника и пожал плечами. – Эзуазуакат намерен сохранить империю в надежных и твердых руках. На улицах легионы, госпожа посол, и в настоящий момент передвигаться очень опасно. Сидите спокойно. Тридцать Шпорник обо всем позаботится, и кризис закончится меньше чем через неделю.

В этом Махит сомневалась. Еще больше она сомневалась, что знает, как на это реагировать: неуверенность множилась, накрывала волна ощущения, что она *что-то упускала*. Тридцать Шпорник… что, проводит дворцовый переворот на опережение Один Молнии? Возможно, уже поздно стараться отвести войска от Лсела, несмотря на свою информацию для торга. На поэтическом

конкурсе сам Тридцать Шпорник – великолепный в синем и сиреневом, совершенно спокойный, – и сообщил, что «сделка отменяется». Если правительственный аппарат теперь подчиняется ему – человеку, готовому, судя по всему, без раздумий пожертвовать Лселом, как только тот станет бесполезным для его планов…

– Мы же не можем просидеть в *конференц-зале* целую неделю, – сказал Двенадцать Азалия, и Махит была очень благодарна, что он сказал хоть что-то и вырвал ее из размышлений. – И мне до сих пор неизвестно, кто вы, сэр.

– Я Шесть Вертолет, – ответил он. Махит *уставилась* на него и спросила себя, когда он научился произносить свое имя не только с каменным лицом, но еще и с этаким самодовольством. – И, разумеется, вы не проведете неделю в конференц-зале, асекреты. Госпожа посол, вас переведут в безопасное и удобное место, как только мы его подыщем.

– И когда же *именно?* – не сдавался Двенадцать Азалия. Он довел до совершенства недоверчивую, пронзительную строгость: голос того, кому не угодили, и теперь он устроит сцену. Махит рассеянно подумала, что это даже достойно восхищения. Продуманно. Не перебивала. – По чьим меркам безопасно? Вы намекаете, что в эту самую минуту происходит попытка *узурпации!*

– Маленькая авантюра яотлека закончится *задолго* до того, как вы сможете назвать эту неприятность узурпацией, – сказал Шесть Вертолет. – У меня много работы – я прослежу, чтобы вам принесли еще кофе. Прошу, не старайтесь уйти. Вас задержат у дверей – сейчас здесь действительно самое безопасное место. Не извольте переживать.

И был таков. За ним невинно щелкнула дверь. Три Саргасс тут же пугающе расхохоталась.

– Я же все это не выдумываю? – спросила она. – Какой-то бюрократ-выскочка безо всякого понимания протокола только что нам сообщил, что министерство информации перешло под управление эзуазуакатов? А то кажется, что я это не выдумываю, и я в полном замешательстве; прошу меня простить, Махит, но такого что-то нет в моем гребаном портфолио возможных сценариев на должности культурной посредницы при иностранном после.

– Если что, – сказала Махит, – этого нет и в *моем* портфолио возможных сценариев на должности иностранного посла.

Три Саргасс прижала руку к лицу и с силой выдохнула. Подавила смешок, все же сбежавший сквозь пальцы.

– … да, – сказала она, – могу представить.

– Если мы не можем уйти, – сказал Двенадцать Азалия, – то как же мы доставим посла к императору? Даже по дворцовой территории, даже если сюда не *перехлестнется* бунт. При самом лучшем развитии событий?

«И будет ли еще император, чтобы меня к нему доставлять?» – подумала Махит, и тут ей пришлось закусить щеку, чтобы подавить нашедшую скорбь – по большей части чужую; это Искандр тяжело принимал будущую утрату, а не она. Не… совсем она. (И все же она помнила руки Шесть Пути на своих запястьях и надеялась – с бесполезной, биохимической болью в груди, – что его сиятельство переживет этот бунт, даже если ненадолго.)

Но с кем еще ей остается торговаться?

– Что, если мы попытаемся добраться не до его сиятельства, – сказала она. – Что, если мы попытаемся привлечь внимание того, кто может *доставить* к нему?

– Из этого-то конференц-зала? – скептически отозвался Двенадцать Азалия, показывая на кофейник. – Ты же знаешь, что наши облачные привязки отслеживают, а у тебя своей вообще нет…

– Да, – огрызнулась Махит, – я все еще не забыла, что я не гражданка Тейкскалаана, не забывала ни на секунду, необязательно *напоминать*.

– Да я не об этом…

Махит выдохнула с таким усилием, что это отдалось в месте разреза.

– Нет. Но получилось об этом.

Три Саргасс убрала руки от лица – и Махит уже видела выражение, которое теперь на нем крепло: Три Саргасс сосредоточилась, готовилась преломить вселенную чистой силой воли, потому что все другие варианты невозможны. С этим выражением она ела мороженое в парке перед тем, как они ворвались в Юстицию. С ним сидела в офисе Девятнадцать Тесло, решившись выкинуть из головы физическое нападение Города и травму.

– Облачная привязка может многое, как бы там за ней ни наблюдали, – сказала она. – Махит – чье внимание ты думала привлечь?

Ответ был только один.

– Ее превосходительства эзуазуаката Девятнадцать Тесло, – сказала Махит. – Она равна по рангу Тридцати Шпорнику, а значит, наверняка может войти сюда так же, как и он, и, кажется, я ей все еще нравлюсь.

<И я ей нравился, – пробормотал Искандр. – Очень нравился, и она бросила меня умирать>.

«Ты ей очень нравился, и она спасла мне жизнь, – подумала Махит. – Давай узнаем зачем?»

– Ладно. Значит, Девятнадцать Тесло – та, кто ужасает меня даже после всех остальных ужасающих событий, – сказала Три Саргасс. Она вдруг успела очень развеселиться после того, как ей в голову пришла идея – что бы это ни была за идея. Махит понимала и *это*. Понимала силу, которую дарит какой-никакой план, даже абсурдный или невозможный. А кроме того, откуда у них троих еще быть эмоциональной устойчивости? – Ее превосходительство… Махит, не хочешь ли написать очень *многозначительный* стих? И запостить его в открытых новостных трансляциях.

– А говорили, это *я* начитался политической романтики, – пробормотал Двенадцать Азалия.

– Я же не собираюсь усеивать Дворец-Восток листовками с провозглашением моей вечной любви к третьему замминистра юстиции, – сказала Три Саргасс с горящими глазами. – Вот *это* – политическая романтика. А здесь известный поэт постит новую работу в ответ на текущие события. С зашифрованным заявлением.

– Ты *часто* постишь стихи в открытых трансляциях? – спросила удивленная Махит.

– Это несколько безвкусно, – ответила Три Саргасс, – но времена сейчас смутные, а на прошлой неделе на императорском конкурсе поэтов победила изощренная скука от Четырнадцать Шпиль. Очевидно, *любой* может быть безвкусным и все равно прославиться.

– И думаешь, что Девятнадцать Тесло… придет за нами, если обратиться к ней в стихах? – слишком *заумно*, чтобы сработало; сплошная тейкскалаанская символическая логика, а ей Махит не доверяла.

– Не знаю, что она сделает, – сказала Три Саргасс. – Но знаю, что она прочитает и поймет, где мы и что нам нужно. Ты сама видела, как ее персонал просматривает новостные трансляции – Девятнадцать Тесло *бдит*, это первое, что указано в ее досье от Информации.

Махит поймала ее взгляд, отталкивая совершенно неуместный порыв ее обнять.

– Три Саргасс, – сказала она, зная, что должна понимать, как далеко готова зайти асекрета, если они ступят на эту дорожку, – насколько широко тейкскалаанское понятие «мы»? Ведь ты даже не знаешь, что мне нужно донести до его сиятельства. Мы – это «мы»?

– Я твоя посредница, Махит, – сказала Три Саргасс. Почти

обиженно. – Разве я это неясно объясняла?

– Но сейчас ты не просто открываешь для меня двери, – ответила Махит. – Это моя цель, облеченная в твои слова, в новостных трансляциях, в общественной памяти Тейкскалаана, *навсегда*.

– Иногда я готова поклясться, что ты могла бы быть одной из нас, – тихо сказала Три Саргасс. Улыбнулась дрожащей, но достойной станционной улыбкой, показав все зубы. – А теперь помоги написать, пожалуйста? Я же знаю, что у тебя есть как минимум *рудиментарное* понимание метрики, а закончить надо раньше, чем ставленник Тридцать Шпорника вспомнит про наши облачные привязки, – и тут она сама *прикоснулась* к Махит – пальцы как призраки скользнули по скуле. Махит беспомощно содрогнулась и застыла, словно перед ударом.

– *Травинка*, – сказал Двенадцать Азалия с театральным возмущением, – будь так добра, флиртуй в свое нерабочее время.

Махит пожалела, что она такая бледная и румянец на щеках так очевиден – красноречивые алые пятна и горящий жар.

– Да нет, – сказала она. – Мы не флиртуем. Мы обсуждаем стратегию…

<Ты с ней флиртовала с самого утра вашей встречи>, – прокомментировал Искандр, и Махит искренне пожалела, что никак не может его заткнуть. Когда он сбоил, хотя бы не был таким… *откровенным* в своих комментариях.

– Мы *пишем стихи,* – сказала Три Саргасс с выражением идеальной безмятежности, так что это занятие сразу прозвучало чрезвычайно интимно.

<А она флиртовала в ответ, – продолжал Искандр. – Когда закончится переворот, тебе стоит что-нибудь сделать на сей счет>.

* * *

Махит уже писала стихи на тейкскалаанском: писала в одиночестве в своей капсуле на Лселе, черкала в блокнотах в семнадцать лет, притворялась, будто может подражать Псевдо-Тринадцать Реке, или Один Аэростату, или любому другому великому поэту; облекала свои несформировавшиеся мысли в слова на языке, чужом для нее дважды: она была слишком варваркой и была слишком *юной*. Теперь, склонив голову рядом с Три Саргассю, подсчитывая слоги и аккуратно выбирая классические аллюзии для первого плана, она думала: «Поэзия – для отчаянных и для тех, кто уже вырос и им есть что сказать».

Вырос – или пережил достаточно непостижимых событий. Возможно, она уже взрослая для поэзии: внутри нее три жизни и одна смерть. Если не остерегалась, она вспоминала эту смерть *слишком* хорошо, и дыхание становилось реже и реже, пока она не напоминала Искандру, что он не умирает и не имеет власти над ее автономной нервной системой.

А Три Саргасс сочиняла вирши так, будто носила скроенный на заказ костюм: умела показать процесс в интересном свете, а он, в свою очередь, показывал в интересном свете ее. Ее мысленная библиотека глифов и аллюзий поражала, и Махит завидовала жестокой завистью: если бы *она* здесь выросла, провела всю жизнь внутри этой культуры, тоже смогла бы за считаные минуты делать из обычных фраз резонирующие.

Стих получился недлинным. Он и не мог быть длинным – он задумывался для того, чтобы быстро нестись по открытым трансляциям, чтобы его было легко цитировать и понимать: легко понимать как простому народу, так и в более утонченной и завуалированной манере – Девятнадцать Тесло и ее персоналу. Махит начала с образа, который Пять Агат не могла не узнать: Пять Агат это пережила. И Пять Агат – умная, верная и подкованная в истолкованиях – поймет, в каком Махит на самом деле отчаянии, и расскажет эзуазуакату все.

В мягких ладонях ребенка
даже карта звезд выдержит
силы, что тянут и ломают. Гравитация неизменна.
Непрерывность неизменна: пальчики без мозолей обойдут орбиты,
но я тону
в море цветов; в лиловой пене, в тумане войны…

Два Картограф с матерью, на рассвете в библиотеке, за игрой с картой звездной системы. Первый сигнал: «Ты меня знаешь, Пять Агат: я – Махит Дзмаре, я знаю о твоей любви к сыну и к госпоже». Второй: «Я в опасности, и эта опасность исходит от Тридцать Шпорника – цветы, *лиловая* пена».

«Туман войны» почти и не отсылка. Скорее неизбежная и разворачивающаяся за окнами истина, а кроме того, это ложилось в размер Три Саргасс.

Остальное – кратко: экфрасис здания министерства информации, подробное описание всей его архитектуры, увешанной венками из шпорника, как на похоронах, – это уже отсылка к главе из «Зданий», – чтобы сообщить Девятнадцать Тесло, где они; а затем обещание, в простом двустишии:

На свободе мой язык заговорит видениями.
На свободе я копье в руках солнца.

«Спасай нас, Девятнадцать Тесло. Спасай нас и помоги сохранить престол солнечных копий на правильной и праведной орбите».

Махит окинула стихи взглядом в последний раз. Не так уж плохо. На ее взгляд – пусть даже неопытный – *хорошо*, очень эффективно *и* элегантно.

– Посылай, – сказала она Три Саргасс. – Вряд ли за ограниченное время получится лучше.

– Я бы посылал прямо *сейчас*, – добавил Двенадцать Азалия. – Пока вы трудились, я тут следил за новостями. Все становится плохо, и очень быстро – легионы Один Молнии обстреливают таможню, заявляют, что нужны народу на территории Города, чтобы подавить восстание. Не знаю, кто их остановит – как остановить *легион?* Наши легионы неудержимы.

– Отправила, – сказала Три Саргасс. – Под своим псевдонимом во все открытые трансляции, которые нашла, и в парочку закрытых – поэтические кружки, закрытая служебная линия министерства информации…

– Стоит ли? – спросила Махит. – Почти уверена, эту линию читают люди Тридцать Шпорника.

– Люди Тридцать Шпорника, если от них есть хоть какой-то толк, отслеживают наши привязки на *любые* сообщения, – сказала Три Саргасс. – Лично *я* бы конфисковала их первым делом.

– Тогда как хорошо, что ты на нашей стороне, а не на их, – ответила Махит и поймала себя на том, что вопреки всему улыбается.

– Как думаете, сколько у нас времени? – спросил Двенадцать Азалия.

– Перед тем как легионы начнут штурм дворца, или перед тем как мы лишимся платформы для трансляции? – слишком весело уточнила Три Саргасс. – Хватит смотреть новости, Лепесток, и глянь, как расходится стих, пока у меня еще есть доступ.

Посредница сняла привязку с обычного места на правом глазу и положила перед ними на конференц-стол, выставив настройки так, чтобы она стала очень маленьким проектором инфоэкрана. Махит наблюдала, как написанный ими стих распространяется по информационной сети – как его расшаривают с привязки на привязку, репостят и переосмысляют; словно наблюдать, как чернила расплываются в воде.

– Сколько еще? – тихо спросила она.

– Я бы сказала, три минуты – он *быстро* расходится… – сказала Три Саргасс, и тут дверь в конференц-зал с грохотом раскрылась. Там стоял Шесть Вертолет, а за ним – еще два человека, но его спутники были одеты в кремовые и оранжевые цвета министерства информации. Три Саргасс склонила перед ними голову и сложила пальцы.

– Очень приятно вас видеть, Три Лампа, Восемь Перочинный Нож, – сказала она. – Как проходит ваш день подчинения политику не из министерства?

Махит не смогла сдержать смех, даже когда Три Лампа и Восемь Перочинный Нож молча забрали привязки Двенадцать Азалии и Три Саргасс и отдали Шесть Вертолету.

– Вы же осознаете, – отчитывал он, – что ваши действия – рассылку неразрешенной политической поэзии по публичным трансляциям – можно истолковать как *измену?* Особенно учитывая, откуда вас привезли и что Беллтаун-Шесть этим утром *кишит* антиимперскими протестующими, не говоря уже об *остальном* беспорядке в Городе?

– Обратитесь в Юстицию, – сказал Двенадцать Азалия. Махит им *гордилась*. Либо они все вместе умрут, либо… что-нибудь еще, и все же они стали «мы». По определению любого языка.

– Я написала политический стих, соответствующий текущему моменту в моем опыте, – сказала Три Саргасс. – Если это измена, загляните в наш двухтысячелетний *канон*. Уверена, там измен найдется еще больше.

Шесть Вертолет пытался найти слова; не смог. С облачными привязками в руках он не мог даже жестикулировать, но Махит видела по напряжению в его плечах и челюсти, как ему хотелось всплеснуть руками или *встряхнуть* Три Саргасс, которая сидела безмятежной – подбородок на руках, локти на столе.

– Я вас арестовываю, – сказал он наконец. – Я… как представитель действующего министра Тридцать Шпорника приказываю этим сотрудникам министерства информации задержать вас.

– Клянусь *звездами*, – сказал Двенадцать Азалия, глядя на поморщившегося Три Лампу и пропуская мимо ушей слова Шесть Вертолета. – И вы правда это сделаете?

– Если попытаетесь уйти, вас остановят, – ответил Три Лампа. – Это я могу гарантировать.

– И ваши привилегии асекрет отозваны, – добавил Восемь Перочинный Нож, – пока ваш случай не рассмотрит тот, кто станет министром дальше…

– Ужасно в тебе разочарована, Восемь Перочинный Нож, –

сказала Три Саргасс с картинным вздохом. – Ты всегда был таким *горячим* сторонником политики Два Палисандр…

– Довольно, – сорвался Шесть Вертолет. – У нас еще есть работа. А у вас – нет. Асекреты. Госпожа посол. – Он развернулся на каблуке и ушел, за ним по пятам следовали его подпевалы из министерства информации. Они вновь остались в конференц-зале одни – без дел, без зрелищ, ослепшие без привязок и новостных трансляций, взаперти во флуоресцентном освещении без окон. Даже кофе кончился.

Махит перевела взгляд с Три Саргасс на Двенадцать Азалию, сидевших по бокам.

– А теперь, – сказала она с куда большей уверенностью, чем сама ощущала, – будем ждать.

* * *

Ожидание было невеселым. Махит казалось, будто она находится в герметичной капсуле, защищенной от радиации и разложения, но кувыркающейся в открытом космосе – безо всякой гарантии, что, когда капсулу раскроют, ей будет *куда* возвращаться. В конференц-зале министерства информации не было ничего; ни шума снаружи, ни криков солдат или марша легионерских сапог. Ни многолюдных улиц Города с блеском шлемов Солнечных или ковром фиолетовых цветов…

Три Саргасс опустила голову на сложенные руки на столе. Махит не знала, дремлет она или просто пытается *не думать*. Так или иначе, она ей завидовала. Не думать – роскошь для других. Не думать было невозможно, а ей уже хотелось полезть на стенку. Она то и дело представляла все причины, почему Девятнадцать Тесло, даже несмотря на свой статус, не бросит вызов Тридцать Шпорнику ради одного лселского посла. Худшая из возможностей – что они с Тридцать Шпорником уже союзники, и она просто соглашается с его решениями по министерству информации. Вторая худшая возможность – что Девятнадцать Тесло оценила баланс сил, поняла, что вызов Тридцать Шпорнику не имеет шансов на успех, и предпочла не высовываться и пересидеть переворот, *кто* бы в нем ни победил…

Второе ее наверняка не устроит. Это на нее *не похоже*. В Махит теплой волной поднялась уверенность: не совсем собственная, а составленная из ее и Искандра воспоминаний.

– Такое ощущение, что мне руки отрезали, – сказал Двенадцать Азалия в глухой тишине. – Все тянусь к новостным трансляциям – а их *нет*, есть только я, и никакой империи,

раскрывающейся по мановению руки.

<Одиноко быть тейкскалааанцем без всего Тейкскалаана, – прошептал Искандр. – Вот чему я точно нисколько не завидую>.

«Мы никогда не будем одни, – подумала Махит. – Мы с тобой. В этой жизни».

<Или в следующей>.

«Если после меня еще будет лселский посол».

<Если после тебя будет лселский посол и нашу имаго-линию решат сохранить>.

Махит надеялась – маленький теплый свинцовый шарик в животе, – что решат. Что эта неделя, она, она вместе с Искандром не пропадут зря. Что ее нынешние *знания* – внешняя угроза Тейкскалаану, которую она носила в разуме, словно свой собственный ядовитый цветок, координаты собирающихся кораблей пришельцев, достойная *внешняя угроза*, чтобы отменить любую завоевательную войну, – что эти знания не умрут с ней и Искандром. Что их не заткнут вместе с ней и Искандром.

И тем не менее она ненавидела ожидание. Так легко представлялось, что происходит снаружи – сотня разных версий на основе эпической поэзии, дурацких фильмов и контрабандных документальных съемок тейкскалааанских захватнических войн против планет на краю известного космоса. Стоит начать пальбу – и все повторится в сердце империи. Повторится *в точности*. Вот в чем проблема. Империя есть империя – и то, что соблазняет, и то, что давит челюстями-капканами, которые будут трясти планету, пока не переломят хребет и та не умрет.

* * *

Махит поняла, что долгому ужасному коротанию времени, бесформенно плывущему в пустом неизменном освещении конференц-зала, пришел конец, по шуму из коридора – крики, грохот двери. Пауза, затем еще больше лязга, словно что-то со стойки смахнули на пол.

– … как думаете? – говорила Три Саргасс, поднимаясь на ноги.

– Даже если не за нами, это уже *что-то*, – сказала Махит. – Все лучше чем ждать. Пойдем посмотрим.

– Мы арестованы, – заметил Двенадцать Азалия – пренебрежительное напоминание. – Но – гори оно огнем. Давайте разарестуемся.

Махит рассмеялась. В черепе, где-то за бесконечно ноющим ощущением от пореза и пульсацией крови в раненой руке, за

мерцанием поврежденных нервов и бесконечной болью в бедре, ей почти стало *хорошо*.

<Адреналин – тот еще наркотик, Махит, – сказал Искандр. – Воспользуемся им, пока можем>.

Снаружи конференц-зала – а его даже *не заперли*: это одновременно уязвляло и выставляло Махит добровольной соучастницей в собственном заключении, вызывало небольшой проблеск вины – и на середине коридора к выходу находилась центральная информационная стойка, где на посту, судя по росту и прическе, был Три Лампа. С этой-то стойки и сбросили вещи на пол – россыпь инфокарт и канцелярских принадлежностей, а разрушительницей этой небольшой гармонии, великолепная в белом – и ах, Махит никогда не перестанет радовать символический аспект всех тейкскалаанских поступков, даже самых запутанных: в белом, потому что это визитная карточка эзуазуаката, – стояла Пять Агат, лучшая помощница и любимая ученица Девятнадцать Тесло. Ее непривлекательное лицо было спокойным и холодным, а в руке она сжала электродубинку – тонкий металлический стержень, потрескивающий от электрической энергии. Позади нее был другой тейкскалаанец в чистейшей белой форме, которого Махит еще не видела, и тоже с каким-то оружием.

Что-то вроде кавалерии. Кавалерии в *ливреях* – и ни следа фиолетовых букетиков. И пришла за ними лично Пять Агат, а это означало, что Девятнадцать Тесло наверняка поняла, чтó Махит и Три Саргасс пытались донести в стихах…

– Я их уже вижу, – сказала Пять Агат резко и звонко. – Вот те трое. Прошу сюда, госпожа посол; эзуазуакат Девятнадцать Тесло понимает, что ваша просьба о предоставлении убежища еще в силе.

– Она ни разу не просила убежища формально, – начал Три Лампа, – в Юстиции от этого и камня на камне не оставят.

– Как и от дворцовых интриг Тридцать Шпорника, – отбрила Пять Агат, – так что мы квиты. Я не хочу, чтобы случился *инцидент*. Не мешайте им уйти.

Махит двинулась по коридору, Три Саргасс и Двенадцать Азалия – по бокам. На миг показалось, что они выберутся, безо всяких затруднений окажутся в руках Пять Агат благодаря вкрадчивой власти Девятнадцать Тесло в действии…

… и тут из кабинета у них за спиной, дальше по коридору, вырвался Шесть Вертолет. Махит застыла на месте, обернулась к нему. Вместо электродубинки, как у Пять Агат, в его руке Махит с леденящим ужасом узнала *огнестрельное оружие* – на Лселе запрещенное, ведь оно могло вызвать разгерметизацию корпуса, –

и он кричал. Махит застыла между Шесть Вертолетом и Пять Агат, на полпути к свободе.

– *Даже не смейте* – больше вы, долбаные обнаглевшие демагоги, не сможете творить любую срань, какую захотите, *на улицах легионы, ваше время кончилось* – вам придется *подчиниться закону и порядку!*

Даже объятая ужасом, Махит чуть не рассмеялась – жалкий коротышка, так злится из-за потери той небольшой власти, что ему удалось заполучить.

Пять Агат спокойно подняла электродубинку, где на конце потрескивала сине-зеленая энергия, и пошла на Шесть Вертолета.

Грохот от огнестрельного оружия оказался громче всего, что помнила Махит. Слева от нее раздался крик, краткий и резкий, – и снова выстрелы, много подряд. Она бежала по коридору к Пять Агат, даже не принимая сознательного решения, забыв обо всяком параличе. Три Лампа пригнулся за стойку, а помощник Пять Агат наступал с мерцающей электродубинкой.

Снова выстрел, и на предплечье Пять Агат распустилось красное, красное наливалось в белизне блузки, лицо побледнело как снег. Стук ее палки об пол, *треск* электричества, Махит бежала. Вот она у Пять Агат – все еще стоявшей в полном спокойствии, словно в шоке, – и схватила за вторую руку, не истекающую кровью, потащила за собой.

«Сколько зарядов в этой штуке?»

<Достаточно, – Искандр в ее разуме, подобравшаяся сущность. – Достаточно, чтобы убить тебя. Беги. Не оглядывайся…>

Махит оглянулась.

Три Саргасс следовала за ней, за плечом, *как всегда*, но не Двенадцать Азалия – он лежал мешком в коридоре, неподвижно, под телом разливалась яркая кровь.

Белоснежный помощник Пять Агат воткнул палку прямо в открытый рот Шесть Вертолета. Синее пламя прошло сквозь череп. Снова грохот оружия – в животе помощника раскрылась дыра, словно недреманное око сингулярности…

– *Беги!* – закричала Три Саргасс, и Махит бежала. Бежала, стиснув руку Пять Агат, пока не вылетела из министерства информации на улицу.

Глава 19

Неподвижность и терпение создают безопасность,
Жемчужина Мира сохраняет сама себя.
Рваные цветы умирают в неумелых руках,
а порочные садовники процветают,
провозглашая достоинства бесплодных садов.

Стихи, причисляемые Пять Диадеме, позже применявшиеся в империи в качестве публичного сообщения о соблюдении мер безопасности

* * *

Если нас уничтожат корабли легионов, я потребую твоего низложения в любом правительстве, которое заменит пятнадцать поколений нашего Совета. И твоего, и Амнардбат. Соглашателя и изоляционистки. Низложения и уничтожения имаго-линий.

Записка, подписанная «Д. О.», доставленная курьером в кабинет Дарца Тараца, 251.3.11-6П

Пять Агат стряхнула руку Махит, сама вся встряхнулась, оправляясь. Из плеча все еще бежала кровь, пуская красные щупальца по белому рукаву.

– Времени нет, – сказала она, и Махит ее не поняла. Теперь она уже мало что понимала.

– … я должна его забрать, – говорила Три Саргасс, – он же там *умирает*…

– *Времени* нет, – повторила Пять Агат, и тут до Махит дошло: Двенадцать Азалия в разливающейся луже крови. Двенадцать Азалия, ее друг. Друг Три Саргасс.

Грудь сдавило, внутри все горело, будто это в нее попали; будто это она пуля, готовая разорваться на осколки.

– Да мне насрать на *время*, – сказала Три Саргасс.

– И я не знаю, сколько еще в министерстве незаконного огнестрельного оружия, – бросила Пять Агат – Махит с трудом узнавала в этой женщине тихую и расторопную адъютантку из офиса Девятнадцать Тесло. – И сколько сторонников Тридцать

Шпорника *еще* поджидают, когда смогут с радостью *кого-нибудь подстрелить,* – зараза, как же болит долбаное плечо, и жаль вашего друга – но еще больше жаль Двадцать Два Графита, сраные *звезды,* как же его жалко – но вы сами просили о помощи – эти проклятые стихи уже на улицах *распевают – так заберем вас отсюда, как вы и хотели.*

– Распевают? – беспомощно переспросила Махит.

– Те, кто не орет во все горло «ЗА ОДИН МОЛНИЮ», да, – сказала Пять Агат и двинулась по площади.

Махит взяла Три Саргасс за руку. Ее ладонь была скользкая и липкая от пота. Они последовали за Пять Агат. Та шла на крейсерской скорости, задрав плечо, даже не пытаясь закрыть кровотечение. Погони не наблюдалось – возможно, Шесть Вертолет умирал на полу рядом с Двенадцать Азалией, и, твою же мать, об этом было больно даже думать, Двенадцать Азалия не заслужил такого, – чтобы отвлечься, Махит пыталась определить, куда они идут. Ей казалось, она знает дорогу к офису Девятнадцать Тесло, но при свете дня все выглядело *другим,* а в последний раз она приезжала в машине Солнечных.

Небо снова стало невозможно синим. Бескрайнее, ограниченное лишь расплывчатыми каньонами зданий на горизонте. Так и казалось, что Махит вот-вот сорвется с планеты. Она сжала руку Три Саргасс. Никакой реакции.

Повернув за угол от центральной площади Дворца-Восток к череде зданий, где, предполагала Махит, может быть офис Девятнадцать Тесло – проблеск розоватого мрамора, вон куда они наверняка направлялись, – они чуть не налетели на взвод Солнечных. Те явились как затмение: резко, перекрыв свет, двадцать безлицых человек в золотых шлемах.

– Стоять на месте, – сказал один. Она не поняла какой. У всех был одинаковый голос. Пять Агат замерла. Пыталась отдышаться.

– Вы ранены, – сказал другой Солнечный, ближе, судя по громкости голоса. – Находиться на улице опасно; император ввел для граждан комендантский час. Вы хотите в больницу?

– Я… – начала Пять Агат. – Я хочу вернуться домой – я работаю на эзуазуаката Девятнадцать Тесло…

– Находиться на улицах категорически запрещено, – сказал третий Солнечный.

– Комендантский час приказано вменять любыми методами, какие мы сочтем нужными, – добавил четвертый – и все двадцать Солнечных двинулись на них вместе, как роботы.

«Что страшнее, угроза человека или государства?»

А потом: «Как перехитрить алгоритм?»

Она выступила вперед. Вклинилась дрожащим голосом:

– В нас стреляли. – Она сделала ставку на истерику – и положилась на знания Искандра, чтобы речь звучала тейкскалаанской, *без акцента*. Пусть всего на один этот миг она не будет очевидной варваркой. – Мы были в министерстве информации – его *захватили сумасшедшие* – мы – это ужасно, моего друга, кажется, *убили*…

Три Саргасс, как по команде, разрыдалась. Махит слезы показались неподдельными. Наверняка и *были* неподдельными – просто сдерживались, пока не смогли принести пользу.

Ближайший к ним Солнечный снова заговорил, уже мягче.

– Что за сумасшедшие? – уточнил он. – Прошу, граждане, сообщите нам все.

– Тот, кто застрелил моего друга, – проговорила Три Саргасс сквозь бегущие слезы, – работает у Тридцать Шпорника… он сказал, они захватили министерство, потому что министр скомпрометирована… – Она вытерла нос, глаза. – Простите, обычно я себя так не веду. Правда.

– Что *значит* – скомпрометирована? – поинтересовались сразу двое Солнечных; а потом третий повторил за ними, словно по ИИ разносилось эхо, словно алгоритм подстраивался: – Что *значит* – скомпрометирована?

– Не знаю, – беззастенчиво врала Махит. – Просто – скомпрометирована… может, потому, что министру нравится политика яотлека? Все так запутанно – и *в нас стреляли*…

Показалось, будто весь взвод развернулся к ним разом, сосредоточившись: так россыпь железных опилок встает в строй из-за магнита. У всех руки неподвижно лежали на электродубинках. Махит ожидала удара; неизбежной тяжести государственного наказания в виде электричества, того, что подвижная часть сети Города нападет на нее так же, как несколько дней назад неподвижная напала на Три Саргасс, – но если все *сработает*, если они отведут этот взвод от себя, чтобы помешать *погоне* из министерства информации, это стоит риска.

– Мы можем пройти? – спросила Пять Агат. – Я не хочу нарушать императорский указ. Там мой сын – я просто хочу домой – нам нужно вон туда. – Она показала здоровой рукой на здание, в котором Махит признала офис Девятнадцать Тесло, или куда-то рядом.

Похоже, этого наконец хватило. Один из Солнечных на краю взвода отделился, сделал несколько шагов от остальных.

– Идите, – сказал он. – Мы расследуем ситуацию в министерстве. Один из нас вас сопроводит, – в стороне от группы отдельный Солнечный почти казался человеком. Махит ужасно хотелось знать, как тейкскалаанцы становятся ими.

<Если узнаешь, – сказал ей Искандр, – добьешься больше, чем я>.

Остальной взвод плавно двинулся по тропинке, которой они втроем уходили с площади. Махит ярко представила, будто они идут по запаху пролитой крови Пять Агат – охота наоборот.

Оставшийся Солнечный махнул рукой, и все трое – Махит еще держала Три Саргасс за руку, асекрета еще плакала навзрыд – последовали за ним; так Махит второй раз оказалась на пороге офиса Девятнадцать Тесло в сопровождении полиции.

«Кольцевая композиция, – думала она. – Ходим кругами». И тут снова наткнулась в мыслях на невообразимую новость: ее стихи распевают на улицах?

<Ничто не остается нетронутым, – пробормотал Искандр – молодой Искандр, ее, этот знакомый мерцающий голос, прорывающийся через помехи. – Ничто из того, что ты сделаешь, не остается незамеченным Тейкскалааном. Даже *я* это узнал>.

* * *

Девятнадцать Тесло превратила приемный офис в зал военного совета. Она – как и раньше – стояла в центре обширного моря из голограмм, дуги за дугой; но теперь чинную организацию по сбору информации населяли изможденные молодые люди, которые жестами перекидывались изображениями, писали – от руки, на *бумаге*, – с кем-то приглушенно переговаривались по облачным привязкам.

Девятнадцать Тесло посреди хаоса была столпом белизны, все еще безупречная, хоть темная кожа под глазами посерела, а сами глаза – раскраснелись. Первой мыслью Махит стало, что та плакала и вообще не спала; было неясно, что из накатившего сочувствия принадлежит ей, а что – Искандру. Она решила, что это не важно, и тут эзуазуакат их заметила, одним резким жестом смахнула облако проекций от головы и подошла к Пять Агат.

– Ты ранена, – сказала она, взяв помощницу за обе руки.

– …легко, – ответила Пять Агат, и Махит увидела по ее лицу: она бы вернулась под огонь Шесть Вертолета только ради одного этого момента с эзуазуакатом, которой служила. – Это ерунда. Я потеряла Двадцать Два Графита…

– Вы оба вызвались добровольцами. Он не хуже тебя знал, на что идет. Отдохни, – сказала Девятнадцать Тесло все с той же ошеломительной, необычной мягкостью, с которой обращалась к Махит в ванной после случая с цветком. – Ты отлично поработала. Сделала все, что я просила. Присядь, попей воды, мы

вызовем иксплanатля осмотреть твою руку.

«Ты отлично поработала». Даже потеряв одного из своих, Девятнадцать Тесло могла утешить других. Ком в горле Махит никак не мог принадлежать только ей. Искандру тоже хотелось это услышать, верно? Особенно от нее…

(В мыслях – внезапная картинка обнаженной Девятнадцать Тесло, десять лет назад, и ощутила Махит не столько *похоть*, сколько *вожделение*, желание прикоснуться, *быть вместе.)*

<Нет, – сказал ей Искандр. – Я хотел, чтобы она *со мной согласилась*. А ты хочешь, чтобы она смотрела на тебя так, будто ты права>.

– …а ты настоящее сокровище, Махит Дзмаре, – сказала затем Девятнадцать Тесло. – Какую же цену я, оказывается, готова за тебя заплатить. Стихи написала сама?

– Большую часть написала Три Саргасс, – ответила Махит. Она все еще не отпускала руку посредницы, и наконец та сжала ее пальцы.

– Моя дорогая асекрета. Красноречива, как всегда.

Три Саргасс издала жуткий задушенный звук, затем ответила:

– Ваше превосходительство, прошу не называть меня красноречивой, когда я вся в *соплях*.

Казалось, будто эзуазуакат хотела рассмеяться, но забыла как; веселье покинуло ее без остатка. Так что она только пожала плечами со странной полуулыбкой и произнесла:

– «На свободе я копье в руках солнца». Это западает в память. Присядьте пока? Мне еще нужно решить, что с вами *делать*.

– Я должна поговорить с его сиятельством, – сказала Махит. – Вот что вам нужно сделать. А потом уже делайте что хотите.

Она подошла к дивану – тому самому, где сидела во время первого допроса Девятнадцать Тесло. Снова подумала: «Кольцевая композиция». Ноги стали как ватные. Уронили ее на подушки. Три Саргасс следовала за ней – спутник на орбите; когда села рядом с Махит, их ноги соприкоснулись. Махит жалела, что не может предложить платка, вытереть ей лицо, спрятать слезы. Вернуть ей хоть толику приличия, которого сейчас так не хватало.

Девятнадцать Тесло следила, как они идут; следила, как садятся. На долгое и страшное мгновение она словно бы *растерялась* – пропали вся целеустремленность и напор. Затем она выпрямилась с головы до пят, прошла через офис, встала перед ними.

– Я не могу привести тебя прямо к нему, – сказала она. – Он под охраной. И ему плохо. Ты это знаешь, Махит.

– Ему уже давно плохо, – ответила она. – И *вы* это знаете. И

он знает, и *Искандр знает.*

– Знает? – переспросила Девятнадцать Тесло, чуть склонив голову к плечу.

– Знал. Все… сложно. Теперь еще сложнее. Я… Девятнадцать Тесло, ваше превосходительство, когда я была здесь в последний раз, я честно ответила, что вы не можете с ним поговорить, поскольку он *отсутствовал* вне зависимости от его желаний или желаний моего правительства; теперь я могу честно ответить иначе. Я – мы – это долгая история, и я ложилась на операцию, и у меня самая ужасная головная боль в жизни, и *привет – я скучал…*

Она отступила; позволила той своей части, которая была Искандром, всего на миг перехватить мышцы лица, вылепить широкую улыбку, повторить то, как у уголков его глаз возникали морщинки от улыбки, еще не появившиеся на ее молодой коже.

По лицу Девятнадцать Тесло промелькнул румянец, словно засиявший и снова потухший металл в кузне.

– Почему я должна верить теперь? – спросила она, но Махит уже знала, что она поверила.

– Ты меня убила, – сказала она, сказал Искандр. Сказали они. – Или позволила меня убить Десять Перлу и не помешала, а это то же самое. Но я все равно скучаю.

Девятнадцать Тесло сделала огромный вдох, протащила его по легким, едва владела собой. Села на противоположный диван – аккуратно, складываясь так, будто иначе упадет.

– Полагаю, ты хочешь это обсудить – ты всегда *любил обсуждать* все решения…

– Возможно, – сказал Искандр ртом Махит, и она даже не знала, насколько он может быть нежным, – когда все кончится. Сейчас времени в обрез, верно, дорогая моя?

– Верно, – сказала Девятнадцать Тесло. Снова набрала полную грудь воздуха. – Будь опять Махит; я что-то и не представляла, как это пугает. Твои *выражения лица*. Ты словно призрак.

– Ну правда же, совершенно неправильная аналогия, – сказала Махит, – призраки…

<Помолчи, – сказал ей Искандр. – Это ей сейчас точно не нужно>.

«А еще обвинял во флирте меня…»

<Нам нужно спасать империю, Махит>.

«А, так *вот* чем мы занимаемся? Я-то думала, мы спасаем нашу станцию от аннексии…»

Махит знала, что эти споры им только во вред. Ее мутило, в висках накапливалась головная боль, а Девятнадцать Тесло и Три

Саргасс смотрели на нее так, словно она медленно отъезжала в неведомую даль безумия.

– У меня есть данные, – сказала она, пытаясь собраться, стать Махит-которая-однажды-была-Искандром, а не их ужасным гибридом. – Я их добыла с большими жертвами для себя и, возможно, для моего народа на станции Лсел, и *его сиятельство должен* услышать их немедленно. Я пыталась с ним связаться. Меня задержали, мой друг ранен – возможно, убит, – и мне пришлось вести переговоры с Солнечными; кажется, вы – *единственная* возможность добраться…

Девятнадцать Тесло тихо выругалась.

– Прошу принять глубочайшие соболезнования по поводу друга. Надеюсь, все не так плохо, как ты опасаешься.

Махит вспомнила кровь в луже вокруг Двенадцать Азалии, *сколько* ее было, какая артериально-яркая, и подумала: «Надежд тут мало».

– Как и я, – вслух сказала она. – Он… он был ко мне великодушнее, чем может ожидать варварка.

Три Саргасс издала странный звук – что-то среднее между всхлипом и смешком.

– Он погиб за тебя, Махит, – сказала она. – Не будь он *моим* другом, никогда бы не влез в этот бардак.

Девятнадцать Тесло подозвала взмахом руки одного из помощников; молодой человек материализовался у диванов, как голограмма. (Не Семь Шкала, который избавлялся от ядовитого цветка. Который мог и *принести* ядовитый цветок. Махит еще нужно спросить о нем, обо всем, что случилось той ночью, о том, *почему Девятнадцать Тесло изо всех сил пыталась спасти ее жизнь.)*

– Не мог бы ты принести асекрете стакан воды и платок, – попросила Девятнадцать Тесло, – и бренди всем нам; думаю, это понадобится.

Он исчез так же споро, как и появился. Эзуазуакат кивнула, словно в чем-то для себя убедившись, и сказала:

– Если – а это серьезное «если», Махит Дзмаре, – я соглашусь привести тебя к его сиятельству в наши времена волнений и неуверенности, рискнув своим положением и, возможно, жизнью, то лучше бы мне знать, что ты планируешь ему сказать. В тех же подробностях. Это должно *того стоить*, посол. Стоить больше машины бессмертия, которая делает из давних друзей призраков и двойных людей.

В это время помощник вернулся с тремя стаканами темно-медного напитка и одним – воды, и Махит еще никогда в жизни так не радовалась алкоголю. Она взяла с подноса ближайший

стакан. Если взболтать, напиток лип к стенкам – вязкий маслянистый перелив.

– Прошу, Три Саргасс, скажи, что это на вкус не как фиалки.

Три Саргасс хлебала воду, как после многочасового обезвоживания – так и *было*, осознала Махит, из-за слез и бега, – отставила стакан, оценивающе взглянула на бренди и иронично ответила:

– Если я правильно понимаю, это на вкус как огонь, кровь и земля, вскопанная после грозы, – пытаетесь нас споить, ваше превосходительство? Гарантирую, мне сейчас много не понадобится.

– Я хотела, – сказала эзуазуакат, – проявить вежливость. – Она подняла бокал в небольшом безмолвном тосте. – Пейте.

Махит выпила. «За то, чтобы пережить следующие двенадцать часов», – подумала она, пока жидкость скользнула по горлу, яркая, горячая и насыщенная; плазменный огонь и горящий дерн. Необычный петрикор. «За то, чтобы станция Лсел осталась станцией Лсел».

<За нас, – прошептал Искандр где-то, где она его почти не чувствовала. Скорее поднявшееся чувство, чем голос. – И за цивилизацию, если она останется>.

Махит опустила стакан. Все тело согрелось. Это сойдет в качестве замены смелости.

– Ладно, ваше превосходительство. Я расскажу. Но сперва я была бы очень признательна, если вы объясните, почему сохранили жизнь *мне*, но не моему предшественнику. Мне нужно решить, доверять ли вам потому, что я *должна* – а я вам доверяю, но только за отсутствием других вариантов, – или доверять вам потому, что хочу.

– Кто из вас сейчас спрашивает? – поинтересовалась Девятнадцать Тесло. Свой бренди она выпила как шот, залпом.

– Это плохой вопрос, Девятнадцать Тесло. *Я* спрашиваю, – далее Махит не уточняла.

Та вздохнула. Сложила руки на коленях – темные на фоне белоснежного костюма.

– Две причины, – начала она. – Первая: ты – *была* – не Искандр Агавн. И не хотела того же, чего хотел и он; а хотел он вручить Шесть Пути, как я понимаю после множества расспросов, исследований и размышлений, машину бессмертия – машину, которая посадит моего друга, моего повелителя, моего *императора* в тело ребенка, сделает из него что-то… даже и нечеловеческое и может нанести ему необратимый ущерб. Может нанести необратимый ущерб *всем* нам, когда этот ребенок воссядет на троне солнечных копий.

Махит кивнула.

– Я прибыла не для того, чтобы променять имаго-аппарат за свободу своей станции, нет. – Они поменялись ролями; довольно неожиданно Махит поняла, что это *она* ведет допрос. Что это вообще допрос. Или переговоры.

<Одно сродни другому>.

– Какова вторая причина? – продолжала Махит.

– Я не могла сделать это дважды, – сказала Девятнадцать Тесло. – Не могла – *видеть* это дважды. Я не брезгливый человек, посол, я лично возглавляла немало завоеваний планет. Но ты стала моим другом *достаточно* – даже если не была достаточно Искандром, чтобы хотеть того же самого. А еще ты ничем не заслужила смерти. Тем более такой болезненной.

Махит показалось, что ее раскрыли, препарировали, все нервы – гиперчувствительны к воздуху, как на хирургическом столе Пять Портик, хотя исповедовалась вовсе не она.

– Кто прислал мне цветок? – спросила она. Отстраненно отметила, как Три Саргасс положила ей на спину руку; дружеское присутствие.

– Это подарок, – сказала Девятнадцать Тесло, – от дома собрата-эзуазуаката Тридцать Шпорника моему дому. Разумеется, что с подарком делать, решать было мне.

А значит – а значит, *сперва* Девятнадцать Тесло решила, что Махит должна умереть, и наблюдала, как та чуть не вдохнула яд того цветка, а затем, *не сходя с места*, передумала. А значит, Тридцать Шпорник *предлагал* Девятнадцать Тесло избавиться от нового лселского посла, как она уже позволила избавиться от прежнего.

Тридцать Шпорник не желал смерти *Искандру*; то был Десять Перл – и, возможно, Девятнадцать Тесло. Тридцать Шпорника Искандр не заботил. Он желал смерти *Махит* и считал, что Девятнадцать Тесло, раз посодействовавшая расправе над лселским послом, повторит это вновь.

Он решил, что Махит слишком опасна – или решил, что слишком опасен *любой*, кто может передать Шесть Пути имаго-аппарат. Имаго-аппарат, особенно в воображении тейкскалааанцев, – это машина *бессмертия*, а значит, Шесть Путь будет на троне вечно. Если Шесть Путь останется императором, Тридцать Шпорник никогда не сможет воспользоваться политическими волнениями, чтобы разрушить триумвират преемников и завладеть троном единолично – *вот* что он делает, как иначе истолковать его захват Информации. Не важно, что какой-то выскочка-яотлек пытается объявить себя через аккламацию истинным правителем, благословленным звездами.

Момент, который нужен Тридцать Шпорнику, *уйдет*, если у Шесть Пути появится доступ к имаго-аппарату.

Внезапно ее поразило, что они вообще выбрались из министерства информации, и этот хрупкий успех целиком объясняла тем, что Шесть Вертолет был слишком опьянен властью и не спросил у начальника, что делать дальше.

– Последний вопрос, – сказала Махит, – и мы продолжим. Кому в правительстве его сиятельства известно, что вы позволили убить Искандра?

Девятнадцать Тесло улыбнулась в лселском стиле, но слабо; изогнувшийся уголок рта, который Махит хотелось отразить в стиле Искандра. (*Как же* они друг другу нравились. Эндокринная реакция включалась даже после признания в убийстве.)

– Всем, кто что-то из себя представляет, – сказала Девятнадцать Тесло. – Включая его сиятельство; думаю, он все еще очень на меня злится, хотя и понимает причины. Он всегда понимает, почему я что-то делаю.

Махит вспомнила горячечный сон об Искандре и Девятнадцать Тесло в постели: Искандр говорил: «Я его люблю, не должен, но люблю», – а эзуазуакат отвечала: «Я тоже».

«Я тоже, – а потом: „Надеюсь, все еще смогу любить, когда он уже не будет собой“». Этой опасности больше нет. Его сиятельство останется собой. Больше на Тейкскалаане нет имаго-аппаратов, не считая того, что в черепе Махит – и того, что она отдала медику-антиимперцу.

Все *это* она обдумает позже. Это уже вне ее сил.

Три Саргасс таращилась на эзуазуаката так, словно у той выросла вторая голова или еще одна пара рук.

– Я в ужасе от вас, ваше превосходительство, – сказала она, применив то слово «ужас», что в поэзии еще несло значение «благоговение». Слово для мерзостей или божественных чудес. Или императоров – которые во многом, полагала Махит, и то и другое.

– Опасности близкого знакомства, – горестно ответила Девятнадцать Тесло. Заглянула в стакан бренди, словно хотела выпить пустой воздух. На миг закрыла глаза. Веки посерели от слабых узоров заметных вен. – Итак. Довольно. Говори, что хочешь передать моему императору.

Махит сформулировала мысль перед тем, как ее озвучить: пыталась высказать просто и прямо, без притворства и экивоков. Факты. (А политика настанет *после* фактов; выродится из фактов, как обычно и бывает с политикой.)

– Лселский советник по шахтерам послал мне – под несколькими слоями защиты – координаты растущей,

угрожающей и вредной активности инопланетян – то есть активности, предшествующей завоеванию – как в нашем квадранте космоса, так и в двух других. Эти инопланетяне нам неизвестны, и мы не смогли установить с ними связь. Они враждебны. В значительной опасности как мы на станции Лсел, так и вы во всем обширном звездном просторе Тейкскалаана.

Девятнадцать Тесло пощелкала зубами и с интересом хмыкнула.

– И *почему* лселский советник по шахтерам хотел донести до тебя эти данные? – спросила она.

– Полагаю, – аккуратно ответила Махит, – что Дарц Тарац предпочитает видеть в лселском космосе своего зверя – империю, с которой мы поколениями вели переговоры, – а не стихию вне нашего контроля.

– Это причина, почему он хочет, чтобы ты *рассказала нам*, – заметила Девятнадцать Тесло. – Я спрашиваю, почему он сказал тебе.

Ее вопрос был в духе: «Как, по мнению Дарца Тараца, ты сможешь распорядиться этими данными, чтобы повлиять на нас?» Махит откинулась на руку Три Саргасс. Веки отяжелели; язык слегка онемел от бренди.

– Я бы не догадалась, – ответила она непринужденно, – если бы не недавние новости о выступлении Восемь Виток.

– Продолжай, – сказала Девятнадцать Тесло.

– То, где она усомнилась в легитимности захватнической войны, – внезапно и весело сказала Три Саргасс: она догадалась. Ну, конечно, она догадалась.

Махит кивнула.

– То, где она усомнилась в легитимности завоевательной войны, *потому что границы Тейкскалаана под угрозой*. Она могла подразумевать просто… то, что у вас происходит на Одилии. Думаю, на тот момент и подразумевала. Но *я* знаю: насущная инопланетная угроза хуже какого-то внутреннего мятежа. Если границы империи под угрозой, захватническую войну невозможно оправдать, и даже сильный император в расцвете сил может уступить перед советом, министрами и эзуазуакатами. А теперь, с этими данными, я могу доказать, что для границ действительно есть непосредственная угроза. Мы *все* в опасности. И советник по шахтерам хотел бы, чтобы я воспользовалась этой лазейкой в тейкскалаанском законе и вынудила империю оставить мою родину в покое. Нет надежных границ – значит, нет захватнической войны, Лсел сохранит независимость. Все просто, эзуазуакат. Я говорю настолько открыто, насколько могу. Насколько умею.

Она совершенно опустила вопрос, пыталась ли саботировать ее Акнель Амнардбат и зачем. Это не касается Тейкскалаана, подумала Махит. Это уже касается Лсела. Это обдумают они с Искандром, если переживут эту неделю. Можно придержать для себя после такого ужасного излияния. А стоит об этом упомянуть сейчас, и она подорвет доверие к себе. А кроме того, Амнардбат, саботируя Махит, не могла знать, что Искандр *мертв*. Все это время действовать должен был Искандр – делать то, что делает Махит, донести послание до Девятнадцать Тесло в отчаянной попытке спасти Лсел от аннексии.

<Хотел бы я сам ее спросить, о чем она думала>, – пробормотал Искандр, и по рукам Махит статическим зарядом пробежала яркая вспышка того, что осталось от *другого* Искандра.

«И ты, и я, – подумала Махит. – Мне она говорила, что мы с тобой идеально подходим друг другу: мы понимаем Тейкскалаан. Я приняла это за комплимент…»

<От Амнардбат? Нет. Амнардбат *ненавидит* империю>, – сказал Искандр, увлеченный, заинтригованный, а затем… прерванный.

– *Чрезвычайно остроумно* и в то же время тревожно, – сказала Девятнадцать Тесло, – правда это или нет.

– Позвольте рассказать Шесть Пути, – попросила Махит. С Искандром о саботаже можно поговорить и *потом*. – Отведите меня к нему. Пожалуйста. В память о том, чем мы были, и чем были они с Искандром, и ради обоих наших народов.

– Ты же понимаешь, что я не могу просто провести тебя под покровом темноты, как в прошлый раз, – сказала Девятнадцать Тесло. – Его даже нет во Дворце-Земля – там сейчас слишком *опасно*.

– *Понимаю*. Я осознаю, что прошу о чем-то серьезном, – начала Махит, но замолкла из-за возвращения помощника, приносившего бренди. В этот раз он был с пустыми руками, а его лицо казалось слишком невыразительно серьезным даже для тейкскалааннца.

– Ваше превосходительство, – сказал он, – простите, что отрываю.

– Разве я не отдала приказ, чтобы все дальнейшие новости меня не отрывали, Сорок Пять Закат?

Промелькнула улыбка; его глаза расширились, моргнули, тут же вернулись к норме.

– Отдавали. Ваше превосходительство, с сожалением сообщаю, что войска яотлека уже в городском центре и идут ко дворцу; сообщается о множестве потерь среди гражданских. Если нужно, у меня есть записи.

Девятнадцать Тесло кивнула; краткое резкое движение.

– Стычки были со сторонниками?

– Их разжигают цветоносцы, да.

– *Обязательно* пользоваться языком пропаганды Тридцать Шпорника, Сорок Пять Закат?

– Приношу свои извинения, ваше превосходительство. В основном ответственность за провокации солдат несут агитаторы Тридцать Шпорника со своими фиолетовыми значками.

– Благодарю, – сказала Девятнадцать Тесло. – Полагаю, в чем-то хорошо, что твои стихи, Три Саргасс, желает петь только Тридцать Шпорник, а не вся народная масса. Возможно, мы сохранили их преданность. Но не уверена.

– Кто – «мы»? – спросила Три Саргасс, и Махит почувствовала у себя в костях эхо: «Что входит в тейкскалаанское понятие „мы“»?

– «Мы» – это те, кто хотел бы видеть Шесть Путь на троне солнечных копий до конца его жизни.

– Я готова в этом поклясться, – сказала Три Саргасс. – Прямо здесь, если пожелаете. На крови.

Это был старинный тейкскалаанский обычай – из тьмы веков, со времен еще до того, как империя охватила множество континентов, не говоря уже о планетах. Для удачи, для доказательства. Чтобы присягнуть на верность или обязать человека. Кровь в чаше, всех участников, и затем эту чашу опустошают в подношение солнцу.

– Какой традиционализм, – сказала Девятнадцать Тесло. – Махит – а *ты* поклянешься?

«Ты когда-нибудь клялся?» – тихо спросила Махит Искандра в мыслях.

<Один раз, – ответил тот, и Махит вспомнила длинный извивающийся шрам на его руке, ниже места, где Десять Перл вколол шприц с ядом. – Шесть Путь спросил, готов ли я ему присягнуть, и я ответил, что не буду к нему привязан, что если буду служить, то хочу служить свободно и так, как умею, – но вот лгать я ему не буду никогда, и в этом поклялся>.

«А я буду привязана?»

<Ну, сама и узнаешь>.

– Несите чашу, – сказала Махит, и та появилась по мановению руки Девятнадцать Тесло. Маленькая медная посудина и короткий стальной нож, которым, могла представить Махит, Девятнадцать Тесло владела свободно. *Коготь*, а не нож. Три Саргасс взяла его за рукоятку и прижала к кромке указательный палец, порезав так, что кровь налилась быстро и закапала в чашу. Махит пришлось труднее; рука с ножом

тряслась, но кромка оказалась микроскопически тонкой и порезала практически без усилия и боли. Девятнадцать Тесло была последней. Их кровь смешалась – вся одного красного цвета.

По самой старой версии обычая, знала Махит, они бы *выпили* содержимое чаши. Вот тебе и брезгливость тейкскалаанцев по отношению к поеданию мертвых. Они поедали еще живых.

– Да правит его сиятельство Шесть Путь, сколько дышит, – сказала Девятнадцать Тесло, и Махит с Три Саргасс эхом повторили за ней.

Ничего *не произошло*. Почему-то Махит чего-нибудь ожидала; что кровавая жертва волшебная, или священная, или…

<Или как в стихах>, – закончил Искандр, и она была вынуждена согласиться.

Короткая безмолвная передышка. Затем Девятнадцать Тесло встала, подняла кровоточащий палец подальше от своего костюма и сказала:

– Перевяжемся, а затем, госпожа посол, асекрета, полагаю, мы отправляемся к императору.

Глава 20

Я несу изгнание в своем сердце. Оно оживляет мою поэзию и политику; мне никогда не освободиться от него после столь долгой жизни вне Тейкскалаана. Я вечно буду измерять расстояние между собой и тем, кто остался в сердце мира; между тем, в кого я вырос бы, пребудь я на родине, и тем, в кого превратился под давлением фронтира. Когда через прыжковые врата прибыли яркие, затмевающие звезды суда Семнадцатого легиона и заполонили небо эбректов силуэтами родом с моей родины, сперва я испугался. Вот суровая внезапность. Познать страх в чертах собственного лица.

Из «Депеш с нуминозного фронтира», Одиннадцать Станок

* * *

А что, дорогая моя, стоит сохранять? Твою радость от работы? Мою – от открытий?

Личное письмо от посла Искандра Агавна эзуазуакату Девятнадцать Тесло, без даты

Императора прятали в бункере под Дворцом-Север. Чтобы дойти туда, понадобилось сорок пять минут – Махит, Три Саргасс, Девятнадцать Тесло и одному из помощников, молодому человеку по имени Сорок Пять Закат. Они шли туннелями, избегая опасностей комендантского часа и рыскающих отрядов Солнечных. Туннелями глубоко под землей был пронизан весь дворцовый комплекс. Три Саргасс по левую руку пробормотала: «По слухам, дворец пускает в землю столько же корней, сколько шлет в небеса бутонов; мы, дневные слуги империи, видим лишь цветы – юстицию, науку, информацию, войну, – а питающие нас корни невидимы, но сильны». Махит нравилось ее слушать. Так они и начинали – варварка и посредница, Три Саргасс расшифровывала для нее Тейкскалаан. Ей это нравилось, и в то же время она знала, что Три Саргасс всего лишь пытается успокоить себя.

Девятнадцать Тесло вела через блокпосты – сперва под охраной переливающихся ИИ-стен Города, раскрывавшихся перед

облачной привязкой эзуазуаката, а затем – все большего числа тейкскалааанцев, очень просто одетых – в серые штаны и рубахи с нарукавниками на левой руке, где изображался императорский герб. Махит вспомнились силы Юстиции, гнавшиеся за Двенадцать Азалией, и вспомнилась Восемь Виток, яслирод Шесть Пути, которая могла выделить ему тайную личную гвардию из работников Юстиции. Все были вооружены электродубинками. Кое-кто – и чем дальше, тем чаще – огнестрельным оружием, а у одной женщины, готова была поклясться Махит, был лазер, которому самое место на носу небольшого крейсера. Никто не прятал лицо под облачной привязкой Солнечных.

Ближайшая стража вообще ходила без привязок и забрала привязку Девятнадцать Тесло. Отдала она без пререканий.

Видимо, захват ИИ-алгоритма Один Молнией – Один Молнией в сговоре с министерством войны – проник глубоко, раз императора охраняли только те, на кого Город никак не мог повлиять; такие же голые и обойденные бурным потоком тейкскалааанской литературы, истории, культуры и ежесекундных новостей, как и Махит во время, когда она потеряла связь со своим имаго.

С кем-то Девятнадцать Тесло заговаривала; другие ей просто кивали. Махит спросила себя, сколько раз она уже ходила этой дорогой – знаком ли ей этот уровень катастрофы и угрозы, бывали ли в ее долгой истории службы Шесть Пути и другие случаи, когда приходилось прятаться здесь, в неведомом сердце империи.

<Я все это вижу впервые>, – сказал Искандр.

«Может, он с тобой спал, но ты не принадлежишь ему», – ответила Махит.

<Я и не хотел никому принадлежать. Я любил его. Это другое>.

«Разве можно любить императора так же, как любят человека, Искандр?» – и невысказанное: «А я смогла бы? Стала бы?»

Она его не любила. Только Искандр. Она встречалась с императором *дважды* – раз на публике и раз наедине – и была впечатлена, ощутила, как во всех нервах и лимбической системе отозвались чувства Искандра, но *не ее*.

Впрочем, возможно, любили *они оба* – комбинация ее и двоих Искандров, интегрированных вместе, – и тогда это проблема. Хотелось бы оставаться как можно более объективной.

За последней дверью и последним караулом открылся маленький – по имперским меркам – зал, залитый светом солнечных ламп: из них состоял весь потолок. Здесь было *тепло* – как нежиться в солнечной радиации на диване у иллюминатора, –

и так светло, что, показалось Махит, никто из гостей никогда больше не уснет. По углам стояли очередные гвардейцы в сером, и один взял Три Саргасс под локоть и мягко отделил от Махит и Девятнадцать Тесло. Она подчинилась.

Сам Шесть Путь сидел посреди зала на диване, одетый в роскошные пурпур и золото, и, как тогда дома, во Дворце-Земля, он носил нимб из солнечных ламп, здесь, в недрах под Городом, его окружали мерцающие валы информационных голограмм, мигреневая аура из сплошных докладов. Выглядел он жутко. Кожа потемнела до серо-бурого оттенка крепа, прозрачно-фиолетовая под глазами, и хотя улыбка, встретившая Девятнадцать Тесло, – а потом и Махит, – казалась настолько яркой и бодрой, что сердце подскочило в груди, она за него *испугалась*. Всей душой.

<Когда я умер, он был не так плох>, – сказал ей Искандр.

«Сомневаюсь, что последние три месяца на ком угодно сказались благотворно, и его сиятельство – не исключение. Умирающие умирают еще быстрее, когда им не дают отдохнуть».

<Императоры не спят>.

– Ваше сиятельство, – сказала Девятнадцать Тесло, – я снова принесла вам неприятности.

– Я вижу, – сказал император. – Прошу, присядь со мною снова, Махит, и поглядим, зайдем ли мы дальше, чем в предыдущую беседу.

Махит подошла, притянутая невидимыми нитями: желанием – ее и не ее. Покорностью императорской власти. Всеми трудами и жертвами, какими она добивалась этой встречи. Села, влившись в защитную ауру информации. Лишь очередной факт в окружении императора. Вблизи стали заметны синяки на его запястьях, на венах; потерявшая упругость кожа и сосуды с тонкими стенками, измученные, должно быть, бесчисленными уколами. Она гадала, отчего в нем еще теплится жизнь.

– Я тоже принесла вам неприятности, – сказала она.

– Меньшего от станции Лсел я и не ожидал. – Шесть Путь *улыбнулся* ей, лселской улыбкой во весь рот, и она не знала, что делать со *всеми* нахлынувшими чувствами, со всеми и сразу. Полезнее было бы не чувствовать ничего. Будь она только политическим орудием, незамутненным средством не дать Тейкскалаану аннексировать Лсел. И было бы так просто – говорить хладнокровно, ясно и…

<*Говори*, Махит, а то заговорю я>.

На миг Махит заколебалась, не уступить ли, не *отдать* ли себя Искандру и позволить ему еще раз побеседовать с императором – а потом вдруг ощутила тошнотворный ужас. «Проваливай из моей гребаной неврологии и лимбической

системы, Искандр. Я тебе не перерожденный клон. Мы не такие».

Шипение, словно помехи. Затем:

<Говори>.

– Ваше сиятельство, – начала Махит, – я получила ценные разведданные от моего правительства на Лселе касательно смертельной угрозы Тейкскалаану; боюсь, угроза еще более смертельная, чем нынешний неприглядный хаос за пределами этого зала.

– Продолжай же, – сказал Шесть Путь. – Мне не помешает отвлечься на другую проблему, чуть менее неисправимую, чем текущая ситуация. Какой бы *смертельной* она ни была.

И Махит продолжала. Пересказала все сообщение – так же, как для Девятнадцать Тесло, не забыв и про наглый политический маневр. А потом ждала, что ответит император.

В течение нескольких вдохов он хранил молчание. Она слышала тихий клокот в его легких. Затем он взглянул на Девятнадцать Тесло.

– А как *ты* думаешь, наш новый лселский посол столь же достоин доверия, как и предыдущий? – спросил он.

Девятнадцать Тесло, оставшаяся рядом с Три Саргассю ближе к двери, кивнула.

– Я бы ее не привела, если бы не поверила. Думаю, она передает в точности то, что ей сообщило правительство, и думаю, она честно излагает все свои предвзятости. В любой другой момент, мой повелитель, я бы сказала, что она обратилась к нам за *помощью*; честный дипломатический обмен, жизненно важная информация – за дальнейшее *формальное* отсутствие у ее станции тейкскалаанского статуса.

– Сейчас не любой другой момент, – сказал Шесть Путь. Обернулся обратно к Махит. – Я спрошу тебя о том же, Махит Дзмаре, о чем уже спрашивал ранее, причем с благодарностью и уважением за сообщение об этой угрозе: согласишься ли ты на то же, на что согласился твой предшественник? Дай мне то, что дал бы *Искандр*, коли не вмешалась бы моя дорогая подруга Девятнадцать Тесло и объединенные силы Науки и Юстиции; продай мне перерождение – и тебе не понадобится даже эта угроза, чтобы отстоять интересы Лсела.

– Можно уже с этим покончить, Шесть Путь? – проговорила эзуазуакат, и в ее голосе послышался мучительный, изможденный страх. – Я хочу, чтобы вы жили и удерживали престол вечно; когда вы уйдете, мне до конца дней будет вас не хватать, но трон о солнечных копьях – это не какой-то варварский медицинский эксперимент и не должен им стать; взгляните на Махит, ваше сиятельство. В ней Искандр – и она не Искандр.

Император приковал взгляд к Махит. Ей казалось, она тонет. Появилась вся та сверхъестественная сила, которую она воображала в ритуале крови, и отразилась в реакции лимбической системы – иллюзия неврологии. Но все же за солнечным сплетением чувствовался крючок, тончайший, как мыльный пузырь, *боль*. Шесть Путь поднял руку – она не дрожала, и Махит успела удивиться его силе – и взял в ладонь ее щеку.

Она позволила Искандру – последовательности реакций, памяти и их выражению на эмоциях, на поведении, что являлась Искандром, – прижаться к ладони. Позволила прочувствованно и медленно сомкнуть ее веки.

А потом забрала все назад, выпрямилась с широко раскрытыми глазами и сказала:

– Ваше сиятельство, он любил вас. Я встречалась с вами *трижды*.

В воцарившемся потрясенном молчании она продолжала:

– А кроме того, у меня *нет* для вас имаго-аппарата. И я не могу – даже при лучшем развитии событий – доставить новый, чтобы сохранить вашу память, раньше, чем окончится ваша жизнь. Мне *жаль*, Шесть Путь. Но мой ответ – нет.

Император с силой провел большим пальцем по изгибу ее скулы.

– Аппарат есть в тебе, – сказал он. – Правда же.

– Если вам так угодно, – ответила Махит, сглотнув яркий страх – это же *император*, если б он захотел ее разрезать, ему было бы достаточно взмахнуть рукой, и один из охранников в сером начнет кромсать прямо здесь, на полу, ориентируясь на хирургический шрам от Пять Портик, – если вам так угодно, вы можете поместить в свой разум меня и Искандра – даже две долбаных версии Искандра, это все сложно, с ума сойти как сложно. Или поместить нас в разум кого угодно. Но нет такого имаго-аппарата, ваше сиятельство, который перенесет в чужой разум вас и только вас одного. Нет в радиусе двух месяцев полета.

Шесть Путь вздохнул и отпустил ее. Ощущение от руки осталось клеймом – раскаленным, сверхчувствительным.

– Полагаю, это мало что меняет, – сказал он. – Я не возлагал надежд на воскрешение с самой смерти твоего предшественника. И не ожидал, что ты эту надежду возродишь. Только… фантазировал. – Он поманил пальцем, и Девятнадцать Тесло подошла к нему, опустилась рядом на колени. Он положил руку ей на шею, и она прильнула к ней затылком.

Она представлялась Махит огромным тигром, клыкастым и опасным, и все же – встала на колени. Прильнула к этой ладони.

<Ничто, чего касается империя, не остается собой>, – пробормотал ей Искандр.

А может, это ее собственный голос притворился интонацией, которой она скорее поверит.

– Как протекает этот дурацкий мятеж, Девятнадцать Тесло? – спросил император.

– По-дурацки, – сказала Девятнадцать Тесло, – но скверно для всех. Один Молния убивает штатских; одновременно Тридцать Шпорник пытается сместить вас в ходе откровенного внутреннего переворота – *видимо*, потому что верит, что в случае вашей смерти Восемь Виток и Восемь Антидот отстранят его от государственного управления, вот и пользуется Один Молнией в качестве повода, чтобы перехватить власть заранее, и для этого рассылает на улицы агитаторов со своими нелепыми знаками цветочной чести – мы уже потеряли Два Палисандр из информации, она мертва или считайте, что мертва, и я не надеюсь на Девять Тягу в Войне; если она еще не переметнулась к Один Молнии, то *переметнется* в любой момент, когда решит, что он даст ей позицию эзуазуаката в своем правительстве…

– Не хотела бы сама стать министром информации, Девятнадцать Тесло, раз ты и так уже все знаешь?

– …мне *нравится* мой нынешний титул. Как я уже не раз говорила, – сказала Девятнадцать Тесло. И тихо вздохнула. – Но если вы потребуете, я готова.

– Мне нужно от тебя не это, – сказал Шесть Путь. Махит не нашла в такой формулировке абсолютно никакого утешения. Судя по выражению, Девятнадцать Тесло тоже.

– *Где* Восемь Антидот? – спросила эзуазуакат. – Если можете ответить. Я… беспокоюсь, милорд, за его благополучие.

Местоположение девяностопроцентного клона имело важное значение; даже несмотря на десятилетний возраст, благодаря своему генетическому наследию после смерти правителя – «Его зачали, когда ты уже ударил по рукам с Шесть Путем, Искандр, или он уже существовал в качестве страховки?» – он должен стать первым из соимператоров. Если Шесть Путь умрет раньше, чем ребенок достигнет совершеннолетия.

– Он здесь, с нами, – сказал Шесть Путь. – Ты защитишь его, Девятнадцать Тесло. Верно?

– Разумеется. Когда я *не* служила вашим интересам, ваше сиятельство?

<Когда убила меня>, – прошептал Искандр, и Махит задумалась, не промелькнула ли та же мысль у императора.

– А, было раз-другой, – сказал Шесть Путь, и вместо того, чтобы потупить взгляд или устыдиться, Девятнадцать Тесло

рассмеялась. Махит вдруг резко представила их при первой встрече: эзуазуакат – молодой командир, Шесть Путь – в начале расцвета своей власти. Их легкую дружбу. Успехи их партнерства.

Затем император обернулся обратно к Махит, и она почувствовала себя маленькой, и ужасно молодой, и совсем не наравне с этими двумя тейкскалааанцами, в отличие от Искандра. Она бы не вошла в их странный треугольник.

<Уверена? Прошло целых десять лет, прежде чем я так пал. У тебя же пока была неделя>.

Нет. Не уверена. Всего лишь не *готова*.

– Итак, Махит Дзмаре, если ты не можешь решить для меня наиболее фундаментальную проблему хорошего правительства, если не можешь даровать мне вечность и стабильное правление, то *что* мне дают твои вести от Дарца Тараца? Что мне делать с инопланетным вторжением на границах империи, пока я сам прячусь от смерти и низложения в сердце своего дворца?

Вот так просто ей подкинули *испытание*. Точно так же она себя почувствовала в первый день здесь – внезапное осознание, что на тейкскалааанском нужно говорить *все* время, а не только в мыслях или с друзьями. Будет она говорить на тейкскалааанском и сейчас. Она знала формулировки, оттенки. Для ориентира имелась долгая история Искандра с Шесть Путем – все их беседы за столами, на законодательных собраниях и в постели. Все боли – рука, бедро, бесконечная, бесконечная головная боль – ушли, и она подумала: «Ну хорошо. Поехали».

– Вы можете дискредитировать Один Молнию, – сказала она. – И *заодно* можете возвысить Восемь Виток над Тридцать Шпорником.

– Продолжай.

Она *летела*.

– Один Молния жаждет узурпации – стать *народно* признанным императором, – но принес ли он империи победы? Нет. Хотя бы пытается? *Нет*, он бросил окраины Тейкскалааана открытыми для инопланетной угрозы. Новости о ней пришлось принести *варвару* – а это позорная оплошность для вашего яотлека, которому *полагалось знать об опасности раньше*, вот только он поставил себя и свои тщеславные амбиции выше сохранности империи, – пришлось замолчать, чтобы перевести дыхание. Спиной она чувствовала взгляд Три Саргасс и жалела, что посредницы нет рядом, чтобы держаться за руки. – И… Восемь Виток предупреждала весь Город, что завоевательная война, которую Тридцать Шпорник поддерживает, даже поддержал публично на последнем поэтическом конкурсе, сомнительна со стороны закона *ввиду этих самых угроз*. Она исполняет свои

обязанности министра юстиции; Тридцать Шпорник разоблачен в злоупотреблении влиянием на вас, чем поставил вас под политическую угрозу.

Она поморщилась.

– Должна сознаться, вам все же придется сообщить, что вас сбил с пути собственный эзуазуакат.

– Невелика потеря, – сказал Шесть Путь. – Я старик, легко подчиняюсь сторонним интересам, верно?

<Отнюдь не *легко*, милорд>, – сказал Искандр, и Махит пришлось стиснуть зубы, чтобы не проронить это вслух. Взамен она пожала плечами, развела руками. Лучше промолчать. Лучше отстаивать станцию Лсел тейкскалаанскими словами.

Шесть Путь опустил взгляд на Девятнадцать Тесло. Они как будто безмолвно о чем-то договорились. Она кивнула. Рука отпустила ее шею, а она встала на ноги – текуче и грациозно для женщины своих лет, не сомкнувшей глаз ни разу по меньшей мере за полтора дня.

– Это придется передать, – сказала она. – По всем трансляциям. Слово императора; срочное обращение. И говорить придется *вам*, ваше сиятельство – сейчас никто не поверит посреднику. Вы скажете, а речь посла запишут заранее и по необходимости вмонтируют.

– Как и всегда, Девятнадцать Тесло, я *доверяю* твоим суждениям.

Махит показалось, что Девятнадцать Тесло в ответ не столько улыбнулась, сколько поморщилась от боли. Похоже, ей вспомнилось, как она позволила Искандру умереть и в то же время обрекла императора. Это будет ее вечным грехом, *стимулом*. Шесть Пути это наверняка по нраву – возможность *припомнить*…

– Посол Дзмаре, – сказала эзуазуакат. – Махит – ты запишешь для нас заявление своего правительства?

Если таков план, надо идти до конца.

– Да, – сказала Махит. – Запишу. Куда идти?

– О, у нас здесь есть все, что нужно, – сказал Шесть Путь. – Здесь императоры *жили*, месяцами. Голографическая камера – это пустяки, – он подал знак одному из помощников в серой форме, и те пришли в движение: кто-то вышел из зала, другие с некоторой опаской приблизились к Махит и императору на диване.

– Она выглядит так, будто ее проволокли через беспорядки, – сказал один. – Кровь, пожалуй, лучше так и оставить. Подходит для весомости ее новости.

– Даже варвары способны на жертвы, – сказал Шесть Путь. – Это всем стоит взять на заметку.

Пока помощники вели ее с дивана в помещение, выглядевшее в точности как императорский зал советов, который Махит видела в новостях, когда смотрела объявление войны за столом Девятнадцать Тесло, она изо всех сил старалась не чувствовать себя *грязной*. Совращенной. *Использованной*. Не получалось.

Не получалось, но и не помешало вновь рассказать все тайны – в этот раз работающим камерам, как можно более отчетливо и убедительно.

* * *

Император и Девятнадцать Тесло коротко, но яростно поспорили, откуда начать вещание: эзуазуакат требовала, чтобы все оставались под землей, но Шесть Путь дождался, пока она договорит всю лесть насчет его благополучия и хрупкости, а потом объявил, что он все-таки император всего Тейкскалаана и бесстрашно обратится к народу из храма солнца на вершине Дворца-Север, а она пойдет с ним и встанет рядом. Спорить с ним было невозможно. Махит чувствовала вес его авторитета, пусть и сократившегося, пошатнувшегося, – долгая тень *восьмидесяти лет мира* вытягивалась и влияла даже на этот момент.

Когда спор закончился, начался обычный административный хаос для постановки сложного публичного обращения без предуведомления – двадцать минут суеты, пока прислужники быстро переговаривались и переписывались. Император и Девятнадцать Тесло исчезли вместе с тяжело вооруженной охраной. Махит уловила краем глаза в сумбуре свиты, как уводят ребенка – Восемь Антидота, – и задумалась, сколько раз его уже таскали туда-сюда точно так же: перемещали по велению того или иного политического момента. На ходу он взглянул на нее – худенький мальчишка, внимательный, с прямой осанкой. Махит вспомнила птиц в саду Дворца-Земля. «Им даже не придется вас касаться», – сказал тогда Восемь Антидот. Он говорил о птицах – так ей тогда казалось, – но это была правда. Его не трогали. Перемещали, ни разу не коснувшись.

Саму ее отвели в другую комнату – поменьше, уединенную, засыпанную инфокартами и печатными книгами, с полустертыми голопроекциями на экранах. Кабинет. Посреди стоял диван, где Махит и присела. Кто-то подал теплое полотенце, чтобы стереть кровь и пыль с лица; кто-то другой привел Три Саргасс, которая в замешательстве вцепилась в большую чашку чая, и в итоге обе устроились рядом на диване, наблюдая за бурей активности. Махит чувствовала себя неприкаянной, полностью отрезанной от

мира. Все опоры пропали. Даже Искандр в разуме стал лишь твердым и немым ощущением.

Полстены перед ними занимала огромная голопроекция – единственная еще рабочая. Там появились императорская печать и флаг, с наложенным таймером – сорок восемь минут до того, как император заговорит со своим народом. На тридцати семи минутах слуги, не считая охранника у двери, разом пропали – огромный механизм поднялся и приземлился где-то в другом месте. Махит сыграла свою роль. Раскрыла все свои секреты. Ей не оставалось больше ничего, только ждать.

Три Саргасс поставила пустую чашку на пол. Тридцать пять минут. Тишина была мягкой, как бархат. Махит не могла ее вынести.

– Как, по-твоему, чем они заняты? – спросила она, лишь бы услышать хоть что-то, кроме собственного дыхания – или дыхания асекреты, легкого и учащенного.

Три Саргасс сглотнула, приложила два пальца к переносице, словно сдерживала слезы.

– Ну, наверное, ищут Восемь Виток, – сказала она, и голос у нее был *вовсе* не ровным – Махит обернулась, взглянула с нескрываемой тревогой. – Для явной демонстрации императорской власти все должны стоять вместе…

– Три Саргасс, ты в порядке?

– *Зараза*, – сказала та. – Нет, не в порядке, но просто надеялась, может, ты и не заметишь?

Они были одни. Гвардеец охранял *дверь*, отвернувшись, – немое и неподвижное присутствие. Они выпали из времени, из неумолимого поступательного хода событий. Махит протянула руку – с ужасом осознавая, что этот жест принадлежит не ей, даже не Искандру, а *императору*, – и взяла Три Саргасс за щеку.

– Я заметила, – сказала она.

То, что Три Саргасс расплакалась, не застигло врасплох, но было ужасно; Махит чувствовала себя виноватой, будто асекрета в конце концов надломилась *из-за нее*. Будто она слишком сильно постучала по скорлупе и та растрескалась, державшаяся лишь на внутренних оболочках.

– Ну, – сказала она, – ну, всё… – всё не было хорошо, и она бы так не сказала. Вместо этого, подчиняясь инстинкту и накатившей *заботе* – ощущению, словно ее черепной нерв мастерски щипнули, и теперь он вибрировал, – она притянула Три Саргасс в объятия. Та прильнула охотно; ее легкий вес лег на плечо Махит, лицо прижалось к ключице. Рубашка промокла от горячих слез.

Махит нежно гладила по волосам, все еще распущенным из

привычной косы. Мир по-прежнему кружился, кружился и кружился – отсчет на тридцати двух минутах, – и она не могла и вообразить, на каком гнетущем дне сейчас оказалась Три Саргасс, когда-то, в квартире Двенадцать Азалии, готовая расплакаться от одного только *упоминания* гражданской войны.

– Я думала, что держусь, – сказала приглушенно Три Саргасс, – но все вспоминаю кровь, столько крови. Мне *так* не хватает Лепестка, уже сейчас. Прошло всего каких-то три гребаных часа, а мне его так не хватает, и он так *по-дурацки* умер…

А, дело не в гражданской войне. Что-то глубже, непосредственнее. Махит сжала ее, и Три Саргасс жалко пискнула.

– Это же… весь *мир* меняется на глазах, а я плачу из-за друга, – сказала она. – Какой еще из меня поэт.

– Когда все будет кончено, – ответила Махит, – ты напишешь Двенадцать Азалии панегирик, который будут петь на улицах; он станет собирательным образом всех страдающих сейчас без нужды тейкскалаанцев. Его никогда не забудут, и все благодаря тебе, и… ох, *прости* меня, пожалуйста, это все я виновата… – сейчас тоже расплачется, а какая от этого польза – от двух людей, плачущих на диване под землей?

Три Саргасс оторвала голову от плеча, взглянула на Махит, заплаканная, раскрасневшаяся. Краткая, натянутая пауза. Махит была готова поклясться, что слышит шум крови в собственных капиллярах. Они дышали в одном ритме.

Когда Три Саргасс поцеловала ее, Махит раскрылась, точно лотос на глади одного из прудов Города на рассвете: медленно, неизбежно, словно ждала целую долгую-долгую ночь. Рот Три Саргасс был горячим; губы – широкими и мягкими. Одна рука легла на короткие волосы Махит, сжала, едва ли не до боли. Махит обнаружила, что ее руки легли на лопатки Три Саргасс – острые под ладонями, – она притянула ее ближе, к себе на колени, не отрываясь от губ.

Это была ужасная идея. Это было *великолепно*. Самое лучшее, что случалось с ней за целые часы – за *дни*, – Три Саргасс целовалась так, словно тщательно изучила все нюансы этого обычая, а Махит была просто *рада* – рада, что Три Саргасс ее поцеловала, рада, что может отвлечься от всего остального.

Они отстранились друг от друга. Глаза Три Саргасс, в каких-то дюймах от ее, распахнулись и стали темными, красными в уголках от слез.

– Лепесток правильно про меня говорил, – сказала она. Махит убрала выбившуюся прядь за ее ухо и не перебивала. – Я *люблю*

пришельцев. Варваров. Что-то новое, что-то другое. Но еще я… если бы я встретила тебя при дворе, Махит, если бы ты была одной из нас, я бы все равно тебя хотела.

Ее слова были прекрасны, грели сердце и утешали, но ведь и ужасали: «Если бы ты была одной из нас, я бы все равно тебя хотела», – и Махит жаждала снова впиться в ее губы и в то же время оттолкнуть с коленей. Она не тейкскалааанка, она… она уже и сама *не знала*, кто она, – знала только, что она не тейкскалааанка и никогда ею не станет, сколько бы очаровательных и заплаканных асекрет не бросалось к ней в объятия. Бросалось, пожертвовав почти всем, что имели, ради Махит.

– Я рада, – выдавила она, потому что это правда, потому что это *ласково*. – Иди сюда, дай я… дай я.

Ее руки – в волосах Три Саргасс, на узком канале позвоночника. Прижимали к себе.

Больше они не целовались, просто вместе дышали, пока голопроекция не звякнула – пятнадцать минут – и не сменилась теперь на снимки Города с воздуха: то, что видно с вершины храма солнца во Дворце-Север. Глаза императора открывались.

Глава 21

Город встает на марш
силой в тысячу звезд
на свободе я буду говорить видениями
без затмения
Я копье в руках солнца

Протестная песнь Города, анонимная (приписывается патрицианке первого класса Три Саргасс)

Власть императора на пике, даже подкошенная, даже под угрозой со всех сторон, была сокрушительным натиском символизма. Махит ощущала ее втройне: во-первых, свой собственный давний восторг, рожденный в детстве, наполовину проведенном в любви к Тейкскалаану-истории, Тейкскалаану – империи поэтов, всепокоряющему, всепожирающему, всевоспевающему зверю в саду ее воображения; во-вторых, эхо удвоенного Искандра – двух версий, приезжавших, чтобы здесь жить, чтобы переделать себя в тех, кто здесь *может* жить, может ориентироваться в речи, говорить и не видеть ничего, кроме Тейкскалаана, и все еще помнить Лсел далекой и любимой родиной; и последнее – быстрый вдох и дрожь всем телом тейкскалаанки, которую Махит держала в руках, пока обе наблюдали за спектаклем, задуманным обезвредить восстание.

Все началось со взгляда на Город с высоты императора: зыбкая панорама медленно преобразилась под наложением из цветов, копий и золотым сиянием императорской печати, словно от солнечного лепестка, имперских флагов – не военного флага, а мирного, того, что висел за солнечным троном. Звучала музыка. Не марш – *старая* народная песня, струнные инструменты и низкая флейта, словно женский голос.

– Что это? – спросила Махит асекрету, и та слегка привстала. Ее рука не сходила с талии Махит.

– Это… это аранжировка песни из эпохи императора Девять Потоп, сразу перед тем, как мы вышли из солнечной системы, – она *старая*. Ее знают все. Она… твою мать, а они *хороши* в искусстве пропаганды, я сразу чувствую ностальгию, страх и отвагу, и уже точно знаю, что они задумали.

На голопроекции картинки превратились в интерьер храма солнца – куда больше и богаче, чем Махит видела на голограммах или иллюстрациях с инфокарт: огромный центральный зал в виде

воронкообразной колбы, открытый сверху и увенчанный линзой, рассыпающей яркие лучи света по центральной платформе и бронзовой чаше алтаря. Весь зал был ясным, многогранным, поблескивающим, как самоцвет: прозрачно-золотой, гранатово-красный. Музыка затихла, и вот перед алтарем стоял Шесть Путь. Гримеры поработали на славу: он выглядел почти здоровым. Почти, не считая шокирующе выступающих скул. Восемь Виток видно не было, но слева стояла Девятнадцать Тесло, великолепная в белоснежном платье – но в *том же самом*, в котором уходила, считая пятно крови Пять Агат на рукаве. Эзуазуакат, пролившая кровь на службе. Одесную стоял девяностопроцентный клон Восемь Антидот. Плечики прямые; на лице – те же скулы, что и у императора, но под здоровыми подушечками детского жирка.

Император, наследник и советник: вместе в сердце власти. Сама по себе картинка вселяла *уверенность*. Как начало обращения ко всему Тейкскалаану – *устрашала*: то, что они вот так собрались, означало серьезность, *необходимость* донести это конкретное сообщение. Ведь сам храм солнца находился на вершине Дворца-Север.

<Прямо сейчас на орбите корабли флота>, – пробормотал ей Искандр. То есть если бы Один Молния захотел, мог бы всего одним приказом разбомбить и храм, и императора в пыль.

Это поймут и все тейкскалааанцы.

Шесть Путь сложил пальцы и поклонился – приветствуя каждого зрителя. Он не улыбался; дело слишком серьезное для улыбок. Камера вперилась в его уста, словно ласкала, ожидая слов. Когда он заговорил, это показалось облегчением – выплеском напряжения, пока слова не обрели смысл:

– Великим трудом и бережным пестованием цивилизаций, укрощая рост, где это необходимо, поощряя расцвет общества, где он красивее всего, мы хранили эту империю, и мои руки направляли все ваши, но теперь, в это хрупкое мгновение, когда новые цветы дрожат на грани того, чтобы распуститься на свете звезд, мы оказались в беде. Одни из вас ощутили эту беду в своем сердце; другие же – на своем теле, в печатных шагах солдат, в ущербе, причиненном нашему Городу, сердцу цивилизации, нашими собственными руками…

Махит чувствовала ком так высоко в горле, что он чуть ли не уселся на языке; вся стала пульсом. Не этой речи она ожидала. Она ожидала, что их обнадежат, а затем быстро переключатся к ее съемкам, чтобы доказать, что опасность есть и исходит *извне*, что на краю тейкскалаанского космоса собираются силы пришельцев, – а не этой аккуратной риторической конструкции,

взявшей своим мотивом «обновление» – опасный мотив для императора, которому угрожают как его армия, так и чиновничий аппарат.

– Что он *делает?* – выдохнула она.

– Смотри дальше, – сказала Три Саргасс. – Смотри дальше и подожди. Кажется, я знаю, но не хочу, чтобы я была права.

– Не хочешь…

– *Тихо*, Махит.

Она притихла. Император продолжал говорить – просил о спокойствии и раздумьях. «Перед рассветом настает мгновение тишины, когда мы видим приближение и далекой угрозы, и обещание тепла», – сказал он. Выражение лица Девятнадцать Тесло рядом с ним сменилось с нейтрального на то, в котором Махит узнала назревающий ужас – смирение, – а затем эзуазуакат снова принудила себя к неподвижности. Что-то неладно, и она это заметила. Что-то *происходило*, а Махит ничего не понимала.

Теперь Шесть Путь говорил о Лселе – вкратце, едва коснувшись «горнодобывающей станции на краю тейкскалаанского космоса, далекого ока, несущего нам весть о замеченной опасности». Вот ее собственное изображение, наложенное на кадр с Девятнадцать Тесло, Шесть Путем и Восемь Антидотом: Махит Дзмаре – с *очень* варварским видом, высокая, высоколобая, узколицая, с длинным орлиным носом – рассказывала из императорского зала о грядущем вторжении. Она казалась изможденной. Она казалась честной.

<Ты очень хорошо постаралась, – прошептал Искандр. – *Тебя* в суде общего права никто не назовет виновной, с любой стороны. Ты прошла по грани>.

Позади нее был лик императора; пока на голограмме двигались ее губы, губы императора оставались постоянным напоминанием, словно он управлял ее выступлением силой мысли.

Картинка – с ними и храмом солнца – сменилась знакомым изображением: тейкскалаанский космос, грандиозная карта. В последний раз Махит видела на ней векторы завоевательной войны, которая покорила бы Лсел и все его окрестности. Теперь же эти векторы угасли, и на ее глазах загорелись координаты, присланные Дарцем Тарацем: места, где угроза выше всего, где замечены корабли инопланетян, увешанные оружием. Негативные звезды на карте: сперва яркие, а затем расползающиеся глубоким, темным, *угрожающим* красным цветом, словно лужа крови.

Махит вспомнила Двенадцать Азалию, и он по-прежнему оставался в мыслях, когда карта пропала. Еще долгие секунды, потерявшись в памяти и коннотациях, она осмысляла, что видит в

храме теперь.

Император держал обнаженный нож – кинжал из какого-то темного светящегося материала, прозрачно-серый по острым краям. Он скинул балахон; тот лежал у его ног. Все кости на виду, даже сквозь легкие штаны и рубаху: все истощение от недуга разоблачено для камер. Восемь Антидот прижал руку к губам – детский жест испуга; Девятнадцать Тесло что-то говорила – Махит уловила только окончание, обрывок «милорд, я… не надо…»

Шесть Путь говорил:

– Тейкскалаану требуется верная, твердая рука – рука, удостоенная звездами, подготовленный язык, кулак, что хватает солнечный свет. Пред лицом того, что мы вскоре потерпим, я – служивший вам с тех пор, как познал, что значит служба, – я освящаю сей храм и грядущую войну.

– Он правда это сделает, – сказала Три Саргасс, голос слишком реальный, слишком громкий и слишком непосредственный, рядом с Махит на диване. – Ни один император… уже многие *века*…

– Я нарекаю своим наследником и полководцем на сохранительной войне эзуазуаката Девятнадцать Тесло, – сказал Шесть Путь, – действующую от имени ребенка с моими генами, Восемь Антидота, до его совершеннолетия.

Махит только успела подумать: «Что я привела в действие», – и почувствовать нахлынувшую судорогу скорби: своей, Три Саргасс, *Искандра*…

Император сделал два шага назад, в центр приподнятого алтаря.

– Я приношу свою кровь в жертву за нас, – сказал он в неудержимой трансляции каждому тейкскалаанцу в каждой провинции, на каждой планете в тейкскалаанском космосе. – *На свободе я копье в руках солнца.*

Ее слова. Слова Махит и Три Саргасс, стихи, которыми они призвали себе помощь, – стихи, которые пели на улицах…

Шесть Путь поднял кинжал, сквозь него блеснуло солнце – и вновь опустил. Два быстрых пореза, высоко на внутренней стороне бедер: бедренные артерии забили красными фонтанами. Столько крови. И все же посреди потока – еще два пореза: от запястья до локтя и второй раз – с другой стороны.

Нож зазвенел по металлическому полу храма солнца.

Умер он быстро.

В опустившейся тишине Махит осознала: она так сжимает руку Три Саргасс, что ногти впились в ее ладонь. Единственный звук во всей вселенной, казалось, исходил от них двоих –

дыхание. Искандр в разуме стал огромной и пустой бездной триумфа и траура. Она отвернулась от него. Она смотрела в никуда.

На экране: Девятнадцать Тесло, вся в красном, в залитом до неузнаваемости костюме, подняла нож.

– Император Тейкскалаана приветствует вас, – сказала она. Ее лицо было *мокрым*. Кровь. Слезы. Мокрым, угрюмым и совершенно твердым. – Будьте покойны. Порядок – это цветок, распускающийся на заре, а заря брезжит уже сейчас.

* * *

Какое-то время было тихо, а потом наступил вполне ожидаемый хаос; императорская гвардия в серой форме пыталась разобраться, что делать. Куда *податься*. Как добраться до своего нового императора, а потом переправить в какую-то безопасность, учитывая, что с низкой орбиты еще *никуда не делся* флагман легиона со всем вооружением, нацеленным на Город. Посреди всего этого сидели Махит и Три Саргасс – они, казалось, никого не заботили. Они ничего не делали. Не представляли ни для кого непосредственную угрозу.

– Он застал ее врасплох, – с удивлением говорила Три Саргасс. – Она не знала, пока не увидела. Ее сиятельство. Блеск Ножа. Пожалуй, все сошлось. И все же.

Они каким-то образом обменялись эмоциональным состоянием. Махит уже давно не могла перестать плакать; и хоть эндокринная реакция была не совсем ее, *тело* все же решило поддаться под весом скорби. Искандр не *пропал* – она не верила, что еще когда-либо ощутит ту выхолощенную, немую неправильность внутри, – но обе его версии поблекли – обледеневшие пейзажи, комнаты без воздуха, – и Махит все продолжала *рыдать*, даже когда хотелось заговорить.

Она вытерла нос тыльной стороной ладони.

– Конечно, сошлось, – выдавила она. – Двор подстроится под нее, а она подстроится под него, и все это станет… историей. Ее сиятельство Блеск Ножа. Будто иначе и быть не могло.

Кажется, это утешило Три Саргасс. Сама же Махит была безутешной, *разъяренной*, растерзанной и опустошенной: все вспоминала, *сколько* пролилось крови, как Шесть Путь сказал: «На свободе я копье в руках солнца», – словно она писала для него.

Для него, а не для себя или для Лсела.

«Ничто, чего касается империя, не остается чистым», – подумала она и попыталась представить, как это говорит

Искандр, хотя это был вовсе не он.

* * *

С бунтом покончили в тридцать шесть часов.

Большую часть событий Махит видела по новостной трансляции министерства информации, лежа на бывшей кровати Искандра в своих посольских апартаментах, с привязкой Три Саргасс на глазу, словно с дарованной на время короной. Подниматься казалось и трудным, и необязательным делом.

Как выяснилось, солдаты не так готовы уничтожать в огромных количествах марширующих и распевающих тейкскалааанцев, как, по подозрениям Махит, рассчитывал Один Молния. Впрочем, рассчитывал-то он, что его противником будет Шесть Путь – старый, немощный, с давно забытыми военными победами, отягощенный неопределенностью в престолонаследии. А вовсе не новоиспеченный император, освященный кровавой жертвой, как в древнейших эпосах. Не успела Девятнадцать Тесло пробыть императором и дня, как яотлек отозвал все войска под предлогом того, что «Городу уже не требуется их защита», и появился в новостях *рядом* с Девятнадцать Тесло – чтобы встать на колени, положить свои руки между ее и присягнуть на верность.

О завоевательной войне больше не было ни слова.

– Ну, значит, станцию мы спасли, – сказала Махит в потолок. Услышала ее только аляповатая и очаровательная картина Искандра со всем лселским космосом с точки зрения Тейкскалаана, и молчание той казалось насмешкой.

Сам Искандр был едва ли шепотом:

<Ты справилась лучше меня. Это что-то говорит в пользу сохранения нашей имаго-линии>.

Махит не обратила на него внимания. Иначе у нее начинались приступы рыданий, нескончаемых, безутешных, пока не становилось дурно. Это злило: траур ведь даже не ее. По чему был конкретно ее траур, она еще не поняла.

Той ночью снилось, как Шесть Путь произносит ее стихи, говорит ее мысли, и вот тогда показалось, что она почти что поняла.

Будь она дома, на Лселе, стала бы вместе с Искандром настоящим подарком для психотерапевтов по интеграции. Они накатали бы целую монографию. На следующее утро это повеселило даже Искандра – нервы запереливались, по капле возвращались силы. Она поднялась. Поела лапши с маслом чили

и белковым кубиком – на вкус почти как лселский кубик, но сделанный наверняка из какого-нибудь растения. А потом снова легла, изнуренная даже этой малостью, и смотрела новости.

Никаких признаков Два Лимон и других антиимперских активистов. Никаких бомб в ресторанах. Никаких протестов. Махит решила, что они вернулись в подполье, затаились на время, и задумалась – задумалась так, как задумываются о том, чтобы поднять огромный валун и взглянуть, что под ним творится, – куда Пять Портик денет остатки дефектного имаго-аппарата.

С половиной мятежа, которой заправлял Тридцать Шпорник, разбираться пришлось дольше: установился шаткий мир, несколько кратких репортажей сообщили о назначении нового министра информации – о ком Махит впервые слышала – и что самому Тридцать Шпорнику вверили какую-то роль советника по торговле.

Не эзуазуаката при ее сиятельстве Девятнадцать Тесло. Но и не вышвырнули из правительства.

Это Махит уже не касалось.

Но хотелось, чтобы касалось, что *само по себе* было проблемой. Оказалось так трудно *забыть* обо всем, поверить, что все и везде действительно будут делать свою работу. Что безопасность в принципе возможна.

Она гадала, как об этом думает Девятнадцать Тесло. Подозревала, что примерно так же.

* * *

На третий день после смерти Шесть Пути Махит получила красивый инфокарт-стик, белый, как кость, – сделанный из какого-то животного, – и с императорской печатью, где было приглашение ей как ответственному представителю своего правительства посетить похороны и коронацию, после чего она решила, что по самой меньшей мере могла бы уже начать отвечать на почту. Почту, пролежавшую уже три месяца и *две недели*. Ее встретила полная корзина – стики всевозможных цветов, от утилитарно-серого пластика до внушительных золота и кости Девятнадцать Тесло, и…

И она прибыла сюда служить станции Лсел и ее народу, который обосновался в Тейкскалаане. Который только что пережил бунт и смену императора, а теперь наверняка хочет, чтобы их разрешения продлили, а визы – одобрили.

На простом сером стике она отправила сообщение Три

Саргасс: «Ты забыла у меня облачную привязку. А еще мне не помешает помощь с почтой». Так-то никакая помощь ей не требовалась – Искандр знал свое дело, да и она теперь тоже, – но они с ней еще не разговаривали. С тех пор.

Через четыре часа Три Саргасс явилась вместе с лучами солнца, косо упавшими в окна: вид исчезающе тонкий, бледно-серая кожа на висках и вокруг глаз, но все такая же безупречная, как когда встречала Махит с семени-челнока: костюм выглажен, по рукавам взбирается оранжевое пламя. Вновь министерство информации, непосрамленное.

– … привет, – сказала она.

– Привет, – сказала Махит и внезапно не помнила больше ничего, кроме того, как держала Три Саргасс в объятиях, и догадалась, что тут же залилась краской. – …Спасибо, что пришла.

Воздух между ними казался хрупким; особенно когда Три Саргасс села рядом и пожала плечами, явно не зная, что говорить.

У них лучше получалась поэзия. У них лучше получалась политика. Твою мать, да у них *целоваться* получалось лучше, а ведь они тогда просто отчаянно искали утешения. Махит хотела все повторить; хотела, а потом тут же передумала. Тогда они наблюдали конец императорского правления. Теперь остались только они двое, и медленный отлив последствий, и Махит не могла и представить, с чего бы начала сейчас.

– Я уже было думала, тебя сделали министром информации, – сказала Махит легко, почти шутя, – и у тебя больше нет на меня времени.

Три Саргасс чуть расслабила плечи.

– Вообще-то ее сиятельство предлагала мне пост второго младшего секретаря при министре, – сказала она, – но я все еще твоя культурная посредница, если пожелаешь.

Махит задумалась об этом – думала все время, пока взяла Три Саргасс за руку, сплела с ней пальцы и сказала спасибо со всеми почтительными частицами в конце, что только вспомнились, чтоб получилось сразу и невероятно искренне, и чрезвычайно смешно. Задумалась о том, как будет дальше работать с Три Саргасс здесь, в апартаментах, когда-то принадлежавших Искандру, и в конце концов станет… кем? Тем, кто *нужен* Девятнадцать Тесло, ее сиятельству на троне солнечных копий? (Для начала неплохо, и для начала с Три Саргасс – тоже.)

<Я протянул двадцать лет до того, как меня убили, – сказал Искандр. – Может, ты протянешь дольше>.

Может. А потом вспомнилось, как Три Саргасс сказала: «Если бы ты была одной из нас, я бы все равно тебя хотела», – и

вернулся отголосок того всеохватного гнева: ей *не быть* тейкскалааанкой, даже если она останется, даже если сделает все, что делал Искандр. Ей не быть той, кто может, как Три Саргасс, играть с речью и рифмами на поэтических конкурсах. И ей никогда об этом не забыть.

– Думаю, – сказала Махит вслух, как только Три Саргасс отсмеялась и позволила Махит коснуться ее щеки, очень нежно и всего лишь раз, – что тебе надо стать вторым младшим секретарем министра информации. Ты слишком *интересная* для нашей работы, Три Саргасс. Поступи так, как и планировала поступить с самого начала: пройди по мне как по ступеньке на пути *тщеславных амбиций*. И становись опять поэтессой.

– А что без меня будешь делать *ты?* – спросила Три Саргасс. Это был ее единственный протест.

– Что-нибудь придумаю, – ответила Махит.

Последствия

Оказалось, поверхностной красотой возможно пресытиться, особенно если эту красоту оживляют коллективный траур и глубокая ксенофилия: коронацию императрицы Девятнадцать Тесло, Чей Приход Озаряет Нас Подобно Блеску Ножа, Ее Сиятельства Повелительницы всего Тейкскалаана Махит запомнила в основном чередой ошеломительных снимков. Процессия, петляющая по Городу, отображенная и повторенная на каждом экране. Сотня тысяч Солнечных на марше, на коленях пред белыми туфлями императрицы. Алгоритм перестроился – или просто признал право Девятнадцать Тесло на власть над империей. Сам Город осветился золотым, красным и насыщенным темно-пурпурным, расцветал, расцветал. Погребение обескровленного тела Шесть Пути, преданного *земле,* чтобы гнить. Панегирик за панегириком; новые поэты на каждом углу. Скопление солдат – молодые тейкскалааанцы шли добровольцами на будущую войну с инопланетянами, один за другим. Иногда пели на ходу.

Появились две новые песни со строчкой «Я копье в руках солнца». Одна – элегическая и красивая, ее исполнил хор, когда на чело Девятнадцать Тесло возложили великую императорскую корону. Другая – скабрезная и непристойная, основанная на тейкскалаанском каламбуре, который Махит поняла бы, даже если бы изучала язык не больше года: тут *любой* поймет, что «копье» можно истолковать множеством способов.

Эту песенку Махит запомнила. Не запомнить было просто невозможно.

Запомнила Махит и то, что лицо Девятнадцать Тесло не изменилось ни разу – ни во время погребения, ни во время коронации. Не запомнить было просто невозможно.

* * *

Как только Город выдохнул достаточно церемоний и больше походил на согнувшегося пополам бегуна, который пытается совладать с болью в легких, пошли, как грибы после дождя, маленькие похороны: с каждым днем все больше объявлений, одни шли с инфокартами, другие – по общественным новостным трансляциям. Во время бунта, согласно официальным данным, погибло триста четыре гражданина; Махит подозревала, что число занизили на порядок.

На похороны Двенадцать Азалии она пришла в своем лучшем траурном платье – черном в честь бездны меж звездами, в лселском стиле, а не красном в честь отданной крови, как у тейкскалааннцев. Тела не было. Тело он пожертвовал медицинскому колледжу – настолько в его стиле, что даже *до слез*. Был только кенотаф, с очаровательным глифом его росписи, размещенный в стене министерства информации рядом с сотнями других: все принадлежали асекретам, погибшим на службе министерству.

Там она видела Три Саргасс и слышала, как та читает поэму в честь Двенадцать Азалии: резкую, мрачную вещь, жестокую в своей скорби. Эпитафия мирам, вырванным из небес, несправедливости. Всем бессмысленным смертям. Это было великолепно, и Махит ощутила… *угрызения совести*, представляя, сколько бессмысленных смертей еще ждет впереди. Сколько тейкскалааннцев с песнями записываются в легионы.

Скольких планет они коснутся, сколько планет они пожрут.

* * *

Тело Искандра она сожгла – так просто было наконец-то послать запрос в Юстицию, подписанный и запечатанный на стике, адресованный иксплanатлю Четыре Рычагу, патологоанатому. Тем же вечером в апартаментах ожидал ящичек. Размером с ее ладонь, полный костей и полумумифицированной плоти, обращенных в прах.

«Хочешь, я попробую на вкус?» – спросила она имаго, его удвоенную странность.

Очень долгая пауза.

<Это может быть вредно. Из-за консерванта>, – только молодой Искандр, первый. Ее. А затем: <Дождись, когда тебе не надо будет спрашивать>.

Только старый Искандр, помнивший смерть. Махит задумалась, когда же настанет этот переломный момент, после которого ей не захочется *перестраховываться* на случай, будто она подводит свою имаго-линию, и отложила ящик с прахом.

***

С императрицей она встретилась не в императорских покоях во Дворце-Земля и не в офисном комплексе Девятнадцать Тесло во Дворце-Восток. Последний, полагала Махит, закрыт.

Встретились они перед самым рассветом на площади перед Юстицией, у пруда, полного темно-красных плавучих цветов. Махит разбудил императорский слуга в сером, постучавший в дверь, и теперь ей отчаянно хотелось кофе, или чая, или хотя бы старой доброй кофеиновой таблетки. Девятнадцать Тесло выглядела так, словно сон – для обычных людей, не для императоров. Это ей шло; или лицо начинало привыкать. Новое ощущение пустоты, сосредоточенность недреманных глаз.

– Ваше сиятельство, – сказала Махит.

Они сидели на скамье. С ними была одна охранница, без облачной привязки, с огнестрельным оружием. Девятнадцать Тесло сложила ладони на коленях.

– Я уже почти привыкла, – сказала она. – Что меня зовут «ваше сиятельство». Думаю, когда окончательно привыкну, это будет означать, что он действительно умер.

– Никто не мертв, – аккуратно ответила Махит, – если не забыт.

– Это из лселских писаний?

– Скорее из философии. Практичность.

– Полагаю, иначе вам нельзя. Учитывая, что мертвые всегда с вами, – Девятнадцать Тесло подняла руку, уронила. – Мне его не хватает. Не могу и *представить*, каково было бы жить с ним в голове. Как ты принимаешь решения?

Махит с силой выдохнула. Искандр в разуме был весь доброта, теплота, смех.

– Мы спорим, – сказала она. – Чуть-чуть. Но в основном соглашаемся. Мы… мы бы не подходили друг другу, я бы не стала его преемницей, если бы мы не соглашались.

– Мм, – тут Девятнадцать Тесло надолго затихла. Ветер шуршал лепестками красных цветов: широкое ограниченное море. Небо просветлело от темно-серого к светло-серому, позолоченное там, где солнце прожжет облака.

Когда Махит больше не могла вынести молчания, она спросила:

– Почему вы хотели со мной встретиться? – почтительное обращение она опустила. Оставила предложение простым: почему ты, человек, хотела встретиться со мной, другим человеком?

– Думала спросить, чего ты хочешь, – ответила Девятнадцать Тесло. Улыбнулась; той свирепо-*нежной* улыбкой, сосредоточив все внимание на Махит. – Воображаю, тебе не терпится вытянуть из меня какие-нибудь обещания.

– Вы планируете аннексировать мою станцию? – спросила Махит.

Девятнадцать Тесло рассмеялась – жестокий, сотрясающий

все тело смех.

– Нет. О *звезды*, у меня и времени на это нет. У меня ни на что нет времени. Ты в безопасности, Махит. Ты со станцией Лсел можете оставаться независимой республикой, сколько пожелаете. Но я спрашивала не об этом. Я спрашивала, чего хочешь *ты*.

В пруд приземлилась длинноногая птица: белые перья, длинный клюв. По меньшей мере в метр ростом. Ступая, она не тревожила цветы; ее большие ноги проскальзывали между лепестками и поднимались вновь, роняя капли. Махит не знала, как называется эта птица. Может, «ибис». Или «цапля». В Тейкскалаане водилось много видов птиц, а на станционном языке существовало всего одно слово «птица». Когда-то было больше. Ушли за ненадобностью. Только одно слово для самой концепции.

Она могла бы попросить… ну, о приеме в университет. Место в поэтическом салоне. Тейкскалаанский титул. И тейкскалаанское имя в придачу. Деньги; слава; восхищение. Она не могла попросить абсолютно ничего и остаться при этом лселским послом, и отвечать на почту, и распевать в тейкскалаанских пабах песню, для которой сама написала пару строчек, уже очень давно.

Ничто, чего касалась империя, не останется ее. И так уже очень немногое оставалось ее.

– Ваше сиятельство, – сказала Махит Дзмаре, – пожалуйста, отправьте меня домой, пока я еще хочу уехать.

– Не устаешь меня *удивлять*, – сказала Девятнадцать Тесло. – Ты уверена?

– Нет, – ответила Махит. – Потому и хочу, чтобы отправили меня вы. Я *не* уверена.

<Что ты вытворяешь?>

«Пытаюсь понять, кто мы. Что от нас осталось. Кем мы можем стать теперь».

***

Станция зависла под брюхом самой большой из рябых металлических планет без атмосферы, составлявших Лселскую систему, зависла идеально сбалансированной в гравитационном колодце между двумя звездами и четырьмя небесными телами. Казалась маленьким и тусклым тороидом, вращалась для поддержания внутренней температуры. Огрубевшая после солнечной радиации и бомбардировки мелкими частицами в течение четырнадцати поколений. Около тридцати тысяч человек, обитающих во тьме. Больше, если считать линии памяти. Как

минимум одна из них недавно пыталась саботировать другую имаго-память и теперь ждет, к чему приведет ее покушение.

Махит наблюдала, как станция вплывает в поле зрения.

На площади к ней протянулась рука императрицы – тонкая, с темными пальцами, близко знакомая. Протянулась и взяла пальцами подбородок, повернула лицо Махит. Той бы следовало испугаться или оцепенеть из-за эндокринного каскада. Но почувствовала она… как парит. Далеко, свободно.

– Нам все же нужен посол со Лсела, – сказала Девятнадцать Тесло, – впрочем, сейчас это не самый насущный вопрос. Если ты мне понадобишься, Махит, я пошлю за тобой.

Так же Махит чувствовала себя теперь, когда в центр иллюминаторов ее корабля вернулся Лсел. Очень далекой. В каком-то смысле свободной.

Все-таки не совсем дома.

Глоссарий персоналий, мест и предметов

Акнель Амнардбат – советница по культурному наследию, одна из шести членов правящего Лселского совета; в ее ведении имаго-аппараты, память и развитие культуры.

Амалицли – тейкскалаанский спорт для глиняного корта с резиновым мячом, который две команды соперников пытаются забросить прямо или рикошетом в маленькую цель. Также популярны версии амалицлей в низкой или нулевой гравитации.

Анхамемата, Врата – одни из двух прыжковых врат, расположенных в секторе Бардзраванд (Парцравантлак); ведут из космоса станционников в бедную на ресурсы область, на данный момент не принадлежащую ни одному известному политическому субъекту. В народе – «Дальние врата».

Араг Чтел – пилот-станционник, занимавшийся разведкой сектора.

Асекрета – тейкскалаанский титул человека на действительной службе в министерстве информации.

Ахачотия – алкогольный напиток, популярный в Городе и получаемый из ферментированных фруктов.

Бардзраванд, сектор (станционное произношение) – сектор известного космоса, где расположены станция Лсел и другие.

Беллтаун – провинция Города, разделенная на несколько районов; например, Беллтаун-Один – спальный район для тейкскалаанцев, которые не могут или не хотят проживать в районах Внутренней провинции, но Беллтаун-Шесть славится преступной активностью, перенаселением и многочисленностью жителей с низким уровнем дохода.

Вардза Ндун – пилот станции Лсел, ныне – имаго пилота Дзирпарца.

Внутренняя провинция – Центральная провинция Города, где находятся правительственные здания и основные культурные центры.

Восемь Антидот – девяностопроцентный клон его сиятельства императора Шесть Пути. Один из трех наследников тейкскалаанского трона солнечных копий. Десять лет от роду.

Восемь Виток – министр юстиции Тейкскалаана. Яслирод его сиятельства императора Шесть Пути. Одна из трех наследников тейкскалаанского трона солнечных копий.

Восемь Перочинный Нож – сотрудник министерства

информации.

Восемнадцать Турбина – икантлос тейкскалаанского флота, в настоящий момент – командир Девятой боевой группы Двадцать Шестого легиона, расположенной в системе Одилия.

Второе кольцо – обозначение провинций Города, отстоящих от дворца больше, чем на триста миль, но меньше, чем на шестьсот. Жаргон министерства информации.

Гелак Леранц – член лселского комитета по культурному наследию – аккредитационного органа.

Гиена-9 – в основном пустынная планета, захвачена Тейкскалааном ценой многочисленных потерь, а затем утрачена после бунта. Вновь захвачена и подчинена. Популярный сеттинг для военных драм.

Горлета – посол от Давы в Тейкскалаане.

Город – планета-столица Тейкскалаана.

Дава – недавно аннексированная планета Тейкскалаанской империи, известная математической школой.

Дарц Тарац – советник по шахтерам, один из шести членов правящего Лселского совета; в его ведении добыча ресурсов, торговля и труд.

Два Амарант – эзуазуакат на службе императрицы Двенадцать Солнечная Вспышка.

Два Календарь – значительный поэт при дворе его сиятельства императора Шесть Пути.

Два Картограф – сын Пять Агат. Шесть лет от роду.

Два Лимон – тейкскалаанка.

Два Палисандр – нынешний министр информации.

Два Солнцепек – тейкскалаанский император, договорившийся о мире с эбректами.

«Двадцать Озаренных Закатов» – флагман яотлека Один Молния.

Двадцать Два Графит – помощник ее превосходительства эзуазуаката Девятнадцать Тесло.

Двадцать Четыре Роза – тейкскалаанский автор туристических путеводителей.

Двадцать Девять Инфограф – сотрудник министерства юстиции.

Двадцать Девять Мост – нынешний Хранитель Императорской Чернильницы на службе его сиятельства императора Шесть Пути.

Двенадцать Азалия – сотрудник министерства информации. Друг Три Саргасс.

Двенадцать Солнечная Вспышка – тейкскалаанская императрица, открывшая сектор Парцравантлак и,

соответственно, станцию Лсел.

Девять Багрец – тейкскалаанская историческая персоналия, яотлек Третьего, Девятого и Восемнадцатого легионов флота приблизительно пятьсот лет назад.

Девять Маис – значительный поэт при дворе его сиятельства императора Шесть Пути.

Девять Потоп – тейкскалаанская историческая персоналия, император в эпоху, когда Тейкскалаан еще не стал космической державой.

Девять Тяга – нынешний министр войны.

Девять Шаттл – планетный губернатор Одилии-1, недавно восстановленный в должности после мятежа.

Девятнадцать Тесло – «чей приход озаряет нас подобно блеску ножа», одна из шести эзуазуакатов Шесть Пути, ранее служила в тейкскалаанском флоте.

«Девяносто Сплав» – тейкскалаанский сериал. Военная романтика.

Декакель Ончу – советница по пилотам, одна из шести членов правящего Лселского совета; в ее ведении оборона, исследования и космоплавание.

Десять Перл – нынешний министр науки.

Дзирпарц – пилот станции Лсел.

Жемчужина Мира – народное (и поэтическое) название планеты Город.

Западная Дуга – важный и богатый сектор Тейкскалаана, родина крупных торговых концернов.

«Затерянный сад» – ресторан на плазе Север-Четыре, известный своими блюдами из зимнего климата.

«Здания» (эпическая поэма) – экфрасис знаменитых архитектурных достижений Города, на территории Тейкскалаана входит в школьную программу.

Икантлос – военное звание в тейкскалаанском флоте, обычно – командир боевой группы в составе легиона.

Иксуи – мясные пельмени.

Иксланатль – любой аккредитованный тейкскалаанский ученый (в области физики, социологии, биологии, химии).

Имаго – живая память предков.

Императорское цензурное ведомство – орган тейкскалаанского правительства, определяющий, какие СМИ и в каких областях империи распространять.

Инфокарта – модифицируемый, складной, прозрачный пластик для изображений и текста. Пригоден для повторного использования.

Инфокарт-стик – контейнер размером с большой палец,

часто индивидуальный, хранит голографическое отображение сообщения, которое появляется, когда стик разламывается. Также может содержать инфокарту.

Инфолист – новостная листовка, сделанная из инфокарты.

Искандр Агавн – бывший посол в Тейкскалаане от станции Лсел.

«История экспансии» – труд по истории тейкскалаанской экспансии, авторство приписывается Тринадцать Реке (опровергнуто; современные литературоведы Тейкскалаана называют неизвестного автора «Истории экспансии» «Псевдо-Тринадцать Рекой»).

Камчат Гитем – пилот станции Лсел.

Капитан Кэмерон – вымышленный герой лселского графического романа «Опасный фронтир!».

Космопорт Внутренней провинции – главный космопорт Города, принимающий 57 процентов прибывающих судов.

«Красные бутоны для Тридцать Ленты» – тейкскалаанский любовный роман.

«Кровавая Жатва Возвышения» – тейкскалаанский крейсер класса «Поглотитель».

Ксаутль – цветок.

Лсел, станция/станционники – народ, проживающий на главной горнодобывающей станции в секторе Бардзраванд. Не имеют родной планеты.

Махит Дзмаре – текущий посол в Тейкскалаане от станции Лсел.

Нгуен – многосистемная конфедерация рядом с космосом станционников, с которой у станционников есть торговое соглашение.

Облачная привязка – портативное устройство, носится на глазу и позволяет тейкскалаанцам видеть электронные СМИ, новости, личные сообщения и т. д.; также служит охранным устройством или ключом, которое открывает двери или предоставляет доступ; также входит в систему геопространственного позиционирования и передает свое местоположение в спутниковую сеть.

Одилия – тейкскалаанская планетная система, в недавнем прошлом очаг возмущений и беспорядков.

Один Аэростат – прославленный тейкскалаанский поэт, творчество входит в школьную программу.

Один Гранит – легендарная первая эзуазуакат Первого Императора.

Один Ель – тейкскалаанец на работе в Северо-Восточном отделе Центрального транспортного ведомства.

Один Молния – яотлек тейкскалаанского флота, любимый солдатами, на службе его сиятельства императора Шесть Пути.

Один Телескоп – эзуазуакат из эпохи приблизительно двести лет назад. Статуя, увековечивающая ее достижения, возведена в центральном транспортном узле Внутренней провинции.

Одиннадцать Ель – патриций третьего класса, вышедший в отставку из тейкскалаанского флота в ранге третьего младшего икантлоса.

Одиннадцать Облако – неудавшаяся узурпаторша, четыреста лет назад (по тейкскалаанскому летоисчислению) пытавшаяся свергнуть императора Два Солнцепека.

Одиннадцать Станок – тейкскалаанский поэт и философ, больше всего известный трудом «Депеши с нуминозного фронтира».

Осмий – ценный металл, часто встречается на астероидах. Один из продуктов экспорта станции Лсел.

Парцравантлак, сектор – тейкскалаанское произношение названия сектора Бардзраванд.

Патриций (первого, второго и третьего классов) – ранги при тейкскалаанском дворе, в основном принадлежат получателям личного оклада из императорской казны.

«Песнь основания» – тейкскалаанский песенный цикл, увековечивающий деяния Первого Императора. Существовал в устной традиции; известно свыше тысячи версий.

Петрихор-5 – большой демократический политический субъект, включающий несколько систем, рядом с сектором Бардзраванд.

Псевдо-Тринадцать Река – неизвестный автор «Истории экспансии», писавший под именем Тринадцать Река, не будучи министром юстиции с этим именем, кому причисляются трактаты о карательном правосудии, до сих пор входящие в программу юридических вузов Тейкскалаана.

Пятнадцать Двигатель – бывший культурный посредник посла Искандра Агавна. На данный момент в отставке из министерства информации.

Пять Агат – помощница и аналитик на службе ее превосходительства эзуазуаката Девятнадцать Тесло.

Пять Диадема – псевдоним прославленной тейкскалаанской историка и поэтессы Пять Шляпы.

Пять Игла – тейкскалаанская историческая персоналия, увековечена в поэме «Энкомия павшим с флагмана „Двенадцать Распускающийся Лотос“», Погибла, защищая свой корабль, после череды повышений в звании.

Пять Орхидея – вымышленная тейкскалаанская персоналия –

протагонист детского романа, яслирод будущей императрицы Двенадцать Солнечная Вспышка.

Пять Портик – механик, проживает в Беллтауне-Шесть.

Свава – маленькое независимое многопланетное государство рядом с сектором Бардзраванд.

Северный Тлачтли – микрорайон во Внутренней провинции.

Семь Хризопраз – ведущий «Восьмого канала!».

Семь Шкала – младший помощник ее превосходительства эзуазуаката Девятнадцать Тесло.

Сорок Пять Закат – младший помощник ее превосходительства эзуазуаката Девятнадцать Тесло.

Солнечные – полиция Города.

«Стеклянный Ключ Посвящения» – флагман тейкскалаанского императора Два Солнцепека.

«Тайная история императоров» – знаменитая (и пошлая) анонимная история жизни многих тейкскалаанских императоров. Часто выходят обновления. Никогда – подражания.

Тейкскалаан – империя, мир, сосуществующий с известной вселенной.

Тлакслаи – сертифицированные счетоводы или финансовые специалисты в Тейкскалаане.

Тополиная провинция – одна из наиболее удаленных от Внутренней, находится за океаном.

Три Саргасс – сотрудница министерства информации, культурная посредница Махит Дзмаре, лселского посла.

Три Лампа – сотрудник министерства информации.

Три Настурция – тейкскалаанец, диспетчер Центрального транспортного ведомства в космопорте Внутренней провинции.

Три Перигей – тейкскалаанский император.

Три Сумах – капитан Двадцать Шестого легиона тейкскалаанского флота.

Тринадцать Перочинный Нож – тейкскалаанский поэт.

Тридцать Шпорник – «тот, кто затопит мир цветами», один из эзуазуакатов Шесть Пути, отпрыск большой купеческой семьи с Западной Дуги.

Тридцать Шесть Внедорожный Тундровый Транспорт – получивший гражданство тейкскалаана варвар.

Туман – следовательский и правоохранительный орган министерства юстиции.

Хранитель Императорской Чернильницы – титул камерария и составителя графиков тейкскалаанского императора.

Хуэцахуэтлы – «дворцовые певчие», вид птиц, питающихся нектаром.

Цахкель Амбак – переговорщица и дипломат станции Лсел;

формализовала текущий мирный договор станции с Тейкскалаанской империей.

Четыре Рычаг – иксплanатль на службе министерства юстиции в должности патологоанатома.

Четыре Платан – новостной ведущий «Восьмого канала!».

Четырнадцать Скальпель – автор поэмы «Энкомия павшим с флагмана „Двенадцать Распускающийся Лотос“».

Четырнадцать Шпиль – незначительная современная поэтесса при дворе Шесть Пути.

Шесть Вертолет – тейкскалаанский чиновник.

Шесть Путь – его сиятельство правящий император всего Тейкскалаана.

Шесть Раскинутых Ладоней – народное (или поэтическое) название министерства войны; произошло от образа рук, протянутых во всех направлениях (север, юг, запад, восток, верх и низ), лежащего в основе тейкскалаанской теории завоеваний.

Шарджа Торел – гражданка станции Лсел. Подруга Махит Дзмаре.

Эбректы – вид четвероногих облигатных хищников, чья общественная структура (под названием «быстрина») напоминает львиный прайд. Четыреста лет назад (по тейкскалаанскому летоисчислению) тейкскалаанский император Два Солнцепек заключил с эбректами вечный мирный договор, четко обозначив зоны общего интереса.

Эзуазуакат – титул члена личного консультативного совета императора; обращение – его/ее/их превосходительство. Происходит от названия воинской дружины императора со времен, когда Тейкскалаан еще не вышел в космос.

Электродубинки – оружие на основе электричества, в Тейкскалаане в основном используется для разгона толпы.

Яотлек – военное звание в тейкскалаанском флоте; командир одного легиона или больше, назначенный ради конкретной цели или долговременной многолегионной кампании.

О произношении и письменности тейкскалаанского языка

Тейкскалаанский язык односложен, в письменности применяются «глифы». Отдельные глифы представляют собой как свободные, так и связанные морфемы. Также глифы могут обозначать фонемы, обычно произошедшие от изначального произношения морфемы, потерявшей свое значение и ставшей исключительно фонетической. Ввиду односложной природы языка как в устных, так и в письменных текстах легко создаются двойные и тройные смыслы. Отдельные глифы могут служить визуальными каламбурами или намекать на значения, не имеющие отношения к точному применению морфемы. Подобные игры слов – как визуальные, так и слуховые, – лежат в основе литературы империи.

Тейкскалаанский – это язык с преобладанием гласных и ограниченным количеством согласных. Ниже приведено краткое руководство по произношению (с символами международного фонетического алфавита и примерами из английского языка).

a – ɑ: – f**a**ther

e – ɛ – b**e**d

o – oʊ – n**o**, t**oe**, s**oa**p

i – i – cit**y**, s**ee**, m**ea**t

u – u – l**oo**p

aa – ɑ – на тейкскалаанском «aa» – это хронема: растягивает звук ɑ во времени, но не меняет звучание.

au – aʊ̯ – l**ou**d

ei – eî – s**ay**

ua – ʷɑ – **wa**ter, q**ua**ntity

ui – ʷi – **we**ed

y – j – **y**es, **y**ell

c – k – **c**at, **c**loak (но не как звук [si:] в «**c**ertain»).

h – h – **h**arm, **h**ope

k – kʰ – почти всегда перед r (например, **c**rater или **c**risp), но иногда и в качестве окончания (тогда придыхательный).

l – ɣ – be**ll**, ba**ll**

m – m – **m**other, **m**utable

n – n – **n**ine, **n**orth

p – p – **p**aper, **p**roof

r – r – **r**ed, fathe**r**

s – s – **s**able, **s**ong

t – tʰ – «t» с придыханием, как в «**t**op».

x – ks – stic**ks**, si**x**
z – z – **z**ebra
ch – tʃ – **ch**air

Но в стечении согласных (которые предпочитают тейкскалаанцы) «t» чаще произносится «t» – непридыхательная зубная согласная, как в «s**t**op»; «l» – чаще «l», зубной звук, как в словах «**l**ine» или «**l**ucid». В тейкскалаанском много заимствованных слов. Когда слова приходят из языков с преобладанием согласных, тейкскалаанцам свойственно обеззвучивать незнакомые согласные, например «b» произносится как «p», а «d» произносится как «t».

О языке станции Лсел и других станций в секторе Бардзраванд

Язык станций в секторе Бардзраванд, напротив, алфавитный, с преобладанием согласных. Его носителю легче произнести тейкскалаанское слово, чем наоборот. (Если хочется произнести станционное слово, имея в качестве ориентира только земные языки, хорошим примером будет произношение в современном восточном диалекте армянского языка.)

Благодарности

Я начала эту книгу в кофейне Cartel Coffee Lab в Темпе, штат Аризона, летом 2014 года, на третьей неделе языкового интенсива по современному восточному диалекту армянского языка: голову переполняли чужие слова. Закончила весной 2017-го в спальне в Балтиморе, так рано, что жена еще спала; глядя, как на город медленно проливается свет: размышляя о жизни вне родины и о том, что домой человек всегда возвращается почти, но все же не совсем.

Между Аризоной и Балтимором пролегли три страны, четыре города, три работы и больше помощи в создании этой книги, чем я смогу рассказать. Раздел благодарностей – неизбежно лишь бледная тень в сравнении со всеми заслуженными благодарностями. И все-таки: моя вечная благодарность Элизабет Бир, которая сперва была моей подругой, потом – учителем, а потом – снова подругой и которая, несмотря на все мои возражения, твердила, что я вполне способна написать роман, причем хороший; остальному «зоопарку» в мессенджерах AIM, Slack или в реальной жизни – за то, что стали высокой планкой и лучшим местом, где можно научиться быть писателем и человеком; Лиз Берк, которая случайно продала эту книгу и которая понимала мою задумку; Фейд Мэнли, отважно перестрадавшей чтение первых глав; Амаль Эль-Мохтар и Ликхаин, которые подарили мне смелость написать об ассимиляции, языке, соблазне и кошмаре империи, а потом заставили написать все это лучше; мастерской Viable Paradise, без которой у меня бы было бы куда меньше друзей и навыков; моему блестящему агенту Дон-Вону Сону, разглядевшему в задумке то, чем она была и чем стала – все и сразу (и обещаю в следующий раз не делать важных деловых звонков из Швеции); моему редактору Деви Пиллай, посоветовавшей открыть эту вселенную полностью и представить вам на странице.

А также моя благодарность Тео ван Линту, который показал мне Армению; научной руководительнице Ингеле Нилсон, которая не возражала, что я пишу НФ-роман, пока должна была писать о Византии; Патрику и Терезе Нильсен Хэйденам, радушно принявшим меня и в этой индустрии, и в своей жизни; моей матери Лори Смуклер – она первая спросила меня, не хочу ли я уйти из науки в писательство, и считала это отличной идеей; и моему отцу Айре Уэллеру, который впервые дал мне почитать научную фантастику, когда я была еще совсем маленькой и несмышленой, – пусть мы с тобой еще сильнее «заболеем наукой».

И напоследок, но прочувствованнее всего: спасибо Вивиан Шоу, моей жене, первой и образцовой читательнице, показавшей мне, что истории тоже могут приносить удовольствие: одних благодарностей мало, дорогая моя, но ты заслужила и их, и все остальное.